

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА # 1

АНДРЕАС ГРУБЕР

Даже опытный сыщик может проиграть, если перешел дорогу не только одержимому ненавистью убийце, но и своим бывшим соратникам...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ХОРОВОД

Annotation

Несколько высокопоставленных чинов Федерального ведомства уголовной полиции кончают жизнь самоубийством самым жестоким образом и при загадочных обстоятельствах. Сабина Немез – комиссар группы по расследованию убийств и преподаватель Академии БКА – сразу заподозрила неладное. Многие указывает на давний заговор и жаждущую мести жертву. Сабина просит бывшего коллегу, временно отстраненного от службы профайлера Мартена С. Снейдера, о содействии в запутанном деле. Но он отказывается сотрудничать и убеждает ее не вмешиваться. Однако, когда Сабина бесследно исчезает, Снейдер начинает действовать. Тем самым он переходит дорогу не только исполненному ненависти убийце, но и своим бывшим соратникам, которые готовы пойти на все, чтобы навсегда скрыть грехи прошлого...

- [Андреас Грубер](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая. Суицид. Среда, 1 июня](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3. Четверг, 26 мая](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6. Четверг, 26 мая](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10. Пятница, 27 мая](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [43 года назад – день боли](#)

- Часть вторая. Группа-6. Четверг, 2 июня
 - 13
 - 14
 - 15. Пятница, 27 мая
 - 16
 - 17
 - 18. Суббота, 28 мая
 - 19
 - 20
 - 21. Воскресенье, 29 мая
 - 22
 - 23
 - 30 лет назад – день лжи
- Часть третья. Акты Пятница, 3 июня
 - 24
 - 25
 - 26. Понедельник, 30 мая
 - 27
 - 28
 - 29. Понедельник, 30 мая
 - 30
 - 31
 - 32. Понедельник, 30 мая
 - 33
 - 34
 - 2 года назад – день ясности
- Часть четвертая. Кржистов. Суббота, 4 июня – раннее утро
 - 35
 - 36
 - 37. Вторник, 31 мая
 - 38
 - 39
 - 40
 - 41
 - 42
 - 43. Вторник, 31 мая
 - 44

- [45](#)
- [20 лет назад – день, в который все началось](#)
- [Часть пятая. Харди. Суббота, 4 июня – вечер](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48. Вторник, 31 мая](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51. Вторник, 31 мая](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54. Среда, 1 июня](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [20 лет назад – день, который их погубил](#)
- [Часть шестая. Мужчина в «Ладе-Тайге». Суббота, 4 июня –
ночь](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

o [11](#)

Андреас Грубер

Смертельный хоровод

*Для Даниэля.
Возможно, ты
прочтешь эту
книгу, когда
подрастешь.*

*Единственный
легкий день был
вчера.*

Мартен С. Снейдер

Andreas Gruber
Todesreigen

Copyright © 2017 by Wilhelm Goldmann Verlag, München, in der
Verlagsgruppe Random House GmbH

«Смертельный хоровод»

© Перевод, «Центрполиграф», 2020

© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Пролог

Автомагистраль, теряющаяся в темноте за лучами фар, лежала перед Бенно Марксом бесконечной прямой.

Четыре утра. Уже забрезжил рассвет. Чуть больше часа – и взойдет солнце. На этот раз он ехал в Гамбург. Следующие четыре часа Бенно Маркс проведет в дороге и лишь потом сделает остановку на стоянке грузовиков. Ровно тридцать минут. Затем продолжит путь, а пока выпьет один или два стаканчика кофе из термоса и будет терпеть с посещением туалета. Как всегда.

Он ехал со скоростью восемьдесят километров в час. Мотор ревел, и рамка с фотографией его жены и двоих маленьких детей, заткнутая за зеркало заднего вида, вздрагивала каждый раз, когда грузовик с грохотом преодолевал очередную неровность на дороге. Он был нагружен под завязку. С тягачом все тридцать тонн. Ни свет ни заря Бенно уже побывал на молочном комбинате, потому что чем раньше он приедет в Гамбург, тем лучше. Сдать цистерну с молоком, затем присоединить новый прицеп с продуктами – и обратно во Франкфурт. Все-таки в эти выходные ему удастся увидеть своих детей. Обе девочки признались ему, что в будущем тоже хотят стать водителями грузовика, потому что любят йогурт и мюсли. Он заставит их выбросить эту дурь из головы. Работа была незавидная, просто он больше ничего не умел.

Бенно включил радио. Передавали новости о дорожной ситуации. Все как всегда: если ведущий сообщал о пробке, то обычно уже не хватало времени, чтобы среагировать. Поэтому он больше доверял радиостанции гражданского диапазона.

Бенно взглянул наверх. Прибор висел на креплении – его провод покачивался из стороны в сторону – и молчал. Хороший знак. Может, спросить по рации, нет ли поблизости еще одного водителя? В такое время? Вполне возможно.

«...А теперь перейдем к дорожной ситуации во франкфуртском регионе. На участке между Франкфуртом и Буцбахом замечен водитель, едущий против направления движения. Соблюдайте осторожность при езде в обоих направлениях и не обгоняйте его».

Это был его участок! У Бенно по спине пробежал холодок. За семь лет работы дальнобойщиком он с таким еще не сталкивался. Бенно уставился вперед, но ничего не смог разглядеть. Некоторые грузовики обгоняли его, проносясь на большой скорости в северном направлении.

– Эй, идиоты! – возмутился он. – Вы новости разве не слушаете?

Он подал световой сигнал, но водители жали на газ и уносились прочь.

Бенно посмотрел в боковое зеркало. Автомагистраль медленно оживала. На трассу выезжало все больше автомобилей. Или любители путешествий, у которых еще не было детей-школьников, устремлявшиеся на север, или ранние пташки, спешащие на работу.

– Черт! – Он схватился за рацию. – Говорит Бенно, еду на белой «скании». Я на шестом канале. Вы меня слышите? Я на А5, еду на север в направлении Буцбаха. Только что по радио прошло сообщение о водителе, едущем против движения. Кто-то еще есть на моем участке?

В рации щелкнуло. Потом он услышал низкий ворчливый голос.

– Это Оскар, еду на голубом «мане». На шестом канале помехи, переключись на девятнадцатый.

Бенно переключился на девятнадцатый канал.

– Теперь лучше меня слышишь?

– Да, где ты?

– Только что проехал северо-западный перекресток на Франкфурт. – Бенно взглянул на навигатор и сообщил точный километр.

– Я километра на три впереди тебя и только что проехал мимо автостоянки «Таунусблик», – сообщил Оскар. – На дороге много семей.

– Я вижу, – подтвердил Бенно.

– Пока что мне этот автомобиль не встретился. Блокада?

У Бенно по коже побежали мурашки. Он крепче вцепился в скрипящий кожаной оплеткой руль. Блокада! Много лет он опасался этого момента. Но кто еще это сделает, если не они с Оскаром? По крайней мере, он и его грузовик были полностью застрахованы.

– Конечно, – ответил он с пересохшим горлом.

– Хорошо, может, он просто случайно выехал не туда и уже давно стоит на полосе аварийной остановки.

– А если нет?

– Тогда мы его остановим. – Оскар говорил так уверенно, словно у него уже был опыт общения с сумасшедшими, которые специально ехали против движения. – Жми на газ, дружище. Я поеду медленнее. Увидимся через четыре минуты. Конец связи.

– Конец связи, – прошептал Бенно. Эта часть автобана была трехполосной. Двух грузовиков было недостаточно. Он уставился на рацию. Она молчала.

Инстинктивно Бенно уже прибавил газу. Теперь он ехал со скоростью почти сто километров в час, перестроился в среднюю полосу и обогнал «ситроен» с домом-прицепом. Через стекло увидел, что на заднем сиденье спят двое детей. По крайней мере, сумасшедший не врежется в этот автомобиль и не разрушит жизнь семьи.

Через несколько сотен метров он увидел знак, указывающий на заправку, мимо которой только что проехал Оскар. Там должны стоять другие грузовики. Только он схватился за рацию, как на девятнадцатом канале прозвучал голос:

– Бенно, Оскар, говорит Кати. Я слышала ваш разговор. Еду на черном «маке». Вам нужна третья? Я сейчас выезжаю с заправки «Таунусблик».

– Добро пожаловать, Кати. Воздух пахнет металлом, маслом и бензином! – закричал Оскар.

– Ничего нового.

– Доброе утро, Кати, – сказал Бенно и подумал, что на самом деле вся эта болтовня просто для успокоения нервов. – Я как раз подъезжаю к заправке. – Он посмотрел в боковое стекло со стороны водителя. Заправка с придорожным рестораном и расположенная за ними смотровая башня со стеклянным лифтом были ярко освещены, но находились на другой стороне дороги. Однако над автобаном проходил мост. И на нем Бенно увидел черный американский грузовик с праздничной иллюминацией, тягач в семь с половиной тонн без прицепа, который ускорился и мчался к выезду на автобан.

Бенно подал световой сигнал.

– Я тебя вижу, – передал он по рации.

– А я тебя, дружище! – выкрикнула Кати. – Подвинься! «Мак» протрубил два раза, как круизный лайнер, выходящий из порта.

Бенно остался на средней полосе. Кати съехала на автобан, поравнялась с ним на разгоне и выкатилась на правую полосу. У ее черного грузовика под крышкой капота было значительно больше лошадиных сил, чем у его машины.

– Добро пожаловать в команду, – прокряхтел Бенно. Ему вдруг стало не по себе.

– Какое радостное приветствие. – Это прозвучало цинично.

Бенно поравнялся с ней, чуть сбавил скорость, и вскоре они ехали рядом. Одновременно им в голову пришла одна и та же идея, и они включили аварийную сигнализацию. Но все равно некоторые грузовики за ними гудели и подавали сигналы дальним светом.

– Почему эти придурки нас не обгоняют, могут взять нашу работу на себя, – возмущалась Кати.

Бенно посмотрел через стекло с пассажирской стороны в кабину Кати. Насколько он сумел разглядеть в подсветке приборов, у нее были короткие темные волосы, черная бейсболка в цвет грузовика и татуировка на шее.

– Это твой грузовик? – спросил Бенно.

– Ага.

– И ты все равно участвуешь в блокаде?

– По опыту знаю, что психи предпочитают среднюю полосу, – так что я вне опасности.

– Подтверждаю, – вмешался в разговор Оскар.

– Где ты? – спросила Кати.

В рации щелкнуло. Оскар назвал свое местоположение.

Бенно посмотрел на часы. С его первого контакта с Оскаром прошло меньше четырех минут. Они нагонят его в любой момент.

– Тихо! – крикнула Кати.

По радио повторили предупреждение о водителе, едущем против движения.

«Нет отбоя тревоги – продолжайте соблюдать осторожность, двигаясь в обоих направлениях».

Потом снова зазвучала песня. Stairway to Heaven^[1].

– Идиоты, – выругался Бенно и убавил звук, чтобы не слышать припев.

– Я вижу вас в боковом зеркале, – наконец сообщил по рации Оскар. – Освободите для меня местечко. Я немного замедлюсь.

Грузовик перед Бенно включил сигнал торможения и перестроился на третью полосу. Как Оскар и сказал: голубой «ман». Грузовик тянул за собой прицеп «юмбо».

– Какой груз? – спросил Бенно.

– Строительная техника.

Прицеп был длиной не меньше восемнадцати метров, и, по расчетам Бенно, общий вес составлял около сорока тонн. Они с Кати ускорились и через несколько сотен метров догнали Оскара.

Теперь они ехали рядом. Рев двигателей стал в два раза сильнее, чем до этого. В боковом зеркале Бенно увидел, что за ними уже выстроилась целая колонна машин. Большинство, видимо, поняли, что они задумали, но некоторые умники все равно продолжали гудеть и мигать.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Оскар.

Бенно посмотрел в его кабину. Оскар сидел в своем грузовике немного выше, чем он. Лет шестидесяти, с седым венчиком вокруг лысины, усами и парой лишних килограммов. Рукава его рубашки были закатаны, на запястье висело множество браслетов дружбы, которые поблескивали в свете приборов. Почему-то он напомнил Бенно его отца.

Они молча ехали рядом, сбросив скорость до семидесяти километров в час, и ждали. Перед ними тянулся пустой автобан. Лишь их три пары фар ближнего света разрезали темноту.

Шестьдесят километров в час.

Сообщение о психе за рулем прошло по радио в третий раз. Отбоя тревоги все еще не было. Пульс Бенно ускорился. Он выключил радио и сделал глоток из термоса. Возможно, последний. Лишь сейчас он заметил, насколько у него пересохло в горле.

Они замедлились еще больше.

Пятьдесят километров в час.

– Черт возьми... вон он впереди, – неожиданно раздался голос Оскара из рации. – Едет к нам по средней полосе.

Как и сказала Кати.

Почти одновременно они включили дальний свет и стали гудеть. Теперь и Бенно увидел свет фар автомобиля, который мчался им

навстречу. Затем говнюк их неожиданно выключил.

– Он не сбрасывает скорость! – заявила Кати.

– Замедлимся до сорока, – предложил Оскар.

Бенно убрал ногу с педали газа. Увидел слева и справа, как грузовики отстали, и тоже нажал на тормоз, чтобы быть с ними на одном уровне.

– Бенно, дело принимает серьезный оборот, – сказал Оскар. – Он ускоряется и едет прямо на тебя.

– У тебя есть подушка безопасности? – спросила Кати.

– Да, – проскрежетал Бенно. Краем глаза он заметил, как Оскар смотрит в его кабину.

Почему-то у него было такое ощущение, что он знает Оскара и Кати уже целую вечность. Наверное, потому, что в такой момент, как сейчас, было важно иметь рядом друзей.

– При столкновении не упирайся руками в руль, понял? – сказала Кати.

– Чушь! – прорычал Оскар. – Отстегни ремень безопасности!

– Что я должен сделать? – закричал Бенно.

– Отпусти руль, отстегни ремень и переберись за сиденье! В спальном месте зона деформации на метр больше!

Бенно уставился на несущийся на него автомобиль. Он схватился за пряжку ремня. А если времени не хватит? Его ноги казались свинцовыми.

– Давай же! – торопил Оскар.

– Ты уже не успеешь! – закричала Кати.

Бенно словно окаменел. Инстинктивно он посмотрел на фотографию своих дочерей. «Дерьмо! Какая глупая идея! Если бы ты выехал не в четыре, а в пять».

В следующий момент появился автомобиль. Темный и быстрый. Выскочил словно из ада, со всего разгона вклинился под бампер и застрял под мостом грузовика. Бенно вытянул руки, его откинуло вперед в подушку безопасности, он услышал треск лобового стекла, визг и скрежет металла. Все, что не было закреплено, полетело через кабину.

Лобовое стекло, которое напоминало паутину, выпало из рамы и отлетело в сторону, а осколки боковых стекол посыпались на Бенно. Ветер ворвался в кабину и выдернул фотографии из-за зеркала заднего

вида. Автоматически Бенно хотел схватить их, но его откинуло в сторону.

Посыпались искры. Грузовик завихлял.

– Тормози! Держи грузовик посередине! – кричала Кати.

Оказалось, что инстинктивно Бенно нажал на газ. Он тащил расплющенный автомобиль перед собой по асфальту, не решаясь посмотреть вниз, потому что ему было достаточно того, что он видел краем глаза. От машины мало что могло остаться – искореженная груда металла, пластик, горящий бензин и нечто, напоминающее человеческое тело.

Часть первая. Суицид. Среда, 1 июня

Александра Майкснер прицепила рацию к поясу и направилась через автобан. От влажной поверхности асфальта отражались сигнальные огни машины скорой помощи. Рядом на ветру трепетала красно-белая заградительная лента. Весь участок дороги напоминал поле боя.

– Майкснер, дорожная полиция, – представилась она пожарному, который руководил спасательными работами. – И как?

– Уже ничего не поделаешь! – перекрикивал он шум крана, который как раз устанавливали в надлежащую позицию. – Нам придется вырезать труп из того, что осталось от автомобиля.

Майкснер посмотрела на машину скорой помощи на полосе аварийной остановки. Задняя дверь была открыта, и в кузове лежал молодой мужчина. Приятной внешности, крепкий, со светлыми волосами. У него были ссадины, голова перевязана. Согласно документам его звали Бенно Маркс. Он остановил водителя-психопата и все еще находился в шоке. Когда врач закончит осмотр, Майкснер хотела переговорить с Бенно, прежде чем того отвезут в больницу.

А пока она подошла к месту аварии. «Господи, на что это похоже!» В результате лобового столкновения черный «ауди» въехал под передний мост грузовика. От силы удара заправочный штуцер сбоку на цистерне получил пробоину, и молоко растеклось по автобану. Но самое страшное было в том, что автомобилю снесло крышу и сплющило, как губную гармошку. «Просто выехал не в ту сторону? Ни за что не поверю! А если правда то, что утверждали два других дальнбойщика: водитель «ауди» выключил фары и ускорился. Значит, ты хотел умереть!»

Майкснер отметила маркировочным спреем положение колес на автобане, затем пожарные с помощью стального лебедочного троса вытащили из-под грузовика обломки машины. Разрезали металл гидравлическими ножницами и достали труп мужчины – или то, что от него осталось. «Твою мать!» Одного молодого пожарного стошнило. Майкснер не могла сказать, сколько лет было самоубийце. Во всяком случае, судя по одежде, это был мужчина. То, что осталось от его головы, было вдавлено в туловище.

Если где-то и лежали водительские права или удостоверение личности, сейчас до них не добраться. Поэтому Майкснер позвонила в центральный офис и продиктовала висбаденский номер «ауди» для установления личности владельца. Если погибший был владельцем автомобиля, в настоящий момент идентифицировать его можно только таким способом – а она должна была как можно быстрее выяснить его фамилию.

Майкснер отцепила с пояса фонарик. С любопытством осветила смятый салон автомобиля. Повсюду были осколки стекла и кровь. Между педалей застрял смартфон. Возможно, мужчина разговаривал по телефону во время движения, выронил сотовый, хотел поднять, случайно повернул не на тот съезд и выехал во встречном направлении. Исключать такое было нельзя, но выглядело маловероятным.

Майкснер взяла телефон латексными перчатками и положила в прозрачный пакет. К дисплею прилипла кровь и осколки, он треснул, но телефон все еще работал. Эти штуковины просто неубиваемые. Через пленку Майкснер хотела проверить адреса контактов и последние звонки, но телефон был заблокирован.

Черт, отпечаток пальца!

Она оглянулась и увидела, что труп в мешке лежит на носилках на обочине. Врач скорой помощи посмотрел на наручные часы и принялся что-то писать на листке бумаги.

Майкснер подошла к носилкам и расстегнула молнию. Наружу вывалилась рука погибшего, осколки посыпались на землю.

– Вам помочь? – равнодушно пробормотал врач, не поднимая глаз.

– Мне лишь нужен отпечаток его пальца, – прохрипела она, сунула указательный палец трупа в полиэтиленовый пакет и прижала подушечку пальца к смартфону.

Даже если мужчина был мертв, линии на его пальце проводили ток. И действительно – сканер разблокировал аппарат, и содержимое сотового стало доступным. Майкснер отошла в сторону.

– А кто застегнет мешок? – крикнул ей вслед врач.

– Вы! – Майкснер не будет еще раз смотреть на труп и касаться его руки. Вместо этого она пролистала последние сообщения на телефоне.

За несколько минут до столкновения мужчина отправил эсэмэс. Хотя бы это было не сообщение жене типа «Дорогая, включи кофеварку и поцелуй от меня детей, я скоро буду».

Она сама была дочерью, и это бы ее расстроило. Она открыла сообщение и пробежала глазами по нескольким предложениям. То, что она прочла, абсолютно не соответствовало ее ожиданиям.

«Ты был прав.
Прошлое настигает нас.
1 июня всех нас погубит.
Прощай!»

Тут зазвонил ее собственный телефон, и она немедленно ответила: это был центральный офис.

– Мы проверили номера, это служебный автомобиль. Наш коллега, из БКА Висбадена.

– Из Федерального ведомства уголовной полиции? – ошарашенно переспросила Майкснер.

– Да. Главный комиссар уголовной полиции Геральд Рорбек.

Майкснер никогда не слышала этой фамилии, но достаточно хорошо знала БКА. Все-таки почти три семестра проучилась в академии, пока не сдалась. Сейчас она уже год как могла бы работать профайлером, но не поладила с преподавателем. Как и почти все на ее курсе. Поэтому Шёнфельд, Гомез и она прервали обучение, и лишь Сабина Немез и Тина Мартинелли дотянули до конца в Академии для особо одаренных молодых кадров. Именно те, от которых она в начале ожидала меньше всего. Господи, какой же говнюк был их преподаватель. Мартен Снейдер, цинично подумала она, нет, неверно: Мартен С. Снейдер. Это «С» было ему чертовски важно.

– Вы еще там?

– Да, спасибо за информацию, – сказала Майкснер. – У Рорбека были родственники? – Она услышала, как коллега в центральном офисе застучала по клавиатуре.

– Его жена умерла в прошлом году. Есть сын пяти лет.

«О черт!»

– Спасибо. – Майкснер положила трубку.

Значит, коллега! И теперь его сын сирота. Она взглянула на мешок для транспортировки трупа на носилках, и перед глазами у нее снова возник ужасный образ. Разорванные брюки, переломанные в нескольких местах ноги, искореженное тело.

Тут ее охватило нехорошее предчувствие. Она еще раз подошла к обломкам автомобиля и осветила фонариком внутрь. Ничего! Тогда она обогнула машину и осветила заднее сиденье. Инстинктивно приготовилась увидеть там сплюснутый труп ребенка. Но, к счастью, заднее сиденье тоже было пустым.

– Эй, вы! – позвала она одного из пожарных. – Можете взломать багажник?

– Сейчас?

– Нет, после завтрака. Конечно, сейчас, это срочно.

Майкснер подождала минуту, пока двое мужчин разрезали крышку гидравлическими ножницами.

«Прошлое настигает нас... Прощай!» Мужчины отступили в сторону, и Майкснер заглянула в багажник.

Пусто! Никакого детского трупа.

Майкснер с облегчением вздохнула.

– О'кей, спасибо. – Она посмотрела на дисплей телефона и еще раз прочитала текст – все так же мало смысла, как и до этого. Помимо загадочного содержания ее озадачило еще одно обстоятельство. «Первое июня, это же сегодня!»

Внезапно она осознала, что даже не проверила, кому было отправлено сообщение. Теперь Майкснер изучала номер получателя. Некто, сохраненный под именем СНЕЙ.

– О нет! – вырвалось у нее. – Я знаю этот номер! И это имя!

Загадочное эсмэс было отправлено ее бывшему преподавателю: Мартену С. Снейдеру.

Сабина Немез вошла в маленькую аудиторию-амфитеатр и оглядела ряды, расположенные полукругом. Восемь студентов ее курса были уже на месте.

Вид был ей знаком. Она сама просидела за этими партами целых четыре семестра. Непривычно было лишь то, что стоять за кафедрой сейчас приходилось ей.

После того как девять месяцев назад Мартен Снейдер был арестован и отстранен от службы, сдал оружие и служебный значок и оставил академию, в учебном плане образовалась большая брешь. Его заменяли некоторые коллеги, но сейчас одна из них, преподаватель Анна Хагена, уехала в командировку. Президент БКА Хесс обратился к Сабине и попросил вести занятия учебного модуля Хагены. Недолго, лишь один месяц до летних каникул. Дополнительно к ее работе в группе по расследованию убийств. И Сабина согласилась – при условии, что на занятиях у нее будет свобода действий. Хесс нехотя дал добро. Видимо, у него не хватало людей. А так как Сабина – бывшая ученица и напарница Снейдера – как никто другой, знала его методы обучения в академии, она была словно создана для этого.

Сабина положила досье на кафедру, встала рядом, убрала длинные каштановые волосы за уши и сунула руки в карманы брюк. При своем росте метр шестьдесят три она вряд ли олицетворяла властный авторитет, но студенты были тише воды ниже травы и смотрели на нее, полные ожидания.

– Меня зовут Сабина Немез. – Свое звание она не стала называть. – Добро пожаловать на курс «Оперативный криминалистический анализ», – начала она и почувствовала, как сердце забилось где-то в горле. Наверняка она более взволнована, чем ее студенты. – Так как главный комиссар уголовной полиции Анна Хагена в командировке, до конца семестра у вас буду преподавать я. Как вы знаете, ваш непосредственный доцент, Мартен Снейдер, отстранен от службы на неопределенное время.

– Мартен С. Снейдер! – крикнул кто-то.

– Правильно. – Сабина улыбнулась. Господи, как часто сам Снейдер исправлял ее подобным образом. – Мы могли бы сейчас взять

пособие по Оперативному криминалистическому анализу и смоделировать какой-нибудь фиктивный случай или разобрать актуальное раскрытое дело. Но мне не очень хочется этим заниматься, к тому же я считаю такой метод неэффективным. Да я и понятия не имею, что у вас там сейчас в учебном плане.

– Плохо подготовились, – пробурчал студент в третьем ряду.

– Я бы даже сказала, совсем не подготовилась, – исправила его Сабина. – Я лишь вчера узнала, что буду вести вашу группу. И поэтому сделаю вам предложение. Я буду заниматься с вами тем, что умею лучше всего.

Студенты выжидательно смотрели на нее.

– Четыре семестра мне посчастливилось учиться у Мартена С. Снейдера, а затем работать его напарницей. За это время я познакомилась с его методами.

– Метод «визионерского видения», – прошептал кто-то.

– Именно. Поэтому, в лучших традициях Снейдера, я хочу разобрать с вами несколько нераскрытых преступлений. Он всегда считал, что уже раскрытые дела можно найти в Гугле или в архиве. Но я, как и он, хочу, чтобы вы стали самостоятельно думающими людьми. Разрешены любые креативные подходы. Так что мы возьмем какое-нибудь актуальное преступление и попытаемся мыслить нешаблонно. При этом вы познакомитесь с широким спектром методов расследования Снейдера – за исключением кое-каких его особенностей.

– Например, косячков, – сказал кто-то.

Студенты рассмеялись, и Сабина улыбнулась. Разумеется, слухи о пристрастии Снейдера к марихуане дошли и до них.

Затем Сабина посерьезнела.

– Но прежде я должна попросить вас подписать соглашение о конфиденциальности. – Сабина прошла по рядам и раздала формуляры. – Если вы нарушите его, то вылетите из академии. Если же будете соблюдать мои указания, то за месяц практики узнаете больше, чем за год сухой теории. Как вам это?

Студенты закивали. Одна девушка подняла руку.

– Да, пожалуйста?

– Каким вообще был Снейдер?

Сабина рассчитывала на многое, но не на это.

– Снейдера нельзя описать. С ним нужно быть знакомым.

Но студентов такой ответ не устроил.

– Расскажите! – настаивали они.

«А и в самом деле, каким он был?» Сабина подошла к кафедре, вальяжно села на стол рядом и свесила ноги.

– Он был невыносимым, – сказала она. – Иногда я его ненавидела за то, как он обращался с другими людьми. Он унижал их, буквально сравнивал с землей. Не терпел возражений. Но такая жесткость по отношению ко всем людям и особенно к своим студентам служила одной лишь цели: он хотел подготовить нас к реальному миру. Отчисляемость на его курсе составляла семьдесят процентов. И при этом у него был самый высокий процент раскрываемости – девяносто пять. Он мог «проникнуть» в мозг любого извращенца – и делал это до полного самопожертвования. – Она со вздохом подняла глаза. – Но так далеко мы с вами заходить не будем.

Один студент поднял руку.

– Говорят, в прошлом году он застрелил человека.

– Так и есть.

– Вы ведь там были, да? Его поэтому арестовали и отстранили от службы?

Сабина кивнула. У нее по-прежнему стояли перед глазами те образы, и она все еще ощущала слезы, которые в тот день бежали у нее по щекам.

– Вы присутствовали на судебном процессе Снейдера?

Она снова кивнула.

– Я была главной свидетельницей.

– И что?

Все подались вперед и уставились на нее.

«Господи, какая любопытная группа!» Но Майкснер, Шёнфельд, Гомез, Мартинелли и она были точно такими же три года назад.

– Достаньте из архива дело Снейдера. Там вы можете почитать мои свидетельские показания.

– Мы уже давно это сделали бы, но у нас нет доступа к архиву.

«У меня его тогда тоже не было».

– Будьте креативными, придумайте что-нибудь.

Разочарованные, студенты откинулись назад.

– Чем сейчас занимается Снейдер? – спросила девушка с короткими светлыми волосами в первом ряду.

– Честно говоря, я не знаю. – После судебного процесса у нее не было никаких контактов со Снейдером. За все это время она ни разу его не видела, никогда не просила у него совета и раскрыла все свои дела самостоятельно.

После того как шум в аудитории утих, она снова прошлась по рядам и собрала соглашения о конфиденциальности. Затем взяла пульт управления, опустила жалюзи и включила проектор.

– Надеюсь, у вас крепкий желудок. Сейчас вы увидите фотографии с места недавнего преступления...

Через час студенты покинули аудиторию. Наверняка они сейчас направятся в столовую, чтобы выпить крепкого кофе, на большее у них аппетита точно нет. Но щадить их не было смысла. Сабина решила с самого начала отделить зерна от плевел, как Снейдер. Она выключила проектор и сложила материалы.

Когда она уже собиралась выйти из аудитории, зазвонил ее сотовый. На дисплее отобразился номер Хесса. Президент собственной персоной. Уже поступили первые жалобы на ее методы преподавания?

– Доброе утро, президент Хесс, – ответила она на звонок.

– Немез, для вас появилось новое расследование, – сразу перешел он к делу.

– Но я сейчас преподаю в академии. Вы же сами...

– Я знаю! – перебил ее Хесс. – Пара часов в академии не основная ваша деятельность.

– Главный комиссар Тимбольдт об этом знает?

– Не волнуйтесь, я его проинформирую.

– Спасибо, – пробормотала Сабина. После отстранения Снейдера новым руководителем группы по расследованию убийств в БКА стал Тимбольдт, совершив невероятный скачок по карьерной лестнице. – О чем речь?

– Вчера вечером женщина упала с лестницы в своем доме и сломала позвоночник. Недалеко отсюда, в Майнце. Ее обнаружили только сегодня утром. Вероятно, речь идет об убийстве.

«Вероятно?» Сабина молчала. Хесс над ней издевался?

– Кража со взломом и убийством?

– Мы еще не знаем.

– При всем моем уважении, но это вряд ли расследование для БКА. Разве не уголовная полиция Майнца отвечает за...

– Немез! Пока что я решаю, где и когда расследование будет вести БКА. И этот случай важен! Погибшая – доктор Катарина Хагена.

Хагена! Не очень распространенная фамилия. Сабина положила материалы на кафедру и уставилась в окно. За парковкой академии, шлагбаумом и будкой вахтера на другой стороне дороги стояло могучее здание БКА.

– Хагена! – повторила она. – Как...

– Правильно, как Анна Хагена. Погибшая – ее сестра.

Сабина сглотнула. Не только потому, что взяла группу Анны Хагены, – она знала женщину лично. Хагене было около сорока пяти, и два года назад Сабина посещала некоторые ее занятия.

А теперь сестра Анны Хагены была мертва.

– И я должна?..

– Да, черт возьми. Вы должны заняться этим делом и, если речь действительно идет об убийстве, найти мерзавца.

– Анна Хагена уже знает, что ее...

– Нет, и это ваша вторая задача: аккуратно сообщите ей о случившемся.

3. Четверг, 26 мая

Харди потуже затянул ремень джинсов. Язычок пряжки вошел в последнюю дырку, не мешало бы проделать еще одну дополнительную. В очередной раз убедился, как человек меняется со временем. Хотя он набрал несколько килограммов в результате тренировок, его талия стала уже.

Он надел свою кожаную куртку и почувствовал, как она жмет в бицепсах и в груди.

– Давай проходи! – крикнул кто-то сзади.

Харди не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто вошел в комнату. Это был голос майора Кислингера, чьи интонации он слишком хорошо знал.

– Я сказал, проходи!

– Да заткнись, – буркнул Харди.

– Что?

Однажды Харди уже потерял самообладание, тогда он сломал парню челюсть, и это стоило ему еще восемнадцати месяцев.

Харди не был идиотом, чтобы повторять ту же ошибку. Тем более в такой день, как сегодня. Поэтому он промолчал.

– Что ты сказал?

– Ничего. – Харди закатал рукава кожаной куртки и сунул руку во внутренний карман. Там лежали солнцезащитные очки. Он протер стекла своей черной футболкой и нацепил очки на коротко стриженную голову. Его когда-то светлые волосы поседели на висках, появились залысины, щеки впали, лоб и шея покрылись морщинами. Лицо пятидесятилетнего мужчины. Состарившееся, но с живым, острым взглядом. Ясным и пронизательным, как никогда.

– И так красивый, – торопил его майор Кислингер. – Пошевеливайся!

Ничего не сказав, Харди прошел вперед. Ровно в восемь часов он был у окошка, где оформлялись документы на освобождение.

– Харди, дружище! – сказал толстяк за стеклом. – Ты выглядишь хреново.

– Двадцать лет рядом с тобой кого угодно изменят, – пробурчал Харди.

Толстяк просунул в щель под стеклом ручку и стопку формуляров.

– Распишись в трех местах: здесь, здесь и здесь.

Харди внимательно прочитал документы об освобождении и депозитарный отчет. Затем взял ручку и накарябал на листках «Томас (Харди) Хардковски».

– Проклятье, это недействительно, это не твое настоящее имя, – завозмущался сотрудник.

– А, верно, – буркнул Харди и перечеркнул два слова, оставив только «Харди».

– О черт! – воскликнул толстяк. – С тобой одни проблемы. Как я рад, что наконец-то от тебя избавлюсь.

– Тогда хватит болтать, лучше отдай мне мои вещи, медуза!

Толстяк просунул в щель пластиковый контейнер с жалким имуществом, которое два десятилетия пролежало в подвальном хранилище. Харди порылся пальцами в вещах: запасной ключ от «паджеро». «Интересно, у кого сейчас эта машина – если она вообще еще существует?» Ключ от входной двери. «Дома точно больше нет, его уже снесли». Старый мобильный телефон с антенной. «Размером с кирпич. Забудь!» Кулек леденцов. «Смотри-ка – английские пастилки «Роки» с мятным вкусом. Срок годности закончился девятнадцать лет назад». Старый кожаный кошелек с парой купюр. «Двести семьдесят немецких марок. Очень кстати!» К счастью, в кассе ему выплатили двенадцать тысяч триста евро. Работа на кухне себя оправдала – переработки почти каждые выходные, – и дирекция тюрьмы откладывала для него половину его доходов в виде сбережений.

Харди продолжал рыться в контейнере. Давно просроченный загранпаспорт и водительские права. «Просто ветхая книжонка и пожелтевшая бумажка». Упаковка болеутоляющих таблеток. «Это можете оставить себе!» Дорогие карманные часы, которые забрали у него в качестве финансового обеспечения. «Надо же, все еще в крови с момента задержания». Зачитанная книга. «Над пропастью во ржи». Коробок спичек и пачка сигарет «Мемфис». Но с этим он завязал двадцать лет назад.

– О'кей. – Харди взял лишь портмоне, водительские права, паспорт, часы и книгу, сунул все в карман и пошел.

– А остальное? – крикнул ему вслед толстяк.

– Можешь толкнуть на eBay.

- А что с книгами в твоей камере? Сколько их? Сто?
- Двести шестьдесят одна, – ответил Харди. Толстяк никогда не умел считать.
- Двести шестьдесят одна? – повторил мужчина.
- Да. – Харди обернулся. Сборная солянка из Фолкнера, Стейнбека и прочих писателей, которыми в тюрьме никто не интересовался. – Можешь подарить кому-нибудь в семье, если хоть кто-то из твоих родственников умеет читать.

Харди вышел на улицу, надел солнцезащитные очки и посмотрел в обе стороны. Солнце безжалостно жарило ему в затылок, по спине бежали струйки пота.

«Чертова жара!»

И вот уже снова начались его головные боли. На протяжении многих лет они появлялись регулярно, но он отказывался принимать лекарства. Лучше терпеть боль, чем заглушать чувства. «Плевать!»

Старое кирпичное здание с зарешеченными окнами, где размещалась тюрьма Бютцов, осталось позади. В прямом смысле этого слова. Перед ним была свобода.

Отсюда до Ростока каких-то тридцать километров, и в некоторые дни Харди даже казалось, что он ощущает соленый запах Балтийского моря. Конечно, он выдумывал, но, когда столько лет находишься в тюрьме, начинают появляться фантазии. И не все они связаны с мезьтью. Правда, сейчас его тянуло не к морю, а в другом направлении: в сторону Франкфурта и Висбадена. Ему нужно туда. Там он получит ответы.

Его ожидаемо никто не встретил. Да и кто бы это мог быть? Никто не обрадуется, что он снова на свободе. Скорее наоборот!

Похоже, единственный, кого он интересовал, был водитель черной «Лады-Тайги», которая стояла в двухстах метрах на улице перед администрацией кладбища. По бамперу Харди заметил небольшой крен и понял, что в машине кто-то сидит. Но он не мог разглядеть, кто именно, потому что солнечный свет отражался в стеклах машины.

Харди медленно направился к автобусной остановке, которая находилась прямо перед тюрьмой на Кюлунгсборнерштрассе. Оттуда на автобусе он доберется до вокзала.

На ходу он вытащил из кармана куртки книгу. Пора заново знакомиться с Холденом Колфилдом и его красной кепкой, которую он всегда носил задом наперед.

На первой странице книги стояла дарственная надпись:

«В глубине души ты по-прежнему ребенок.
Таким и оставайся.
С любовью, *Лиззи*».

Дарственная надпись от его жены. Никто на земле не знал его так хорошо, как Элизабет Хардковски, его Лиззи. Ну, за исключением Норы, – но он быстро отогнал от себя эту мысль.

Харди дошел до остановки и покосился на черный автомобиль. Никто не помешает ему воплотить свой замысел в жизнь. Ни мужчина в «Ладе-Тайге», ни кто-либо еще.

Все-таки он ждал двадцать лет, чтобы выяснить правду. Он узнает, как и почему умерла его жена и кто в этом виноват. Он тщательно продумал все детали своего плана. Он управится за несколько дней, и это обернется дьявольским смертельным хороводом – для всех, кто был замешан в тех событиях...

Майнц находился в нескольких минутах езды к югу от Висбадена. В городском районе Гонзенхайм дорогие виллы стояли одна другой краше, и особенно Брайтештрассе выделялась самыми шикарными зданиями в разных стилях.

Обзавидоваться можно!

Сабина припарковала свой автомобиль рядом с трамвайной остановкой, прямо перед двухэтажным кирпичным домом, с эркерами, чердачными окнами и милой острой крышей. Дверь на узком балконе была открыта, и белоснежная занавеска развевалась снаружи. Сабина положила табличку БКА на приборную панель под лобовое стекло, взяла ноутбук и вышла из машины.

Через минуту она стояла в коттедже, опершись о деревянный косяк лестничных перил, и смотрела на ступени, ведущие на второй этаж. Для начала июня было непривычно жарко и душно, но, к счастью, в доме работал кондиционер.

Коллеги из криминалистического отдела почти закончили, и труп Катарины Хагены уже увезли. Только белые линии указывали на то место, где лежало ее тело: в самом низу лестницы с неестественно повернутой в сторону головой.

– Следы взлома? – спросила она одного из коллег, по казав свое удостоверение.

На верхнем этаже сверкнула вспышка фотокамеры.

– БКА? – удивился сотрудник уголовной полиции Майнца, убрал диктофон и помотал головой.

– Следы борьбы?

– Нет.

– Следы насилия на теле погибшей?

– Нет.

– Что-нибудь пропало?

– Непохоже. Я задаюсь вопросом, зачем мы здесь вообще.

«Тем же вопросом задаюсь и я». Сабина ничего не ответила. Но, очевидно, Хесс знал больше, чем она, или так считал. Иначе не прислал бы ее сюда.

– Мы вам еще нужны? – спросил мужчина.

– Нет, вы можете идти, когда закончите. Спасибо!

Мужчина кивнул коллегам, и те собрали свои вещи. С верхнего этажа спустились сотрудники криминалистического отдела и фотограф, и все вместе гуськом покинули дом. Массивная входная дверь со стеклянными вставками с грохотом захлопнулась, и в следующий момент в доме наступила почти полная тишина – за исключением тихого гудения кондиционера.

Сабина припомнила сведения из дела Катарини Хагены, с которыми ознакомилась до этого. Женщине было пятьдесят три, она – как позже и ее сестра Анна – окончила полицейскую школу, но не сделала карьеру в БКА, а изучала юриспруденцию, написала диссертацию и много лет работала в различных адвокатских конторах, пока десять лет назад не открыла собственную. С упором на уголовное право. Видимо, она хорошо зарабатывала, по крайней мере больше, чем ее сестра в БКА, потому что Катарина Хагена – насколько Сабина знала от одной из коллег – жила одна в этой вилле с маленьким садом, финской баней, инфракрасной сауной и джакузи. Согласно поземельной книге, имущество было свободно от долгов.

Сабина посмотрела вверх по лестнице. Оттуда упала адвокат. На уровне последней ступени на стене были следы. Если верить предварительным данным криминалистов, которые Сабина изучила в Центральной оперативной системе, они остались от ногтей Катарини Хагены. Адвокат оступилась и, пытаясь ухватиться за стену, поцарапала ногтями обои. Затем ударилась головой о стену на высоте около метра. Кто-то был в доме и преследовал ее? Если да, возможно, она пыталась сопротивляться и скатилась вниз по лестнице. Сломанное запястье, сломанная ключица, вывихнутый большой палец, раздробленная берцовая кость и повреждение черепа. Согласно медицинскому освидетельствованию, она страдала от сильного остеопороза. Оказавшись внизу на ковре, она, вероятно, была уже мертва.

Сабина снова подняла глаза. Так как потолки были высотой три с половиной метра, лестница казалась внушительной. Она почему-то напонила Сабине сцену из фильма «Изгоняющий дьявола», в которой Линда Блэр на четвереньках сползает вниз по лестнице. В этом доме было так же сумрачно, как и в фильме, потому что из-за жары были опущены все жалюзи.

Теоретически Катарина Хагена могла споткнуться и о кошку или собаку, но ничто в доме не указывало на присутствие домашних животных – никакой миски или еще чего-нибудь. Поэтому вопрос звучал следующим образом: от кого или чего она убегала?

Сабина загрузила на ноутбуке актуальные данные расследования, которые обновлялись поминутно. Официально Хагена жила в этом доме одна, и соседи не видели никаких посетителей тем вечером. Только система охранной сигнализации могла указать на гостя. Современная радиосистема с камерой и датчиком движения, которая снимала все, что происходило перед входной дверью. Но записи видеокamеры были удалены. А на клавиатуре, которая находилась под дисплеем в прихожей, не было никаких отпечатков. Даже самой Катарины Хагены. На клавишах еще оставался магнитный порошок криминалистов. Значит, кто-то намеренно удалил видеозаписи и затем стер свои отпечатки пальцев с клавиатуры. Похоже, чрезмерное усердие Хесса было не таким уж необоснованным – и, возможно, специалистам удастся восстановить записи.

Сабина поднялась со своим ноутбуком по широкой лестнице. Кондиционер выдувал холодный воздух вниз, и у Сабины по спине побежали мурашки. На верхнем этаже лежал бордовый персидский ковер. Сабина не нашла на нем ни одной складки, о которую могла бы запнуться Катарина Хагена. Здесь располагалось еще пять помещений: ванная комната, туалет, спальня, кабинет и гардеробная. Рядом с дверью в кабинет Сабина нашла дисплей кондиционера. Шестнадцать градусов. Необычно холодно! Возможно, убийца установил такую низкую температуру, чтобы затруднить работу судмедэкспертам по определению точного времени смерти. Умный ход! Кондиционер все-таки работал всю ночь. И на этом дисплее коллеги-криминалисты не обнаружили никаких отпечатков пальцев.

Что говорил Снейдер в таких случаях? Чем старательнее убийца пытается замести следы, тем больше их оставляет.

Сабина выключила кондиционер и вошла в кабинет Катарины Хагены. И здесь жалюзи опущены, а в помещении почти морозно. Сабина положила ноутбук на письменный стол, но решила пока не обновлять отчеты. Техника еще не все. Лучше она попытается проникнуться атмосферой этого места.

С учетом низкой температуры кондиционера, смерть наступила около десяти вечера. Сабина закрыла глаза и вызвала в памяти фотографии, которые сделали коллеги. На адвокате была не ночная рубашка, а джинсы и черная блузка. И, согласно предварительному заключению судебного медика, зубы перед смертью она не чистила и следов мыла на пальцах тоже не было.

Сабина услышала скрип паркета и подняла глаза. В комнате кто-то был. В противоположном темном углу кабинета стояла женщина. Худая, высокая, в джинсах и черной блузке. Она исподлобья смотрела на Сабину через длинные темные волосы, которые падали ей на лоб.

Сабина прищурилась.

«– Катарина Хагена?»

– Да.

– Что вы делали вчера здесь наверху в десять вечера?»

– Ваши предположения?»

– Вы не были в ванной, чтобы подготовиться ко сну. Полагаю, как и в туалете, потому что внизу есть еще один. В гардеробную вы тоже еще не заходили, потому что на вас по-прежнему уличная одежда. Значит, остается только кабинет.

– Значит, так и есть.

– Вероятно, вы были в кабинете не одна, я права?»

– Возможно.

– Кто был с вами?»

– Вы видите на мне ранения или следы борьбы?»

– Нет. Значит, вы знали того, кто вас убил?»

– Или ту, которая меня убила».

«Или ту, которая меня убила», – мысленно повторила Сабина. Она потрянула головой, отгоняя видение, и образ женщины исчез. В углу стоял просто торшер, на котором висела вешалка с трикотажным пуловером.

Сабина осмотрела письменный стол. Также никаких следов борьбы, папки и ручки аккуратно разложены, рядом с монитором поднос с пустой тарелкой и кофейной чашкой. Сабина понюхала. Какао. Видимо, во вторник вечером Катарина работала в своем кабинете.

На другой стороне стола стояла современная телефонная станция с большим дисплеем и устройством для громкой связи; рядом лежала

записная книжка. Сабина полистала ее. Комбинация из календаря-органайзера и телефонной книги. На вечер вторника не было назначено никаких встреч. Лишь напоминание о сериале в среду, который хотела посмотреть Хагена. Она уже не узнает, что было в той серии.

На кнопках телефона еще оставался магнитный порошок криминалистов. И здесь тоже никаких отпечатков. Сабина вывела на дисплей карту памяти телефона, чтобы посмотреть номера последних соединений.

Пусто!

На автоответчике тоже не было сообщений. Она горько усмехнулась. Кто-то действительно постарался и уничтожил все следы.

Насколько Сабина знала, родители сестер Хагена умерли много лет назад. Кроме сестры, у Катарини не было родственников. Сабина открыла телефонную книжку, нашла номер Анны Хагены и позвонила ей со своего мобильного.

После трех гудков ее коллега ответила:

– Хагена.

– Алло, это Сабина Немез, БКА, Висбаден. В академии я посещала ваши занятия...

– Я знаю, кто вы. Бывшая студентка академии. Я вас помню. Вы по поводу моего курса?

– Я звоню из дома вашей сестры.

– Ага. – Хагена не очень удивилась. – Я хотела поговорить с ней вчера вечером, много раз набирала номер, но так и не смогла дозвониться. Затем позвонила соседке и попросила ее узнать, что с Катарини. С тех пор никаких известий. Что случилось?

– К сожалению, у меня плохие новости. Это касается вашей сестры. – Сабина сделала паузу. – Сегодня утром ее нашли мертвой в доме.

Молчание.

– Мне очень жаль, – продолжила Сабина. – Вероятно, она упала с лестницы и сломала себе шею.

Несколько лет назад мать Сабины убили в одной мюнхенской церкви. В тот раз они вместе с Мартеном Снейдером поймали

ублюдка. Так что она знала, каково это – терять близкого человека, и могла поставить себя на место Анны Хагены.

– Мне очень жаль, – повторила Сабина. – Что вы хотели обсудить с вашей сестрой?

Никакого ответа.

– Анна, я должна поговорить с вами. Когда мы сможем увидеться? – спросила Сабина.

Хагена ответила надломленным голосом:

– Я в командировке в Берлине. На конференции по безопасности БКА. Вернусь сегодня вечером, но довольно поздно.

Сабина знала, что в этом году конференция проходит недалеко от Мемориальной церкви кайзера Вильгельма.

– Я могу подъехать к вам около девяти вечера?

Хагена подумала.

– Да, конечно. – Она откашлялась. – Вы занимаетесь этим делом? Не уголовная полиция Майнца?

– Президент Хесс так распорядился.

– Понимаю. Катарина была убита?

– Мы еще не знаем. Если да, то я найду убийцу.

– Я знаю, спасибо. – Она завершила разговор.

Сабина устала на пустую тарелку и чашку из-под какао рядом с монитором.

«Я хотела поговорить с ней вчера вечером, много раз набирала номер, но так и не смогла дозвониться».

Но ведь Катарина Хагена была дома! А после убийства Анна Хагена уже не звонила, иначе на дисплее отображались бы пропущенные звонки.

Что-то здесь было не так. Сабина запросит у телефонной компании список с последними звонками и разговорами. Но не официальным путем – если не подключалась прокуратура, телефонные компании предоставляли данные только в конце месяца. А Сабина не хотела так долго ждать. Она уже знала способы, как добыть эту информацию быстрее.

Но было еще кое-что, озаботившее Сабину: Анна Хагена не проявила никаких эмоций, хотя потеряла свою последнюю родственницу. И даже не спросила, когда умерла ее сестра – до или

после того, как она ей звонила. Саму Сабину в этом случае интересовало бы точное время смерти.

В час дня Сабина сидела в столовой академии перед своим ноутбуком и изучала обновленные отчеты криминалистов. Многие исследования были еще не завершены, и результаты ожидалось лишь через несколько дней. Вообще-то Сабина могла бы разобрать этот случай со своими студентами, но что-то ее останавливало. Но что же? На этот вопрос был один-единственный, но достаточно простой ответ: «Интуиция подсказывает тебе, что твоя коллега как-то связана с этим происшествием. И поэтому нужно действовать осторожно!»

– Добрый день, Сабина.

Она вздрогнула. Перед ней стояла Диана Хесс, жена президента БКА. На ней был элегантный кремовый брючный костюм, волосы – за исключением нескольких прядей – забраны наверх.

– Я жду мужа, решила немного размять ноги и случайно увидела вас через окно столовой. Как у вас дела?

– Спасибо. Не хотите присесть? – Сабина собрала разложенные на столе материалы.

– У меня всего несколько минут. – Диана Хесс опустилась на стул. Солнечные очки висели в вырезе блузки, а кожа пахла солнцезащитным маслом. – Господи, когда же я была в этой столовой последний раз? – Она улыбнулась.

Сабине не пришлось долго думать.

– Полгода назад. В день судебного заседания Снейдера. Мы встретились здесь и пили кофе.

– Да, верно.

С тех пор Сабина часто видела Диану – несколько раз у входа в здание БКА, затем в кабинете Дитриха Хесса, два раза за обедом и однажды на торговой улице Висбадена. Они всегда ладили, симпатизировали друг другу, но спокойно поговорить им еще никогда не удавалось. Неудивительно – у такой женщины, как Хесс, было множество официальных встреч, а Сабина часто уезжала по работе в другие федеральные земли или за границу.

– Как у вас дела?

– Ах, в принципе, хорошо, – вздохнула Диана. – Для меня лучший способ справиться с ужасными воспоминаниями – это с головой

погрузиться в работу.

Видимо, она имела в виду события, когда они с Сабиной чудом избежали смерти, – и ее терапией, очевидно, была активная благотворительная деятельность в поддержку детских домов, которой она посвятила себя последние девять месяцев.

– А как вы? – спросила Диана.

– Меня мотивирует охота за убийцей. – Вот дерьмо! Она уже напоминает Снейдера.

Диана посерьезнела, она рассматривала свои тонкие пальцы и играла с кольцом.

– Не знаю, как благодарить вас за то, что вы не дали показания против Снейдера. Я представляю, чего вам это стоило.

Сабина кивнула. Это было тяжелое для нее время, о котором она не любила вспоминать. Очевидно, тема уже давно угнетала Диану, и, наверное, именно поэтому она «случайно» оказалась в столовой. Но почему именно теперь, спустя полгода?

Сабина посмотрела по сторонам, желая убедиться, что никто не подслушивает их разговор.

– Я сделала это для вас и Снейдера. – Она знала, что они по-прежнему были близкими друзьями.

Диана сжала губы.

– Если бы Мартена не оправдали, все закончилось бы для него плохо.

Но что это дало? Из-за серьезных обвинений Дитриху Хессу все равно пришлось отстранить его от службы. Сабина попыталась улыбнуться.

– Я лишь сказала правду.

По взгляду Дианы Хесс Сабина поняла, что они обе знали правду. В ходе расследования так называемой «Сказки о смерти», как пресса окрестила их последнее общее со Снейдером дело, Снейдер застрелил человека. Обычно за такое, даже при хорошем раскладе, он отправился бы в тюрьму минимум на десять лет. И ничего иного Снейдер не заслуживал. Но в день дачи показаний в суде Сабина осознала, что жизнь не черно-белая штука, а между законностью и преступлением есть широкая серая зона. Она несколько раз прикусила язык и, скрепя сердце, дала ложные показания. Лишь один-единственный раз,

покаялась она, пытаясь оправдать перед самой собой этот поступок. Все-таки Снейдер не раз спасал ей жизнь – теперь они были квиты.

– Мой муж обещал мне, что попытается официально восстановить Мартена на службе в БКА, – сказала Диана.

Сабина подняла на нее глаза. Это что-то новенькое!

– Какие у него шансы?

Диана нахмурилась.

– К сожалению, не очень хорошие. Я понятия не имею, удастся ли это вообще. Но он сделает все возможное, пока занимает должность президента.

– Он планирует уйти на пенсию?

– Через полгода. Мы хотим переехать к Балтийскому морю. Наш сын еще ходит в школу, но он достаточно взрослый и останется здесь, в Висбадене, у своей тети.

– Хорошая местность, я была на Балтийском море несколько раз по работе. Вы знаете, как дела у Снейдера? – спросила Сабина.

– Он... – Диана прочистила горло. – Он преподает в Висбадене как приглашенный доцент в Университете экономики и права. Дополнительный предмет: специальную психологию.

Сабина улыбнулась.

– Бедные студенты.

– Да, им с ним нелегко. Он несколько не изменился, – вздохнула Диана. Ее взгляд упал на экран ноутбука. – Это дело Хагены?

Сабина кивнула.

– Ваш муж поручил его мне.

– Да, я знаю. Это была моя идея подключить вас к расследованию. Ужасная история.

– Ваша идея? – переспросила Сабина.

Диана кивнула.

– Я сказала ему, если кто и сможет пролить свет на это дело, то вы.

Сабина почувствовала себя польщенной, но вместе с тем насторожилась.

– Это означает, вы знали Катарину Хагену?

– Катарина моя знакомая... была моим знакомым адвокатом в Майнце и Висбадене.

– Тогда вы, наверное, знаете и Анну Хагену?

– Господи, да кого из коллег Дитриха я не знаю? – Диана улыбнулась. – После того как Мартена отстранили от работы, она взяла на себя расследование его последнего нераскрытого дела.

У Сабины невольно приподнялись брови, но она старалась не подать виду.

– Но вероятно, не особо успешно.

– Верно, кто дотянется до Мартена с его процентом раскрываемости? – Диана Хесс поднялась. – Мне пора, я должна сопроводить мужа на одну встречу, а позже на официальный ужин с министром внутренних дел и главным прокурором, чтобы разрядить обстановку. – Она закатила глаза. – Вы знаете, как это бывает. Кстати... – Она понизила голос: – Мое предложение все еще в силе. Друзья Мартена и мои друзья, и, если вам понадобится помощь, вы всегда можете мне позвонить.

– Я знаю, спасибо. – Сабина посмотрела вслед Диане, которая вышла из столовой через боковую дверь.

Значит, Анна Хагена занималась последним нераскрытым делом Снейдера – а сейчас ее сестра умерла при загадочных обстоятельствах.

Тина Мартинелли знала о доме Снейдера только по рассказам. Якобы это был небольшой домик на краю Висбадена, стоявший у самого леса. По крайней мере, так его описывала Сабина Немез.

Расположенный у леса – это слабо сказано. Дом Снейдера находился в конце лесной тропы, по которой едва можно было проехать на автомобиле. Якобы у Снейдера даже не было водительских прав. Поэтому раньше коллегам всегда приходилось забирать его на служебном автомобиле от дома. Раньше. Те времена прошли. Чем Снейдер зарабатывал себе на жизнь уже девять месяцев, Тину не интересовало. Ей нужны были только его показания – потому что на этот раз он был допрашиваемым.

Тина припарковала машину рядом с ручьем перед деревянным мостом и прошла остаток пути по тропинке пешком. На краю поляны, на фоне лесистых холмов стояла старая недействующая мельница с красной гонтовой крышей, слуховыми окнами, деревянными ставнями и дымовой трубой с флюгером-петушком. Полуденное солнце приветливо освещало дом Снейдера. Сочно-зеленый плющ вился по деревянной шпалере вдоль стены, рядом над лужайкой жужжали пчелы.

Подойдя ближе, Тина увидела, что ручей, вдоль которого она до этого ехала на машине, через арочное отверстие исчезал в фундаменте здания. Перед земельным участком она заметила огромную деревянную бочку, на которой висела табличка: «Мартен С. Снейдер – посетители нежелательны!»

Это и так ясно!

На террасе из природного камня под козырьком крыши и низко висящим водосточным желобом стояли стол и плетеные кресла. В одном из них в тени сидел Снейдер и читал крупноформатную газету. В его ногах на покрывале лежал бассет, – заметив Тину, он устало поднял голову и издал глухое вуф. Затем снова зарылся мордой в подстилку и закрыл глаза.

Снейдер поднял взгляд и, узнав Тину, сложил газету и положил ее на плетеный стол рядом с собой. Тина заметила между страницами

дуло пистолета. Судя по форме, это был «глок». Бывшее служебное оружие Снейдера?

– Кого вы ожидали? – спросила она. – Наемного убийцу?

– Никогда не знаешь, – пробурчал Снейдер. – В эти места машины редко заезжают. А Винсент не лучший сторожевой пес.

Тина сунула руку в карман брюк и достала собачью галету. Уже несколько лет она слышала о собаке Снейдера и вот наконец увидела ее в первый раз. У пса была жесткая шерсть, и для бассета он был довольно худым. Тина присела на корточки, погладила Винсента и поднесла лакомство ему к морде. Не помешает настроить Снейдера на мягкий лад, особенно когда от него что-то нужно. А его симпатия к этому псу была всем известна.

Бассет быстро схватил галету и проглотил не жуя. Урча, снова улегся на свою подстилку.

– Что вам нужно? – равнодушно спросил Снейдер.

– Я ожидала застать вас в удобной одежде, в джинсах и толстовке, но... – Она с легким раздражением разглядывала Снейдера. Как и все годы до этого, на нем был сшитый на заказ костюм и белая рубашка. Тина никогда не видела его ни в чем другом. Хотя верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а пиджак висел на спинке стула, Снейдер по-прежнему выглядел очень официально.

– Оставим светскую беседу. Что вам нужно? – повторил он.

– Можно присесть?

– Нет, иначе вы будете мешать мне еще дольше. – Снейдер поднялся. Но не для того, чтобы пододвинуть Тине стул, а чтобы взять щетку для собак. – Иди сюда, мой мальчик. – Он похлопал по свободному плетеному стулу. Винсент, ворча, поднялся и запрыгнул на стул.

– Я слышала, что это приبلудный пес.

– Так и есть. В третий и последний раз, Мартинелли, что вам нужно? – Длинными худыми руками Снейдер начал чесать пса, на что тот реагировал гортанными звуками.

Снейдеру было всего пятьдесят, но он всегда выглядел старше. Бывшая работа наложила на него свой отпечаток, да и отстранение от службы девять месяцев назад не пошло ему на пользу. Любой другой отдохнул бы за это время – но только не Снейдер. Узкие бакенбарды начинались у ушей и тонкой линией тянулись к подбородку. Контраст с

лысиной и бледным лицом – казалось, оно не видело солнца много лет, – напоминал кадры из черно-белого фильма. Снейдер был единственным инородным телом в этом летнем ландшафте.

Тина подвинула к себе свободный стул и села.

– Что вы можете рассказать о Геральде Рорбеке?

– Он что-то натворил?

Это должно было прозвучать шутливо, но Тине было не до шуток. Она осталась серьезной.

– Это вы мне скажите.

– В архиве БКА хранится подробное личное дело каждого сотрудника. Загляните туда.

– Я уже это сделала. Геральду Рорбеку было пятьдесят – одного года рождения с вами, – и он двадцать пять лет проработал в БКА. Коллега старой закалки, мастодонт. У его жены был порок сердца, она умерла в прошлом году. С тех пор он воспитывал ребенка один.

– Разве вы не хотели рассказать мне что-то, чего я еще не знаю? – перебил ее Снейдер.

«Как пожелаешь!» Она расскажет ему то, чего он наверняка еще не знает и что она сама выяснила лишь через Центральную оперативную систему висбаденской уголовной полиции.

– Вчера вечером входную дверь Рорбека взломали отмычкой и силой вырвали из стены предохранительную цепочку. Один или два преступника проникли в дом и в упор застрелили его пятилетнего сына в гостиной из нелегального незарегистрированного оружия. – Тина сделала паузу. – Из имущества ничего не пропало.

Снейдер молчал. Он и до этого не моргнул глазом, когда она начала говорить о Рорбеке в прошедшем времени. Очевидно, он уже знал, что Рорбек покончил с собой.

– Сегодня Рорбек выехал на автомагистраль против движения, – продолжала она, – и покончил с собой, спровоцировав лобовое столкновение. Труп его сына все еще лежал дома. В пижаме. Он хранил его в детской. Криминалисты обнаружили на ковре между прихожей и гостиной следы крови, которые вели на второй этаж, в детскую комнату.

Снейдер молчал.

– Его остановили водители трех грузовиков. Рорбек погиб на месте.

– Ежегодно в Германии в результате суицида умирает более десяти тысяч человек и более ста пятидесяти тысяч предпринимают такую попытку. – Снейдер продолжал чесать пса щеткой, в его движениях было что-то медитативное.

– Черт возьми, Снейдер, вы такой бесчувственный! – вырвалось у Тины. – Один из ваших коллег покончил с собой!

– Каждый сам отвечает за свою жизнь.

– Я говорила с Майкснер. Она была на месте аварии и сделала фотографии.

– Майкснер... – пытался вспомнить Снейдер и замер на мгновение. – На третьем семестре ушла из академии. Сейчас работает в дорожной полиции, насколько я слышал.

– Правильно. Между прочим, прокуратура завела против всех трех водителей грузовиков уголовное дело, потому что их блокада была нелегальной.

Снейдер удивленно приподнял брови.

– Неужели?

– А, это вас интересует, да? Хорошо, что хотя бы здесь вы проявляете человеческие чувства. Скорее всего, трое мужчин предстанут перед судом, потому что их действия уголовно наказуемы и равносильны попытке убийства.

– Двое мужчин и одна женщина, – исправил ее Снейдер.

«Смотри-ка! – Тина ненадолго задумалась. – Он, как всегда, прекрасно информирован».

– Один из них лишится работы, – выдавила она из себя. – При этом трое всего лишь пытались предотвратить аварию с множеством жертв. Начался сезон отпусков и школьных каникул, и могло погибнуть гораздо больше людей. Для меня это акт гражданского мужества, но закон смотрит на произошедшее совсем по-другому.

– И сразу же подключилась прокуратура?

– Как-никак речь идет о погибшем сотруднике БКА. Даже если от него осталось мало, что можно идентифицировать. – Она сунула руку во внутренний карман ветровки. – Хотите взглянуть на фотографии Рорбека?

Он помотал головой.

– За время своей службы я видел достаточно изуродованных трупов, спасибо.

Тина все равно положила фотографии на стол.

Снейдер взглянул на них без каких-либо эмоций.

– И теперь вы здесь, потому что дело расследует БКА и вы хотите узнать от меня, что я думаю по поводу выходки Рорбека?

– Нет, черт возьми, вы отлично знаете, почему я здесь. – Она оставила фотографии лежать на столе, встала и сунула руки в карманы брюк.

– У вас есть еще одна галета для Винсента? – спросил Снейдер.

– Нет, галет больше нет. Я хочу узнать от вас, почему перед смертью Рорбек послал вам эсэмэску?

– Идиот не удалил ее?

– Нет, вероятно, перед самоубийством его волновало другое, – саркастически ответила Тина.

Снейдер кивнул.

– «Ты был прав. Прошлое настигает нас... Первое июня всех нас погубит. Прощай!» – Он дословно передал содержание сообщения.

– Что имел в виду Рорбек? – Она раздраженно покрутила кольцо-пирсинг в губе. – Кого погубит первое июня? И почему? Что еще случится сегодня?

– Кто сказал, что речь идет о сегодняшнем дне?

– Я... – Тина замолчала и задумалась. – Полагаю, он имел в виду сегодня, потому что вчера ночью застрелили его сына. Что вы об этом знаете? Кто мог проникнуть в его дом?

– Я ничего не знаю.

– Снейдер, не нужно быть специалистом по допросу, чтобы понять, что вы мне лжете. Что означает это сообщение, отправленное вам?

Снейдер отложил в сторону щетку для собак. Выражение его лица изменилось, как и тон.

– Мартинелли, до сих пор я был приветлив с вами, но это может измениться в любую секунду. Так как вы одна из моих бывших студенток – между прочим, лучшая наряду с Сабиной Немез, а вы знаете, как сложно добиться от меня комплимента, – я дам вам три хороших совета, которые не дал бы никому другому. – Он поднял три пальца. – Первый, единственный и последний совет: оставьте прошлое в покое!

– Какое прошлое?

– Мартинелли! Я не ясно выразился? – резко спросил он. – Откажитесь от этого дела! Оно вам не по зубам.

– Вы больше не работаете в БКА, – напомнила ему Тина. – На основе одного лишь подозрения в совершении преступления я могу вас вот так запросто... – она щелкнула пальцами, – без дальнейших доказательств и без судебного решения отправить в следственный изолятор и допрашивать в камере двадцать четыре часа. Да что там! Сорок восемь часов, если будет нужно!

– Да, можете, – спокойно ответил Снейдер.

– Вы знаете, что это означает. Никаких контактов, никаких прогулок во дворе, посетителей или телефонных звонков.

– Делайте, что хотите, но помните: я знаю все приемы и хитрости допроса. Некоторые я даже сам изобрел и доработал, и я гарантирую вам, что от меня вы ничего не узнаете. Дам вам все тот же совет, который повторяю сейчас последний раз и к которому вам лучше прислушаться. – Снейдер поднялся, надел пиджак и поправил запонки. – Не вмешивайтесь в это дело!

6. Четверг, 26 мая

Харди вышел из автобуса и направился вниз по улице. Перед ним лежала аллея с отцветшими вишневыми деревьями. В воздухе пахло летом. Слева и справа вдоль дороги стояли таунхаусы из кирпича с серой черепицей и гаражами. Ганновер-Бемероде. Уютный семейный район. Мало иностранцев, никаких наркоманов, вместо этого парочка лающих собак и детские велосипеды, прислоненные к забору. Откуда-то доносился запах древесного гриля.

Как мило!

Харди взглянул на снимок, на котором была изображена Лиззи, двое их ребятишек и он сам. Селфи, как сказали бы сегодня, сделанное перед фонтаном на торговой улице Висбадена. Близнецам было тогда четыре года. В параллельном мире, в котором многое произошло бы иначе, они могли бы жить в таком же районе, как этот. Счастливые, довольные и в безопасности. Но почти все пошло не так. Он выяснит причину. И Надин Поллак может помочь ему в этом. «Начинай там, где поражение будет наименее болезненным». И это именно здесь!

Харди сунул фотографию в джинсы и остановился перед домом номер четыре. Перед гаражом стоял элегантный белый «форд-куга», на зеркале заднего вида висел ароматизатор-елочка, а в багажнике стояла большая собачья клетка.

Краем глаза Харди заметил движение в окне дома. Он открыл садовую калитку и прошел по бетонным плитам к входной двери. Рядом вертелись крылья маленькой ветряной мельницы из дерева, а за высокой изгородью из туй слышался смех детей, которые, видимо, плескались в бассейне. Когда он был здесь последний раз – двадцать лет назад, – туй были еще тонкими и не больше полуметра высотой, а на соседских участках еще не построили дома.

Харди дошел до входной двери. Рядом с ковриком лежала дистанционно управляемая полицейская машина с погнутой антенной и современный скейтборд. В его время у скейтбордов было еще четыре колеса, а не два. Он позвонил в дверь, и в доме раздался гонг Биг-Бена. Вскоре дверь распахнулась.

– Привет, я... – радостно выкрикнула женщина, которая была примерно одного с Харди возраста, но выглядела значительно моложе.

– Привет, Надин, – сказал он.

– Я... – В следующую секунду ее улыбка исчезла. – Это ты? Что тебе здесь нужно? – Она закинула длинные светлые волосы за плечи. Нервно поправила бретельку обтягивающего топа в рубчик.

– Как дела, Надин?

– Я не стану приглашать тебя в дом, и будет лучше, если ты немедленно исчезнешь, потому что муж с дочерью появятся в любой момент.

– У тебя есть дочь?

– Да, ей тринадцать.

– Сложный возраст.

– Нет, не сложный. Она послушная и хорошо учится.

– В отличие от тебя, – констатировал он.

– Да, она не такая. Но и я изменилась. И мой муж хороший отец, который...

– Он знает о твоём прошлом, торговле наркотиками и...

– Нет, Харди. Пусть так и останется.

Он кивнул.

– Сколько ты уже на свободе? – спросила она.

– Шесть часов.

– Я так и подумала. – Она рассматривала его одежду. – Ты еще не ходил по магазинам.

– А также я еще ничего не ел, мне даже переночевать негде.

– Здесь ты не можешь остаться.

– Не волнуйся, Надин, я здесь не поэтому. – Он сунул руку во внутренний карман куртки и заметил, как тело Надин напряглось. Медленно он вытащил новую упаковку английских леденцов «Роки» с мятным вкусом. – Купил в автомате. Не думал, что они еще продаются.

– Ты всегда их любил.

– Двадцать лет не прошли бесследно. Сегодня у них другой вкус – или мои воспоминания меня подводят. – «В очередной раз». Он протянул ей пакетик. – Леденец?

Она на мгновение закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Харди, оставь это! Пожалуйста, уходи!

Харди взял один леденец и убрал пакет в карман куртки.

– Надин, мне нужна информация.

– Я ничего не знаю.

– Ты даже не знаешь, что именно я хочу выяснить.

– Меня это не интересует. Я порвала с прошлым и живу настоящим...

– Лиззи и близнецы погибли двадцать лет назад. Заживо сгорели в нашем доме.

Надин колебалась.

– Я знаю.

– Я хочу найти их убийцу.

– Харди... – Надин коротко рассмеялась и нервно поправила волосы. – Ты сам их убил!

– Я? – повторил он. – Да ты сама в это не веришь. Я сидел из-за наркотиков.

– Не двадцать же лет! – Ее руки дрожали.

– Остальное на меня повесили.

– Кто?

– Это я и хочу выяснить. – По ее взгляду он понял, что она даже не пытается ему поверить.

– Харди, ты отсидел свой срок, теперь ты свободный человек. Просто...

– Ты знаешь, что я так не могу. Я найду убийцу Лиззи.

– Харди, я не хочу повторяться, то ты сам ее убил.

– Откуда ты это знаешь?

– Об этом писали газеты, о тебе говорили в ток-шоу, к тому же на интернет-форумах еще недавно можно было прочитать выдержки из твоего психиатрического заключения.

– Из какого? Их было два.

– Из официального.

– Да, официальное. – Он горько рассмеялся. – Его заказал суд. У присяжного эксперта, который специализировался на клинической психологии, вменяемости подсудимых и правдоподобности их заявлений. У него определенное реноме, и цена заключения была соответствующая.

– Почему ты его не обжаловал?

– Конечно, обжаловал, – пробурчал он. – Контрэкспертиза была проведена молодой девушкой-психологом, к которой обратился мой адвокат. Она была компетентна, но у нее не было шансов противостоять авторитетному психологу.

– Хм, не повезло. – В голосе Надин прозвучало недоверие. Она грустно посмотрела на него. – Ты еще принимаешь медикаменты?

Рука Харди сжалась в кулак. Его левое веко задергалось. Головная боль напомнила о себе, она, как штопор, медленно проникала через виски в мозг. Харди чувствовал, как на него накатывает агрессия.

– Здесь и сейчас неподходящий момент для твоих при ступов ярости, – прошипела Надин.

Спорить с ней было бессмысленно. Он знал, что не убивал. Харди медленно разжал кулак.

– Кто-нибудь передавал тебе для меня сумку?

– Что? О чем ты говоришь? – Едва заметно она помотала головой.

– Где моя сумка? – повторил он и шагнул через порог в прихожую.

Надин отпрянула, но сунула пальцы в рот и громко свистнула. Тут же забренчали колокольчики, и Харди услышал, как на верхнем этаже по паркету застучали собачьи когти.

В следующий момент вниз по лестнице сбежали два взрослых добермана и затормозили слева и справа от Надин. Это были роскошные собаки, которые тяжело дышали, высунув язык.

– Брут, Цербер, сидеть! – приказала Надин.

– Брут и Цербер? – со смехом повторил Харди. – Ты знаешь, что в тюрьме на меня однажды напала овчарка? Официально в Бютцове не было собак, неофициально – были. После одной попытки побега обыскивали все камеры. Для этого там используют собак. Один пес взбесился и напал на меня. Вцепился зубами в бедро, и я переломил ему хребет. Это совсем не просто сломать хребет взрослой собаке. Нужно удачно ее схватить, прижать тело к колену, а потом повалиться на нее всем весом. То, что это была самооборона, никого не интересовало. Они избивали меня дубинками до бессознательного состояния. Конечно, общественность такого никогда не узнает – ведь официально там нет собак.

– Интересная история, но Брут и Цербер выдрессированные сторожевые собаки.

– Конечно. – Харди опустился на колени, чтобы глаза собак оказались на одном уровне с его глазами. – Привет, мои маленькие, – сказал он нежным тоном и показал псам свои пустые ладони. При этом он дышал быстро, по-собачьи.

– Харди, что это значит?

Он протянул руку к той собаке, которую принял за сучку. Животное оскалилось, обнажив клыки, но затем понюхало пальцы Харди и позволило почесать себя за ухом.

– Да-а-а, тебе это нравится, моя малышка.

Собака опустила на передние лапы, затем перекатилась на спину и подставила Харди шею и живот. Все это время другой пес не двигался, но смотрел на них и ревниво поскуливал.

– Кто эта малышка? – спросил Харди. – Брут или Цербер?

– Харди, спасибо за представление, но сейчас тебе лучше уйти.

– Где моя сумка?

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Надин, моя сумка! – Он крепче схватил собаку за шею.

Глаза Надин расширились.

– Злой мальчик!

Видимо, эти слова означали команду, потому что собака тут же вскочила, прижала уши и оскалилась. Другой пес тоже обнажил зубы.

– Харди, не провоцируй меня! – пригрозила Надин.

Харди поднялся и вытер руки о джинсы.

– Я понял.

– Прощай!

Он перекатил конфетку из-за одной щеки за другую, потом разгрыз ее и почувствовал во рту острый вкус перечной мяты.

– Прощай.

Затем развернулся и пошел к садовым воротам. Надин проводила его взглядом и, когда он оказался на улице, закрыла входную дверь. Харди слышал, как она заперла замок и накинула цепочку.

Боже мой, Надин! В отличие от человека он никогда не смог бы причинить зла собаке, даже в целях самообороны. На самом деле история с обыском камер была другой. В тюрьме действительно использовали собак, но это он сам вцепился в глотку майору Кислингеру и одному из охранников и поэтому был избит.

Харди взглянул на наручные часы, потом посмотрел на автобусную остановку. «Психологическое заключение! Такое дерьмо!» Он не мог принять, что Надин действительно верила тому, что утверждали о нем эти придурки врачи. Но, вопреки опасениям, визит к Надин был не напрасным – кое-что никак не шло у него из головы. Возможно, он неправильно все интерпретировал – но в том, как она

прогнала его, была какая-то странная неохота. И еще эта команда, которую она дала собакам: «Злой мальчик». Раньше они так называли одного человека. Он устраивал нелегальные собачьи бои и пичкал своих животных амфетаминами.

Харди сунул в рот еще одну конфетку и направился к своей следующей цели. К Отто Гедекеру, тому самому Злому Мальчику.

Сабина Немез прочитала сообщение на мобильном. Оно было от Марка Крюгера, ее коллеги из отдела технической экспертизы БКА, с которым она познакомилась в прошлом году на новогодней вечеринке БКА.

Марк был на год старше ее и ботан, как все компьютерщики, но настоящий профессионал в своем деле. К тому же у него были отличные связи с «Дойче телеком»^[2], которыми он иногда пользовался. Путь был не совсем легальный, но, если выяснялось что-то интересное, она всегда могла задним числом запросить у прокуратуры судебное распоряжение.

В списке Марка она нашла звонки доктора Катарины Хагены – последний разговор вчера вечером состоялся в двадцать один тридцать. С ее стационарного телефона. Разговор длился двенадцать минут. Вскоре после этого, согласно предварительному патологоанатомическому заключению, она скатилась с лестницы в своем доме и осталась лежать на ступенях со сломанной шеей.

Сабина уставилась на телефонный номер. Она его помнила. Это был номер сотового телефона Анны Хагены, с которой Сабина разговаривала сегодня днем. О чем беседовали сестры? И почему Анна умолчала про этот телефонный разговор?

Сабина сейчас это выяснит. Она сидела в машине перед домом Анны Хагены, где они с коллегой договорились встретиться в двадцать один час. Было уже пять минут десятого.

Но сначала Сабина должна была узнать кое-что еще. Она позвонила в отдел технической экспертизы и попросила соединить ее с Марком Крюгером.

– Господи, я еще не закончил, – раздраженно пробурчал Марк, услышав ее голос.

– Я просто хочу знать, была ли Анна Хагена вчера вечером в Берлине.

– С помощью пеленгации телефона я могу лишь выяснить, где находился ее мобильник в определенный момент, если он был подключен к сотовой вышке, но не где была она сама.

– Я это и имею в виду.

– Мы, конечно, из БКА и иногда даже умеем творить чудеса... – Он сделал паузу и начал насвистывать вступительную мелодию из фильмов о Гарри Поттере. – Но для всего нужно время.

– Спасибо, Фродо.

– Но Фродо не...

– Я знаю. Позвони, как только что-нибудь выяснишь. – Она прервала связь, потому что не хотела пускаться в нудную дискуссию с Марком, и убрала телефон.

21:15.

Сабина вышла из машины и потянула спину. Хотя уже начинало смеркаться, жара все еще стояла невероятная. Кожа Сабина была покрыта испариной, которую сейчас охлаждал ветерок.

Вокруг головы Сабина кружились мошки. Она отмахнулась от насекомых и направилась к дому. Где-то поблизости стрекотали кузнечики. За городом было значительно прохладнее, чем в самом Висбадене, но здесь на тебя сразу накидывались надоедливые комары.

Сабина позвонила в домофон современного жилого дома напротив таблички Хагена.

Раздался щелчок.

– Алло? – ответил мужской голос.

– Это Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена, у меня встреча с Анной Хагеной.

– В настоящий момент ее нет дома.

– Можно мне подняться?

Нет ответа.

В следующий момент зажужжал дверной замок.

– Четвертый этаж, – раздался мужской голос из домофона.

Сабина проигнорировала лифт и побежала вверх по лестнице. Новые напольные плиты сияли в неоновом свете. Пахло силиконом и чистящими средствами.

На четвертом этаже в конце коридора открылась дверь. Худой тренированный мужчина средних лет, с черной бородой стоял, прислонясь к дверному проему. Из-за него с любопытством выглядывала девочка лет семи, с длинными светлыми волосами. Она была уже в пижаме и держала в руке зубную щетку. Сабина сразу заметила на ней темно-серый пластиковый каркас с ремнями,

распорками и шарнирами, который начинался у стоп и доходил до самых бедер.

Сабина показала свое удостоверение.

– Я коллега Анны. Можно войти?

Мужчина все так же преграждал ей вход в квартиру.

– Анны нет. Я ее гражданский муж, но если речь идет о рабочих вопросах, то не могу вам ничем помочь.

Сабина внимательно изучила мужчину. Он был по крайней мере на восемь или девять лет моложе Анны.

– Где она?

– Вы разминулись с ней. Анна была какое-то время дома, а потом снова уехала.

– Вы знаете куда?

– Она сказала, ей нужно ненадолго в бюро. – Он погладил дочь по волосам. – Иди в ванную, я сейчас приду, это быстро.

Девочка стояла как вкопанная.

– С мамой что-то случилось?

– Нет. – Сабина, улыбаясь, наклонилась к девочке. – У меня три племянницы твоего возраста. Как тебя зовут?

Девочка уставилась на нее.

– Что вам нужно от моей мамы?

– Поговорить с ней.

– Вы из больницы?

– Я? – Сабина удивленно наморщила лоб. – Нет, я мамина коллега.

– Иди уже! – велел ей отец.

– Спокойной ночи. – Девочка сунула зубную щетку в рот. – Меня зовут Анни, как маму. – Она развернулась и неуклюже заковыляла в своем каркасе вглубь квартиры.

От этого вида у Сабины сердце разрывалось. Она понизила голос:

– Я не знала, что у Анны такая маленькая дочь.

– Это моя дочь от предыдущих отношений. Мы с Анной вместе шесть лет. Мы не женаты, но Анни знает ее с младенчества, поэтому называет мамой.

– Это результат несчастного случая?

– Церебральный паралич.

– Мне очень жаль, – произнесла в ответ Сабина, хотя точно не знала особенностей болезни.

Очевидно, мужчина заметил это по ее взгляду, потому что оглянулся, чтобы удостовериться, что девочка скрылась в ванной, и лишь потом заговорил:

– При рождении ее мозг был поврежден из-за недостатка кислорода. Поэтому группы ее мышц работают неслаженно.

– А этот каркас...

– Ортез. Он активизирует мышцы и служит опорой Анни во время ходьбы. Но вы ведь не поэтому здесь?

– Нет. – Сабина сглотнула и заговорила еще тише: – Почему она так боится за свою мать?

– Анна была несколько раз в больнице, и Анни, видимо, услышала это, хотя мы хотели скрыть от нее. У Анны рак щитовидной железы.

О, черт! Беда не приходит одна.

– Ее работодатель знает об этом?

– БКА? Конечно. – Мужчина опустил взгляд. – Но Анна отказывается от химиотерапии и не хочет оставлять службу. – Он взялся за ручку двери. – Это все? Я должен позаботиться о дочери.

– Еще один вопрос. Анна была сегодня в Берлине? – В этот момент в подъезде погас свет. В квартире горела лампа, и Сабина видела теперь только силуэт спутника жизни Анны Хагены. Особенно бросались в глаза его широкие плечи.

– Да. Но она вернулась раньше, чем планировала.

– То есть?

– Она была здесь уже после обеда, но сразу поехала в морг. Вероятно, чтобы опознать сестру.

Трупы давно уже идентифицировали по одним лишь отпечаткам пальцев и ДНК, но Сабина решила промолчать.

На лестничной площадке открылась еще одна дверь, и свет упал в коридор. Муж Хагены никак не отреагировал, он словно смотрел сквозь Сабину в никуда.

– Можно мне все-таки войти и подождать Анну в квартире?

Мужчина помотал головой.

– Если хотите, можете подождать ее перед домом. Анна наверняка скоро вернется.

– На какой машине она ездит?

– На красной «тойоте».

Дверь на площадке закрылась, и снова стало темно.

– Спасибо. – Сабина дала мужчине свою визитку. – Пожалуйста, позвоните мне, когда она придет домой. Это важно. Спокойной ночи. И всего хорошего вашей дочери.

– Спасибо, доброй ночи.

Мужчине не позавидуешь. Он совсем замотался. Сабина развернулась и пошла вниз по лестнице. По дороге к выходу она набрала номер Анны Хагены, но тот был занят. Затем она позвонила вахтеру с главного входа в БКА, чтобы узнать, входила ли Хагена в здание. Он посмотрел в компьютере и ответил отрицательно.

«Так я и думала».

Несмотря на больного ребенка и смертельный случай в семье – в настоящий момент Сабина чувствовала, что осталась в дураках. Когда она вышла на улицу и вдохнула спертый теплый ночной воздух, зазвонил ее сотовый.

«Хоть бы это была Хагена». Сабина тут же ответила, но звонила не Хагена.

– Привет, это я, – сказал Марк Крюгер.

– А, ты, – разочарованно пробормотала она.

– «А, ты?» – передразнил он ее. – Я думал, ты ждешь моего звонка с нетерпением?

– Конечно, жду. Что ты выяснил?

– Так, сначала: Фродо из «Властелина колец»...

– Марк, пожалуйста!

– Ладно. – Он начал печатать на клавиатуре. – Вчера вечером, около половины десятого, Анна Хагена вела телефонный разговор.

– Это мы уже знаем – двенадцать минут, со своей сестрой, – перебила его Сабина. – Но где она находилась в это время?

– Ее сотовый был подключен к берлинской вышке, недалеко от улицы Курфюрстендамм.

– Курфюрстендамм длинная.

– У Мемориальной церкви кайзера Вильгельма.

Недалеко от которой проходила конференция по безопасности. Значит, Анна Хагена сказала правду.

– О'кей, спасибо.

– Тебе это помогло?

– К сожалению, нет, – вздохнула она.

– Если выяснится, что я изучал данные коллеги, тогда мне...

– Да все в порядке! От меня этого никто не узнает. Спасибо. Я твоя должница.

– Кино?

– Не против, только я сама выберу фильм. – Она положила трубку.

Теперь у нее было свидание, но так и не было ответа, на который она надеялась. Два вопроса по-прежнему оставались открытыми: о чем говорили обе женщины? И почему Анна не упомянула этот разговор?

Сабина направилась к своей машине. Вдалеке раздался гудок поезда и послышался металлический стук приближающихся колес.

Что-то во всей этой истории было не так – подсказывала ей интуиция, которая до сих пор редко ошибалась.

Анна Хагена сидела в своем автомобиле и смотрела через лобовое стекло на закат. Вокруг быстро темнело, приборная панель не подсвечивалась, а городские фонари были достаточно далеко и не отвлекали ее. Поочередно вспыхивали фары проезжающих мимо автомобилей и огни неоновой рекламы. Там жизнь еще шла полным ходом – взволнованная и суетливая, в отличие от душевного состояния Анны. С тех пор как решение было принято, она с каждой минутой становилась все спокойнее.

Наконец она повернула ключ зажигания, чтобы оживить приборную панель. Опустила боковое стекло и впустила в машину приятный свежий ночной воздух. В траве стрекотали кузнечики. Затем она коснулась дисплея телефона и пролистала телефонные номера. Выбрала сохраненный под аббревиатурой МСС.

После пятого гудка ответил голос с голландским акцентом:

– Снейдер.

– Привет, Мартен, это я.

– Анна? – Его голос звучал удивленно.

Таких эмоций она от Мартена Снейдера не ожидала.

– Как у тебя дела?

– А какими они должны быть? Мне не хватает работы. Но сейчас вопрос звучит скорее «как ты?» – Он сделал паузу. – Я слышал о смерти твоей сестры. Ты в Висбадене? Ты ведь не собираешься ко мне приехать?

– Нет, я еще в Берлине, – солгала она.

– Все равно я не лучший собеседник.

– И никогда им не был. Но сейчас я просто не знаю, с кем еще мне поговорить.

– О, какой комплимент. – Послышалось шипение спички, и Снейдер шумно затянулся сигаретой. – Между прочим, я посмотрел в Центральной оперативной системе, кто расследует смерть твоей сестры.

– У тебя есть доступ к данным? – Анна услышала шорох и представила, как Снейдер ухмыляется в клубах сигаретного дыма. Наверняка он натянул свою знаменитую презрительную улыбку.

– Конечно, у меня всегда были две учетные записи с паролями. Одну удалили после моего отстранения от службы. О другой никто не знал.

– Ты всегда был хитрым лисом. – Она задумалась. – А почему ты мне это сейчас рассказываешь?

– Думаю, в настоящий момент у тебя другие проблемы, нежели желание портить мне жизнь.

Она молчала.

– Делом занимается Сабина Немез, – сказал он.

– Я знаю, она хотела встретиться со мной.

– «Хотела»? – повторил он. – Но ты не хочешь говорить с ней, – предположил он.

Анна закусила губу. Снейдер всегда был проницательным.

– Ты угадал.

– Даже если ты убежишь от нее, она докопается до правды.

– Сомневаюсь.

– Ты ее недооцениваешь.

– Что она уже выяснила?

– Пока ничего, но я ее знаю, сам обучал два года и раскрыл с ней несколько сложных преступлений. Я знаю, как она работает. Если она вцепится в какое-то дело, то не отпустит, пока не раскроет его.

– Она ничего не знает!

– Рорбек и его сын тоже мертвы.

– Я в курсе.

– Тина Мартинелли расследует это дело.

– Ну и что?

– Анна, послушай меня! Мартинелли я тоже обучал. Обе выяснят правду.

– Нет! Каким образом?

– Не будь такой наивной. Их кабинеты рядом. Они не столь глупы, как ты думаешь.

– А хоть бы и так... – «Черт!» Анна посмотрела наверх и утерла слезу в уголке глаза.

– Ты ведь знаешь, кто убил твою сестру и сына Рорбека, – предположил Снейдер.

– Мы все это знаем.

Молчание.

Потом Снейдер шумно вздохнул. На заднем плане сопела и хрюкала собака.

– Некоторые из нас переступили тогда черту, – сказал он. – Было ясно, что когда-нибудь за это предъявят счет. Я всегда говорил, что рано или поздно правда станет явной.

– Это не обязательно. Мы можем и дальше молчать и отбиваться, – предложила Анна.

– «Отбиваться»? – пренебрежительно повторил Снейдер. – Шансов на успех чертовски мало.

– Знаешь... Со вчерашнего вечера я больше ни о чем другом не думаю. Есть ли у нас шанс? И если да, чего он нам будет стоить?

– Какой бы ни была цена, это безнадежно.

– Я это хотела знать.

– Ты поэтому мне позвонила?

– Да. Кстати, я пришла к тому же выводу, что и ты. – Вдали раздался гудок поезда. Анна коснулась дисплея. – Я должна закончить разговор. Прощай.

– Анна! Я...

Она прервала связь и выключила зажигание, чтобы подсветка панели приборов погасла и в салоне воцарилась полная темнота.

Через открытое боковое окно Анна слышала дребезжание сцепов и приближающийся грохот вагонов. Между деревьями мелькнул прожектор поезда.

Светофор замигал красным, и перед ее автомобилем опустился автоматический шлагбаум.

Поезд достиг поворота, и теперь свет фар локомотива падал прямо на перегороженный шлагбаумом железнодорожный переезд. На мгновение Анна закрыла глаза.

Десять, девять, восемь... считала она про себя.

Еще раз быстро взглянула в зеркало заднего вида. Автоматический шлагбаум за ее машиной тоже был опущен.

Пять, четыре, три...

В детстве они часто играли в зайчишку-трусишку на этом опасном железнодорожном переезде. Ни разу ничего не случилось.

Два, один...

В следующий момент поезд возник перед ней. Раздался визг аварийных тормозов, но они уже не помогут. На данном участке поезд

развивал максимальную скорость.

Затем она услышала оглушительный хлопок, звук бьющегося стекла, скрежет металла – а потом ничего.

Звук экстренного торможения пронзил слух Сабины, словно визг работающей дисковой пилы. Такого шума она еще никогда не слышала.

Она тут же побежала от дома на возвышенность рядом с парковкой, где под козырьком стояли мусорные баки. Взобралась на один из них, а оттуда на крышу.

Она увидела, как в нескольких сотнях метров впереди поезд тащит перед собой автомобиль. Влево и вправо от рельсов в темноту разлетались искры. Несмотря на экстренное торможение, казалось, что поезд не замедляется. Автопокрышки уже горели, вероятно, воспламенилось и масло, потому что неожиданно огнем вспыхнули мотор и салон автомобиля.

Черт! Сабина спрыгнула с крыши и побежала вниз по холму к своей машине. Пока открывала дверь и садилась за руль, позвонила в скорую помощь. Разговор длился всего полминуты. За это время она завела машину и покатила в том направлении, в котором ехал поезд. Взглянув на навигатор, она сразу поняла, как проходили железнодорожные рельсы. На карте было одно место, к которому она могла подъехать на машине.

«Пожалуйста, развернитесь при первой возможности», – раздался голос Клауса Кински, который она давным-давно загрузила для своего навигатора и который автоматически хотел направить ее домой.

– Не сейчас. – Она нервно нажала на газ.

Из динамика раздался предупреждающий сигнал, потому что она не пристегнулась, но Сабина проигнорировала и его. Спустя минуту она доехала до дороги, которая шла параллельно железнодорожным путям. Хотя слово «дорога» было преувеличением. Скорее, узкая дорожка, по которой она к тому же ехала во встречном направлении. Сабина ускорила, потому что пока машин не было видно.

Включила дальний свет и нажала на газ. Машина затряслась по неровному асфальту. Кустарники закончились, и Сабине открылся полный обзор. В ста метрах перед собой она увидела поезд. Он наконец-то остановился вместе с охваченным пламенем автомобилем. Над местом аварии в ночное небо поднималось черное облако дыма.

Машинист уже выбрался из локомотива, стоял рядом с пламенем, прикрывая лицо рукой, и говорил по телефону.

Сабине пришлось остановиться, потому что дорожка поворачивала и подъехать ближе к месту аварии было невозможно. Она припарковала машину на лужайке, чтобы не помешать пожарным, которые здесь скоро появятся, и выскочила наружу.

Огонь бушевал, и время от времени что-то взрывалось и лопалось с глухим треском, словно где-то наружу прорывался горячий воздух. Сабина побежала через кустарник к месту аварии, но ближе, чем на пять метров, подойти ей не удалось, потому что из горящего автомобиля вырывались длинные языки пламени. Сторона водителя была полностью сплющена, в воздухе пахло резиной и горелой синтетикой: это в огне плавилась сиденья и пластик панели управления.

– Не подходите ближе! – закричал машинист. – Автомобиль может взорваться в любой момент.

Насколько Сабина знала, машины взрывались уже не так легко, как раньше, разве что возгоралась горючая смесь в почти пустом баке. Но бензином не пахло. Приставив ладонь козырьком к глазам, она осмотрела машину, но не заметила, чтобы из нее что-то капало.

– У вас есть в поезде огнетушитель?

– Да.

– Тогда несите его!

Мужчина исчез. Из открытых окон вагонов глазели пассажиры. Выйти они, к счастью, не могли, так как двери на открытом участке оставались автоматически запертыми. Иначе здесь бы было не протолкнуться от зевак.

Сабина подошла ближе к горящему автомобилю. Она не могла помочь. За рулем, зажатый между дверью и пассажирским сиденьем, сидел уже сгоревший человек.

Неожиданно Сабина почувствовала запах жженой кожи и волос. Ее затошнило.

Когда из машины раздался очередной глухой хлопок, она отошла на шаг назад.

В свете дрожащего пламени она увидела, что машиной, в которую врезался поезд и протащил перед собой по рельсам, была красная «тойота».

Теперь Сабина знала, кто была погибшая внутри.

10. Пятница, 27 мая

После беспокойной ночи в дешевом пансионе во Франкфурте Харди прибыл час назад на поезде в Рюссельсхайм-на-Майне. Городок располагался между Франкфуртом и Висбаденом, в двадцати минутах езды от каждого из них, и здесь Харди надеялся найти ответы на свои вопросы – а именно, у Отто Гедекера.

От одного бывшего заключенного, который освободился год назад, он знал, что Отто живет в одной из квартир в переулке Циглергассе. Но Злого Мальчика не оказалось дома. Соседка рассказала Харди, что в это время в выходные он всегда тренирует в боксерском клубе Микки на окраине города.

И теперь Харди стоял перед воротами бывшей фабрики, подняв солнцезащитные очки на волосы, и оглядывался. По обе стороны – ржавые разбитые машины и мелкая поросль, которая пробивалась сквозь трещины в асфальте и между заброшенными железнодорожными путями. Безотрадная местность.

Здание было серого цвета – просто пыльно-серого цвета, от фундамента до самой крыши. Оконные мозаичные стекла были местами выбиты, а кирпичная дымовая труба наверняка уже лет двадцать как не действовала.

Над воротами висела табличка: «Боксерский клуб Микки».

Больше ничего, просто «Боксерский клуб Микки». Но то, как это было написано – черными буквами на большой жестяной табличке, – производило почти устрашающее впечатление.

Харди распахнул ворота и вошел. Внутри пахло маслом, металлом, спертым воздухом и потом. Сразу за входом на полу стоял старый радиоприемник. Слева располагались кабинки и душевые, темный проход посередине вел в зал. Оттуда доносилось сопение и семенящие шаги.

Он направился по проходу и через открытую противопожарную дверь вошел в зал. Внутри здание выглядело таким же запущенным, как и снаружи. Это вам не современный фитнес-зал с зеркалами во всю стену и тренажерами по кругу.

Публика состояла преимущественно из мужчин в возрасте между тридцатью и пятьюдесятью. Некоторые отрабатывали удары

кикбоксинга на боксерских мешках, другие тренировались в парах или колотили по грушам, прикрепленным крюками к потолку.

В середине располагались три боксерских ринга. Два были заняты. В одном как раз шел бой, во втором тренер обучал двух мужчин и двух женщин. Так как музыка в зале не играла, сопение и удары были отлично слышны. «Прикрывайся, уклоняйся, апперкот!» Многому из этого Харди сам научился в тюрьме. Правда, спортзал в Бютцове был намного удобнее этого сарая, где плата наверняка принималась только наличными.

– Я ищу Отто! – крикнул Харди мужчине и женщине, которые прыгали со скалкой рядом.

– На ринге, – тяжело дыша, ответила женщина.

– Спасибо. – Харди подошел ближе. Невероятно! Тренером действительно был Отто.

Отто поправился на несколько фунтов, а его грудная клетка, и без того всегда широкая, сейчас выглядела особенно мощной. На нем была майка без рукавов с большим вырезом, широкие черные трусы до колен, спортивные гетры и боксерки. Пот стекал по его седой груди. У Отто появилась лысина, а на шее красовалась татуировка. Издали два больших черных круга выглядели как уши мыши из комиксов, и, когда Харди подошел ближе, он увидел, что на спине, плечах и шее Отто действительно была поблекшая старая татуировка Микки Мауса.

«Ну дела!»

Харди встал у оградительных канатов, поднял глаза к рингу и сунул в рот мятный леденец. Он ждал, когда Отто окажется вблизи него.

– Смотри не вымотайся, Отто, – заметил он между прочим.

Мужчина остановился, вытер рукой пот с бровей и взглянул вниз.

– Не может быть, они тебя выпустили? – пробормотал Отто. – Трусливого убийцу женщин и детей?

Харди проигнорировал оскорбление.

– Вчера утром.

Отто выплюнул капю на пол.

– И ты сразу ко мне?

– Не совсем, до этого я был у Надин.

Взгляд Отто помрачнел.

– Жаль, что ее собаки тебя не разорвали.

Мужчины и женщины, которых тренировал Отто, тоже остановились, прислушивались к разговору и скептически разглядывали Харди.

– Нам продолжать, Микки? – спросил один из них.

Отто помотал головой.

– Сделаем пятиминутный перерыв, мне нужно поговорить со старым приятелем.

– Микки? – повторил Харди.

– Да, новое имя.

– Только не говори, что эта жалкая халупа принадлежит тебе.

– Да, эта жалкая халупа принадлежит мне, козел! Поднимайся, и я покажу тебе, чем мы тут занимаемся.

– Спасибо, сегодня я не в настроении. – Харди сунул руку в карман и достал коробочку с леденцами. – Хочешь мятный леденец?

Отто проигнорировал вопрос.

– Что тебе здесь нужно?

– А ты сам поразмысли!

– Мыслитель из меня никакой. Убирайся отсюда!

– Что ты знаешь о смерти Лиззи? – спросил Харди.

– Что она на твоей совести, большой ублюдок.

«Неужели опять началось?»

– И ты так думал целых двадцать лет?

– Какая тебе разница, что я думаю? В любом случае я не хочу говорить с тобой об этом, и поэтому убирайся отсюда, а то тебе не поздоровится. – Отто скорчил угрожающую гримасу.

«Это что, угроза?»

– Ну что, значит, не поздоровится. – Харди решительно посмотрел на Отто. – Думаешь, меня это остановит? Если не хочешь говорить со мной, тогда тебе придется выволочить меня отсюда за ноги.

– Ладно, дерьмо собачье... – Отто оглядел его. – Я сделаю тебе предложение. Ты вроде в хорошей форме. Поднимайся, и мы проведем один раунд. За каждый удар, который ты сможешь нанести, я буду отвечать на один вопрос.

– А если я облажаюсь?

– Залижешь раны и уберешься, и чтобы я тебя здесь больше никогда не видел.

Харди помотал головой.

– Ты серьезно? Ты на десять лет меня старше, а я в тюрьме не только сидел на заднице и клеил пакеты.

– Тем лучше. Тогда поднимайся на ринг и покажи мне!

Харди скинул куртку и забрался на ринг.

– Хо, хо! – воскликнул Отто. – Не подумал бы, что у тебя хватит смелости. Твое тело выглядит неплохо. Будет интересно. Эй, ребята, расступитесь. Мы с Харди сейчас покажем вам, что такое настоящий бокс. – Он повернул голову в сторону. – Эй, Марко! Принеси пару перчаток!

Спустя пять минут Харди стоял на ринге с капой и в боксерских перчатках, которые принес один из спарринг-партнеров Отто. К этому времени тренировки в зале прекратились, и большинство посетителей стояли вокруг ринга и ждали, что будет происходить наверху.

– Разогрешься? – спросил Отто.

– Не нужно, – сказал Харди и поднял руки. Боксерские перчатки были гораздо легче тех, что он использовал в тюрьме. Тем не менее...

Первый удар пришелся ему в висок. Он видел кулак Отто, но слишком поздно среагировал. В следующий момент он уже лежал на полу и слышал, как щебечут птички.

– О, черт! – засмеялся Отто. – У тебя реакция, как у мертвого опоссума.

«Да, и этот мертвый опоссум надерет тебе сейчас задницу!» Харди поднялся и повертел головой, чтобы размяться. Его шейные позвонки захрустели.

Отто не переставал подпрыгивать перед ним, пружиня ногами.

– Что ты хотел знать?

Прикрываясь кулаками, Харди подошел ближе.

– Что ты знаешь о смерти Лиззи? – прошепелявил он в капе.

Ответа не последовало.

– Тебе кто-нибудь передавал для меня сумку? Отто усмехнулся.

– Ответ за удар.

Харди подошел ближе и сразу ударил Отто в подбородок, но тот успел увернуться, и удар Харди пришелся в пустоту. В тот же момент Отто заехал ему кулаком в ребра, так что у Харди перехватило дыхание.

Черт! Он недооценил Отто. Несмотря на возраст, тот был юрким, а его руки по-прежнему обладали силой паровоза. И очевидно, что Отто не шутил. Но и Харди еще мог поднатужиться.

Поэтому он сконцентрировался, переступал с ноги на ногу перед Отто, уворачивался от его ударов, изучал его движения и пытался понять, где его слабое место.

– Уложи его, Микки! – крикнул кто-то.

– Не беспокойтесь, можете уже вызывать скорую, – ответил Отто, не отрывая взгляда от Харди.

Харди пытался уловить момент, когда Отто ослабит бдительность, но, даже разговаривая со своими людьми, тот ни на секунду не упустил противника из вида.

Спустя еще минуту, Харди перешел в наступление. Удар правой – Отто увернулся, снова мимо. Харди тут же выкинул вперед левую руку, но Отто успел прикрыться. Харди попытался сделать апперкот, но Отто в последний момент отскочил в сторону, так что Харди снова промахнулся.

«Как же этому старперу везет!»

Следующая комбинация Харди будет быстрее. Несколькими ловкими ударами он оттеснил Отто в угол. Теперь он стоял там, где Харди и хотел. Харди чувствовал, что следующим ударом отправит Отто в нокаут, но тут Отто откинулся на оградительные канаты.

Краем глаза Харди заметил движение и вдруг почувствовал боль. Отто пнул Харди ногой в колено. По ощущениям ему словно молотком вышибло коленную чашечку. «У Отто что, обувь с металлическими носками?»

Харди согнулся, отвлекся на мгновение и, прежде чем успел среагировать, получил удар по почкам.

– Черт! – выдавил он и скорчился.

Очевидно, Отто знал, что в долгосрочной перспективе у него нет шансов против Харди, если драться честно. Но и Харди научился в тюрьме парочке подлых приемов.

Он хотел сымитировать прямой удар, а вместо этого врезать Отто снизу чуть выше пояса. Но Отто пнул его во второй раз. На этот раз сбоку в подколенную впадину, и Харди тут же осел и ударился коленом о настил.

Отто сразу оказался над ним и, не успев Харди подняться, ударил ему в челюсть так, что Харди на пару секунд потерял сознание.

Нокаут!

Харди снова начал мыслить ясно, лишь когда открыл глаза и понял, что лежит на полу. Он подвигал челюстью туда-сюда. Защитная капа выпала, и он ощутил привкус крови, когда языком провел по деснам.

– Сволочь! – выдавил он.

– Да, мы здесь вот так боксируем. Мой боксерский клуб – мои правила. Наверное, нужно было тебя предупредить. Но в тюрьме вы наверняка делаете то же самое.

Он ногой подтолкнул ему к лицу бутылку воды, потом присел на корточки.

– Харди, – тихо прошипел он. – Тебе сейчас лучше убраться отсюда. – Отто поднялся. – Кто-нибудь, развяжите мне перчатки. На сегодня с меня хватит.

Харди со стоном поднялся, подождал, пока один из учеников Отто расшнурует ему перчатки, и просунул их между оградительными канатами.

Потрогал подбородок и ребра. Черт возьми! Одно ребро болело при дыхании и, наверное, треснуло. Нужно было сразу бить Отто по яйцам, а потом выколотить из него все мозги.

Харди сплюнул кровь на пол и, кряхтя, надел куртку.

– Fanculo!^[3] – выругался один из спарринг-партнеров Отто.

– Марко, закрой рот и вытри это! – крикнул Отто и сунул руку в боковой карман своей спортивной сумки, которая стояла на полу рядом с рингом. Вытащил что-то и сразу спрятал в кармане брюк. – А теперь проваливай! – Он хотел схватить Харди за предплечье и, видимо, потащить к выходу, но Харди поднял руку в оборонительном жесте.

– Спасибо, я сам найду выход.

Отто последовал за ним по залу и коридору к выходу. Прежде чем Харди вышел через ворота на улицу, Отто взглянул на потолок, где висела тусклая лампочка, света от которой как раз хватало, чтобы в темноте не удариться головой о навесные полки.

– Я не могу ответить на твои вопросы, потому что знаю лишь то, что писали в газетах, – сказал Отто, не отрывая взгляда от лампочки.

Харди тоже посмотрел вверх.

– Что?..

– Проваливай к черту! – крикнул Отто.

Харди молчал. Как там говорили в тюрьме? «Настоящие друзья бросают тебя, лишь когда запахнет жареным». И его это, очевидно, особенно касалось.

– Это единственный совет, который я могу тебе дать, слышал? – Отто сунул руку в карман боксерских трусов и вытащил оттуда сжатый кулак.

Харди увидел, что в руке он держит кастет. Но металлические кольца не были надеты на пальцы. Наоборот. Отто протянул Харди раскрытую ладонь и продемонстрировал кастет. С одной стороны у него был остро заточенный внешний край.

«С ума сойти! Это же мой старый кастет!»

На мгновение Харди показалось, что Отто молча указывал на свою ладонь. «Бери уже!»

Ничего не говоря, Харди схватил металлическую вещицу и сунул в карман брюк.

– Больше никогда здесь не появляйся.

Харди вышел на улицу, встал перед фабрикой и заморгал на палящем солнце, от которого дрожал горячий воздух над асфальтом. Он вытащил из кармана куртки солнечные очки и подождал, пока Отто закроет за ним ворота.

Он еще выяснит, почему Отто так странно себя вел. Похоже, здесь, на свободе, все немного сложнее, чем он думал. Во всяком случае, теперь Харди направится к тому, от кого в свое время получил этот кастет. Его бывшая правая рука: Антуан Томашевски.

Диана Хесс открыла дверь ресторана и вышла на улицу. Ночь была душной, но свежий воздух все равно был приятной альтернативой жаре и шуму внутри.

Трех часов разговоров с министром внутренних дел и главным прокурором с нее пока достаточно. Ей слишком часто приходилось удерживаться от комментариев, потому что Дитрих строго смотрел на нее. Сославшись на головную боль, она извинилась и вышла на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Снаружи к ней тут же подошел мужчина в темном костюме с телефонной гарнитурой в ухе – лишь по ней можно было догадаться, что это полицейский в штатском.

– Все в порядке, фрау Хесс?

– Спасибо, Виктор. – Она улыбнулась. – Решила немного размять ноги.

– Вам лучше...

– Нет, все в порядке.

– Мне вас сопроводить?

– Спасибо, не нужно. Я не сбегу. – Она снова улыбнулась.

Мужчина сделал шаг назад и снова встал перед черным автомобилем, который был припаркован прямо перед входом в ресторан.

Диана накинула на плечи палантин и направилась вниз по улице.

Половина одиннадцатого ночи. Местность словно вымерла. Диана пересекла улицу и добралась до моста, который шел над железнодорожными путями. Она проигнорировала табличку «стройка» и заградительную ленту и вошла на мост. На противоположной стороне находился парк, но освещения на мосту не было, поэтому вряд ли там кто-то гулял. Диане это было на руку: она искала покоя и тишины.

Внизу прогрехотал поезд, и конструкция из металлических балок над ней подозрительно завибрировала. Из воздушной линии электропередачи посыпались искры. Диана замерла и проводила взглядом быстро удаляющиеся огни поезда, который, издав резкий гудок, исчез в темноте. Странно, но на этом отрезке вдруг появилось

очень много проходящих составов. Очевидно, ранее произошел какой-то сбой в движении поездов.

Диана оперлась о перила и вытащила из сумочки пачку сигарет. Если курить так редко, как она, то никотин обычно помогал от головной боли. Никотин и кофеин. Эспрессо она уже выпила. Теперь зажгла сигарету, глубоко затянулась и наблюдала за дымом, который рассеивался в ночи.

Потом она посмотрела в сторону улицы и ресторана. Отсюда его было почти не видно, лишь мерцание световой рекламы.

Вести светские беседы, улыбаться, шутить, снова улыбаться, кивать и время от времени говорить свое мнение, если оно в точности совпадает с мнением ее мужа. Все это становилось невыносимым. Как же ее от этого тошнило! Самое время уехать из Висбадена и переселиться на Балтийское море.

Она часто думала о том, как сложилась бы ее жизнь, не выйди она замуж за Дитриха Хесса и воспитай старшего сына одна. Это было бы возможно. Конечно, она лишилась бы многих чудесных часов и пропустила интересные приемы. Вероятно, никогда не занялась бы благотворительностью, – но зато ее миновали бы и многие страдания. Как и информация, которую она вообще-то не должна была – да и не хотела – знать. Но если ты жена президента БКА, и к тому же не дура, этого очень тяжело избежать.

«Зачем об этом размышлять? Уже ничего не изменить! Думай позитивно и живи своей жизнью». К тому же ей пора вернуться, пока Виктор или кто-нибудь другой из личной охраны не начали нервничать.

В этот момент зазвонил ее сотовый. На дисплее отобразился номер Виктора.

– Привет, Виктор, – ответила она.

В трубке хрустнуло. На мгновение она испугалась, что сейчас услышит не Виктора, а чей-то чужой измененный голос. «Виктор мертв! Ваш муж у нас!»

Ее сердце забилося сильнее. Но затем на другом конце раздался знакомый голос:

– Где вы? У вас все в порядке?

«Господи, это Виктор. У меня настоящая паранойя!»

– Да, все в порядке. Я на железнодорожном мосту и скоро приду.

– Не задерживайтесь.

– Да... мне просто нужно немного свежего воздуха.

– Я выкурю еще одну сигарету, затем пойду вам навстречу.

– Если хотите... спасибо. – Вздохнув, она окончила разговор и положила сотовый в сумочку. Затем щелчком выбросила сигарету через перила на железнодорожные пути и уже хотела идти, как увидела, что на мосту перед ней кто-то стоит. На расстоянии нескольких метров. Мужчина среднего роста, с широкими плечами, который смотрел на нее. Виктор?

– Значит, вы все-таки пошли за мной? – спросила она.

Ответа не последовало.

Мужчина подошел ближе, и в свете проезжающего мимо поезда она разглядела его лицо.

В тот же миг во рту у нее пересохло, пальцы заledenели.

– Вы! – вырвалось у нее.

На мужчине были джинсы и кожаная куртка.

– Добрый вечер, фрау Хесс. – Его голос звучал хрипло и сухо.

– Томас Хардковски, – испуганно произнесла Диана. – Харди, боже мой, на кого вы похожи! – Ее сердцебиение ускорилося. – Вам нужен врач.

– У меня все хорошо, – ответил Харди.

На его губе запеклась кровь, щека и глаз опухли, как после сильного удара. И нос, казалось, тоже недавно сломали.

Диана хотела полезть в сумочку, но Харди повысил голос:

– Не надо! Вам не нужен ни сотовый, ни пейджер, ни газовый баллончик, я вам ничего не сделаю! Если вы со мной поговорите!

Она вытащила руку из сумки.

– Сколько вы уже на свободе?

– Семь дней, и это было нелегкое для меня время.

– Это видно, – заметила она. – Как вы меня нашли?

– Я следую за вами уже целый день.

– Я знала, что однажды снова встречу с вами, – как можно спокойнее произнесла она, но заметила, что вдыхает все больше воздуха и никак не может выдохнуть. Ее грудь болезненно напряглась. – Я знаю, что ваша жена и дети тогда погибли. Поверьте, мне ужасно жаль, что это случилось.

– Они сгорели заживо...

– Харди, я знаю.

– Их убили... но это был не я, – заявил Харди, и в его голосе прозвучало столько гнева и горечи.

– Если вы убеждены в том, что говорите, вам нужно попытаться решить все законным путем.

– Законным путем? – с горечью повторил он. – Я больше не собираюсь тратить на это время. – Он так крепко вцепился в металлические перила, что у него побелели костяшки пальцев. – Я задам лишь один вопрос, и вам лучше дать мне правильный ответ.

Диана сглотнула и попыталась незаметно покоситься в сторону ресторана. Может, охранник уже направлялся к ней?

– Я постараюсь. Что вы хотите знать?

– Как мне встретиться с вашим мужем?

Сабина поднималась на лифте на четвертый этаж здания БКА, где находился ее кабинет. Лишь в узкой кабине она заметила, как сильно ее волосы и одежда пропахли гарью. Глядя в зеркало, она поняла, почему вахтер на входе так ошарашенно на нее смотрел.

Ее волосы склеились и лоснились от сажи, на лице были черные разводы, которые она еще сильнее размазала руками по лбу и щекам. «Просто жуть!»

Двери лифта открылись, и Сабина прошагала в свой кабинет. Там она достала зарядку для ноутбука и мобильный, снова заперла дверь и направилась вниз по коридору.

Дверь в кабинет Тины Мартинелли стояла нараспашку. Внутри горел свет, но Сабина не заглянула в комнату, а торопливо проследовала мимо. Было половина одиннадцатого ночи, а в таком грязном виде ей не хотелось разговаривать с кем бы то ни было. Скорее домой, сунуть одежду в стиральную машину, а самой прыгнуть под душ. Вставить в плеер DVD и навсегда стереть из памяти вид обугленных рук Анны Хагены и ее обожженного лица.

– Что с тобой случилось? Ты дерьмово выглядишь.

Сабина остановилась и обернулась.

Тина стояла в дверном проеме и смотрела ей вслед.

– Первое место в конкурсе красоты тебе не занять.

– Тебе тоже, – ответила Сабина. Тина носила пирсинг на губе и в носу, а ее черные волосы торчали в разные стороны. К тому же она выглядела уставшей. – У меня был тяжелый день.

– Это видно, – сказала Тина. – У меня тоже день был не лучше.

– Расскажешь мне завтра, спокойной ночи.

– Там нечего рассказывать. Я была у Снейдера, но он отшил меня, как новичка в первый день работы в патрульной полиции.

– Ты была у Снейдера?

Тина кивнула. И неожиданно достала из-за спины бутылку бурбона.

– Может, откроем и поговорим? – Она соблазнительно покачивала бутылкой в воздухе.

– У меня в горле пересохло.

Тина засмеялась.

– Тем лучше. Входи, я дам тебе влажные салфетки, чтобы ты вытерла свою страшную физиономию.

И это говорила Тина, со своим металлом на лице, бритыми и татуированными бровями и татуировкой в виде скорпиона и паутины на шее. В таком виде Тине разрешили работать в БКА лишь благодаря настойчивости Снейдера и ее незаурядным успехам в академии.

Сабина вошла в кабинет Тины, и ее коллега выдвинула ящик стола, который был полон мини-упаковок мыла и освежающих салфеток.

– Это я насобирала в прошлом году в самолетах и отелях.

Сабина вытерла руки и лицо.

– Ты ворующая? Этому ты тоже у Снейдера научилась?

– Нет, я всегда так делала.

– И такие люди работают в БКА. – Сабина улыбнулась. – Ты когда-нибудь думала, что мы будем так много путешествовать?

– Нет, но я надеялась, что нам, по крайней мере, дадут просторные кабинеты. – Тина открыла бутылку и налила Сабине и себе по полбокала. – За здоровье!

– За здоровье. – Сабина одним махом осушила свой бокал и смыла всю копоть, которая въелась ей в горло. – О, это... – На глазах у нее выступили слезы.

Тина засмеялась.

– Еще?

– Спасибо, не надо, – прохрипела Сабина.

– Я часто вспоминаю время учебы в академии, – мечтательно произнесла Тина. – Не поверишь, с кем я сегодня разговаривала.

– Со Снейдером? – подколола ее Сабина.

– Да, хитрюга, а до этого? С Майкснер. Она сейчас работает в дорожной полиции.

Тина рассказала о своем разговоре с Майкснер, несчастном случае на автобане, раздавленном «ауди», трупке Геральда Рорбека, его убитом сыне, его эсэмэс Снейдеру, загадочном разговоре с голландцем и его предупреждении отказаться от расследования.

– Рорбек ведь живет... жил в Висбадене, – исправилась Сабина, после того как Тина закончила рассказ. – Что он делал в это время на автомагистрали в районе Буцбаха?

– Согласно его GPS-трекеру, он всю ночь разъезжал на машине.
– Несмотря на то, что этой же ночью застрелили его сына? – спросила Сабина.

– Возможно, именно поэтому, – размышляла Тина. – А теперь ты расскажи, почему выглядишь как трубочист.

– Анна Хагена, наш преподаватель и коллега, покончила с собой в машине на железнодорожных путях. Автомобиль полностью выгорел, я случайно оказалась на месте происшествия, а потом еще час давала свидетельские показания полиции. Но многое я им просто не могла рассказать.

Тина подняла бровь.

– Например?

Сабина поведала о предположительном убийстве адвоката Катарины Хагены, таинственном телефонном разговоре обеих сестер, своем визите к Анне Хагене и еще раз во всех подробностях описала место происшествия на железнодорожных путях.

– *Pogse putanna!*^[4] – выругалась Тина и налила им еще по бокалу. – Двое коллег кончают жизнь самоубийством в один день.

– А накануне у обоих убили члена семьи – сына Рорбека и сестру Хагены.

– Совпадений не бывает! – хором сказали Тина и Сабина с голландским акцентом. Это предложение Снейдер вдалбливал им в голову на протяжении нескольких лет.

– Кто или что может стоять за этим? Изошренный киллер, который доводит людей до самоубийства? – предположила Сабина.

– Маловероятно, но не исключено, – пробормотала Тина. – Рорбек один воспитывал ребенка, а его пятилетнего сына застрелили. Понимаю, почему ему не хотелось больше жить. Но с какой стати такая карьеристка, как Хагена, кончает с собой? У нее была образцовая карьера, высокая раскрываемость, к тому же она преподавала в академии. Что могло выбить такую женщину из колеи?

– Я тоже задаюсь этим вопросом. – Сабина подумала о разговоре с гражданским мужем Хагены. Один лишь рак щитовидной железы не мог быть причиной. Конечно, это тяжелое заболевание, но тот, кто решительно шагнул по жизни, не мог вот так внезапно сломаться, тем более при таких странных обстоятельствах. – Возможно, смесь страха, тревоги, отчаяния, стресса и депрессии, и она просто не видела иного

выхода, – размышляла Сабина. – Но ведь Хагена всегда точно знала, чего хочет. В девятнадцать лет она с отличием окончила школу, с первого раза выдержала вступительный экзамен в БКА, отучилась три года, начала работать комиссаром уголовной полиции в Департаменте БКА по борьбе с наркотиками, затем перешла в отдел, занимающийся расследованием сексуальных преступлений над несовершеннолетними и...

– Что? – перебила ее Тина. – Когда она работала в департаменте по борьбе с наркотиками?

Сабина припомнила резюме Хагены.

– Полагаю, сразу после учебы, когда ей было чуть больше двадцати.

Тина вскочила и принялась рыться в бумагах на своем письменном столе.

– Черт меня побери! Рорбек начал свою карьеру в том же департаменте.

– Ну и что? Многие там начинали.

– В каком отделе она была?

Сабина подумала.

– РПН, если не ошибаюсь.

– Как и Рорбек, – подтвердила Тина. – Кстати, что означает эта аббревиатура?

– Понятия не имею.

– В любом случае они были коллеги и знали друг друга уже давно.

– Тина, я тебя умоляю! В БКА работает более пяти тысяч человек. Было бы совпадением, если...

– Да, сейчас! – перебила ее Тина. – Но тогда сотрудников было еще не так много. Оба принадлежали к старой гвардии. Это были настоящие мастодонты, из которых мало уже кто здесь работает.

Как и Снейдер!

– Возможно, но нам это не поможет. – Сабина посмотрела на распечатку эсэмэс Рорбека Снейдеру, которая лежала на столе Тины. Она взяла лист и прочитала сообщение: – «Прошлое настигает нас. Первое июня всех нас погубит», – пробормотала она. – Что должно было случиться первого июня? Думаешь, он знал, что Хагена покончит с собой?

– Может быть. Во всяком случае, Снейдер намекнул, что это как-то связано с прошлым.

Сабина подумала.

– Когда именно застрелили сына Рорбека?

– Вчера, около девяти вечера.

– А Катарину Хагену столкнули с лестницы вчера в десять вечера, – размышляла Сабина. – Где именно жил Рорбек?

– На юге Висбадена. – Тина назвала ей улицу.

– Подожди-ка. Это не так далеко от дома Катарины Хагены. Она жила на Брайтештрассе, к северо-западу от Майнца. – Сабина схватила мобильный, открыла планировщик маршрутов и ввела данные. – Их дома находятся недалеко друг от друга, в девяти минутах езды на машине.

– И что это означает? Один и тот же убийца нанес визит сначала Рорбеку, а затем Хагене?

– Возможно. – Сабина закрыла программу, встала и напечатала эсэмэс. – Я запрошу данные по последним телефонным разговорам Анны Хагены до ее столкновения с поездом.

– Это так просто?

– Когда у тебя есть нужные связи.

Тина вопросительно посмотрела на нее.

Сабина на секунду подняла взгляд.

– Марк Крюгер из отдела технической экспертизы – он супер.

– А-а-а! – воскликнула Тина. – Похоже, что-то намечается?

Сабина нахмурилась.

– Даже не думай. – Она отправила сообщение. – Так, теперь мне нужно принять душ и выспаться. Поговорим завтра. А после я нанесу визит Снейдеру. Похоже, он что-то знает.

– Можешь не стараться. Verdomme! – передразнила Тина его акцент. – Он не сказал мне ни слова кроме того, что я должна отказаться от расследования.

– Чего мы, разумеется, не сделаем. – Сабина попыталась улыбнуться.

Тина тоже поднялась.

– Конечно, мы раскроем эти преступления...

– И покажем Снейдеру, чему мы научились. – Сабина и Тина ударили по рукам, затем Сабина направилась к двери. – Спасибо за

бурбон.

– Это подарок Снейдера на окончание академии.

Сабина скривилась.

– Мне он подарил диктофон, – все-таки странный тип.

– Да, странный. Можно тебя кое о чем спросить?

Сабине стало не по себе. По серьезному тону Тины она уже догадывалась, о чем пойдет речь.

– Конечно.

Тина прочистила горло.

– Как это было, когда Снейдер застрелил того мужчину?

– Мы ведь уже говорили об этом, к тому же ты знаешь мои свидетельские показания.

– Ну конечно, свидетельские показания! – Тина посмотрела на нее взглядом, который говорил «Не надо меня дурачить!». Затем продолжила полусшепотом: – У того типа правда было оружие или вы со Снейдером подкинули ему пистолет, чтобы все выглядело так, словно Снейдер действовал в целях самообороны?

– Что бы ты сейчас ответила на моем месте?

– Значит, подкинули?

Сабина поняла по взгляду Тины, что та догадывалась о правде.

«Да, черт возьми, все было не так, как я рассказала в суде». Но она ни за что и никому в этом не признается, даже Тине, даже спяну и в безопасном, неприслушиваемом помещении.

На мгновение перед глазами Сабины снова возник угнетающе тесный зал в висбаденском Земельном суде. Она ощутила запах дерева, услышала бульканье батарей и увидела кафедру с судьями в черных мантиях, стенографистку, которая старательно печатала, стоических полицейских у выхода и прокурора, который занимался делом Снейдера...

Помещение оказалось меньше, чем она предполагала, с темными паркетными полами и строгими белыми стенами, на которых висело лишь распятие. В окна светило полуденное солнце и отражалось в жестяных подоконниках.

Снейдер сидел за столом, он отвернул микрофон в сторону и наблюдал за происходящим своим орлиным взором. Как всегда, на нем был дизайнерский костюм и белоснежная рубашка с запонками.

Несмотря на обязательное участие адвоката в процессе, Снейдер попросил разрешения самому представлять себя в суде. Суд согласился, однако, посоветовавшись, все-таки назначил ему государственного защитника, что Снейдера абсолютно не устраивало.

Прокурор, внушительная фигура с седоватыми волосами, поднялся и обратился к председательствующим:

– В целях получения правдивых показаний считаю край не необходимым приведение свидетельницы к присяге.

«Вот это поворот!» Сердце у Сабины забило сильнее. Она надеялась, что дело так далеко не пойдет. Но прокурор во что бы то ни стало хотел поставить Снейдера на колени.

Судья была согласна.

– За лжесвидетельство закон предусматривает наказание в виде лишения свободы от года до пятнадцати лет. Вам это ясно?

Сабина кивнула, затем поднялась и приняла присягу.

– Сабина Немез, осознавая всю ответственность перед судом, клянетесь ли вы говорить правду и только правду и ничего не умалчивать?

Сабина пыталась не глотать и сохранять спокойствие.

– Клянусь.

После этого прокурор обратился к Сабине:

– Опишите суду еще раз тот конкретный день и уточните, насколько вы уверены в достоверности своих воспоминаний. В своих показаниях ограничьтесь лишь тем, что вы лично видели или слышали.

Сабина подумала и глубоко вздохнула. «Отступать уже поздно! Ты справишься. Ты в долгу перед Снейдером».

– В тот день, в ходе расследования так называемой «Сказки о смерти», Мартен Снейдер и я планировали провести арест в кабинете директора. Причины уже известны суду. Задержанный не подчинился, и дело дошло до словесной перепалки. В целях безопасности Снейдер вытащил служебное оружие, но не направил его на директора, которого мы хотели арестовать, а попытался его сначала образумить увещеваниями.

Интуитивно Сабина изменила выбор слов, чтобы суд не воспринял ее показания как заученный текст.

– Где стоял директор во время спора?

– За письменным столом. Когда он сделал шаг к столу, я тоже вытащила пистолет и приказала ему не двигаться.

– Как он отреагировал?

Сердце Сабины билось как сумасшедшее.

– Он наклонился и выдвинул ящик стола.

– Возможно ли, что он хотел достать сотовый телефон, чтобы позвонить адвокату?

– Причин я не знаю. Он нам не сказал.

– Но в ящике находился и смартфон.

– Возможно. Но, во-первых, я не могла этого знать, а во-вторых, это было абсолютно не важно, потому что мы приказали ему не двигаться!

– Но, может, он просто хотел позвонить, – продолжал прокурор.

– Точно так же он мог схватить и пистолет, который лежал в ящике.

– О котором вы тоже ничего не знали!

– Правильно, поэтому я еще раз приказала директору не двигаться, но он проигнорировал меня. Предупредительный выстрел Снейдера тоже не произвел на него никакого впечатления.

– Понимаю. Вы бы тоже выстрелили в этой ситуации?

– Да, обязательно.

– Почему вы этого не сделали?

Сабина немного помедлила. Очевидно, что вопрос был ловушкой.

– Я держала палец на спусковом крючке, но Снейдер меня опередил.

Прокурор кивнул, но было видно, что ответ его не удовлетворил.

– Как, по вашему мнению, пистолет оказался в ящике?

– Это вы должны спросить у директора.

– К сожалению, он мертв. – Прокурор вздохнул. – А когда Снейдер выстрелил во второй раз?

– Когда директор вытащил руку из ящика и выпрямился.

– Да, баллистическая экспертиза показала, что директор стоял прямо во время выстрела, – согласился прокурор. – Вы заметили, держал ли директор в руке оружие?

– Нет, не успела. Его рука была скрыта монитором на письменном столе, а Снейдер уже выстрелил.

– И вы бы тоже так поступили?

– Да.

– Интересно, потому что, как вы уже знаете, у директора в руке не было оружия!

– Как я уже сказала, это было непонятно, а так как директор не подчинялся нашим приказам, мы исходили из того, что просто так он не сдастся.

– Необходим ли был точный выстрел в голову? Разве выстрела в плечо было бы недостаточно?

– Снейдер стоял слишком далеко. Я сомневаюсь, что с такого расстояния можно успеть прицелиться и попасть, тем более ввиду напряженной ситуации и спешки.

Прокурор кивнул. Сабина была уверена, что он не верил ни одному ее слову.

– Вы и Снейдер не только коллеги, но и друзья, – заявил он.

– Я бы назвала это скорее пактом о ненападении, – ответила Сабина и краем глаза заметила, как бровь Снейдера на мгновение приподнялась.

– У вас было впечатление, что в тот день Снейдер находился под влиянием алкоголя или наркотиков?

– Нет.

– В тот день он находился в ясном рассудке?

– Вы хотите сказать, что в другие дни во время исполнения им служебных обязанностей это не так?

– Отвечайте на мой вопрос!

– Я не психолог, – пробурчала Сабина, – но насколько я могу судить, он находился в ясном рассудке и твердой памяти.

– Тогда почему ваши коллеги арестовали Мартена Снейдера после того смертельного выстрела?

– Чтобы сохранить место преступления в первоначальном виде, в случае если дело дойдет до обвинения и судебного разбирательства, а его действия самообороны будут поставлены под сомнение.

– Именно, – злоратно заявил прокурор. – Я сомневаюсь в необходимости той самообороны и полагаю, что Мартен Снейдер совершил убийство в состоянии аффекта.

– А пистолет в ящике стола? – вмешалась в разговор судья. – Он был зарегистрирован на имя директора.

– Возможно, в ящике лежал только телефон, – заявил прокурор. – После убийства Мартен Снейдер мог обыскать кабинет, найти пистолет в шкафу и подложить его в ящик.

– Он не мог этого сделать! – запротестовала Сабина. – Я тут же арестовала Снейдера.

На губах прокурора появилась фальшивая улыбка.

– Действительно?

– Само собой разумеется. Почему я должна была молча наблюдать за мошенничеством и рисковать собственной карьерой и своим будущим?

– Да, почему? А возможно, это вы и подложили туда пистолет? – предположил прокурор.

– По какой причине я должна была производить какие-то махинации с уликами? – возмущенно спросила Сабина, в то время как ее сердце билось все сильнее. Черт!

– Возможно, потому, что сами боялись обвинения? Или, может, вы просто наивная? – парировал прокурор.

Сабина фыркнула про себя, но ничего не сказала.

– У вас есть еще вопросы? – спросила судья.

– Нет, спасибо. – Прокурор сел на место.

– А у вас, господин Снейдер?

– Непременно.

Снейдер быстро переговорил со своим защитником, затем сделал глоток чая из термоса, который стоял на его столе, и поднялся. До первых рядов донесся аромат ванильного чая.

Сабина осталась стоять на своем месте.

– Вы можете сесть, – сказал Снейдер и обратился к обвинителю: – Господин прокурор, насколько я вижу, мыслительные процессы обходят ваш разум стороной. Иначе невозможно объяснить, почему вы назвали Сабину Немез наивной.

– Господин Снейдер! Вы можете продолжать, но в зале суда я ожидаю от вас необходимого уважения, – предупредила его судья.

– Хорошо, если вы настаиваете. – Снейдер кивнул. – Как вы уже знаете из служебного дела Сабины Немез, во время обучения в академии она получила высшие оценки по всем дисциплинам, ее раскрываемость преступлений выше среднего, она всегда действовала корректно и никогда не нарушала предписаний. Так что обвинения ее в

трусливом или наивном поведении лишены всяких оснований. Поэтому я хотел бы критически взглянуть на сам мотив этого процесса.

– Пожалуйста, переходите к сути! – торопила его судья.

– Я прошу немного вашего терпения. Сейчас вы поймете, к чему я клоню, – сказал Снейдер. – Насколько вы знаете из материалов дела, директор был обязан содержать трех своих бывших жен. У одной из этих дам есть кузина, и она...

– Это не имеет никакого отношения к делу! – запротестовал прокурор.

– Продолжайте! – невозмутимо обратилась к Снейдеру судья.

Сабина подняла взгляд. «Сейчас будет интересно».

– И эта кузина является женой...

– Я не понимаю! К чему все это? – выкрикнул прокурор.

– ...Является женой прокурора, – продолжил Снейдер. – Таким образом понятна попытка сохранить репутацию директора незапятнанной и представить его жертвой жестокого и неумолимого полицейского.

Вероятно, Снейдеру пришлось изрядно покопаться, чтобы выяснить эти семейные связи и заинтересованность прокурора. На этом процесс лопнул, и суд больше никогда не ставил под сомнение показания Сабины.

– Все в порядке? – спросила Тина.

Сабина подняла глаза. На несколько мгновений она погрузилась в свои мысли, но теперь вернулась к реальности, в кабинет Тины в здании БКА.

– Давай оставим эту тему, уже поздно, – сказала Сабина.

– В принципе, меня это не касается. Я лишь хочу сказать тебе... – Тина откашлялась. – Я бы поняла, если ты защищала Снейдера, потому что на твоём месте поступила бы точно так же. – Она провела рукой по волосам. – О, черт, театрально получилось.

– Спасибо. – Сабина открыла дверь и вышла в коридор. Вдруг она услышала полицейскую сирену и увидела в окно, как из подземного гаража БКА выехала колонна автомобилей с мигалками и помчалась по улице.

– Ничего себе, как они торопятся.

Кое-где распахнулись двери, и несколько коллег побежали к лифту.

– Что случилось? – крикнула Тина. – Третья мировая война началась?

– Похоже, вы еще не слышали, – сказал пробежавший мимо мужчина.

– Нет, а что такое? Ядерный удар?

– Во время ужина со своим мужем и главным прокурором Диана Хесс покинула ресторан, спрыгнула с моста на железнодорожные рельсы и попала под поезд.

43 года назад – день боли

– Хочешь почитать вот этот детектив? – спросил мужчина в киоске.

Харди кивнул.

– А ты не слишком мал для него?

– Мне восемь, – солгал Харди. «А теперь давай его уже сюда!»

– Ну смотри.

Харди положил на прилавок одну марку – остаток скопленных за это лето денег – и с серьезным видом посмотрел на толстого продавца в киоске, стараясь выглядеть старше своих семи лет.

Мужчина забрал марку и положил на стойку тонкую книжку в мягкой обложке.

Джерри Коттон. «Покушение в Амстердаме».

– Сдачу оставьте себе, – великодушно сказал Харди, свернул книжку трубочкой, сунул в задний карман брюк и пошел.

За летние каникулы он прочитал уже три книжки из этой серии. Каждую неделю выходил новый выпуск. Харди понимал лишь половину написанного, но он обожал диалоги между Джерри Коттоном и его партнером Филом Декером, а также описания погонь на машинах. Но больше всего ему нравились обложки. Когда вырастет, он тоже станет агентом, как Джерри Коттон.

Харди вошел в дом, где жил со своими родителями. Так как оба работали, он мог проводить каникулы как хотел. Его мать была официанткой в кондитерской, а отец работал в металлургической фирме. Но не в бюро, а у станков – хотя отец рассказывал всегда что-то другое, но Харди чувствовал запах его волос и видел грязь под ногтями. Его так легко не провести – в этом отношении он уже был как Джерри Коттон.

Харди прошел через арку и оказался во внутреннем дворе. На горке сидели две куклы в голубых костюмчиках, а в песочнице играла девочка. У нее были пластиковые формочки и ведерко с водой, и она собиралась строить песочную крепость.

Харди встал перед девочкой и подождал, пока та посмотрит на него.

– Привет, Нора.

Она заулыбалась.

– Привет, Харди.

Девочка шепелявила, словно под языком у нее была вата, но его это не смущало. Мать Харди объяснила ему, что год назад, когда Норе было четыре года, она заболела скарлатиной, и у нее начался отит. Так как лечить ее начали слишком поздно, Нора оглохла на оба уха. Она не слышала ничего, даже взрыва петарды. Харди уже проверял.

Но со своими белокурыми косичками, ярко-голубыми глазами и веснушками Нора не только выглядела невероятно милой, но была умной, как утверждала его мать, потому что за полгода научилась читать по губам. А так как Харди это восхищало, он регулярно помогал ей тренироваться. Для того чтобы у них было на это больше времени, в зимние месяцы он сопровождал Нору с ее родителями в бассейн «Аквамарин». За вход он, конечно, не платил – просто подлезал под турникетом.

В бассейне они плескались и тренировали сложные слова и длинные предложения. Иногда Харди обманывал ее и формировал губами слова, которых не существует. Когда она понимала это, то сталкивала его в воду или била кулаками в живот. От ее маленьких кулачков ему было не больно, даже не щекотно, зато он сразу научил ее правильному удару; что большой палец лучше не убирать в кулак, а, наоборот, класть сверху на кулак. Харди в этом разбирался – все-таки он достаточно часто видел, как это делает его отец.

Солнце отражалось от цепочки Норы с подвеской в виде маленького серебряного крестика.

– Поможешь мне с крепостью?

– Времени нет, мне нужно прочитать новый детектив. Он только сегодня вышел.

Она вздохнула.

– Ты ведь даже не понимаешь, что там написано.

– Ну и что? Я...

Харди замолчал, услышав галдящие голоса нескольких ребят. Они жили в том же доме, были на пару лет старше Харди и на голову выше его. Неторопливой небрежной походкой они втроем подошли к песочнице и встали у Норы за спиной. Идиоты!

– Что случилось? – спросила она.

– Придурки снова пришли, – беззвучно, одними губами, произнес он.

Лицо Норы напряглось.

Тони и его друзья окружили песочницу и начали насмехаться над Норой. Разумеется, она не могла слышать, что они говорили, тем более, как они это произносили. Но для Харди это звучало ужасно. Тони, этот говнюк, изменил голос и залепетал, как умственно отсталая девочка:

– Привееет, Хардии, йаа строою зааамооок.

Харди чувствовал, как под кожей у него вздулись жилы.

– Оу-уу, оу-уу, – залепетал другой.

– Заткнись! – наконец закричал Харди.

Все трое сразу умолкли. Медленно развернулись и подошли к Харди.

– Оставьте его в покое! – крикнула Нора, но они проигнорировали ее. Тогда Нора вскочила, в свои пять лет встала между Харди и Тони и сурово посмотрела на Тони: – Оставьте его...

Но не договорила. Тони с такой силой толкнул ее, что она споткнулась о деревянный край песочницы, упала на спину в песок и опрокинула ведро с водой.

– Смотри! – заржал один из парней и указал на Нору, которая лежала в грязной жиже. Спинка ее голубого платья была насквозь мокрая.

Нора все еще грозно смотрела на Тони, но, когда все трое начали злорадно смеяться, на глазах у нее выступили слезы.

– Только посмотрите на эту маленькую грязную девчонку! – закричал Тони. – Оу-уу, оу... – Он неожиданно замолк.

Это Харди его ударил.

Вообще он просто хотел дать ему в грудь, но его кулак соскользнул с пуговицы рубашки Тони и попал тому прямо в челюсть. Тот закатил глаза, неловко упал и ударился головой о деревянный край песочницы. Послышался мерзкий хруст, и из раны тут же хлынула кровь.

А Тони наконец закричал. К счастью! Потому что Харди уже опасался, что Тони больше никогда не пошевелится. Но тот, с искаженным от боли лицом, схватился рукой за затылок, и за

несколько секунд его волосы и пальцы покрылись кровью. Товарищи помогли ему встать, и втроем они убежали прочь.

Харди протянул руку Норе и помог ей подняться из грязи. Он сразу же начал отряхивать песок с ее платья.

– Не надо! – остановила она мальчика и убрала его руку. – Ты такой глупый, Харди.

Харди взглянул на нее.

– Почему? Эти придурки тебя больше не обидят. И меня тоже.

– Я не об этом. Если твой папа узнает.

– Ну и пусть. – Харди пожал плечами.

«Мой отец!» Об этом он совсем не подумал.

Нора с тревогой посмотрела на него.

– Тебе не стоило этого делать. Но все равно спасибо. – Она сунула руку в карман платья и достала коробочку с мятными леденцами. – Это тебе. Я стащила у папы, он привез их из Англии.

– У соседского парня рваная рана на голове! – накричал на Харди его отец в тот же вечер. – Ее пришлось зашивать. Проклятье, ты в своем уме? Я был у них и чего только не выслушал от его отца!

Харди, красный как рак, уставился в пол.

– Тебе обязательно нужно драться! Ты станешь...

– Оставь мальчика в покое, – прошептала мать Харди из глубины комнаты.

– А ты не вмешивайся! – прикрикнул на нее отец Харди и разошелся еще сильнее. Его пальцы сжались в кулак – так, как Харди учил Нору, с прямым запястьем и большим пальцем сверху.

Но в этот раз отец не ударил. Ни Харди, ни его мать. А вытащил жесткий ремень из шлевок брюк.

«Значит, сегодня опять очередь ремня. Сколько ударов на этот раз?»

Харди зажмурился, закусил губу и сжал кулаки. Первые удары были еще терпимы, но каждый следующий становился все невыносимее.

Однако он не стонал и не плакал. Лишь стиснул зубы и думал о своем будущем и о том, в чем клялся себе каждый раз в таких ситуациях: однажды он станет полицейским или агентом, как Джерри Коттон, и будет наказывать таких, как его отец.

«Однажды!»

Скоро его задница начала гореть; штаны не спасали, казалось, что удары сыпались на голую кожу.

Тут из заднего кармана вывалилась книжка о Джерри Коттоне и упала на пол. Харди совсем забыл о ней. Книжка была уже порвана, мятые страницы торчали во все стороны. Ему потребуется много скотча, чтобы привести ее в читабельный вид.

Отец поднял книжку.

– Вот это дерьмо ты читаешь? – заорал он. – И тратишь на него свои карманные деньги? Или ты это украл?

Харди не ответил. Но из глаз у него полились слезы, которые он больше не мог сдерживать.

Он заплакал.

И на этот раз он был не как Джерри Коттон.

**Часть вторая. Группа-6. Четверг, 2
июня**

Новость об ужасной смерти Дианы Хесс не давала Сабине покоя всю практически бессонную ночь. Выпив чашку крепкого кофе, она на рассвете приехала к зданию БКА и на лифте спустилась в укрепленный железобетонными конструкциями подвал, где располагался архив. Любой другой этаж обрушился бы под этими тоннами бумаги.

В такую рань, за полтора часа до начала работы, здесь еще никого не было. Сабина выбрала нишу, которая находилась в «мертвом» углу и не попадала ни на одну камеру видеонаблюдения, и устроилась перед монитором. Конечно, можно было подключиться к архиву и с собственного компьютера, но тогда она оставила бы очевидные цифровые следы, которые были бы очень быстро замечены.

Сабина ни на что особо не надеялась – если кто-то захочет узнать, что она искала в архиве, то сумеет выяснить это, несмотря на все ее меры предосторожности. Но так хотя бы сделать это было сложнее.

Она предполагала, что эсэмэс Рорбека относилось не к вчерашнему первому июня, а какому-то первому июня в прошлом. Поэтому сначала она просмотрела все документы с упоминанием имен Геральда Рорбека и Анны Хагены, которые относились к июню прошлого года. Затем прошерстила все публикации электронных газет за первое июня, но и там не обнаружила ничего необычного. Она даже не знала, можно ли вообще что-то найти и действительно ли смерти Рорбека и Хагены связаны между собой.

Затем ввела в поле запроса предыдущий год и начала новый поиск.

«Что за чертова работа!»

Спустя полтора часа ее глаза болели от мерцания монитора, а сама она была вконец измотана. И когда кто-то сзади положил ей руку на плечо, она вздрогнула от испуга.

– Тина, – выдохнула она и расслабила плечи.

– Уже что-нибудь нашла?

– Нет. Я прошерстила десять лет. И практически наизусть знаю, как складывались карьеры Рорбека и Хагены.

– И что?

– Ну, в обоих делах есть кое-какие нестыковки.

Тина подвинула к себе вращающийся стул и села рядом с Сабиной.

– Какие нестыковки? – прошептала она.

– Я нашла указание на то, что как Рорбека, так и Хагену допрашивала служба собственной безопасности. Но я не знаю, когда. К тому же нет никаких документов на этот счет и неизвестно, было ли что-то доказано.

– Ты врешь!

– Нет.

– О чем же могла идти речь?

– Понятия не имею. – Сабина пожала плечами. – Соккрытие улик, исчезновение оружия или наркотиков из камеры вещественных доказательств, взятки от владельцев игровых автоматов или крышевание борделя – возможностей много. Во всяком случае, один раз их имена упоминались в связи с СВН.

– Служба ведомственного надзора? Значит, оба были коррумпированы?

Сабина подняла руку.

– Заявления на них не было. В худшем случае их лишь подозревали.

В этот момент зазвонил служебный телефон Сабины. На экране высветился неизвестный номер. Сабина ответила.

– Алло?

– Я говорю с Сабиной Немез? – спросил взволнованный женский голос.

– Возможно. Откуда у вас этот номер?

– Я из «Висбаденского эха». Мы узнали, что вы расследуете смерть одной вашей коллеги. К тому же погибла жена президента БКА...

– Без комментариев. – Сабина оборвала разговор и повесила трубку. – Пресса, – простонала она.

– Мне они тоже сегодня звонили. Видимо, пробуют все без разбора служебные номера и добавочные. Чуют громкий заголовок, и ты увидишь, будет еще хуже. – Тина посерьезнела. – Кстати, в случае Дианы Хесс ничто не указывает на то, что ее насильно сбросили через

ограждение железнодорожного моста, – кроме неопределенных следов на шее, которые еще будут изучены судмедэкспертами.

На шее? Это звучало странно.

– Самоубийство? – Сабина помотала головой. – Такая женщина, как Диана Хесс, не будет кончать жизнь самоубийством. – Она невольно вспомнила их последний разговор с Дианой. «Мы хотим переехать к Балтийскому морю». Это уже не получится.

– О чем ты думаешь? – спросила Тина.

– Я только вчера с ней разговаривала, и она поблагодарила меня за то, что я для Снейдера... – Сабина не закончила предложение. – Во всяком случае, она не казалась подавленной или склонной к суициду. Наоборот – она была внутренне готова к вечеру с министром внутренних дел и главным прокурором. – Сабина сглотнула.

– После ужина все и случилось. А что это должно быть, если не самоубийство? Три судмедэксперта проработали всю ночь напролет и не смогли найти никаких однозначных следов внешнего насилия на трупе. По крайней мере, на том, что осталось от трупа, когда поезд...

– Перестань! – закричала Сабина. Она даже не хотела себе этого представлять. Сама мысль, что Дианы больше нет в живых, была ужасна. – Может, это была совсем не она.

– Я видела фотографии ее трупа. – Тина подвинулась ближе. – Сабина, это она.

– Я сказала тебе, перестань! – На глаза у нее навернулись слезы. До этого момента ей как-то удавалось отгонять боль.

– Прости, я... – Тина на мгновение замолчала. – Смотри!

– Что? – Сабина вытерла глаза и повернула голову.

Тина указала на статью, которую Сабина как раз открыла на мониторе. Речь шла об операции БКА первого июня ровно десять лет назад.

– Увеличь-ка!

Сабина схватилась за мышку.

«Дитрих Хесс повышает в звании своих бывших коллег из департамента по борьбе с наркотиками Геральда Рорбека и Анну Хагену...»

Остальное было не важно.

– Бывших коллег, – прочитала вслух Тина. – Это значит, что не только Рорбек и Хагена служили раньше в одном департаменте, но и

Хесс!

Сабина уставилась на статью, и в голове у нее вертелась одна-единственная мысль. «Теперь и жена Хесса покончила с собой».

Если следы и связи уходили так далеко в прошлое, а дело было еще сложнее, чем они думали вначале, существовала лишь одна возможность, как им быстро продвинуться в своем расследовании.

Она должна была срочно поговорить со Снейдером.

Около девяти утра Сабина вошла в Висбаденский университет экономики и права, узнала, на каком этаже Снейдер проводит свой семинар, пробралась в лекционный зал через дальний боковой вход и села в последнем ряду.

Атмосфера в этом университете была совсем другая, нежели в Академии БКА. Намного раскованнее. К тому же здесь сидело около сотни студентов, которые наблюдали, как Снейдер взошел на подиум и терпеливо поправлял запонки, окидывая зал орлиным взглядом.

Снейдер выглядел как всегда; хотя в аудитории отсутствовал кондиционер, на Снейдере была темная тройка, синий галстук и начищенные ботинки. Интересно, с этими студентами он тоже будет обращаться как с идиотами? Вероятно – с чего бы Снейдеру меняться?

Снейдер подождал минуту, пока не воцарилась тишина.

– Сначала вот что... – Он поднялся по ступеням центрального прохода. – Если вы случайно встретите меня в коридоре, столовой или на пути в университет, пожалуйста, избавьте меня от светской беседы типа «Что за погода!». Это меня не интересует, потому что мы сидим не снаружи, а в лекционном зале. Вы легко нашли дорогу сюда? Конечно, иначе меня бы здесь не было. К тому же у меня нет водительских прав и меня подвозят на машине. Кем вы работаете? Вообще-то, это вы должны знать, иначе что здесь делаете. Итак... – Он громко хлопнул в ладоши. – Мы начинаем семидневный семинар. Как работает человеческая психика?

О'кей, Снейдер и правда ни на йоту не изменился – и не делал разницы между обычными студентами и будущими коллегами БКА.

Но все равно он казался каким-то другим.

Сабина наблюдала за ним, когда он приблизился к ней по центральному проходу, но Снейдер ее не заметил. Он выглядел – хотя это казалось невозможным – бледнее и болезненнее, чем обычно. Очевидно, ему не хватало охоты на убийц, и Сабина с трудом представляла, что Снейдер был доволен своей актуальной работой.

– Случай, на примере которого я вам покажу, как работает человеческий мозг, произошел более года назад в Нюрнберге. Я случайно находился поблизости, и меня как специалиста по

расследованию похищений людей пригласили для сбора свидетельских показаний. Высотный жилой дом на окраине города: гаражи, два внутренних двора, детская площадка, чуть дальше лес с пешеходными тропами. В понедельник, в восемь часов утра, молодая мать спускается в прачечную комнату в подвале, в то время как ее двухлетняя дочь играет во дворе. Неожиданно ребенок исчезает. Мать в отчаянии ищет ее и в конце концов обращается в полицию. Девочку не могут найти. Днем я приезжаю на место происшествия и беседую с матерью. Она на грани истерики и возбужденно рассказывает мне, что случилось.

Некоторые студенты записывают что-то в блокноты.

Голос Снейдера изменился.

– Я была в подвале всего десять минут. Как всегда по понедельникам. В это время Зузи играла во дворе. Она никогда не убегает. Я сунула белье в стиральную машину и включила ее. Когда я поднялась, Зузи уже не было. О господи, пожалуйста, найдите ее. Кто-то утащил ее. Возможно, она уже мертва.

Снейдер сделал паузу и подождал, пока все дописали до конца.

– Я поговорил с ней еще пару минут, посмотрел на ее руки, заметил следы масла и земли под ногтями и спросил, где она зарыла труп Зузи.

В аудитории внезапно наступила тишина. Некоторые студенты покашливали. Даже у Сабины перехватило дыхание. Эту историю она еще не знала.

– Это мать ее?.. – спросила одна студентка.

– Если у вас есть вопрос, поднимите руку! – Снейдер спустился по ступеням центрального прохода к кафедре. – Да, ее убила собственная мать. В этом я абсолютно уверен. У Зузи был жар, она хныкала всю субботу и воскресенье, пока родителям наконец не надоело. У матери сдали нервы, и она захотела заткнуть своего ребенка подушкой... что ей и удалось. – Снейдер сделал глубокий вдох. – Я допрашивал женщину еще пять минут, затем она привела меня к месту, где якобы тем же утром, в три или четыре часа, зарыла труп своей дочери. Но тут вмешался ее муж, запретил ей говорить дальше и связался с адвокатом семьи.

– Но откуда вы знаете, что все так и произошло? – спросил кто-то, подняв на этот раз руку и дождавшись кивка Снейдера. – Из-за одних лишь грязных ногтей?

Снейдер улыбнулся своей типичной презрительной улыбочкой, от которой у Сабины каждый раз по спине пробегал холодок.

– Не из-за земли под ногтями; это было абсолютно второстепенно, – сказал он. – А из-за одной фразы, которую она упорно повторяла. «О господи, кто-то утащил ее. Возможно, она уже мертва».

– Но именно так и могло случиться. Кто-то похитил девочку, надругался над ней и закопал ее труп.

– Конечно, так могло случиться, но подумайте хоть раз логически... всего один-единственный раз! – Снейдер принялся массировать точку на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами, чтобы облегчить кластерную головную боль, которая, похоже, его снова мучила. – О подобной возможности молодая мать будет думать в последнюю очередь. Как там говорится? Надежда умирает последней. Сначала всегда думаешь, что твой ребенок просто убежал – к подруге или соседке, – потому что пытаешься отогнать от себя все другие, ужасные варианты. Это защитная функция психики. И даже когда сотрудники уголовной полиции рассматривают возможность похищения или даже убийства ребенка, мать все равно будет твердо верить, что ее ребенок просто убежал. Но эта мать предвосхитила реальность и с самого начала принимала в расчет смерть дочери. Это ее и выдало.

Несколько рук взвились вверх. Снейдер дал слово одной студентке.

– Труп нашли?

Снейдер помотал головой.

– До сих пор не нашли. Уголовная полиция огородила весь участок леса, криминалисты прочесали все пешеходные тропы и направления, собаки-ищейки несколько дней рыскали в поисках трупа, была даже перекопана часть леса. Безуспешно. – Он сунул руки в карманы. – Я хотел проверить родителей на детекторе лжи, но их адвокат заявил, что это унижает человеческое достоинство, и Федеральный суд отказал в использовании полиграфа.

– Я помню это дело, – забормотали некоторые студенты.

– Да кто не помнит? – спросил Снейдер. – Сообщения несколько месяцев мелькали в СМИ.

Теперь и Сабине история показалась знакомой, и она даже знала, что дело еще не закрыто, – но до сих пор не догадывалась, что Снейдер участвовал в расследовании.

– Родители собирали пожертвования для розысков своей дочери, – рассказывал Снейдер дальше. – И не упускали ни одной возможности появиться в ток-шоу. Затем даже вышла тонкая книга, которую мать написала вместе с каким-то «литературным негром». Конечно, каждый по-своему справляется с трауром, но чем чаще родители появлялись на публике, тем больше возникало слухов, что Зузи могла умереть в результате трагического несчастного случая, а мать скрыла это и лишь имитировала похищение, чтобы позже со своим мужем избавиться от трупа.

– Но родители по-прежнему ищут свою дочь – вряд ли они ее убили. Ведь все это не может быть просто отвлекающим маневром?

Снейдер внимательно посмотрел на молодую студентку.

– Вы уверены?

Когда по рядам пошел шепот, Сабина поднялась. Снейдер, как всегда, будоражил умы.

Сабина выскользнула через боковой вход в коридор и купила в столовой стаканчик кофе. Затем посмотрела в вывешенном расписании, сколько еще продлится занятие Снейдера. Времени было достаточно!

Она встала к окну в коридоре и, уставившись на деревья и лужайку во внутреннем дворе кампуса, позвонила Тине, которая сразу ответила.

– Я сейчас у Снейдера в университете, – проинформировала она Тину.

– Уже говорила с ним?

– Еще нет.

– Тогда удачи. – Это прозвучало иронично. – Ты получила данные по последним телефонным разговорам Хагены?

– Нет.

– Я порылась в архиве и нашла еще кое-что, – сказала Тина. – Угадай, кто еще работал вместе с Рорбеком, Хагеной и Хессом в этом отделе РПН департамента БКА по борьбе с наркотиками?

– Снейдер? – предположила Сабина.

Тина громко рассмеялась.

– Снейдер и наркотики – ему бы это подошло. Нет, другой коллега, которого мы знаем и который все еще работает в БКА.

– Черт, не мучай меня!

– Клаус Тимбольдт.

Тимбольдт! Ее новый босс. Сабина вспомнила их последнее совместное со Снейдером дело, когда она впервые познакомилась с Тимбольдтом на месте преступления в Баварском лесу. Как Рорбек, Снейдер, Хесс и некоторые другие, он представлял «старую гвардию» и был большой шишкой в БКА – немногословный, циничный и ставший со временем суровым и ожесточенным. Но кто не был таким после десятилетий работы в Федеральном ведомстве уголовной полиции?

– Ты хочешь за него взяться? – неуверенно спросила Сабина.

– Я? – повторила Тина. – Мы!

– И ты думаешь, что он вот так, ни с того ни с сего, именно нам все расскажет?

– Правильно: ни с того ни с сего, – пошутила Тина, но в следующий момент снова посерьезнела. – Все равно мы должны с ним поговорить.

– Согласна, я позвоню тебе, когда закончу со Снейдером.

– Разговори его и заставь расколотся, – сказала Тина и положила трубку.

«Разговорить Снейдера! Ага, как же!»

За десять минут до первого перерыва Сабина снова вернулась в аудиторию.

Снейдер вальяжно стоял перед кафедрой.

– Если будете допрашивать свидетеля не сегодня, а только завтра, он вспомнит лишь половину. – Снейдер сложил пополам белый лист бумаги.

– Еще через день он вспомнит только четверть. – Он перегнул листок еще раз.

Затем свернул его еще два раза, правда с большим трудом, потому что бумага становилась все меньше и толще.

– А через четыре дня мы узнаем лишь одну шестнадцатую. Вы хотите принять правильное решение с одной шестнадцатой

информации? – Он сделал паузу. – Или со ста процентами? – Тут он снова развернул лист и поднял его в воздух.

Некоторые студенты заулыбались. Снейдер посмотрел на свои наручные часы в цветах голландского флага.

– Пауза пятнадцать минут.

Студенты, оставив на столах свои вещи, повскакивали с мест и заторопились наружу, а Сабина спустилась по ступеням к кафедре.

Снейдер наблюдал за ней краем глаза.

– Почему вы не остались на весь час?

– Было бы наверняка интересно, – признала она. – Я не все знала.

– Вы лжете! Вы ничего из этого не знали. – Он поднял на нее глаза, но руку не протянул.

– Да, верно. – «Снейдер как всегда поражает». – Вы действительно считаете, что маленькая Зузи была убита собственными родителями?

– Может, и не убита, но я убежден, что они имеют отношение к ее смерти. Несчастный случай, неправильная дозировка снотворного – есть много вариантов. Почитайте протоколы их допросов. Мать уже целый год слово в слово повторяет одну и ту же историю.

– Но это же указывает на то, что она говорит правду.

– Вы сами отлично знаете, что это не так, Белочка. – Снейдер посмотрел на нее многозначительным взглядом.

Сабина почувствовала, как покраснела, вспомнив их последнюю встречу в зале суда. Очевидно, он разгадал ее ход.

Казалось, Снейдер размышлял, стоит ли упоминать это, но, к счастью, продолжил:

– Если бы я несколько раз спросил вас о вчерашних делах, вы бы рассказали одно и то же, но каждый раз разными словами. Я с тех пор слежу за этим делом в прессе, и все это время, с самого начала, мать Зузи повторяет в точности одну и ту же историю. А это указывает на...

– То, что она заучила текст.

Несмотря на девять месяцев отстранения от службы в БКА, Снейдер ничуть не утратил своего умственного превосходства.

– Может, мне стоит записаться на ваш семинар? – пошутила Сабина.

– В любом случае вам это не повредит, – серьезно ответил он.

– Вы вообще довольны работой здесь, в университете? – спросила Сабина.

– После отстранения от службы я получил много интересных предложений, большинство от частных компаний, но отклонил их все. В этом прелесть моей ситуации: сегодня я могу – в отличие от вас – выбирать. А повышение квалификации всегда было одним из моих любимых занятий.

«Помимо охоты на убийц», – подумала она и засомневалась, действительно ли Снейдер чувствует себя настолько хорошо. По крайней мере, цвет его лица говорил о другом.

– Вам не хватает БКА? – спросила она в лоб.

– Существует немного людей, которые, как вы и я, заглянули за кулисы, закрытые для обычных смертных. Перед моими глазами все еще стоят картинки, которые никак не идут у меня из головы. – Его взгляд затуманился, а голос стал тише. – Иногда у меня бывают ночные кошмары. Я просыпаюсь весь в поту, а убийцы, которых я за все эти годы упрятал за решетку, стоят в моей спальне – в темноте вокруг кровати – и пялятся на меня.

Сабина сглотнула.

– А потом?

Снейдер взглянул на нее.

– Я говорю с ними. Они рассказывают, что творится у них в голове.

Несмотря на жару в аудитории, по спине у Сабины пробежал холодок.

Снейдер тряхнул головой, словно отгоняя от себя видение, убрал бумаги в один из ящиков, который запер на ключ, и проводил Сабину к двери.

– Я слышал, вы теперь сами преподаете в Академии БКА.

– Среди всего прочего и метод «визионерского видения». Снейдер грустно рассмеялся, но ничего не сказал. Сабина последовала за ним на улицу, где в тени дерева – в зоне для курения – они встали рядом с большой пепельницей цилиндрической формы. Снейдер вытащил самокрутку и уже собирался зажечь ее, как заметил, что к ним направляется пожилой высокий мужчина в костюме.

– Дьявол! – Снейдер убрал косячок. – Ректор.

Сабина нахмурилась.

– С каких пор вы боитесь начальников? – начала было она, но замолчала, увидев рядом с ректором девочку лет семи.

Снейдер кратко, в своем стиле, представил их друг другу.

– Ректор – его внучка – Сабина Немез. – Он прочистил горло. – Моя бывшая коллега по БКА, – добавил он, увидев вопросительный взгляд ректора. Это было уже на много больше, чем Сабина от него ожидала.

Девочка послушно подала Сабине руку и уставилась на ее пистолет в кобуре.

– Вы из полиции?

Сабина улыбнулась, потому что малышка напомнила ей собственных любопытных племянниц.

– Да, можно так сказать.

– Сколько убийц в день вы ловите? – спросила девочка.

– Ох. – Сабина подумала и сделала вид, что подсчитывает на пальцах.

– Сегодня я поймала лишь троих, но еще не вечер.

Девочка восхищенно посмотрела на нее.

– Вы и Джека-потрошителя поймали?

– Ну хватит, – остановил ректор внучку.

– Нет. – Сабина рассмеялась. – Я не поймала Джека-потрошителя, для этого слишком молода, но... – Она повернулась к Снейдеру и уважительно похлопала его по плечу. – Но его поймал Мартен Снейдер.

Снейдер нахмурился.

– Мартен С. Снейдер, – исправил он ее.

– О да! Извините, пожалуйста.

Пока Сабина разговаривала с девочкой и отвечала на ее вопросы, ректор обсуждал со Снейдером рабочие моменты, которые Сабина слышала лишь вполуха.

– Я рассказал руководителю судебно-медицинского института в Майнце, которого хорошо знаю, о вашем семинаре, и он спрашивает... – Ректор сделал всеобъемлющий жест рукой. – За сколько вы бы согласились там преподавать?

– То же самое предложение. Часовой доклад стоит тысячу евро, без НДС. Однодневный семинар пять тысяч евро, семинар на выходных десять тысяч евро, пять дней – пятнадцать тысяч, а

семестровый курс с восемнадцатью дневными и вечерними лекциями тридцать тысяч евро.

– Да, спасибо, я так и думал. Я передам ему. – Ректор выглядел так, словно записывал суммы в уме. Затем он протянул руку внучке. – Пойдем, я покажу тебе свой кабинет, а потом угощу мороженым.

Ректор попрощался и ушел. Девочка обернулась еще раз и посмотрела на Сабину:

– Удачной охоты.

– Спасибо. – «Удача мне понадобится».

Когда оба были далеко и не могли их слышать, Сабина обратилась к Снейдеру:

– Вы берете тридцать тысяч евро за семестровый курс?

Снейдер вытащил сигарету из кармана пиджака и зажег ее.

– Нет, – ответил он, затянувшись. – Но когда я дополнительно предлагаю что-то супердорогое, то названная до этого цена в сравнении кажется совсем невысокой.

Она вопросительно посмотрела на него.

Он покрутил сигарету между пальцев.

– Тот, кто хочет продать что-то дорогое, должен предложить что-то еще дороже для сравнения – понимаете? Это психология продаж!

– А если кто-то и правда захочет купить семестровый курс?

– За эту цену? Я вас умоляю! В таком случае в моем расписании просто не окажется свободных окон. Нужно сделать себя востребованным.

– Жулик!

– Спасибо. – Вокруг его лица клубился сигаретный дым. – У нас есть еще пять минут, и вы наконец-то должны начать рассказывать мне, зачем вы здесь. – Он протянул ей косячок.

– Нет, спасибо. Диана Хесс рассказала мне, что Хесс попытается отменить приказ о вашем отстранении от службы, чтобы вам было разрешено снова работать на БКА.

– Разрешено? – Это прозвучало цинично.

– Обвинения против вас сняли. Если вас полностью реабилитируют...

– Немез! – перебил он ее, поднял руку и показал три пальца. – Сейчас у вас осталось лишь три минуты, затем я должен вернуться в

аудиторию. Не крадите у меня время и скажите, почему вы здесь. Тремя короткими и точными предложениями!

Сабина продохнула. Ясное дело! Снейдер ненавидел светские беседы, а иначе чем коротко и точно общаться с ним было нельзя.

– Недавно произошли два убийства и два самоубийства...

– Знаю, – перебил он ее.

– Мне нужна ваша помощь, чтобы...

– Немез, послушайте меня, не ввязывайтесь в это. Не ройтесь в этом дерьме.

– Но это моя работа.

– У каждой работы есть границы. – Он затушил косячок в пепельнице. – Мне нужно идти.

– Вы еще не выслушали мое третье предложение.

– Пожалуйста! – раздраженно вздохнул он. – Но оно не изменит моего мнения, потому что я уже сказал Тине Мартинелли, что эти случаи меня не интересуют.

Сабина хотела что-то сказать, но в этот момент завибрировал ее телефон. Пришло сообщение.

– Простите. – Она вытащила сотовый и открыла сообщение. Оно было от Марка Крюгера и содержало список последних телефонных разговоров Анны Хагены перед ее самоубийством на путях.

– Немез, ну так что? – торопил ее Снейдер.

– Да, одну секунду, это важно... – Она уставилась на телефонные контакты. Непосредственно перед смертью Хагена разговаривала с тем, чей номер телефона Сабина знала очень хорошо: со Снейдером! Разговор длился почти пять минут.

Сабина убрала телефон и подняла глаза.

– Тогда вас также не заинтересует, что вчера ночью к трупам добавился еще один – Дианы Хесс, – сообщила она Снейдеру последние факты и коротко рассказала о загадочной смерти Дианы.

Снейдер молчал, и было непонятно, что творится у него сейчас в голове. Мужчина, которого, как ей казалось, она знала, девять месяцев назад повел себя абсолютно непредсказуемо.

– Именно с ней у вас была тесная связь, – продолжала она. – Ее смерть не может оставить вас равнодушным. После всего, что вы с ней пережили. – Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Вместе мы могли бы...

– У нас больше нет никакого вместе! Я преподаю в университете. Вы работаете в БКА.

– Хорошо, как хотите! – «Господи, ты действительно предложила отстраненному от службы коллеге работать вместе?» Это нарушало все правила. Даже если речь шла о Снейдере. Все-таки он хладнокровно застрелил человека, и Сабина не была уверена, не превратился ли он сам в одного из монстров, за которыми охотился всю свою жизнь. Что она здесь вообще делает?

Сабина провела рукой по уголкам глаз. Она пыталась держаться по-дружески, но теперь ее тон стал жестче.

– О чем вы разговаривали вчера вечером с Анной Хагеной?

Снейдер долго смотрел на нее, ничего не говоря. Видимо, он не рассчитывал, что она так быстро получит доступ к этим данным.

– Боюсь, это был личный разговор.

– При убийстве личная сфера не соблюдается.

– А в случае самоубийства – соблюдается, – возразил он.

– Хагена взяла на себя расследование вашего последнего нераскрытого преступления. Что это за дело?

– Абсолютно не важное, второстепенное дело. Посмотрите в Центральной оперативной системе. – Хотя они стояли одни в зоне для курения, Снейдер понизил голос: – Что бы вы ни нашли, вас будут называть стукачом и предателем.

Сабине показалось, что она ослышалась.

– Вы должны бы знать меня лучше, – вполголоса ответила она. – Я выясню причины смерти Дианы. И если это связано со смертью Рорбека или Хагены, я найду и эти взаимосвязи. С вами или без вас. Это мой долг перед ней.

Снейдер грустно посмотрел на нее.

– Белочка, я...

– Нет! – Она предостерегающе подняла палец. – Я поклялась себе, что больше не буду ничего скрывать и замалчивать. – Следующее предложение она прошептала так тихо, что сама с трудом расслышала: – Одного лжесвидетельства с меня достаточно.

– Я понял. – Взгляд Снейдера помрачнел. – Я еще не поблагодарил вас за то, что вы для меня сделали. И сейчас не буду, потому что это было ваше решение, и я вас об этом не просил.

– Знаю, я и не требовала и не ждала от вас благодарности.

Он внимательно посмотрел на Сабину и кивнул.

– Я знаю, что вы и Тина Мартинелли не можете иначе, и, видимо, я не сумею отговорить вас от расследования этого дела.

– Звучит так, словно вы искренне переживаете за нас.

– Возможно. Я дам вам один совет – считайте, что я пошел вам навстречу. Будьте осторожны. Никому не доверяйте и подготовьтесь к тому, что вам придется иметь дело с могущественными людьми. – Затем он развернулся и исчез в здании университета.

15. Пятница, 27 мая

Харди прибыл в Хофхайм-на-Майне ближе к вечеру. Как и Рюссельсхайм, этот город располагался между Висбаденом и Франкфуртом, но не к югу, а к северу от Майнца. Местность выглядела похожей. Милые фахверковые дома, зеленые лужайки и летние веранды с зонтами от солнца. В одном из таких кафе Харди перекусил и отправился в город.

Бывший круг друзей Харди был невелик, после Надин Поллак и Отто Гедекера остался еще один человек, который в свое время был его партнером: Антуан Томашевски. Его вилла находилась на севере города, рядом с лесом, где начинался горный массив Таунус.

Удаленное место было лишь одной из причин, почему дом – как раньше, так и сейчас – производил жуткое впечатление на наблюдателя. Особенно сейчас, в девять часов вечера. Другим пристрастием Антуана были необычные украшения.

Стена, которая окружала земельный участок, была метра два высотой, с коваными шпильями. Рядом с воротами стоял огромный цветочный горшок в форме совы, в котором росли большие кактусы с длинными мясистыми стеблями. Антуан любил кактусы.

Если бы Харди проявил больше чуткости, он заявился бы сюда с кактусом в руке. Но даже это ничего бы не изменило. После того как Надин и Отто встретили его с дружелюбием бешеных доберманов – как в прямом, так и в переносном смысле, – здесь вряд ли будет по-другому.

Харди заплатил за такси и сунул затрепанную книжку в задний карман джинсов. Осталось дочитать сто страниц. Он пересек улицу, подошел к кованым воротам и уставился на темный дом за ними. Мужчина с могучей грудной клеткой – раза в два шире, чем у Харди, – преградил ему дорогу.

– Можно войти? – спросил Харди.

Мужчина оглядел его с головы до ног.

– Здесь проходит закрытая вечеринка по поводу дня рождения, приятель.

Надо же! Харди подсчитал. Кристиана была примерно одного с ним возраста, вероятно, это ее день рождения.

– Я пришел, чтобы поздравить.

– Как вас зовут?

– Томас Хардковски.

Мужчина сообщил по рации. Ответа Харди не расслышал из-за треска и шума, но увидел, как мужчина кивнул и отошел в сторону.

– У вас есть пять минут.

– Больше мне и не надо. – Харди вошел на участок. Через метр автоматически включилось освещение перед входом, но Харди проигнорировал массивную дверь со стеклянными вставками, в которых тысячей бликов отражался свет. По узкой дорожке вдоль дома он направился вглубь участка.

Разноцветные солнечные лампы освещали дорожку вдоль стены дома. В саду стояли разные скульптуры, какие-то чудища и демоны с крыльями, которые теперь светились красным, зеленым и голубым. Злое и темное всегда завораживало Антуана.

Чем ближе Харди подходил непосредственно к саду, тем отчетливее слышал смех и звон бокалов. Шум вечеринки становился все громче. Повсюду горели лампы и факелы. Из динамиков раздавалась психоделическая музыка семидесятых. «Как это похоже на Антуана». Но гости не танцевали. Лишь несколько, очевидно, пьяных и легко одетых женщин раскачивались под музыку. Другие гости стояли либо у бара в павильоне, либо дрейфовали на надувных островках по бассейну.

«Хорошо у вас тут! И у тебя могла быть такая же жизнь, как у других, если бы ты не заперол все двадцать лет назад».

Харди схватил за рукав одного официанта, который проходил мимо с подносом, уставленным канапе.

– Где мне найти Антуана?

– Хозяин дома в библиотеке.

Харди вопросительно посмотрел на него.

– Через террасу в дом, правая дверь в конце гостиной.

– Спасибо.

Харди прошел по террасе, отодвинул дорогую москитную сетку в сторону и попал в гостиную. Из сада доносилась приглушенная музыка, но и здесь внутри на патефоне крутилась пластинка. Дин Мартин. Харди пересек гостиную и с правой стороны увидел дверь. Он постучал и вошел.

Антуан Томашевски стоял у письменного стола и что-то писал. Когда Харди закрыл за собой дверь, Томашевски обернулся и одновременно открыл рот.

– Я слышал, тебя выпустили.

– Вчера утром.

– Ты... – Томашевски замолчал и посмотрел на него поверх очков. – Черт, ты выглядишь хреново.

Харди провел рукой по опухшему лицу.

– Короткий разговор с Отто.

– И теперь ты решил попытаться здесь? Сразу скажу тебе, добром это не кончится. Что ты хочешь?

Приглушенный голос Дина Мартина доносился из-за обитой двери библиотеки.

Харди изучал своего друга. Или теперь уже бывшего друга? Томашевски было около шестидесяти пяти. Если не обращать внимания на старческие пятна на руках, синяки под глазами, морщины на лбу и седину, то со своей мускулистой фигурой он все еще выглядел как профессиональный спортсмен.

– А ты, кажется, наоборот, в отличной форме.

– Кристиана не дает мне состариться. Мы участвуем в турнирах по гольфу. Так что ты хочешь? – повторил Томашевски, снял очки, не глядя положил их на стол и потянулся к бокалу с бурбоном.

Харди сунул руку в карман своей кожаной куртки.

– Мятный леденец?

Томашевски проигнорировал вопрос, даже не помотал головой.

Харди взял конфетку.

– Ты знаешь, почему я здесь.

– Понятия не имею. Ищешь где переночевать? Для таких людей, как ты, существуют ночлежные дома и интеграционные центры.

– Не мели чушь!

– Ты мог бы добровольно с общественным попечителем...

– Спасибо, я от этого отказался.

– Тебе нужны деньги? От меня ты ничего не получишь!

– Кто устроил пожар? Кто убил Лиззи и детей?

– Я понимаю, что все это тебя травмировало. В тюрьме тебе наверняка предлагали терапию, и тебе следовало бы...

– Антуан! – резко перебил его Харди. – Где моя сумка, которую ты...

– Харди, что это значит? Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Харди почувствовал, как в голову ему ударила кровь. «Почему никто не раскрывает рта?» Его рука пару раз сжалась в кулак, прежде чем он справился с приступом ярости, а начинавшаяся было головная боль отступила.

– Чего ты боишься?

– Боюсь? Я отсидел свой срок, как и ты, и вышел из дела десять лет назад.

– Ладно, ты вышел. Мне плевать. Но ты знал Лиззи! – закричал Харди. – Я лишь хочу найти парня, который сделал с ней это.

– Парня, который сделал с ней это? – повторил Томашевски. – Ты еще более сумасшедший, чем я думал.

– Разве ты не помнишь наш разговор? – спросил Харди. – Где моя сумка?

– Какая сумка? – Томашевски сделал глоток.

В этот момент Харди набросился на него, выбил бокал из руки и схватил за горло.

– Моя сумка! – прошипел он. – Больше мне ничего не надо, я оставлю тебя и твое изысканное общество в покое, и ты меня никогда не увидишь.

– Убирайся! – прохрипел Томашевски.

Харди услышал, как за спиной у него открылась дверь. В тот же момент голос Дина Мартина стал громче. Харди испугался, что сейчас почувствует кулак привратника, но в отражении стеклянной витрины увидел, что это Кристиана вошла в комнату. Красное коктейльное платье в пол, светлые волосы собраны в пучок, в руке бокал.

Харди тут же отпустил Томашевски и погладил его по воротнику.

– Привет, Кристиана... – Он собрался обернуться. – Мои поздравления... – В следующий момент он почувствовал удар.

Томашевски без предупреждения ударил его сбоку в нос, так что Харди повалился на пол.

– Твою мать! – выругался он, приподнимаясь на руках. Из носа у него текла кровь.

Томашевски взял пачку салфеток с письменного стола и бросил на пол рядом с Харди.

– Ты мне кровью весь ковер зальешь!

Харди сжал кулак. Конечно, он мог бы вмазать Антуану и как следует отплатить, но насилие ничего не даст. На этот раз! К тому же он не хотел возвращаться в тюрьму. Он вытер нос.

– Кристиана, мне очень жаль, но я...

– Харди, не могу сказать, что я рада тебя видеть. То, что ты сделал со своей женой и детьми, вызывает у меня отвращение, – сказала она тихим, но вполне уверенным голосом. – Поэтому тебе лучше сейчас уйти.

Проклятье! Снова вернулась головная боль, которая буром сверлила его виски.

– Кристиана, я...

– Тебя не должны были выпускать. Никогда! Мы больше не хотим иметь с тобой никаких дел, – сказала она. – Исчезни навсегда из нашей жизни. Ты понял?

Черт возьми, что на них всех нашло? Надин, Отто, Антуан и он на протяжении пяти лет делили все радости и невзгоды, загребали деньги лопатой – и это их сплотило. Неужели все так изменились за последние двадцать лет? Это деньги и важничанье сделали Антуана и Кристиану такими холодными и бесчувственными? Правда, они всегда принадлежали к разным кругам, раньше Кристиана была успешным риелтором с сомнительной клиентурой. Конечно, после ареста Антуана ее репутация и бизнес пострадали, но, освободившись, Антуан вошел в дело, и вместе они снова поднялись. Харди знал, что это было нелегкое время; он всегда был в курсе дел своих бывших партнеров. Но, похоже, у них все получилось: полно денег и, очевидно, никакого желания знаться со старыми друзьями.

– Понимаю. – Харди вытер окровавленный нос, сунул салфетки в карман брюк и направился к двери.

Проходя мимо Кристианы, он не протянул ей руку, а лишь показал, словно извиняясь, окровавленную ладонь.

– Спокойной ночи.

– Прощай.

Томашевски молчал.

Харди покинул дом, прошел по террасе мимо бассейна и направился через сад к выходу. На улице он понуро сел на асфальт рядом с глиняной совой, подтянул ноги и прислонился спиной к стене.

– Все прошло успешно? – спросил привратник.

Харди не ответил. Он сделал два глубоких вдоха, затем стиснул зубы, взялся за нос и резко дернул его. Послышался хруст. На глазах выступили слезы, но сломанный нос выпрямился. Правда, кровь снова полилась ему на футболку.

Вот дерьмо!

Он вытер кровь салфеткой, запрокинул голову и прислонился к стене. Краем глаза он заметил, что привратник смотрит в его сторону. Какое жалкое зрелище он, должно быть, представлял собой.

Когда слезы Харди высохли, а рана перестала кровить, он перевернул салфетки. В слабом свете уличных фонарей разглядел несколько слов, которые были написаны на обратной стороне. Некоторые размылись от крови, но сообщение можно было разобрать. Его пульс ускорился.

«Нам очень жаль, что все так случилось. БКА прослушивает наш дом и следит за нами. За другими, вероятно, тоже».

Харди высморкался в салфетку, скомкал ее и сунул в карман куртки.

На нижней салфетке было еще одно сообщение, которое Томашевски, видимо, написал перед тем, как Харди вошел в библиотеку.

«Перед домом под глиняной совой. Удачи!»

Харди скомкал и эту салфетку и убрал в карман. По крайней мере, он прояснил некоторые вопросы. Например, почему Надин, Отто, Антуан и Кристиана внезапно не захотели с ним зняться.

Но оставался еще один большой вопрос: зачем БКА следить за Надин, Отто или Антуаном? Чтобы выяснить, не расскажут ли они что-то Харди? Но что? Это просто паранойя! А если нет? В таком случае кто-то чертовски боялся, что он может что-то узнать. Неужели за всем этим стоит БКА? Кто бы то ни был, Харди придется вытащить его из комфортной зоны.

– Вам лучше уйти, пока не пришли следующие гости, – посоветовал ему привратник.

– Да ладно тебе! – Харди остался сидеть, сунул в рот мятную конфетку и уставился на опушку леса через дорогу. Близкое и идеальное место, чтобы следить за этим домом, – но также идеальное и для Харди, чтобы выяснить, кто наблюдает за домом.

Его ослепили автомобильные фары. Хрустя гравием, перед ним остановился лимузин.

– Следующие гости приехали. Проваливай, придурок!

– Да.

Машина закрыла Харди обзор в сторону леса.

Прежде чем двери лимузина открылись, он с трудом приподнялся, опершись ногой о стену, наклонил тяжелую глиняную сову и незаметно сунул под нее руку. Харди шарил по асфальту, пока не наткнулся на узкий предмет с острыми краями, который спрятал в кулаке.

– Спокойной ночи. – Кряхтя, он поднялся и направился вниз по улице.

Отойдя на несколько метров от виллы, он раскрыл ладонь. В свете уличного фонаря блеснул маленький ключ с выгравированным номером. 0508. Больше ничего – дата его рождения, пятое августа.

Ключ от камеры хранения!

– Вы достигли вашей цели, – раздался гнусавый голос Клауса Кински из навигатора Сабины.

Она выключила прибор и посмотрела через лобовое стекло.

– И тебе придется иметь дело с могущественными людьми? – спросила Тина, которая сидела рядом на пассажирском сиденье.

– Так сказал Снейдер. – Сабина отстегнула ремень безопасности. – Пойдем.

Они вышли и направились через дорогу к поселку с таунхаусами – двухэтажные домики соединялись друг с другом посредством двойных гаражей, перед каждым был небольшой садик.

– Я ожидала от Тимбольдта более престижного района, – пробурчала Тина. – Сколько лет он уже работает в БКА? Тридцать? Руководитель группы по раскрытию преступлений живет вот здесь?

– Может, он вырос в этих местах. К тому же здесь не так плохо. Посмотрим, где мы будем жить через тридцать лет. – Сабина взглянула на номера домов и нашла двенадцатый.

Было шесть часов вечера. Где-то трещала газонокосилка, пахло бензином. Согласно служебному расписанию, у Тимбольдта сегодня был выходной и он появится в БКА лишь завтра.

Сабина посмотрела на гараж, перед которым стоял минивэн цвета «голубой металлик». Похоже, Тимбольдт дома. Сабина несколько раз нажала на кнопку звонка. Прошло секунд тридцать, прежде чем она заметила тень в глазке и услышала шорох за дверью. Видимо, снимали предохранительную цепочку. Затем кто-то открыл дверь.

Это был сам Тимбольдт. Высокий, худой, немного за пятьдесят, с угловатым ожесточенным лицом. Его щеки и подбородок покрывала жесткая седая трехдневная щетина, одет он был в джинсы и черную рубашку с коротким рукавом.

– Меня зовут Сабина Немез, я...

– Мне известно, кто вы, – перебил он ее. – Я знаю своих людей. В прошлом году мы со Снейдером расследовали убийство в Баварском лесу.

– Сказку о смерти, да.

– А вы? – Он взглянул на Тину. – Мари...

– Тина Мартинелли. Я...

– А, Мартинелли. Снейдер рассказывал мне о вас. Что вы хотите? Я только что приехал домой, и у меня немного времени.

– У нас всего несколько вопросов.

– Руководитель вашего отдела знает, что вы здесь?

– Нет. У нас лишь пара вопросов по одному расследованию, – повторила Сабина.

– Завтра я буду в офисе, и мы назначим встречу. – Он собирался уже закрыть дверь.

– Боюсь, мы не можем так долго ждать, – быстро вставила Сабина. – Мы расследуем смерти Геральда Рорбека, а также Анны и Катарины Хагены.

– Вы знали Рорбека и Хагену, – добавила Тина.

– Конечно, я знал обоих. Я столько лет на этой службе, – вздохнул Тимбольдт и уставился на обеих. Затем, похоже, принял решение и сделал шаг в сторону. – Войдите. – Он повел их на кухню.

Там работала посудомоечная машина. Сабина незаметно посмотрела на электронное табло, но Тимбольдт заметил ее взгляд. Дисплей показывал оставшееся время – 11 минут. Значит, он не только что пришел домой, как утверждал.

Тимбольдт сложил руки на груди и встал перед посудомоечной машиной и кухонным окном, из которого был виден гараж и весь ряд таунхаусов вниз по улице. Сабина отметила желтые ногти и подушечки пальцев на правой руке Тимбольдта. Его зубы тоже пожелтели от никотина. В доме пахло холодным табачным дымом, который, словно болезнь, въелся в занавески и мягкую мебель.

Он не предложил им сесть, не спросил, хотят ли они что-нибудь выпить.

– Что вы хотите знать?

– Вы, Рорбек, Хагена и Хесс служили раньше в одном департаменте по борьбе с наркотиками.

Он кивнул.

– Отдел РПН.

– Я не знаю, проинформировали вас или нет, но сын Рорбека был застрелен, сестра Анны Хагены сломала шею при падении с лестницы в собственном доме, а Диану Хесс сбил поезд под железнодорожным мостом.

Тимбольдт уставился на нее с непроницаемым лицом.

– Простите, пожалуйста, разумеется, вы это знаете, – пробормотала Сабина. Все-таки он был начальником ее руководителя. – Геральд Рорбек покончил с собой вчера рано утром, а вечером счеты с жизнью свела Анна Хагена.

– Вы подозреваете меня? – Вероятно, это должно было прозвучать как шутка.

– Нет. – Сабина сохраняла спокойствие. – Но все выглядит так, словно кто-то целенаправленно охотится за коллегами из БКА. Он убивает членов их семей и доводит родственников до самоубийства.

– Он? – повторил Тимбольдт.

– Мы уже можем говорить о серии убийств, а девяносто процентов серийных убийц – мужчины.

– Если эти смерти вообще связаны, – заявил Тимбольдт.

– Мы здесь, чтобы это выяснить, – парировала Сабина.

Тимбольдт оставался невозмутим.

– Вам лучше поговорить с Хессом, если вы видите взаимосвязь между убийствами и нашей службой в департаменте по борьбе с наркотиками. Он был руководителем нашего отдела.

Поговорить с Хессом! Если бы было так просто подступиться к президенту. Тем более сейчас, когда его жена мертва. «Извините, господин президент, но у вас есть алиби на две последние ночи?»

– Он следующий в нашем списке, – пробормотала Тина.

Тимбольдт прищелкнул языком.

– Послушайте, у меня мало времени. У моей жены болезнь Альцгеймера, и я еще не проверил, как она, с тех пор как вернулся домой.

– У вашей жены? Болезнь Альцгеймера? – Сабина не смогла сдержать любопытства.

– Да, моей жене сорок восемь, и это особая форма болезни, которая начинается в раннем возрасте. Проклятая судьба. Итак, что вы хотите?

Сабина сглотнула.

– Мне очень жаль.

– Ничего не поделаешь.

– В чем могли быть замешаны Хесс, Рорбек и Хагена?

– Замешаны? – Тимбольдт рассмеялся. – Понятия не имею. Спросите у суда, прокуратуры или в службе ведомственного надзора.

«Будь это так просто, я давно бы уже это сделала!»

– Что могло случиться первого июня?

– В каком году?

– Не знаю.

Тимбольдт пожал плечами:

– Я тоже не знаю.

Сабина уже с трудом сдерживала внутреннее волнение.

– Это ведь в ваших интересах раскрыть причины самоубийств коллег.

– Каждый отвечает за себя, – буркнул Тимбольдт.

Хладнокровный! Снейдер тоже сказал нечто похожее.

Сабина задумалась, как сформулировать следующий вопрос, но тут в разговор вмешалась Тина:

– Вчера у вас тоже был выходной. Откуда вы узнали о смерти ваших коллег и их родственников?

Сабина подняла глаза и наблюдала за реакцией Тимбольдта. Но тот оставался невозмутимым.

– Мне позвонили из секретариата. К тому же я встречался со Снейдером, а он, как обычно, был информирован лучше всех.

– Со Снейдером? – переспросила Сабина. – О чем вы говорили?

– Это личное дело, и вас абсолютно не касается. А сейчас вам обоим лучше исчезнуть, пока я не решил повнимательнее изучить ваши личные дела и не распорядился устроить вам внутреннюю проверку на предмет должностных нарушений. – Он оскалил желтые зубы, и его улыбка выглядела жутко.

– Пожалуйста, это ваше право, – спокойно ответила Сабина. – Мы расследуем...

Тут зазвонил сотовый Тимбольдта. Он прервал Сабину жестом и ответил на звонок. Сначала только слушал, затем задавал вопросы.

– Это точно? Да, конечно... Если хочешь, о'кей, с завтрашнего дня. Когда мы это узнаем? Хорошо... Конечно, я об этом позабочусь.

Сабина слышала металлический, искаженный голос его собеседника. Это был мужчина, звучание и тон напоминали Дитриха Хесса. Наконец Тимбольдт окончил разговор и убрал сотовый.

– Кто это был? – спросила она в лоб.

Тимбольдт не ответил.

– Что ему было нужно? – не отступалась она.

Тимбольдт лишь надменно покачал головой.

– Вас это не касается, коллега Немез!

– Я знаю, вам что-то известно!

– Не надо... – Тина схватила ее за руку, но Сабина вырвалась и сделала шаг к Тимбольдту.

Тот невозмутимо продолжал стоять перед кухонным окном.

– При всем уважении! Меня не покидает чувство, что Снейдер и вы знаете, кто может стоять за убийствами. И если я выясню, что вы покрываете убийцу, тогда... – В этот момент она пожалела, что потеряла самообладание. «Тогда я вам так надеру задницу, что больная жена будет вашей наименьшей проблемой», – додумала она фразу до конца.

Тимбольдт понизил голос до угрожающего полусшепота и посмотрел на нее так, словно читал ее мысли.

– По-моему, вы забываетесь. И похоже, угрожаете мне?

– Я буду копать настолько глубоко, насколько будет необходимо, – ответила она. «Переверну все вверх дном, пока не покатаются головы тех, кто как-то связан с убийствами».

– Сабина! – крикнула Тина и уставилась в окно. – Смотрите!

Тимбольдт обернулся, и все вместе они взглянули на гараж. Через щели наружу валил дым.

– Проклятье, что это? – закричала Тина. – Ваш гараж горит!

– Это не пожар, – сказала Сабина.

Тимбольдт уже бросился было к двери, но Сабина его остановила.

– Вы идите к жене. А мы позаботимся об этом. Из дома можно попасть в гараж?

– Да, по этому коридору. Рядом с противопожарной дверью висит огнетушитель. – Тимбольдт оставил их в кухне, а сам помчался в прихожую и по лестнице наверх.

Сабина и Тина тоже побежали в прихожую, по темному коридору, мимо полок с какими-то продуктами, и оказались перед желтой противопожарной дверью.

Тина позвонила в службу спасения, вызвала скорую помощь и пожарных и назвала адрес Тимбольдта, пока Сабина дергала ручку, пытаясь открыть дверь. Заперто. Она огляделась. Ключа нигде не было. Тогда она присела и посмотрела в замочную скважину. Ключ торчал с другой стороны. Черт!

Сильно пахло выхлопными газами, за дверью слышался тихий рокот автомобильного двигателя.

Она вытащила пистолет из кобуры.

– Назад! – крикнула она и прицелилась в замок.

Тина, все еще говорившая по телефону, прижалась к стене за стеллажом с канистрами и масленками. Сабина выстрелила. Первая пуля с чавканьем отрикошетила в боковую стену. Следующие две вошли в дверь и разорвали цилиндр. Выстрелы были такие оглушительные, что у Сабины заложило уши.

Между тем Тина закончила говорить по телефону и сняла огнетушитель с крепления. Сабина отодвинула искореженную задвижку в сторону, открыла тяжелую дверь, и в лицо им тут же ударило зловонное облако выхлопных газов.

Весь гараж был в сером чаду. Сабина разглядела только стопу автопокрышек, за ними уже ничего не было видно. Она сделала глубокий вдох, закрыла нос и рот футболкой и вошла в гараж. Она убрала пистолет в кобуру, потому что здесь их уже никто не мог подстергать – любой давно уже потерял бы сознание. Свободной

рукой она разогнала дым и увидела машину. Нащупала дверь водителя и открыла ее. В лицо пахнуло жарой и едкими выхлопными газами. В салоне машины наверняка было больше сорока градусов. Сквозь дым она увидела, что на пассажирском месте кто-то сидит.

Одновременно краем глаза она заметила, как Тина распахнула единственное окно в гараже, побежала к гаражным воротам и начала искать открывающий механизм.

Кашляя и со слезящимися глазами, Сабина забралась в автомобиль и нащупала ключ зажигания. Двигатель работал на холостом ходу. Она нашла ключ и уже собиралась заглушить мотор, как увидела, что Тине удалось поднять ворота гаража.

– Осторожно! В сторону! – прохрипела Сабина, не раздумывая нажала на сцепление, включила заднюю передачу и выехала на машине на улицу.

Задев крылом несколько мусорных баков, рванула руль вправо, промчалась по лужайке и врезалась в минивэн Тимбольдта. Ее сильно потрянуло. С треском выскочили фронтальные и боковые подушки безопасности. Прежде чем Сабина успела нажать на тормоз, она еще опрокинула почтовый ящик.

«Что за дерьмо!»

Сабина сжала подушки безопасности и открыла перекошенную дверь. Задыхаясь, начала ловить ртом свежий воздух. За пеленой слез она увидела, как Тимбольдт выбежал из гаража и бросился к машине.

Сабина посмотрела на пассажирское сиденье. И там подушки безопасности начали медленно опадать. Сейчас она могла разглядеть человека рядом с собой и увидела, что это женщина лет пятидесяти, пристегнутая, в ночной рубашке, с торчащими светлыми волосами и восковой смертельной бледностью на лице. Ее голова была наклонена к боковому стеклу.

Сабина отстегнула ремень безопасности. В этот момент Тимбольдт распахнул пассажирскую дверь и вместе с Тиной вытащил женщину из машины.

Задыхаясь и кашляя, Сабина вылезла из автомобиля и, спотыкаясь, перешла на другую сторону. Ее тошнило. Женщина – очевидно, жена Тимбольдта – неподвижно лежала на траве. Тимбольдт делал ей искусственное дыхание «рот в рот», а Тина, сама бледная как полотно, проводила массаж сердца.

Из близлежащих домов вышли соседи и обступили обе машины и опрокинутые мусорные баки.

Тимбольдт и Тина работали как одержимые. Сабина хотела сказать им, что реанимация бесполезна, но не отважилась лишить Тимбольдта надежды. Вместо этого она уставилась на шланг, который шел от выхлопной трубы по крыше и, зафиксированный боковым стеклом, вел в салон автомобиля.

Женщина слишком долго просидела в машине. Никто не смог бы пережить такое отравление выхлопными газами – они с Тиной сами чуть не потеряли сознание за короткое пребывание в гараже.

Вдалеке слышалась сирена. В сумерках к дому подъехала машина скорой помощи. Остановилась перед гаражом, из нее тут же выскочили врач и два санитары, перебежали лужайку и взяли на себя попытки реанимировать уже мертвую женщину.

Тине пришлось силой оттащить Тимбольдта в сторону. По его щекам бежали слезы, и Тина с трудом смогла его успокоить.

Несколько минут Сабина наблюдала за безуспешными стараниями медиков скорой помощи, которые пытались реанимировать женщину с помощью дефибриллятора. В конце концов они оставили попытки и накрыли ее голову одеялом.

– Нет! – закричал Тимбольдт.

Затем он обернулся к соседям, которые плечом к плечу стояли у забора и смотрели в сад.

– Что пялитесь? – крикнул он. Голос у него сорвался, слюна стекала из уголка рта.

Сабина подошла к нему, взяла за предплечье и повела к машине скорой помощи.

– Вам нужно успокоиться.

Он сел в салон и отсутствующим взглядом смотрел в пустоту.

– Ваша жена сама это сделала? – спросила она.

Он помотал головой.

– Кто это был?

Он сидел с окаменевшим лицом и ничего не говорил.

– Кто мог это совершить? – не отступалась она.

– Я не знаю.

Час спустя вечерняя заря окрасила небо над поселком в густой багряный цвет. Похоронная служба отвезла труп жены Тимбольдта в институт судебной медицины, а его самого на машине скорой помощи отправили в больницу. Криминалисты висбаденской уголовной полиции уже оцепили участок и обследовали место преступления.

Сабина и Тина отказались от медицинской помощи. Дав показания, Тина направилась к Сабине – та стояла на противоположной стороне улицы и наблюдала за работой коллег, а в голове у нее вертелись одни и те же вопросы.

– Хреново выглядишь, – заявила Тина.

– Тогда у нас есть что-то общее.

Волосы Сабины пахли дымом и выхлопными газами и, наверное, спутались и торчали во все стороны, как у Тины.

– Я... О, черт, нет... – Тина нагнулась, и ее вырвало на обочину. Содержимое желудка брызнуло на кроссовки Сабины.

«Боже мой!»

Ее желудок тоже перевернулся в который уже раз – хотелось последовать примеру Тины, но Сабина взяла себя в руки.

Тина была смертельно бледная. Она вытерла рот тыльной стороной ладони.

– Извини.

– Все в порядке. – В следующий момент Сабина снова погрузилась в мысли. – Тимбольдт знал обо всех убийствах и самоубийствах.

– Невелика мудрость. Он шеф, к тому же его проинформировал Снейдер.

– Да, но он даже не спросил, как мы вышли на эту дату – первое июня. Его не интересовали взаимосвязи.

Тина приподняла бровь.

– Вполне вероятно, Снейдер рассказал ему об эсэмэс Рорбека.

– Возможно, но есть еще кое-что... Когда Тимбольдт пришел домой и припарковал свою машину перед гаражом, он должен был услышать шум двигателя. Но он почему-то не услышал!

– Да, все это очень странно, – согласилась Тина. – К тому же он находился дома дольше, чем утверждал. Посудомоечная машина!

– Я тоже заметила. Теперь и Тимбольдт потерял члена семьи.

– Догадываюсь, кто стоит следующим в списке жертв после Рорбека, Хагены, Хесса и Тимбольдта.

Сабина вопросительно взглянула на нее.

– Снейдер.

18. Суббота, 28 мая

Утром после визита к Антуану Томашевски Харди выстирал в гостиничном номере свою окровавленную футболку и высушил феном, купил в магазинчике при отеле туалетные принадлежности и новые толстовки. После завтрака направился на пешеходную зону Хофхаймана-Таунусе. Недалеко от вокзала он нашел магазин сотовых телефонов, который работал до двенадцати. То, что надо!

Он обратился к первой попавшейся продавщице – прыщавой девушке-подростку с рыжими короткими волосами, которая не доставала ему даже до плеча.

– Мне нужен смартфон, который может снимать видео.

Она раздраженно взглянула на него.

– Все могут.

– Мне необходима особенно хорошая видеопрограмма и функция зума.

Девушка равнодушно выложила перед ним три экземпляра, и Харди выбрал самый дорогой.

– А теперь помогите мне с регистрацией и установкой видеопрограммы и научите, как ею пользоваться.

– Это что, ваш первый телефон? – спросила она, жуя жвачку, затем надула и лопнула желтый пузырь.

– Да, первый.

Она уставилась на него.

– Да вы издеваетесь!

Харди понизил голос и прорычал:

– Вам стоит проявить ко мне чуть больше уважения, потому что, в отличие от вас, я закончил школу тридцать лет назад без Интернета, Гугла и Википедии.

Инструктаж продолжался более двух часов, но теперь Харди разбирался в смартфоне лучше, чем пацанка. Было уже 11:30. Харди пересек спортивный парк и вошел в лесок на краю Хофхайма. Как и многие другие прогуливающиеся, он брел по пешеходным тропам, читал информацию о растениях и деревьях – и таким образом все ближе подходил к вилле Томашевски.

Последние сто метров состояли из густых кустарников и крапивы почти полметра высотой. Харди ориентировался с помощью навигатора, который указывал ему на телефоне путь и стороны света.

Наконец сквозь листву он увидел улицу, стену вокруг участка Томашевски и стоящую за ней виллу. Какое-то время Харди бродил по лесу перед виллой в поисках подходящего места для своего наблюдательного поста. Почему-то он надеялся наткнуться на какие-нибудь следы наблюдения. Растоптанные растения, обертки из-под батончиков мюсли, пластиковые бутылки, бумажные салфетки или куча дерьма под туалетной бумагой, которую облепили мухи. Однако ничего! По этому лесу, кроме лисицы, уже много недель никто не ходил.

Значит, Томашевски солгал? За ним вовсе не следили? Или, по крайней мере, не с этого места. Но оно было лучшим! До дома отсюда менее двадцати метров.

Харди нашел дерево с удобной развилкой сучьев, где и устроился и откуда ему открывался хороший вид на вход в дом Томашевски.

Если наблюдающие уже не нанесли визита Антуану, то они еще появятся. Наверняка. Несмотря на то что сегодня суббота. Типов из БКА не нужно долго упрашивать.

Девять часов спустя Харди все еще сидел на суку. У него болела задница, ныла спина, бутылку воды он выпил еще три часа назад, а мошки и комары искусали его во всех возможных местах.

«Бредовая идея!»

Никто не придет.

Харди взглянул на часы. Двадцать один десять. Уже начало смеркаться, скоро совсем стемнеет. Если они до сих пор не появились, то уже не придут.

Харди, кряхтя, уже хотел слезть с дерева, чтобы вернуться через лес к своему отелю и принять горячий душ, как перед домом Томашевски остановилась машина.

Не черная «Лада-Тайга», которая преследовала его в Бютцове, а БМВ. Служебный автомобиль БКА. Высокопоставленные служащие имели собственные номерные знаки. Этот был WI-BK0041.

Харди затаил дыхание и прищурился.

Из машины вышли мужчина и женщина. Мужчину он знал. Геральд Рорбек. У женщины он пока видел лишь короткие светлые волосы и спину. Оба были в темной гражданской одежде. Рорбек в костюме, женщина в брюках и блейзере.

Они позвонили в ворота и вошли на участок. Вечеринка закончилась, привратника сегодня уже не было. В следующий момент оба стояли перед входной дверью и жали на кнопку звонка. Датчик движения активировал освещение, и лица обоих посетителей отражались в стеклянных вставках двери.

Харди торопливо достал сотовый из нагрудного кармана и включил камеру.

Он зажал телефон между сучьями, оборвал с ветки листок, который закрывал обзор, и приблизил изображение зумом.

Настроил камеру, добиваясь резкой картинки. Между тем Антуан вышел наружу и закрыл за собой дверь. Он разговаривал с Рорбеком и женщиной.

Очевидно, у них не было ордера на обыск, иначе они вошли бы в дом, а не остались стоять перед входной дверью. К сожалению, Харди не слышал ни слова, он был слишком далеко – хотя даже на меньшем расстоянии все заглушили бы чирикание птиц и стрекот цикад. По крайней мере, он видел выражение лица Антуана. И оно было совсем не приветливым.

Лица Рорбека и женщины отражались в стекле лишь фрагментарно, словно пропущенные через призму. Недостаточно, чтобы понять, кто эта женщина, потому что ее глаз не было видно. В любом случае их дискуссия была жаркой. Судя по жестам, еще немного – и Рорбек схватит Антуана и прижмет к двери.

Ни следа профессионального поведения и культуры сдержанного общения во время допроса.

«И тому наверняка есть причина».

В конце концов Кристиана тоже вышла на улицу, и атмосфера немного разрядилась.

Харди посмотрел время на дисплее, которое указывалось под видеозаписью. Разговор длился уже пять минут.

Наконец Рорбек и женщина развернулись. Теперь Харди увидел ее лицо. Он знал женщину.

Это была Анна Хагена.

После неудачной попытки спасти жену Тимбольдта Тина хотела принять душ и переодеться. Поэтому Сабина отвезла коллегу домой.

Тина захлопнула дверь машины и наклонилась к открытому окну.

– Возможно, уже завтра кое-что прояснится, если висбаденская уголовная полиция найдет преступника, который застрелил сына Рорбека.

– Или если я выясню, кто столкнул Катарину Хагену с лестницы. Я по-прежнему уверена, что это один и тот же преступник.

– Завтра мы увидим окончательные отчеты криминалистов. Затем придется дожидаться информации о том, что они нашли в гараже Тимбольдта и что выявит вскрытие Дианы Хесс.

– Да, – вздохнула Сабина. – Еще слишком рано говорить о чем-то конкретном. Вместе с тем Снейдер всегда считал, что преступление можно раскрыть только в первые сорок восемь часов. Затем шансы быстро убывают. Следы стираются, а свидетели не могут ничего вспомнить. И это время почти истекло.

– Я знаю. Что ты задумала? – спросила Тина.

Вообще-то Сабина тоже хотела поехать домой, все-таки уже шел девятый час, но там она лишь будет сидеть в гостиной и ломать себе голову.

– Я еще раз съезжу в архив.

– Сейчас? В таком виде? – спросила Тина.

– Сейчас и вот так.

«Если не сейчас, то когда?» – всегда внушал Снейдер, и Сабина все чаще замечала, что почти автоматически переняла высказывания и образ мыслей Снейдера.

– Только долго не сиди. Спокойной ночи. – Тина постучала по крыше машины, и Сабина поехала к зданию БКА.

Фальконе, итальянский вахтер, лишь поморщился, когда Сабина показала ему удостоверение, прошагала через рамку металлодетектора и мимо охранников службы внутренней безопасности Ломана и поехала на лифте на самый нижний этаж.

В архиве у терминалов сидело много коллег. Сабина снова устроилась в нише, защищенной от камер наблюдения, и начала свои

поиски.

На этот раз она прошерстила первое июня одиннадцатилетней давности на предмет чего-нибудь, что могло связывать Рорбека, Хагену, а теперь еще и Хесса и Тимбольдта. Но не нашла ничего интересного ни двенадцать, ни тринадцать, ни четырнадцать лет назад. Похоже, она была на ложном пути, и сообщение Рорбека Снейдеру вообще не имело ничего общего с прочими смертями и касалось чего-то другого.

Когда она дошла до первого июня девятнадцать лет назад, ее глаза слезились от напряжения. Она сделала паузу и помассировала виски. «Все это бессмысленно! Просто свихнуться можно!» – Рорбек мертв, а Снейдер ни за что не раскроет рта. Она слишком хорошо его знала.

Зазвонивший сотовый заставил ее вздрогнуть. Сабина посмотрела по сторонам. Она осталась одна в архиве. Остальные терминалы были темными. Сабина посмотрела на дисплей. Снова пресса – она прервала связь.

«Будьте готовы к тому, что вам придется иметь дело с могущественными людьми», – пронеслись у нее в голове слова Снейдера.

Если Снейдер был прав – кому она могла доверять? На ум ей пришел лишь один человек, который уже долго служил в БКА. Мужчина, который знал большинство коллег и которому она абсолютно доверяла.

Ломан!

Начальник службы внутренней безопасности и руководитель оперативного подразделения МЕК. Он был многолетним другом Снейдера, и Сабина познакомилась с ним на первой же неделе учебы в академии. «Господи, с тех пор уже три года прошло!»

Она набрала номер Ломана.

– Да?

– Это Сабина Немез, вы еще в офисе?

– Собираюсь уходить. Что случилось?

– Можно зайти к вам?

– Сейчас?

Сабина посмотрела на время на мониторе. Двадцать один пятнадцать.

– Да.

– Пончики принесете?

Сабина мысленно перебрала запасы в шкафчиках своего кабинета.

– Кекс «Страчателла»?

– Тоже неплохо. Я сварю нам кофе.

Десять минут спустя она постучала в дверь Ломана и вошла. Раньше кабинет его находился в подвале и там не было окон, но девять месяцев назад он переехал в старое бюро Снейдера.

Кабинет был в два раза больше, чем у Сабины, с видом на внутренний двор БКА, где летом иногда устраивали гриль-вечеринки. Отсюда Снейдер всегда пристально следил за праздниками.

Сабина посмотрела в сторону. Подсобное помещение, которое Снейдер использовал как архив и где хранил тонны документов, Ломан превратил в личную серверную и склад жестких дисков и мониторов. Кондиционер урчал как кошка, и по комнате растекалась приятная прохлада. Приборы тихо жужжали и гудели. Ломан прикрыл дверь в подсобное помещение и рукой указал на диванчик. В кабинете пахло кофе. Ломан уже подготовил тарелки и чашки. Сабина села.

Ломан скептически оглядел ее.

– Вы только что из паба для байкеров?

– Я... – Она замялась. Наверное, лучше пока не упоминать о смерти жены Тимбольдта. – У меня были кое-какие дела в гараже.

– Угу. – Ломан приподнял бровь.

Сейчас он напоминал отставного военнослужащего. Угловатое лицо, короткие светло-русые волосы и пронизательные голубые глаза. К тому же Ломан отрастил себе маленькую острую бородку и, несмотря на свои пятьдесят лет, выглядел моложе.

– Это бывший кабинет Снейдера, – сказала Сабина.

– Хесс выделил мне его, после того как Мартен... ну, вы знаете. – Он пожал плечами. – Время от времени Снейдер заказывает гостевой пропуск на пару часов. Тогда он поднимается сюда, и мы пьем ванильный чай.

Сабина усмехнулась: она слишком хорошо знала причуды Снейдера. Аромат ванильного чая перекрывал запах марихуаны. Инстинктивно она взглянула на потолок. Там по-прежнему виднелся круглый след от старого датчика пожарной сигнализации, который Снейдер демонтировал, потому что регулярно курил в своем кабинете.

Не менее удивленно она посмотрела на стену.

– Вы оставили фотографию голландской королевской семьи?

– Снейдер попросил меня об этом. Видите? Вот, по нижнему краю. Подписана специально для него.

– Я знаю. Думаете, однажды он снова будет работать в БКА?

– После всего случившегося? – Ломан с сомнением посмотрел на нее. – Он застрелил безоружного мужчину.

– Но мужчина хотел... – запротестовала Сабина.

Но Ломан прервал ее жестом.

– Я знаю ваши свидетельские показания. Кто их не знает? Но я также знаю Снейдера, и на его месте сделал бы то же самое. В любом случае своими показаниями вы спасли его от тюрьмы.

– Там бы он погиб.

– Он и так погибает, без БКА и без охоты за убийцами. Это единственное, что он умеет, что наполняет его жизнью и чего он действительно хочет. Проникать в головы серийных убийц.

– Думаете, его когда-нибудь допустят к службе?

Ломан покачал головой.

– Хесс намекал, что попытается сделать все возможное. Но сейчас, после смерти жены, у него наверняка другие заботы.

«Это точно!» К тому же Диана Хесс всегда старалась замолвить словечко за Снейдера.

– Как вы относитесь к слухам, что Дирк ван Нистельрой может стать преемником Хесса? – спросила Сабина. – Все-таки Хессу уже шестьдесят три. – О его планах уйти на пенсию через полгода она не упомянула.

– Дирк ван Нистельрой, – процедил Ломан. – Это не слухи. В настоящий момент он занимает пост заместителя директора Европола в Гааге. Многие говорят, что он не может стать президентом БКА, потому что голландец, но у него есть немецкое гражданство, и он действительно – рано или поздно – будет нашим новым президентом.

Это было плохо! Во всех отношениях, потому что девять месяцев назад они с ван Нистельроем поругались, и настолько сильно, что он наверняка еще помнит.

– И какие тогда у Снейдера шансы?

Ломан грустно рассмеялся.

– Почти никаких. Они терпеть друг друга не могут.

Немудрено! Кто вообще ладит со Снейдером? Правда, Снейдера и Дитриха Хесса тоже связывала многолетняя вражда, но они как-то договорились друг с другом, хотя бы из-за Дианы и их общего прошлого, – с Дирком ван Нистельроом все выглядело совсем иначе. Похоже, о работе со Снейдером придется забыть.

Ломан сделал маленький глоток чая и отломил кусочек кекса.

– Но, вероятно, вы пришли ко мне не из-за этого, – сказал он с набитым ртом.

– Верно. – Она ненадолго задумалась. – Рорбек, Тимбольдт, Хесс и Хагена раньше работали вместе в отделе РПН департамента по борьбе с наркотиками.

Ломан кивнул.

– Вы знаете, что означает это сокращение?

– РПН означало «Работа под прикрытием – наркоторговля». Тогда БКА ликвидировало много наркокартелей, закрывало бордели и казино, упраздняло нелегальные фирмы. Камеры вещественных доказательств ломались от наркотиков, которые коллеги конфисковывали во время облав.

– Когда это было?

Ломан задумался.

– Лет... двадцать назад.

Нечто похожее они с Тиной уже выяснили.

– Отдел был основан первого июня?

Ломан ответил не раздумывая:

– Нет, почему вы так решили? Тогда новые отделы открывались к началу года или квартала. Это было как-то связано с расчетом зарплат и надбавок.

– Вы знаете об этом удивительно много.

– Я тоже когда-то работал в РПН.

Сабина тут же выпрямилась.

– Вы?

– Многие из старой гвардии начинали в этом отделе. Своего рода испытание на прочность, знаменитый прыжок в холодную воду. Того, кто выдерживал, повышали по службе.

– Снейдер тоже там был?

– Нет, Снейдер никогда. В двадцать три он с отличием закончил университет, после чего пятнадцать лет занимался анализом

правонарушений, а затем прошел отбор и отучился на полицейского аналитика, судебного психолога и специалиста по случаям похищения людей.

Все это Сабина знала. Кроме того, он говорил на нескольких языках и имел хорошие связи в Интерполе, что ему, правда, все равно не помогло.

– Кто еще работал в том отделе? – спросила она.

– А, многие. Они приходили и уходили.

– Я имею в виду, во времена Рорбека, Хагены, Хесса и Тимбольдта.

– В отделе было тогда... – Ломан наморщил лоб и задумался. – Десятка два человек или около того. Небольшой отдел. – Он отломил еще кусок кекса. – Почему вас это интересует?

«Именно это решающий вопрос».

Она рассказала ему об убийствах и самоубийствах, которые связывали сотрудников тогдашнего отдела. Но все это не показалось Ломану новостью – за исключением одного момента.

– Жена Тимбольдта тоже мертва? – спросил он.

Сабина сообщила ему о том, что произошло вечером.

Ломан приподнял бровь.

– Отсюда ваш... – он помахал рукой, – запах. – Затем он задумался. – И вы предполагаете связь с тогдашней работой отдела?

– По крайней мере, я выяснила, что Хагену и Рорбека подозревали в нелегальных махинациях.

– А, перестаньте. – Ломан поднялся и прошелся по кабинету. – Этот отдел всегда находился под подозрением. Обычное дело, если группа работает под прикрытием, проникает в среду наркоторговцев и разрушает систему изнутри. В случае успеха все отлично – в случае провала сыплются обвинения в коррумпированности.

– А были коррумпированные коллеги?

– Насколько я знаю, нет. Однажды проводилось внутреннее расследование, и некоторых коллег допрашивала служба ведомственного надзора, но так ничего и не выяснила.

– Каких коллег?

– Между собой их называли «Группа-6».

– Потому что их было шестеро?

– Да, и, насколько я знаю, среди них были Рорбек, Хагена, Хесс и Тимбольдт.

«Надо же!»

– Значит, и Хесс тоже?

– Все-таки он много лет руководил отделом.

– А остальные двое?

– Ну и вопросы вы задаете. – Ломан нахмурился. – Один тип, который затем очень быстро покинул БКА. Господи, не могу вспомнить его фамилию, с тех пор столько времени прошло. А как звали шестого, я все равно не знал. Они ведь работали под прикрытием.

– Ничего страшного. – Возможно, она отыщет эти фамилии в архиве. – И вы считаете, что те обвинения были беспочвенны?

– Иначе они вряд ли бы остались на службе, а Хесс никогда бы не стал президентом.

Логично!

– Этот отдел еще существует?

– Нет, его расформировали много лет назад.

– В чем могли заключаться те обвинения? – поинтересовалась она.

– Ничего конкретного я не знаю – всего год проработал в БКА. Все остальное лишь слухи. – Он поднялся, сел на подоконник и бросил взгляд во внутренний двор через ламели жалюзи.

– И вот теперь прошлое настигает их всех, – задумчиво пробормотала Сабина, – и их родственников по порядку убивают. – Она покосилась на Ломана, чтобы проверить его реакцию, но тот оставался – по крайней мере внешне – вполне спокойным.

«Почему он не паникует? Потому что тогдашние события его не касаются? Ему наплевать на все это, потому что у него нет семьи, или ему действительно нечего бояться?»

– По моему мнению, к Хессу, Тимбольдту, но также к вам и другим бывшим сотрудникам этого отдела нужно приставить личную охрану. По крайней мере, до тех пор, пока мы не выясним, с чем имеем дело.

– Сомневаюсь, что актуальные смерти связаны с нашей тогдашней работой.

– Почему?

– Немез, я вас умоляю! Сами подумайте. С тех пор прошло двадцать лет. Почему убийства и самоубийства должны были начаться именно сейчас, а не пару недель, месяцев или лет назад?

Сабина подумала об эсэмэс, которое Снейдер получил от Рорбека.

– Снейдер может знать ответ.

– Тогда спросите его.

Сабина рассмеялась.

– Уже спрашивала. Вы когда-нибудь допытывались чего-нибудь от Снейдера? Он не говорит ни слова.

– Попробуйте еще раз, – предложил он. – Вы ведь никогда просто так не сдаетесь.

Ломан был прав. В настоящий момент это был единственный след.

– Вы знаете, где Снейдер мог бы сейчас находиться?

Ломан подошел к телефонному аппарату, набрал короткий номер и включил громкую связь. После седьмого гудка включился автоответчик Снейдера.

«Если я не беру трубку, то мне, вероятно, не хочется с вами говорить», – произнес голос Снейдера со знакомым голландским акцентом. – Так что даже не пытайтесь еще раз...»

Ломан разорвал соединение.

– В любом случае дома его нет.

Тут Сабина подскочила на стуле.

– У него ведь остался служебный мобильник?

– Пока он лишь отстранен от службы, а не уволен официально...

– А в служебном телефоне есть чипы, с помощью которых можно точно локализовать его местонахождение. – Сабина требовательно посмотрела на Ломана.

Он сделал большие глаза, когда понял, чего она от него хочет.

– Я этого не могу.

– Кто, если не начальник службы внутренней безопасности?

Вздыхая, он подошел к своему ноутбуку, включил его и открыл какую-то программу. Ввел данные телефона Снейдера, и навигатор за несколько секунд определил его местонахождение.

«Черт, это было быстро!» Сабина подумала о собственном мобильнике, нахождение которого Ломан мог выяснить в любой момент.

Ломан увеличил часть карты, в центре которой светилась красная точка.

– Вот он – или по крайней мере его сотовый.

Сабине потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться. Программа показывала место на западной окраине Висбадена, недалеко от дома Снейдера.

– Что? Он там? – воскликнула она, прочитав название в появившемся окошке над точкой. – Бар «Ромео»? Звучит как дешевый бордель.

Ломан помотал головой.

– «Ромео» не дешевый.

Сабина подумала о сексуальных предпочтениях Снейдера. Этого можно было ожидать.

– Спасибо, я попытаю там счастья. – Она направилась к двери. – И благодарю за кофе.

– В «Ромео» вы будете единственной женщиной! – крикнул ей вслед Ломан.

– Я уже поняла.

Дверь захлопнулась, и Ломан услышал, как Сабина зашагала по коридору к лифтам.

Эта девчушка вцепится, как бультерьер, в дело и не ослабит хватку, пока все не выяснит. Он это знал. Все-таки они уже давно были знакомы. И ее обучал Снейдер.

Пока Ломан убирал кофейные чашки и кекс, дверь серверной приоткрылась. Жужжание приборов стало громче.

Ломан остановился и посмотрел в небольшую щель. В свете мониторов он разглядел силуэт мужчины.

– Здесь внутри чертовски холодно, – раздался из комнаты хриплый голос.

– Нам всем лучше одеться потеплее, – заметил Ломан.

– Очень смешно... и зачем ты ей все это рассказал?

– Я сказал ей лишь то, что она и так бы выяснила.

Ночь была душной, и блузка липла к спине Сабины, когда она вышла из машины.

Она оставила свой автомобиль на парковке всего в нескольких метрах от «Ромео». Добровольно Сабина и шагу не сделала бы в этот притон. Ее отпугивали уже неоновые лампы, а таким эксклюзивным и элитным, как сказал Ломан, заведение тоже не было – по крайней мере, снаружи. Она надеялась, что здесь Снейдер будет поразговорчивее, чем дома, где он терпеть не мог посетителей.

Сабина толкнула входную дверь и оказалась в узкой кондиционируемой прихожей с обитой дверью, где нужно было нажать на кнопку звонка. На потолке висела камера с мигающей красной лампочкой.

Сабина улыбнулась, затем дверь открылась. В гардеробе она заплатила пятьдесят евро за вход и получила талон на бесплатный напиток. «Что они здесь подают? Шампанское в золотом бокале?»

Через еще одну дверь она вошла в бар. Здесь тоже царила приятная прохлада. Хотя бы это! Приглушенный красный свет окутывал помещение, словно покрывало. Играла тихая музыка, свинг из пятидесятых, и у бара стояло несколько парней. Лишь один изучал ее, остальные великодушно игнорировали.

– Ты трансгендер? – спросил он.

– Нет, а ты? – ответила Сабина и прошла мимо.

В нише за круглым столиком действительно сидел Снейдер. Она подошла к нему и остановилась.

Снейдер поднял взгляд, и прошло секунд тридцать, прежде чем он ее узнал. В пепельнице перед ним лежала сигарета, которая подозрительно пахла марихуаной, а рядом стоял напиток.

– Томатный сок с перцем, солью и табаско? – спросила Сабина.

– И с водкой, – пробормотал он. – У них есть чертовски хороший ванильный чай, но сегодня мне не хочется. Верно, старик?

Сабина заглянула под стол. Перед полупустой миской с водой растянулся Винсент – почти метр в длину. Голова бассета лежала на передних лапах, и, похоже, он преспокойно спал. Снейдер держал в руке поводок и похлопывал им себя по бедру.

– Вы так обходитесь с несчастным псом?

– Винсент не имеет ничего против голубых. Он ходит сюда уже три года. Регулярно, каждый первый четверг месяца. Он обожает музыку в эти вечера.

– Ах, как мило.

– Вы циничны, – заметил Снейдер. – Обычно это моя роль.

– Да, раньше, когда вы еще работали в БКА.

– Как вы меня нашли?

– В отличие от вас я по-прежнему в БКА. Мы знаем все.

– Умничать будете со своими племянницами, к тому же... я слышу какое-то недовольство в вашем голосе?

– Нам нужно поговорить, – коротко сказала она.

– Я думал, мы уже сделали это в университете?

– Черт возьми, я не шучу!

– Как хотите. – Снейдер сунул руку в карман пиджака и вытащил мобильный.

– Вы...

Он поднял руку и заставил ее замолчать. Лезвием складного ножика, который он также достал из кармана, Снейдер поковырял корпус телефона и открыл его. Потом потер глаза, уставился на внутренние части и вытащил из телефона аккумулятор, сим-карту и интегрированный красный чип.

– Вы...

Он опять поднял руку, не дав ей договорить.

– Пять, четыре, три, два, один... – Он улыбнулся.

– Вы должны перестать курить эту дурь.

– Да, мать Тереза. Без аккумулятора чип работает еще пять секунд, затем сигнал пропадает. К тому же нас могут прослушивать. Кто меня обнаружил? Ломан?

– Да, Ломан.

– Ваш сотовый у вас с собой?

Сабине не хотелось, чтобы Снейдер разобрал и ее телефон, а потом, возможно, не смог бы собрать.

– Лежит в машине, – солгала она.

– Хорошо.

– Можно сесть?

– Если это обязательно, но не наступите Винсенту на хвост.

– Я постараюсь. – Господи, она еще никогда не видела Снейдера таким обкуренным. Похоже, смерть Дианы затронула его сильнее, чем он хотел признать. Все-таки эта женщина была единственной, кого он когда-либо любил.

Она села и уже хотела заговорить тихим голосом, как в бар вошел высокий худой мужчина в костюме. В свете потолочных ламп она увидела рябое лицо, очки в стальной оправе и седые волосы на косой пробор.

– С ума сойти! – вырвалось у нее. – Это же Дирк ван Нистельрой, или я ошибаюсь?

– Ошибаетесь. – Снейдер даже не посмотрел в ту сторону.

Сабина наблюдала, как мужчина прошел через зал, взглянул на них и сел за свободный столик на противоположной стороне. Конечно, она не ошиблась. Точная память на лица была частью ее работы.

– Что он делает в Висбадене? Да еще к тому же в баре для голубых?

– Все не так, как выглядит со стороны, – вздохнул Снейдер. – Всегда иначе!

– А как это тогда выглядит? Он здесь из-за вас?

– Не могу себе такое представить. Я ненавижу его – он ненавидит меня.

– Он голубой?

– К счастью, нет. Итак, чего вы хотите?

Сабина пыталась не смотреть в сторону Дирка ван Нистельроя.

– Жену Тимбольдта убили. Все должно было выглядеть как самоубийство.

– Женщине крупно повезло, – пробормотал Снейдер. – Очень тяжелый случай. Последняя стадия Альцгеймера.

Сабина проигнорировала циничное замечание Снейдера.

– Это уже шестая смерть за последние несколько дней.

– Какое вам до этого дело?

– Я расследую смерть доктора Катарины Хагены. И у меня, черт возьми, складывается впечатление, что за всем этим кроется гораздо большее и я вижу лишь вершину айсберга.

Снейдер наклонил голову.

– Честно говоря, я удивлен, что вам поручили это дело.

– Вначале я думала, что этот случай не для БКА, слишком маленький, слишком незначительный, но, кажется, все гораздо сложнее. – Она подвинулась ближе к Снейдеру.

– Я не это имел в виду. Я хотел сказать... – Он убрал ворсинку табака с губы. – Я удивлен, что дело поручили именно вам.

– Хесс лично доверил мне расследование.

– Серьезно? Хесс?

– Диана Хесс предложила ему мою кандидатуру. Она сказала мне это во время нашего последнего разговора. За несколько часов до ее смерти. – «Словно это было ее завещанием», – мысленно закончила фразу Сабина. Она еще ближе придвинулась к Снейдеру. – Я...

– Хотите сесть на мое место? – спросил он.

– Нет, а что?

– Так вы будете ближе к своим локтям.

– Боже мой! – Она отодвинулась назад. – Вы ведь нечасто появляетесь здесь в сопровождении дамы?

– Никогда.

– Так я и думала. – Она понизила голос: – Что вы знаете о «Группе-6» и о первом июня?

– «Группа-6», вот до чего вы уже докопали.

– Что вы об этом знаете?

– Ничего, кроме того, что вам не следует в это лезть.

– Снейдер, черт возьми, – прошипела она. – Скажите мне наконец, что вы знаете!

– Силой заставите меня говорить?

– Если понадобится – да!

– Делайте, если по-другому не можете.

– Я лишь хочу избавить вас от следственного изолятора, но для этого вы должны наконец-то раскрыть рот.

– Дьявол! – От сделал затяжку, потом затушил косячок в пепельнице. Отставил в сторону свой напиток и оперся локтями о стол. – Вы будете продолжать расследование?

– Да.

– Даже если Хесс отстранит вас от дела?

– Почему он должен это сделать?

– Даже если Хесс отстранит вас от дела? – повторил он.

– Да!

– И не отступитесь, даже если вам придется копать глубже и никому не понравится то, что вы найдете?

– Да, черт побери, тогда тем более!

– Хорошо. Моя школа. – Снейдер улыбнулся, затем сделал глубокий вдох и помассировал точки на висках. Очевидно, он только что протрезвел. – Скажите мне, что вы знаете, и я помогу вам в расследовании.

– О нет! Вы больше не работаете в БКА – и мне нельзя разглашать результаты расследования.

Он проигнорировал ее последние слова, положил руки на стол и показал ей свои пустые ладони.

– Итак, что вы имеете? Что говорится в протоколах вскрытия, что в отчетах криминалистов?

– Мы еще не настолько продвинулись. К тому же я нарушу закон, если сообщу результаты текущего расследования гражданскому человеку.

– Белочка, вы хотите раскрыть преступление или нет?

– Конечно, но...

– Хорошо, тогда выкладывайте, что у вас есть! – Снейдер поднял руку и показал три пальца.

Увидев этот жест, Сабина перенеслась назад в то время, когда все еще было в порядке и они вместе со Снейдером расследовали убийства. «Только факты – в трех коротких точных предложениях!» Однако ее не покидало нехорошее чувство, потому что она не знала, насколько можно доверять Снейдеру в его теперешнем состоянии.

– Но от меня вы ничего не слышали, – наконец сказала она, встряхнувшись и рассказала ему все, что они с Тиной выяснили.

– Не очень-то много, – прокомментировал Снейдер, когда Сабина закончила. – Значит, вы предполагаете, что Рорбек, Хагена, Тимбольдт и Хесс были вовлечены тогда во что-то нелегальное.

– Что это могло быть?

Снейдер пожал плечами.

– Я лишь знаю, что они были чертовски близки к тому, чтобы переступить черту.

– Вся «Группа-6»?

Снейдер покачал головой.

– Вероятно.

– Кто еще входил в эту группу?

– Понятия не имею, выясните это.

«Вот прохвост!»

– Когда сегодня утром вы говорили о могущественных людях, вы ведь имели в виду «Группу-6»?

Снейдер кивнул.

– Хорошо, тогда я найду фамилии в архиве.

– Этого дела вы не найдете, – сказал Снейдер. – Оно было засекречено, и даже я не имею... не имел, – исправился он, – доступа к нему. На вашем месте я поговорил бы с Хессом.

В этот момент в кармане Сабины зазвонил сотовый.

Снейдер вздрогнул и удивленно посмотрел на Сабину.

– Я думал, ваш телефон в машине.

– Видимо, я ошиблась. – Она вытащила сотовый и посмотрела на дисплей. Это была Тина. – Секунду, – извинилась она и ответила на звонок. – Что нового?

– Ты не поверишь, что сейчас произошло, – возбужденно зататорила Тина. – Мне только что звонил руководитель отдела.

– В это время?

– Да, и угадай, что он сказал. Меня отстраняют от дела Геральда Рорбека.

– Это невозможно!

– Еще как возможно! Прямое указание Хесса.

Ну это понятно! Их руководитель был еще довольно молод, на два года старше Сабины, мало что значил в БКА и старался не задевать ничьих интересов.

– Я... – начала было Сабина, но замолчала, услышав сигнал параллельного входящего звонка. Она взглянула на дисплей. – Послушай, нам придется закончить. Мне как раз звонят из секретариата Хесса.

– В это время? Ну, приготовься. Пока. – Тина повесила трубку.

Сабина посмотрела на Снейдера, и тот бросил на нее знающий взгляд, словно хотел сказать: «А что я вам говорил?» Она ответила на звонок:

– Сабина Немез.

– Фрау Немез, извините за беспокойство в такое позднее время, но...

– Ничего страшного, я еще на службе. Но меня удивляет, что вы тоже в офисе.

– Смерть Дианы Хесс всех нас потрясла. С тех пор мы работаем сверхурочно, – вздохнула секретарша. – В любом случае я должна передать вам, чтобы вы пришли завтра в восемь утра на совещание группы по расследованию убийств. Вы получите новые задания и инструкции.

– А расследование смерти Катарины Хагены? – спросила она с пересохшим горлом, потому что догадывалась, что сейчас последует.

– Вас отстранили от этого дела. Им займется другой отдел.

– Другой отдел? – достаточно резко перебила Сабина секретаршу. – Но почему?

– Ну, президент Хесс изменил структуру работы и оказывает сейчас сильное давление, чтобы некоторые преступления были быстро раскрыты.

– И поэтому отстраняет меня от дела? – возмутилась Сабина. «И Тину Мартинелли», – мысленно добавила она.

– Пожалуйста, не дискутируйте со мной о причинах этого решения. Я передаю вам лишь то, что...

– Да, хорошо. Извините, пожалуйста. – Сабина сделала глубокий вдох и выдох. – Кому я должна передать имеющуюся информацию по делу?

– Момент. – Секретарша застучала по клавиатуре. – Главному комиссару уголовной полиции Тимбольдту.

«Тимбольдт! Начальник их руководителя отдела. Именно он!» У Сабины перехватило горло. Он сам только что потерял жену, возможно, еще необъективен, а Хесс передает ему еще дело Катарины Хагены? Насколько бессердечным нужно быть! Очевидно, для такого решения имелась веская причина.

– До свидания, – сказала секретарша.

Снейдер, который все это время внимательно слушал, жестом показал Сабине продолжить разговор.

– Подождите! – крикнула Сабина в телефон и на секунду задумалась. – Из-за смерти жены у Тимбольдта сейчас наверняка другие заботы, поэтому я хотела бы обратиться к его заместителю.

Снейдер одобрительно кивнул и поднял большой палец вверх.

– Кто еще входит в следственную группу Тимбольдта? – спросила Сабина.

– Насколько я знаю, Хесс предоставил коллеге Тимбольдту свободу действий. – Она застучала по клавишам и назвала Сабине пять фамилий.

Что? Сабина внимательно слушала. Особая комиссия с этими людьми?

– Спасибо, – сказала она, завершила разговор и опустила телефон. Невольно посмотрела в сторону Дирка ванн Нистельроя, который все еще в одиночестве сидел за столиком, заказал бутылку минеральной воды и водил пальцем по краю пустого стакана. Затем взглянула на Снейдера. – Хесс отстранил нас с Тиной от этих дел.

Снейдер молча взял сотовый Сабины, положил его в метре от них – рядом с акустической колонкой, из которой все еще раздавалась музыка пятидесятых, – придвинулся к Сабине и понизил голос:

– Я не из тех, кто повторяет «А я говорил». Но я говорил! Удивляюсь, что Хесс вообще поручил вам это дело.

– Почему? – спросила она.

– Подумайте.

– Очевидно, в тот момент он еще не знал, что за этим стоит, – и, видимо, сейчас начинает догадываться, – предположила она. – Поэтому и поручил расследование Тимбольдту. Что вы о нем думаете? – Вообще-то, бесполезно было спрашивать мнение Снейдера о ком-то другом, потому что все равно не услышишь ничего хорошего. Но на этот раз она ошиблась.

– Успех его не изменил: он всегда был коварной и опасной сволочью. Будьте осторожны, если свяжетесь с ним, – пробормотал Снейдер. Из его уст это прозвучало как редкий комплимент.

Сабина прищурилась. «К тому же он один из мастодонтов БКА. И наверняка Хесс может положиться на Тимбольдта и быть уверенным, что тот сохранит тайну».

– Кто еще занимается расследованием? – спросил Снейдер.

Сабина назвала пять фамилий.

– Я знаю только трех первых. У них интеллект ниже плинтуса. А кто другие двое?

– Комиссары-стажеры – и не самые сильные. – «Даже наоборот!»
– Тем самым кто-то пытается что-то скрыть.

– Не люблю повторяться, но на вашем месте я поговорил бы с Хессом, – настоятельно посоветовал Снейдер.

Сабина грустно рассмеялась.

– Без назначенной встречи я даже приблизиться к нему не смогу.

Снейдер сунул части своего мобильного в карман и положил на стол банкнот в пятьдесят евро. Затем поднялся и хлопнул скрученным поводком по бедру. Винсент тут же поднялся и неуклюже вышел из-под стола. Бассет ласково потерся головой о штанину Снейдера.

Настоящая любовь! Сейчас, когда Диана Хесс мертва, а Снейдер больше не работает в БКА, этот пес, наверное, единственное, что у него осталось.

– Выясните, где Хесс проводит эту ночь, – сказал Снейдер.

– Если он не у себя в кабинете, то, вероятно, в служебной квартире на территории БКА.

– После смерти своей жены? Вряд ли.

– В загородном доме?

Снейдер поднял бровь в знак подтверждения.

– Да, вероятно, – вздохнула она. – Но у меня нет адреса.

– Его ни у кого нет. Адрес засекречен.

Сабина сосредоточила взгляд на Снейдере – но тот лишь стоял и смотрел на нее сверху вниз.

– Пойдем, Винсент, нам пора домой – это неблизкий путь. Спокойной ночи. – Он повернулся к Сабине спиной.

– Где находится загородный дом? – бросила она ему вслед.

– Вальдгассе, одиннадцать, – тихо ответил он не оборачиваясь.

После того как Снейдер покинул бар, Сабина взглянула в сторону Дирка ван Нистельроя и заметила, что за столом уже никого не было. К своей минеральной воде ван Нистельрой даже не притронулся.

21. Воскресенье, 29 мая

Харди стоял в узком переулке в типичном рабочем районе на востоке Франкфурта, застроенном четырех- и пятиэтажными домами, и смотрел на витрину закусочной с едой навынос. «Панда. Китайский фастфуд». Рядом находилась автомастерская с открытыми гаражными воротами, из которых летели искры. Визжала шлифовальная машина. И это в воскресенье!

Было всего десять часов утра, а из китайской закусочной уже пахло луком, соей и жареными ростками бамбука. До тюрьмы он лишь три раза ел китайскую еду. Тогда азиатские рестораны еще не вошли в моду, сегодня их можно было встретить почти на каждом углу.

Черная «Лада-Тайга» снова появилась в районе Франкфурт-Остенд и следовала за ним сюда от вокзала. «Почитатель» не отступал, и его, очевидно, не волновало, что Харди знает о преследовании. Пока парень висит у него на хвосте и следит за каждым его шагом, Харди не сможет выяснить, к какой ячейке подходит ключ. На вокзале или в аэропорту? Пока что это не важно! Сначала нужно избавиться от слежки, а потом он пошевелит мозгами и начнет целенаправленно искать камеру хранения.

Харди зашел в фастфуд-забегаловку. Внутри запах кипящего масла был еще интенсивнее, чем снаружи, – воздух даже на ощупь казался жирным. Из колонок раздавалась китайская музыка. Закусочная была такой маленькой, что там помещались всего два высоких стола. За одним стоял мужчина в несвежем костюме с галстуком, пил пиво, листал раздел газеты с данными выигрышей на лошадиных скачках и время от времени поглядывал на свой смартфон.

Харди подошел к прилавку. Продавщица была стройной, высокой и белокурой – определенно не китаянка.

– Мы открываемся только в половине одиннадцатого, затем... – сказала она и умолкла, увидев Харди.

– Привет, Нора, – пробормотал он.

Она долго смотрела на него, не говоря ни слова. Затем поправила волосы, убрала прядь за ухо. Короткая прическа хорошо подходила к ее веснушкам и голубым глазам. Она сохранила тот теплый, но одновременно пронзительный взгляд, который был у нее уже в детстве.

В глазах читалось «Я за себя постою, лучше не связывайтесь со мной». Если ты ничего не слышишь, читаешь только по губам и говоришь со странным акцентом, то тебе нельзя показывать свою слабость.

– Мы давно не виделись, – сказала Нора.

– Тридцать лет. – Он заметил, что она с трудом сдерживает слезы. Вероятно, как и Харди, Нора вспомнила их последнюю встречу во дворе дома, в котором они жили. Ему тогда было двадцать, ей восемнадцать.

Харди уставился на ее цепочку с маленьким серебряным крестиком.

– Ты по-прежнему религиозна?

Она не ответила, и в следующий момент на лице снова появилось жесткое выражение.

– Ты настоящий паршивец! – прошептала она. – Появляешься вот так...

Он кивнул.

– Я был женат на Лиззи, у нас было двое детей, потом я сидел – с учетом времени в СИЗО – двадцать лет в тюрьме.

– Думаешь, я не знаю? – Она едва заметно кивнула в сторону мужчины, который стоял за столом позади Харди.

– Мне плевать, пусть слушает. К тому же это не тайна.

Она подавила свой гнев.

– Как ты меня нашел?

– Я позвонил твоей матери. Она не захотела сообщить мне твой адрес, но сказала, что ты работаешь здесь. Как у нее дела? Она была какая-то растерянная.

– Неудивительно, после стольких лет. Но у нее все хорошо, – ответила Нора. – Я слышала, твоя семья погибла. Мне очень жаль.

– Спасибо. Но якобы я их...

– В это я никогда не верила, – перебила Нора. Наверное, хотела избежать данной темы в своей закуской.

– Правда? – Он с удивлением взглянул на нее.

– Я хорошо разбираюсь в людях, и ты никогда не смог бы этого сделать, – прошептала она. – Я знаю, люди меняются, и ты изменился, но все равно – на такое ты не способен.

Норино произношение по-прежнему осталось странным, – и Харди должен был признаться себе, что ему не хватало этого особого

звучания.

Краем глаза он заметил, как мужчина за столом поднял руку. Нора посмотрела в его сторону.

– Нора, еще одно пиво! – произнес он громко и четко и принялся печатать эсэмэс в телефоне.

– Один момент. – Она достала бокал с полки. – Пиво «Сингха» из Таиланда, неплохое на вкус. Хочешь?

– Нет, спасибо.

Она вытащила бутылку из холодильника, открыла и вместе с чистым бокалом поставила перед гостем на стол. У Харди появилась возможность разглядеть ее. На Норе были узкие джинсы, футболка и черный фартук со стилизованным изображением панды. Она чертовски хорошо выглядела, только похудела, и по ее лицу Харди понял, что в прошедшие тридцать лет ей приходилось нелегко.

Убрав пустой пивной бокал в посудомоечную машину, она прислонилась к прилавку рядом с Харди.

– Когда ты вышел? – спросила она.

– Сегодня четвертый день. – Харди попытался улыбнуться.

– Что случилось с твоим носом и лицом? Ты устроил побег?

– Небольшая разборка с бывшими друзьями. – Больше он ничего не объяснил.

– Я слышала, что твой отец умер три года назад. Сожалею.

– А я нет. Меня тогда отпустили в однодневный отпуск, чтобы я мог присутствовать на его похоронах. Но не пошел туда. Вместо этого провел день в кафе-мороженом и думал о побоях, которые получил от него на свое пятнадцатилетие.

– Харди, ты все такой же ожесточенный.

– Тебя это удивляет?

– Нет, но это ты сам принял решение торговать наркотиками, и я сомневаюсь, что ты, абсолютно невиновный, отсидел двадцать лет в тюрьме.

Он кивнул.

– Туше.

– Что?

Очевидно, читать французский по губам она не умела.

– Один – ноль в твою пользу.

– Каждый делает со своей жизнью то, что считает правильным.

Только, к сожалению, прошлого нельзя изменить.

– Ты замужем? – спросил он, хотя знал, что Нора все еще носит девичью фамилию Мюленхоф. С другой стороны, сегодня это уже ничего не значило.

Она помотала головой.

– Детей тоже нет, – предварила она следующий вопрос.

– Друг?

– Я порвала с ним полгода назад. Еще вопросы? – Она сложила руки на груди.

– Где?.. – спросил он, но замолчал, когда стоящий за столом мужчина снова поднял руку.

Нора посмотрела на него.

– Этот парень к тебе пристает, Нора?

– Нет, все в порядке, – ответила она.

Харди взглянул на мужчину.

– Занимайся своими скачками и оставь нас в покое, ладно?

Мужчина отложил телефон в сторону и выпрямился. Хотя он был худощав, но на полголовы выше Харди.

– У всех недавно освободившихся такая большая варезка, как у тебя?

– Я...

– Томас Хардковски! – строго произнесла Нора и положила руку на предплечье Харди. – Это постоянный клиент, и мы давно знаем друг друга, так что никакого стресса, ковбой, тем более внутри. Я работаю в этой закусочной господина Чана три года, и, пока я здесь, никаких скандалов и драк не будет. Понятно?

Харди кивнул, а другой гость вернулся к своему столу и снова погрузился в чтение газеты.

– Ты живешь поблизости? – спросил Харди, когда она снова взглянула на него.

Она подняла глаза к потолку.

– Снимаю маленькую квартиру на четвертом этаже.

– В этой... местности? – Он едва не сказал халупе.

– Дрянное место, я знаю, но рядом с работой. – Она улыбнулась.

– Ты ведь такая умная, – сказал он. – Никогда не пыталась выбраться из этого района?

– Как ты? – усмехнулась она и пожала плечами. – Был один человек, который обещал вытащить меня отсюда. Но из этого ничего не получилось.

Внутри у Харди все сжалось. Он слишком хорошо знал этого человека.

– Тогда я сама попыталась – одна. – Нора заговорила еще тише. – На другом конце Франкфурта есть институт для слабослышащих и глухих, где преподают чтение по губам и хорошо платят. Я хотела там работать, но помимо вступительного экзамена мне нужно еще выучиться на педагога.

– Ну и в чем дело? Ты ведь просто создана для этой работы.

– Экзамен не проблема, его-то я легко сдам, – вздохнула она и автоматически продублировала слова на языке жестов, от которого однако быстро отказалась, потому что Харди его все равно не понимал. – Но я никак не соберу деньги на это обучение. Даже курсы на помощника учителя слишком дорогие. Для этого мне нужна более высокооплачиваемая работа. – Она инстинктивно теребила крестик на шее. – Знаешь, как можно рассмешить Бога? Расскажи ему о своих планах. – Она смиренно улыбнулась.

Харди никогда не был религиозным – и удивлялся, что Нора, с ее-то судьбой, давно уже не порвала с Богом. Куда ни глянь, жизнь напоминала чертов порочный круг.

– Но я не должна жаловаться, нужно радоваться, что у меня есть хотя бы эта работа. Так что, вероятно, я проведу здесь остаток своей жизни, – сказала она. – Кстати, мне здесь нравится, люди хорошо ко мне относятся, у меня квартира с балконом, есть несколько растений и кошка.

– Как ее зовут?

– Твинки – она не очень красивая, но с характером. Я нашла ее исхудавшим котенком в коробке из-под обуви, прямо под дверью. И спасла – хотя домашние животные здесь вообще-то запрещены.

– Ты всегда любила животных, – заметил Харди. – А в твоей квартире шумно? Радио есть?

Она шутливо ударила его в грудь.

– Ты всегда был бессовестным.

Харди заулыбался. Лед был сломан. Он хотел еще что-то сказать, но заметил, что взгляд Норы резко посерьезнел.

– Что тебе нужно? – спросила она. Да, как же ты права. Я подлец!
Он вытащил из кармана свой новый смартфон и показал Норе.

– Я заснял на видео двух мужчин и двух женщин, но стоял слишком далеко, чтобы разобрать их слова.

Она вопросительно посмотрела на него.

– И что?

– Ты можешь прочесть по губам, о чем они говорили?

– Возможно. – Она бросила на него долгий взгляд, затем вернулась за прилавок. – Приходи завтра.

Сабина стояла перед домом номер одиннадцать в конце переулка Вальдгассе. Тупик с большим разворотом, никаких соседей, никаких машин. Только уединенный неприметный дачный дом. Свет уличных фонарей падал на большие темные ели, за которыми находилось здание. Нижний этаж каменный, второй этаж из дерева и с большим балконом. Она ни за что бы не подумала, что это дача президента БКА. Но возможно, именно по этой причине место было идеальным, потому что уединенный домик выглядел вполне обычно.

Однако, присмотревшись, она заметила датчики движения по углам дома, сенсоры тепловизоров и расположенные под крышей объективы камер – всего три, но, вероятно, их было намного больше. Если знаешь, где искать, то найдешь подсказки. Наверняка на всех дверях и окнах датчики сигнализации. О любом проникновении в дом станет тут же известно в ближайшем полицейском участке, и через несколько минут патрульная машина будет здесь.

Безусловно, этого хотела Диана Хесс – но что в итоге дали ей эти меры безопасности? Она все равно была мертва.

В доме не горел свет. Сабина нажала на ручку садовых ворот. Удивительно, но оказалось незаперто. Дверь открылась, и перед Сабиной протянулась брусчатая дорожка, проложенная к дому.

Хотя Снейдер и предположил, что Хесс проведет эту ночь здесь, Сабина уже сомневалась в этом. В доме было слишком тихо, ни малейшего признака жизни.

Сабина шагнула на участок. Немедленно включилось автоматическое освещение, озарив сад яркой вспышкой. Наверняка какой-нибудь полицейский сидел сейчас в своем кабинете и наблюдал на мониторе, как Сабина направляется к входной двери.

Вообще-то она уже хотела развернуться. Было одиннадцать вечера, и здесь она вряд ли получит ответы. Но неожиданно Сабина замерла.

В свете садовых ламп она увидела, что из камина поднимался дым. В такую жару? Значит, дома кто-то есть. Она позвонила в дверь. Через несколько секунд с другой стороны дома послышался скрип шарниров.

– Эй! – крикнула она и постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Она взялась за ручку и нажала вниз. И эта дверь была незаперта. Сигнализация не сработала. По крайней мере, звуковая.

Плевать!

Она распахнула дверь, вошла в дом и нащупала на стене выключатель.

– Президент Хесс? – позвала она.

Затем включила свет.

– Это Сабина Немез! – крикнула она еще громче, чтобы Хесс не принял ее за грабителей и не выстрелил из служебного оружия.

Она находилась в прихожей. Под вешалкой стояла пара черных блестящих ботинок, к большому, во всю стену зеркалу был прислонен портфель.

Что-то здесь не так!

Сабина прошла дальше и заглянула через приоткрытую дверь в кабинет. Вошла, включила настольную лампу и огляделась. Ее взгляд упал на стену. Дверца встроенного сейфа была открыта настежь. Внутри пусто.

– Президент Хесс?! – крикнула она еще раз громко и четко, покидая кабинет и направляясь по коридору в гостиную. Сабина включила свет и там. Пахло дровами. В камине горел огонь, и в пламени лежала целая куча скомканных бумаг.

Черт возьми, что здесь происходит?

Она вытащила свой «глок», оттянула затвор и побежала через комнату.

– Президент Хесс? – Проходя мимо окна, через которое был виден сад, она остановилась. Рядом с оконной рамой находился батарейный датчик разбития стекла. Недолго думая, она рукояткой пистолета ударила в оконное стекло. Осколки посыпались на пол. По крайней мере, сейчас сработает бесшумная сигнализация и полицейские примчатся к дому. Если она ошибалась и все в порядке, получится очень неловко. Правда, ей вменяют лишь ложный вызов полиции и разбитое стекло, которые вычтут из зарплаты. На это она готова пойти.

Сабина быстро побежала дальше, заглянула в пустую библиотеку, в такую же пустую спальню и, наконец, дошла до туалета и ванной комнаты. Рядом лестница вела на второй этаж. Сабина уже хотела

подняться по ней, как из-за двери ванной раздался щелчок. От звука по коже у нее побежали мурашки.

Она распахнула дверь, включила свет и отпрянула. Ее сердце на мгновение остановилось. В пустой ванне лежал Хесс. В рубашке, брюках и носках. Правда, его рубашка была вся в крови. Белые кафельные стены тоже были забрызганы кровью. До самого потолка.

Рука Хесса свешивалась через край ванны. В пальцах он держал пистолет. Ствол с глушителем ударялся о пол при произвольных подергиваниях руки. Хесс был еще жив.

Лишь сейчас она осознала, что, по всей видимости, произошло. Хесс выстрелил себе в голову. «Посмотри внимательно! – заставила она себя. – Возможно, ты еще можешь ему помочь».

Края раны на подбородке были обожжены пороховыми газами. Значит, Хесс прижал ствол пистолета к челюсти и нажал на спусковой крючок. Но, похоже, он помедлил или рука дрогнула, потому что пуля хоть и прошла через полости рта и носа, но вышла в районе виска и застряла в настенной плитке.

Выходная рана выглядела не так ужасно. Гораздо хуже было входное отверстие на нижней челюсти, которая сместилась в сторону.

Сабину затошнило. Ее желудок сжался, и ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Ее чуть было не вырвало. Хесс выглядел жутко изменившимся, и ее мозг отказывался принимать это. «Соберись!» Она вытерла рукой рот и заставила себя снова посмотреть на Хесса. Он гипервентилировал, из раны на голове хлестала кровь. Возможно, пуля не задела жизненно важные части мозга, а лишь частично повредила черепную коробку. Когда он приподнимал веки, один зрачок был смещен чуть дальше и глаза смотрели в разные стороны, что выглядело страшно.

Сабина сорвала полотенце с держателя рядом с раковиной, села на край ванны и прижала его к открытой ране, чтобы остановить кровотечение.

Другой рукой вытащила из кармана сотовый и набрала службу спасения. Когда на звонок наконец ответили, она попыталась сконцентрироваться, чтобы не терять времени.

– Говорит комиссар Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена. У меня мужчина с пулевым ранением в

голову, мне срочно необходим врач и карета скорой помощи по адресу Вальдгассе одиннадцать в Висбадене, а лучше вертолет...

– Вертолет? Но...

– Да, черт побери! Я непонятно говорю?

– Но из-за линий электропередач они обычно не летают по ночам.

К тому же это должен решать врач скорой помощи.

– О господи! Президент БКА при смерти. Подготовьте, по крайней мере, операционную с командой врачей. И поторопитесь! – Сабина закончила разговор.

За это время полотенце полностью пропиталось кровью и прилипло к ране. Сабину снова затошнило, перед глазами все закружилось. Она с трудом удерживалась на краю ванны.

Веки Хесса подрагивали, зрачки закатились. По непонятной ей причине он все еще был в сознании. Сабина заметила, что он хочет что-то сказать, но прервала его:

– Ни слова! Никакого напряжения! И ради всего святого, оставайтесь в сознании!

Оружие, которое сжимал Хесс, по-прежнему билось о кафельный пол, но у Сабины не было свободной руки, чтобы вытащить пистолет у него из пальцев. Она наступила ногой на ствол оружия, надеясь, что оно не выстрелит. Затем набрала номер Федерального ведомства уголовной полиции. После того, как она проинформировала обо всем ночного дежурного и запросила вертолет БКА, ее звонок перевели.

– Мы не получали сигнала о сработавшей сигнализации в дачном доме президента Хесса, – сказал мужчина с низким голосом.

– Нет? – вырвалось у Сабины. Телефон едва не выскользнул у нее из окровавленных пальцев. Она подумала о разбитом стекле. – Значит, Хесс отключил сигнализацию.

– Нет, не отключал, – возразил мужчина. – Но сейчас это не важно. Я соединю вас с врачом, она скажет, что вам делать до приезда скорой помощи.

В трубке щелкнуло.

– Сабина Немез? – спокойным голосом спросила женщина.

– Да.

– Опишите мне, как чувствует себя директор Хесс.

– Тут особо нечего описывать! – прохрипела Сабина. – Части его черепа и, наверное, мозга прилипли к стене, повсюду осколки костей и

кровь, и я не знаю, что мне, черт возьми, делать! – Ее руки дрожали.

«К тому же я сейчас сама упаду в обморок!»

– Я представляю, каково вам в такой ситуации, но послушайте меня внимательно. Я скажу вам, что нужно сделать.

Сабина сделала глубокий вдох и выдох.

– Мы сейчас вместе попытаемся спасти президенту Хессу жизнь. Я могу на вас положиться?

– Да, – выдавила Сабина. Ее голос дрожал.

– Хорошо. Сначала включите громкую связь на сотовом телефоне и положите его рядом, чтобы ваши руки были свободны.

Сабина последовала указаниям.

– Хорошо, а теперь я хочу, чтобы вы посадили президента.

– Он уже сидит.

– Не в положении «на боку»!

– Да.

– Хорошо, проследите, чтобы его ноги были внизу, так кровь не будет поступать к голове.

– Да.

– Опишите мне, где именно вышла пуля.

Сабина перечислила все, что смогла разглядеть, и описала, как сильно кровоточит рана.

– Ствол головного мозга не поврежден, это хорошо, – сказала врач. – Только передний отдел, а крупные сосуды, похоже, не задеты.

Сабина хотела поменять полотенце.

– Мне попытаться остановить кровотечение?

– Нет! Ни в коем случае этого не делайте. Вы должны дать крови вытечь, иначе у него разовьется внутричерепная гематома.

– Черт, – прошипела Сабина и бросила пропитанное кровью полотенце в ванну. Ее пальцы совсем слиплись.

– Держите голову президента так, чтобы кровь вытекала через нос и рот.

Сабина наклонила голову Хесса немного вперед.

– Что еще?

– Следите, чтобы дыхательные пути были свободны.

Чем дольше женщина говорила, тем больше Сабина начинала паниковать.

– Что еще я могу сделать?

– Ничего, – прозвучал ответ. – Как только приедет врач, он проинтубирует пациента и сделает вентиляцию легких.

Сабина пыталась дышать ровно и инстинктивно считала секунды, в которые Хесс терял все больше крови.

Наконец послышалась сирена «скорой помощи». Машина остановилась перед домом. Хлопнули двери, мигающий голубой свет отражался от деревьев и попадал в окно ванной комнаты.

Мысленно Сабина досчитала уже до ста двадцати, когда врач и два санитар с медицинскими носилками-каталкой вбежали в ванную. Сабина поднялась и на ватных ногах вышла из комнаты. Завернула в туалет и в умывальнике смыла кровь с рук. В это время команда скорой помощи пыталась стабилизировать состояние Хесса и спасти ему жизнь.

Несмотря на теплую ночь, Сабину бил озноб. Интуитивно она направилась в гостиную к открытому каминному огню. Как загипнотизированная, смотрела она на пламя. В глубине дома было слышно врача и санитаров. Кто-то пробежал через гостиную к машине скорой помощи, чтобы что-то принести. Наконец Сабина абстрагировалась и перестала замечать все звуки в доме.

«Какого черта Хесс решил покончить с собой? Не смог пережить смерть жены? Возможно, так отреагировали бы другие мужчины, но не Хесс. Она достаточно давно его знала. Он был не только президентом БКА, но и опытным полицейским. Если в смерти его жены было что-то странное, он бы это выяснил. И до конца жизни охотился бы за убийцей Дианы Хесс. Все-таки он только что передал Тимбольдту несколько расследований. А если уж он хотел всадить себе пулю в голову, – тогда почему не сделал этого хотя бы после похорон своей жены? К тому же у него с Дианой есть почти шестнадцатилетний сын. Все это было очень странно.

Сабина вспомнила скрип с другой стороны дома, который слышала, когда стояла перед входной дверью. Затем подумала об открытом сейфе.

Вообще-то ей уже нечего было делать в доме, но никто из команды врачей скорой помощи не обращал на нее внимания. Инстинктивно она наклонилась к камину и вытащила подпаленные бумаги, которые огонь не успел уничтожить. Быстро погасила тлеющие края смятых листов.

Пока мужчины боролись за жизнь Хесса, она стояла в гостиной и рассматривала документы, которые Хесс, очевидно, хотел сжечь. Это были фотографии Дианы, написанные от руки письма и документы из архива БКА. СВН 768/II. Рядом с этим номером в верхнем углу стояла красная печать «конфиденциально».

Сабина наклонилась и вытащила из огня другие обугленные листы. Стряхнула пепел, затушила тлеющую бумагу о джинсы и хотела взглянуть на них, но в этот момент в комнату вошел врач.

Он не обратил на нее внимания, но Сабина спрятала бумаги под блузкой. На всякий случай. Вдалеке зазвучала сирена патрульной машины. Видимо, сюда направлялись коллеги из полиции. Сабина быстро покинула дом и вышла наружу. Прохладный ночной воздух постепенно прояснил ей голову.

«Хесс бросил документы в огонь – но почему не дождался, пока все сгорит? Зачем использовал глушитель? И почему не выстрелил себе в рот? Кроме того, отдачей у него должно было выбить пистолет из руки – но этого не произошло!»

Чем дальше она об этом думала, тем менее убедительным казался ей ход событий. Судя по количеству крови, к моменту, когда Сабина нашла Хесса, он должен был пролежать в ванне уже несколько минут. За это время бумаги давно бы сгорели. Но они не сгорели!

Свет мигалки сверкнул на разворотной площадке. До Сабины донеслись сирены еще нескольких полицейских машин. Она снова подумала о шорохе, который слышала за домом. И, не раздумывая, побежала туда.

Одна за другой сирены смолкли. Машины стояли перед разворотной площадкой, и голубой свет мигалок окрашивал сад и растущие за ним ели в призрачные тона.

Пока полицейские не нашли Сабину, чтобы допросить, она воспользуется временем и осмотрится. Ванная комната находилась в дальней части дома. Через окно Сабина заглянула в ярко освещенную комнату.

Хесс уже лежал на каталке. Его голову поддерживала специальная опора, а вокруг стояли штативы с капельницами.

Сабина подошла к следующему окну. За ним находилась спальня. В комнате было темно. Приглядевшись, Сабина заметила, что рама неплотно притворена, и толкнула окно внутрь. При этом заскрипел шарнир. Значит, кто-то открыл окно в дальней части дома, и она услышала этот звук. Все указывало на то, что кто-то хотел убить Хесса

и представить случившееся самоубийством. Как и в случае с женой Тимбольдта.

Теперь ход событий начал проясняться. Сабина попыталась поставить себя на место преступника: «Ты обыскал дом и нашел документы в сейфе. Конечно, ты мог бы взять их с собой и уничтожить позже, но это было рискованно – тебя мог остановить полицейский патруль, верно? Поэтому ты разжег камин, бросил документы в огонь, чтобы уничтожить на месте, пока истекающий кровью Хесс лежал в ванне, а ты ждал, когда он умрет. Но я застигла тебя врасплох, и ты вынужден был бежать».

Сабина тряхнула головой, отгоняя видение. Вытащила документы из-под блузки, подошла к освещенному окну и взглянула на обуглившееся дело БКА с пометкой «конфиденциально».

Это были подписанные службой ведомственного надзора протоколы с датами отдельных допросов, а именно членов «Группы-б».

«Группа-б».

Сабина перелистнула страницу и нашла первые фамилии. Затаив дыхание, она пробежала глазами по строчкам. Упоминался Дитрих Хесс. А также Геральд Рорбек, Анна Хагена и Клаус Тимбольдт.

Она долго смотрела на следующую фамилию.

«Этого не может быть! Харальд Ломан!»

Значит, его тоже допрашивали как члена «Группы-б». Как назло, она доверилась именно Ломану, а этот мерзавец хладнокровно солгал ей. Когда утверждал, что не в курсе, в чем тогда было дело, и не знает фамилии шестого члена группы. Кого он хотел защитить? Шестого человека?

Неужели Снейдера? Все-таки они друзья.

Она услышала мужские голоса перед домом.

– Где Сабина Немез?

– Женщина, которая сообщила нам о случившемся? Без понятия. Только что была здесь.

В следующий момент в небе раздался треск лопастей. Вертолет БКА с поисковыми прожекторами приближался к участку. Наверное, он приземлится в конце переулка на разворотной площадке для автомобилей и заберет Хесса.

Через окно ванной комнаты она услышала крик врача:

– Вертолет здесь. О’кей, вывозим его!

Санитары выкатили носилки из комнаты.

Сабина снова спрятала документы под блузкой – на этот раз засунув их за пояс на спине, – обошла вокруг дома и вернулась к входной двери. Перед домом стояли три машины уголовной полиции.

Она хотела подойти к первому попавшемуся полицейскому, чтобы предъявить свое удостоверение, но заметила Тимбольдта. «Он же выходит на службу лишь завтра!» И тем не менее он стоял перед домом и разговаривал по телефону. Очевидно, руководил оперативными действиями, хотя сам потерял жену всего несколько часов назад.

С чувством неловкости она подумала о документах за поясом, в которых упоминалось и его имя.

Внезапно поднялась пыль, в воздухе закружились листья и ветки. Вертолет, оглушительно треща, сделал круг над домом. Затем яркие прожекторы осветили площадку.

Тимбольдт узнал Сабину и окончил разговор. Сразу направился к ней.

– Что вы делаете в такое время у президента Хесса?! – крикнул он. – И откуда у вас вообще его адрес?

– Мне кажется, сейчас это не важно, – парировала она. – Я сомневаюсь, что Хесс хотел покончить с собой. Предполагаю, что внутри кто-то был, пытался его убить, а затем покинул дом через окно спальни.

Тимбольдт немедленно отреагировал, отдал несколько распоряжений своим коллегам, которые тут же рассеялись и стали прочесывать участок.

В этот момент Хесса выкатили из дома. Несмотря на все разногласия, которые были у Сабины с Хессом, ее сердце сжалось, когда она увидела, в каком жалком состоянии он находился – с зафиксированной головой и всевозможными трубками и проводами. Он был под наркозом, интубирован и подключен к аппарату искусственного дыхания.

– ...И подготовьте реанимационную палату в больнице! – крикнул врач, завершил разговор и сунул телефон в карман.

Сабина подумала об Анне Хагене, чье самоубийство на железнодорожных путях она не смогла предотвратить, о жене

Тимбольдта в гараже, чью жизнь она также не сумела спасти, и о Хессе. Убийца всегда был на шаг впереди нее – но, возможно, на этот раз она не слишком опоздала.

Носилки ненадолго поставили рядом с ней. Пока санитары возились со стойкой с капельницами, Сабина бросила взгляд на врача.

– И как?

Врач сжал губы и едва заметно покачал головой.

«Черт!»

Тут Сабина заметила, что инстинктивно взяла Хесса за руку. Из-за наркоза и обезболивающих он был без сознания и не ощущал прикосновений.

Возможно, Хесс умрет уже этой ночью. Сабина посмотрела на Тимбольдта. Он стоял в нескольких метрах от нее и инструктировал полицейских.

– Сейчас сядет! – закричал врач.

На участке поднялся ветер, а вершины елей нагнулись, когда вертолет Triple Two приземлился на разворотной площадке.

Сабине хотелось нагнуться к Хессу и спросить, кто был в его доме, кто убил его жену и что сделала «Группа-б». Но он не мог ее слышать, тем более говорить из-за трубки в горле. Веки Хесса дрогнули, и Сабина предположила, что он просто отреагировал на ее движение, не больше.

– В сторону! – закричал санитар.

Сабина отпустила руку Хесса. Носилки подняли и перенесли по брусчатой дорожке на улицу, там опустили на землю и быстро покатали к вертолету.

В следующий момент Хесс исчез в вертолете. Врач и санитары тоже забрались внутрь, захлопнули дверь, и лопасти завращались с бешеной скоростью.

Тимбольдт снова оказался рядом с Сабиной.

– Мои люди не обнаружили следов взлома. Кроме одного стекла в гостиной, но его разбили изнутри.

– Это была я. Но окно в спальне открыто.

Тимбольдт кивнул.

– Оно было открыто изнутри. Между прочим, встроенный сейф в кабинете тоже открыт. Вы доставали оттуда документы?

Сабина подумала о деле с запретительной пометкой.

– Нет, не доставала, – уверенно ответила она. По спине пробежал неприятный холодок, от которого ее передернуло. – Но я заметила, что в камине горит огонь.

– Мы как раз пытаемся спасти документы, чтобы реконструировать, что хотел сжечь Хесс.

– Может, это вовсе не Хесс хотел что-то сжечь, – предположила она.

– А кто тогда?

– Я не знаю.

– Откуда у вас этот адрес? – снова спросил Тимбольдт.

– Я дружила с Дианой Хесс, – сказала она, чтобы защитить Снейдера.

– И она сообщила вам адрес своего загородного дома?

– Да, – солгала Сабина.

– А почему вы здесь оказались?

– Я хотела выяснить у Хесса, по какой причине он отстранил меня от расследований смертей Катарины и Анны Хагены.

Тимбольдт пожевал нижнюю губу.

– Я могу ответить вам на этот вопрос. Во-первых, вы никогда не привлекались к расследованию самоубийства Анны Хагены, а должны лишь были выяснить обстоятельства смерти ее сестры...

– А во-вторых?

Тимбольдт прищурился.

– А во-вторых, после самоубийства Анны Хагены расследование переросло в более крупное дело.

– До которого я не доросла?

– Не нужно ставить под сомнение решения Хесса. Будьте доступны завтра, чтобы мы могли внести ваши показания в протокол. – Он развернулся и пошел в дом.

«Лживый говнюк!»

Сабина покинула участок, прошла вниз по улице и села в свой автомобиль. Она оглянулась, чтобы проверить, не смотрит ли кто-нибудь в ее сторону, но все были слишком заняты. Все равно она завела машину и отъехала в закоулок, чтобы припарковаться в месте, где ей не помешают. Затем включила лампочку для чтения, вытащила из-за пояса бумаги, разгладила их на коленях и взглянула на с трудом читаемый текст.

Кто-то хотел помешать, чтобы эти акты стали достоянием общественности, и она выяснит причину.

Наконец на последней странице она наткнулась на шестую фамилию, которую Ломан якобы не мог вспомнить. Это был не Снейдер.

Имя звучало: Франк Айзнер.

Сабина порылась в памяти. Лично она не была знакома с Айзнером, но знала фамилию по рассказам.

Раньше он был следователем в БКА, но лет девять назад покинул службу по собственному желанию. Сейчас нужно как можно быстрее выяснить, где он находится – потому что его жизнь и жизнь его близких в опасности. Вероятно, как и жизнь Тимбольдта.

30 лет назад – день лжи

Харди сидел на скамейке во внутреннем дворике дома, покурил сигарету и моргал на солнце.

Дом, в котором он жил с родителями, выглядел как всегда. Хотя не совсем, если быть честным. Все износилось и обшарпалось, а горки, на которой они играли детьми, больше не было. Из земли торчал только металлический остов с ржавыми трубами. Песочница была настолько грязная, что ни один ребенок добровольно туда не полезет.

Когда Харди услышал, что кто-то звенит ключами снаружи, он раздавил ногой окурок и посмотрел на наручные часы. Пять вечера. В это время Нора обычно возвращалась с работы домой. Она была официанткой в той же кондитерской, где раньше, без отпусков и больничных, работала его мать, пока однажды не упала замертво с подносом в руке. Сердечный приступ. Вскоре после этого Нора заняла ее место.

Входные ворота открылись, и вошла Нора. Она даже не посмотрела через арку во внутренний двор, а сразу прошла к двери, которая вела в подъезд к квартирам.

Харди поднялся и направился к ней. Господи, она была все такой же красивой, как и пять месяцев назад, когда он видел ее последний раз. Сейчас ей восемнадцать. На прошлой неделе он прислал ей из казармы открытку на день рождения.

На Норе были кроссовки и тонкое летнее платье. Они совсем не подходили друг к другу, но Нора всегда была особенной. Просто уникальной. Ее светлые волосы были заплетены в косу, которая доходила ей до лопаток. Прежде чем исчезнуть в доме, она случайно посмотрела в его сторону. Их взгляды встретились, и лицо Норы просияло.

– Харди! – воскликнула она.

Он подошел к ней, обнял и поцеловал в щеку. Было так приятно держать ее в объятиях, Харди хотелось изо всех сил прижать ее к себе, но он боялся причинить ей боль.

– Ты... – Он выпустил Нору и сделал шаг назад, чтобы видеть ее лицо. – Ты в хорошей форме... то есть ты выросла.

Наморщив лоб, она посмотрела на его губы.

– Я имею в виду, ты стала женственной, – быстро сказал Харди.
Нора улыбнулась.

– Ты тоже в хорошей форме. – Она пощупала его бицепсы.

– Моя служба в армии подошла к концу. – «Пятнадцать месяцев оскорблений и ползания в грязи».

– Теперь ты останешься здесь?

Он помедлил, затем помотал головой.

– Времени нет, я...

– Ты снова... уйдешь? – Ее глаза округлились. На лице читалась легкая паника. Ее взгляд словно говорил: «После всего времени, что я тебя ждала». Инстинктивно она схватилась за маленький серебряный крестик на цепочке.

– Мне нужно уехать. Но я вернусь, – пообещал он ей.

– Куда? И насколько?

– В Брюль, недалеко от Кёльна. Я выдержал вступительный экзамен в Федеральную высшую школу государственного управления. А также прошел медосмотр, проверку на общую эрудицию и даже психодиагностическую часть с отличием. Базовый курс длится шесть месяцев. – Он смотрел на лицо Нору, и его голос становился все тише. – Направление «уголовная полиция», – добавил он.

– Поздравляю. – Она выпустила цепочку из пальцев и обняла его. – Я действительно очень рада за тебя. Ты всегда этого хотел.

Конечно, она за него радовалась – с самого детства, когда взахлеб читал романы о Джерри Коттоне, он не говорил ни о чем другом, как об учебе в полицейской школе, куда хотел пойти после получения аттестата, – но все равно в ее поздравлении звучала определенная грусть.

– Это означает, что мы снова долго не увидимся, – констатировала она, выпуская его из объятий.

– Я... – Он замолчал, потому что входная дверь открылась и во двор вышла пожилая дама. Харди посмотрел на Нору, задвигал губами и продолжил говорить беззвучно: – Я выучусь – после базового курса еще три основных модуля и год практики, затем экзамен на комиссара уголовной полиции. После окончания я получу работу в БКА. Буду хорошо зарабатывать. Потом я вернусь и... – Он взглянул на женщину, но та не обращала на него внимания. – И заберу тебя из этого убогого дома.

– Когда? Через десять лет? – спросила она.

– Через три года. Обещаю. – Он поцеловал ее. Впервые прямо в губы.

– Не хочешь подняться? – спросила она. – Мои родители придут только через час.

Он помотал головой.

– Мне нужно идти. Меня кое-кто ждет в машине на улице.

На ее лицо легла тень.

– Я видела эту машину. Там сидит Лиззи, верно?

Он кивнул. Соседской дочери Элизабет было двадцать, как и Харди. В отличие от него у нее еще не было машины.

– Она будет учиться со мной в высшей школе в Брюле, – сказал он, на этот раз громко, потому что женщина ушла в дом. – Мы вместе готовились к вступительному экзамену.

Харди увидел, как глаза Норы наполняются слезами. Он тут же сжал ее руку.

– Между нами ничего нет. И никогда не будет! После учебы я вернусь. Обещаю!

– Я знаю Лиззи, – возразила Нора. – Она очень хитрая – мне до нее далеко, – и она положила на тебя глаз.

– Может быть, но она меня не интересуется. – Харди снова поцеловал ее.

– В этом я сомневаюсь, Томас Хардковски, – строго сказала она. – Ты всегда легко поддавался чужому влиянию, а Лиззи манипулирует всеми.

Харди знал, что Нора хорошо разбирается в людях – но на этот раз она ошибалась.

– И ты должен бросить курить. – Она полезла в карман платья и сунула ему в руку упаковку английских мятных леденцов «Роки». – Просто приходи, когда будешь готов.

Часть третья. Акты Пятница, 3 июня

Следующее утро началось с двухчасового разговора в кабинете Тимбольдта.

Сабина рассказала ему, что уже сумела выяснить, но умолчала о трех вещах: о разговоре с Мартеном Снейдером в баре «Ромео», о том, что видела там Дирка ван Нистельроя и что ей удалось спасти документы с пометкой «конфиденциально» из камина Хесса. Интуиция подсказывала, что эти акты и есть то звено, которое свяжет все смерти, – и очевидно, Тимбольдт был как-то связан с этим делом. Пока Сабина не знала, с кем безопасно об этом говорить, она будет помалкивать, потому что ей не хотелось быть застреленной в ванне или закончить жизнь как самоубийце на рельсах или в загазованном гараже.

Тимбольдт раздраженно выключил диктофон и сложил бумаги.

– Хорошо, мы закончили. И ни слова прессе, они наседают на нас со вчерашнего дня.

– Конечно. – За кого Тимбольдт ее принимает? Сабина поднялась и взглянула на настенные часы. Было начало одиннадцатого. – Я очень сожалею о смерти вашей жены, – наконец сказала она как можно более сочувственно. – Если я могу что-то сделать для вас, пожалуйста, скажите.

– Спасибо. – Тимбольдт долго изучающе рассматривал ее. – Вероятно, вам кажется странным, что после такого дня, как вчерашний, я сижу в своем кабинете.

«Более чем странным», – подумала Сабина, но промолчала.

– Работа якобы лучшее лекарство от траура... пока это неплохо работает.

«Даже если необъективен и вообще-то должен быть отстранен от расследования?»

– Вы можете это понять? – уточнил он.

– Да, конечно, – ответила она. – Предварительное заключение о вскрытии уже готово?

Тимбольдт стиснул зубы.

– У моей жены в крови нашли следы снотворного.

– На теле были раны, гематомы на руках? – спросила она.

– Нет. Я знаю, на что вы намекаете, но следов взлома нет.

– Тем не менее кто-то мог насильно дать ей таблетки и потом перетащить в машину.

– Вы предполагаете, что, как и в случае с президентом Хессом, речь может идти о убийстве?

– Возможно.

– В настоящий момент мы рассматриваем все варианты.

– На теле Дитриха Хесса были следы борьбы или насилия? – спросила она.

– Кроме пули, которая снесла ему пол-лица? – сухо спросил Тимбольдт. – Нет. А токсикологический анализ крови еще не готов. Она попыталась скрыть напряжение и опустила плечи.

– Как у него дела?

– Его состояние критическое. Операция длилась всю ночь. Насколько серьезно поврежден его мозг, выживет ли он, и если да, то с какими последствиями, покажут следующие часы.

– Кто возьмет на себя...

– Один из двух заместителей президента БКА временно возьмет на себя его полномочия, в настоящий момент рассматривают одного кандидата, который должен приехать в Висбаден.

– Со стороны? Дирк ван Нистельрой? – предположила Сабина. Тимбольдт удивленно посмотрел на нее.

– Вы об этом знаете?

– Ходят слухи, – сказала она и подумала о разговоре с Ломаном.

– Да, весьма вероятно, что Дирк ван Нистельрой станет новым президентом БКА.

«Значит, так и есть! Вот дерьмище!» Тогда шансы Снейдера на восстановление в БКА равны нулю – а именно в нем Сабина нуждалась как никогда, если хотела разобраться в этих дебрях.

– Когда приедет ван Нистельрой?

– Вероятно, завтра. Он еще в Гааге. «Если бы ты знал!»

– Разрешите еще один вопрос?

Тимбольдт раздраженно поднял на нее глаза.

– Пожалуйста.

– Что выявило патологоанатомическое заключение Дианы Хесс?

– Ну... в отличие от моей жены, у Дианы Хесс действительно обнаружили синяки на шее.

– Ее столкнули с моста на рельсы?

– В настоящий момент нельзя этого исключить. Мы рассматриваем и такую версию.

– Меня не покидает ощущение, что Дитрих Хесс что-то об этом знает.

– Возможно, но сейчас он борется за свою жизнь и не может быть допрошен. Еще что-нибудь?

Сабина помотала головой.

– Хорошо, потому что у меня есть еще один вопрос, который мы должны быстро обсудить. – Он поднялся, обошел вокруг письменного стола и вальяжно сел на край. – Кажется, события последних дней сильно вас подкосили. Поэтому сегодня утром я поговорил с вашим руководителем отдела и замолвил за вас словечко.

Сабина вопросительно посмотрела на него.

– Хесс тоже хотел, чтобы вы больше преподавали в академии, потому что очень ценил ваши педагогические способности.

«О нет! Что за чушь!» Она догадывалась, куда клонится этот разговор.

– Я взяла на себя лишь пару часов в конце семестра, – запротестовала она. – И...

– Я это поддерживаю, – перебил ее Тимбольдт. – И позабочусь о том, чтобы вы сократили количество часов непосредственной службы и уделили больше времени преподаванию в академии.

– Но это так неожиданно...

Тимбольдт жестом прервал ее.

– Мое предложение таково: с завтрашнего дня вы берете на себя не только часы Анны Хагены, но и пару других курсов. Вы наверняка справитесь.

У Сабины участился пульс.

– Но завтра суббота.

– Как вы помните по собственной учебе в академии, занятия там проводятся и по субботам. Согласны?

«Значит, ты хочешь как можно быстрее отстранить меня от службы и сослать в академию?» Где те времена, когда они со Снейдером охотились за убийцами? Снейдер не позволил бы ей киснуть в лекционном зале. Наоборот, на месте преступления он

бросал ее, как щенка, в воду и даже провоцировал, чтобы она самовольно проводила расследование.

Самовольно!

Это она умела лучше всего. И именно этим она снова займется!

– Каков ваш ответ? – спросил Тимбольдт.

Сабина медлила. Интуиция подсказывала ей, что Тимбольдт хочет избавиться от нее. «Но почему? Тут нечего долго думать. Ответ лежит на поверхности. Он хочет помешать тебе больше выяснить о „Группе-6“».

– Согласна, – ответила она с улыбкой. – Вы правы. Последние дни действительно дались мне нелегко.

Тимбольдт тоже улыбнулся.

– Я смотрю на это так же; кто пренебрегает незначительными задачами, в итоге не справляется с важными. – Он потер руки. – Хорошо, сообщите о решении ректору академии, а я тем временем улажу все с вашим руководителем.

– Спасибо. – Сабина кипела от ярости, но виду не подавала. Лишь так она могла усыпить бдительность Тимбольдта, чтобы незаметно действовать самой.

Она развернулась и вышла из кабинета. Уже по пути к лифтам она напечатала эсэмэс Тине:

«Нужна твоя помощь. Встретимся?»

Ответ пришел быстро:

«В „Фуцо“. Через час».

* * *

Жарким днем, как сегодня, в висбаденской пешеходной зоне особенно сильно пахло серой. Повсюду из фонтанов били горячие источники.

В двенадцатом часу Сабина и Тина встретились в их любимом кафе, расположенном в узком переулке. Они сидели в тени могучего платана и смотрели на римские ворота, которые остались от старой городской стены. В этом месте каменная лестница сворачивала под арку и вела на стену с зубцами и к башенке с деревянной крышей.

Милое местечко, но соседние столики почти всегда были свободны, и сейчас тоже.

– Мы просто смиримся с тем, что Хесс отстранил нас от расследований? – начала разговор Сабина. – Особенно сейчас, когда одному за другим вырубают свет?

Тина перегнулась к ней через стол.

– Конечно же нет. Тут дело нечисто. И поэтому сегодня утром я посмотрела в Центральной оперативной системе, как продвигаются расследования по Хагене и Рорбеку.

Сабина придвинулась ближе.

– И как же?

Тина опустила плечи.

– Ни допросы свидетелей, ни отчеты криминалистов, ни анализ видеозаписей дорожных камер не дали ничего интересного. К тому же я просмотрела открытые дела, над которыми работали Рорбек и Хагена. Все безобидно. Между ними нет абсолютно никакой связи.

У Сабины вдруг вспыхнули глаза, потому что ей вспомнилась одна давно забытая деталь.

– Хагена взяла последнее нераскрытое дело Снейдера, но Снейдер говорил, что оно не такое важное.

– Верно. – Тина махнула рукой. – Его я тоже просмотрела. Забудь. Женщина из какой-то многоэтажки на краю Нюрнберга, предположительно, убила свою дочь и закопала труп в лесу.

У Сабины от удивления открылся рот. «Значит, это было оно!»

– Снейдер говорил об этом случае в университете. Он хотел во что бы то ни стало уличить эту женщину.

– С помощью адвоката она уклонилась от допроса Снейдера и утверждала, что Снейдер хотел вынудить у нее признание. Но до обвинения дело не дошло, потому что труп не был найден, а в цепи улик имелись пробелы. Девочка до сих пор считается пропавшей.

«Вот чем занималась Хагена!»

Телефон Тины зазвонил, она нервно взглянула на дисплей.

– Журналист, я уже выучила этот номер наизусть. – Она оборвала звонок и переключила телефон в беззвучный режим. – А ты что выяснила?

Сабина рассказала ей, что случилось прошлой ночью, начиная с ее встречи со Снейдером в баре «Ромео» и заканчивая событиями в

загородном доме Хесса и ее сегодняшним разговором с Тимбольдтом. Затем вытащила обгоревшие документы, которые спасла из огня, и подвинула их через стол к Тине.

– Во дела! – прозвучал единственный комментарий Тины. Она сначала изучила письмо, затем фотографии Дианы Хесс и в конце акты. – Не думаю, что письмо и фотографии Дианы важны.

– Я тоже так считаю, – призналась Сабина, потому что письмо Дианы Хесс, насколько еще можно было разобрать, содержало поздравительный текст ко дню рождения мужа.

– Вероятно, тот, кто вломился в дом, просто схватил все из сейфа и без разбору швырнул в огонь.

– Не похоже, что он вломился, – указала Сабина на важную деталь. – Сигнализация не сработала, но служба безопасности уверяла, что сигнализацию не отключали. Весьма загадочно. В любом случае я думаю, что Хесс знал своего посетителя. – Она наклонилась к Тине, которая все еще изучала документы. – Предполагаю, речь шла лишь об этих актах с пометкой «конфиденциально», которые нужно было уничтожить.

– Но даже они нам не особо помогут. Это просто старые – двадцатилетней давности – даты допросов коллег службой ведомственного надзора, без присутствия адвоката. К сожалению, мы не видим, кто проводил допрос. А по-настоящему интересные страницы уже сгорели. К тому же это... – Тина, хмурясь, перевернула листок и рассмотрела его с обратной стороны, – официальный документ БКА.

Сабина указала на печать.

– Конечно.

– Я имею в виду, что это оригинал, а не копия! А из-за запретительной пометки он не доступен ни общественности, ни большинству сотрудников БКА. Вообще-то это должно лежать в архиве БКА, а не в сейфе Хесса. Вопрос в том...

– Почему Хесс хранил эти – вероятно обличающие его – документы в своем личном сейфе? – Сабина подумала, но нашла лишь один убедительный ответ: – Наверное, чтобы их никто не нашел.

Тина кивнула.

– Но зачем тогда преступнику сжигать их и убивать Хесса?

– Возможно, Хесс кого-то шантажировал.

– Хесс? – Тину эта теория не очень убедила. – Или... – Она подняла голову. – Не Дитрих Хесс, а Диана Хесс сохранила эти документы.

– Но как она их заполучила? И к тому же: зачем ей это делать? Чтобы защитить своего мужа? – предположила Сабина. – Возможно, ее столкнули на рельсы, потому что она отказывалась отдать документы, а ее убийца хотел выяснить, где они находятся. Так могло быть.

– Все это лишь предположения, – вздохнула Тина. – В любом случае речь с большой долей вероятности идет о «Группе-6». Что мы о ней знаем? – Она вытащила из рюкзака ноутбук, включила его и открыла пустой документ. В следующий момент начала печатать. – Двадцать лет назад отдел состоял из двух десятков человек, и шестерых из них допрашивали по подозрению в коррупции. А конкретно этих... – бормотала она, печатая, и через несколько минут презентовала Сабине результат.

Геральд Рорбек

Ночью 31 мая его пятилетний сын был застрелен дома в Висбадене предполагаемым взломщиком. Почему Рорбек выжил? Почему бежал? На следующий день, рано утром, он кончает с собой, выехав против направления движения на А5.

Эсэмэс Снейдеру: «Ты был прав. Прошлое настигает нас. 1 июня всех нас погубит. Прощай!»

Анна Хагена

Ночью 31 мая разговаривает по телефону со своей старшей сестрой, адвокатом Катариной Хагеной. Вскоре после этого сестру сталкивают с лестницы в ее доме в Майнце, и она умирает. На следующий день Анна звонит Снейдеру, а после разговора также кончает с собой в машине на железнодорожных путях.

Дитрих Хесс

Ночью 1 июня его жену сталкивают с железнодорожного моста на рельсы под поезд / или она кончает с собой.

2 июня Хесс стреляет себе в голову в собственной ванне / или становится жертвой покушения на убийство.

Перед этим Хесс или его убийца пытаются уничтожить документы о «Группе-6».

Клаус Тимбольдт

2 июня его жена становится жертвой убийцы / или кончает с собой в машине в гараже.

Харальд Ломан

Много лет руководит службой внутренней безопасности и оперативной группой БКА. Какие у него есть родственники?

Франк Айзнер

?

Под последней фамилией стоял большой вопросительный знак. Сабина долго смотрела на список.

– А если ни в одном из этих случаев речь не идет о самоубийстве?

– Такого изощренного убийцы не существует.

– Я имею в виду, что, если их довели до смерти?

Тина взяла документ в руку.

– Из-за этого листка бумаги? Этих шестерых человек допрашивали по обстоятельствам какого-то дела двадцать лет назад. Почему смерти начались именно сейчас?

– Правильно, этому документу уже двадцать лет, – размышляла Сабина. – Я не могла найти ничего в архиве по этому делу, потому что в своих поисках продвинулась лишь на девятнадцать лет назад.

– Твое чутье с самого начала тебя не подвело, – призналась Тина. – Мы должны искать дальше, потому что, кроме пары дат допросов, у нас ничего нет. К тому же нужно выяснить что-нибудь об этом Франке Айзнере.

Сабина кусала губы.

– Если мы начнем его искать, то оставим очевидные для любого сотрудника БКА следы. Наверное, это не очень хорошо.

Тина усмехнулась.

– Понимаю, ты деградировала до училки академии и офисной работы. Но я буду искать.

– Тебя тоже отстранили от дела Рорбека, – напомнила ей Сабина.

– Возможно, но вот эта малышка... – сказала она и похлопала по ноутбуку, – мой личный компьютер, и через беспроводную сеть этого кафе мы выясним в Интернете что-нибудь о Франке Айзнере.

Тина начала быстро печатать, но чем дольше она искала, тем сильнее вытягивалось ее лицо.

– Ни одного поста в Фейсбуке, ни одного результата в Гугле, но вот здесь... – Внезапно ее настроение улучшилось.

Сабина придвинулась ближе и посмотрела на монитор.

– Вот ссылка на веб-страницу одного частного охранного агентства.

– А именно «Айзнер секьюрити электроникс». – Тина кликнула на веб-страницу и открыла раздел контактов. – Здесь стоит – Франк Айзнер. Фирма расположена в Висбадене. А вот и его биография.

Они уставились на фотографию. Франку Айзнеру было пятьдесят два года: костюм, короткая стрижка, узкое лицо, серо-голубые глаза и трехдневная щетина с проседью. Но все-равно на горле виднелся длинный и некрасиво заживший шрам от трахеотомии.

– Хорошо выглядит, – заметила Тина. – Загорелый крутой менеджер. И здесь указано, что десять лет назад он еще работал в БКА. Это наш товарищ.

Сабина пробежала глазами по биографии, но, кроме работы Айзнера в полиции, уголовной полиции и БКА, никакой личной информации о нем не было. В его компании работало пять сотрудников, а в разделе «Рекомендации» были указаны клиенты, которых консультировал по вопросам безопасности.

– Банки, страховые агентства, автосалоны, музеи и концерны... – бормотала она. – Похоже, дела у него идут неплохо. К тому же он единственный из «Группы-6», кто больше не служит в БКА и, вероятно, не поддерживает контактов со своими бывшими коллегами.

– Это означает?... – спросила Тина.

– От него я надеюсь получить больше информации.

– Хорошо, тогда я займусь актами с пометкой «конфиденциально». Возможно, в архиве есть что-то еще по этому делу. А затем попытаюсь выяснить о прошлом Ломана и о его родственниках.

Сабина кивнула.

– А я займусь Айзнером.

– Будь осторожна, смотри снова не окажись на месте преступления.

От секретарши Франка Айзнера Сабина узнала, что тот весь день находится на встрече с клиентом в офисе банка «Клементони». Высокое здание из бетона и стали, с огромными стеклянными фасадами стояло в центре Висбадена.

А так как завтра утром она снова должна преподавать в академии и даже получила несколько новых курсов, время на разговор с Франком Айзнером у нее оставалось только сегодня. Поэтому она решила попытать счастья в банке и захватить свой ноутбук, чтобы использовать каждую минуту для поиска и сбора информации. Она показала свое служебное удостоверение, переговорила с ассистенткой директора и попросила о короткой встрече с Айзнером.

Сабина узнала, что через полчаса у него с клиентами запланирована кофейная пауза, и секретарша хотела пригласить его в холл. Но Сабина предложила, что сама поднимется на шестой этаж.

Один из сотрудников проводил Сабину в фойе перед конференц-залом, где стояли диванчик и стол, на котором лежали журналы. Здесь она должна была дожидаться Айзнера. Когда сотрудник наконец-то удалился, Сабина налила себе капучино в автомате рядом с диванчиком, села и, барабанив пальцами по ноутбуку, взглянула на журналы и газеты. Заголовок в популярном журнале гласил: «Таинственные смерти руководителей БКА!» Чуть ниже шрифтом поменьше: «Это орудует сумасшедший убийца? БКА запрещает разглашать информацию». Рядом лежала бульварная газета. «Убийца полицейских наносит новый удар!»

Ей бы не хотелось оказаться на месте пресс-секретаря БКА в ближайшие дни. Сабина не стала читать статьи, а открыла ноутбук и уставилась на логотип онлайн-архива БКА. Да пошел этот Тимбольдт! Он все равно узнает, что она говорила с Айзнером. «Так какая разница? К тому же ты не просто собираешь информацию, а готовишься к занятиям в академии, разве нет?»

Она открыла архив и отправила запрос в системе, где указала период – двадцать один год назад – и фамилии Хесс, Рорбек, Хагена, Тимбольдт, Ломан и Айзнер.

В то время БКА постоянно появлялось в СМИ. Похоже, полиция переживала свой расцвет. Во время облав ликвидировали наркокартели, арестовывали дилеров, закрывали бордели и нелегальные казино, находили склады оружия и упраздняли фирмы по отмыванию денег. В первую очередь порядок наводил легендарный отдел РПН и отмечал один успех за другим.

Это была настоящая волна удачи. Но годом позже Сабина наконец наткнулась на тот самый день, который так долго искала: 1 июня двадцать лет назад.

Работавшие под прикрытием сотрудники РПН, составляющие так называемую «Группу-6», ликвидировали наркокартель некоего Томаса (Харди) Хардковски. Очевидно, за несколько дней до этой операции во Франкфурте произошел конфликт между двумя конкурирующими наркодилерами. Взрыв газа уничтожил склад наркотиков Харди, а через несколько дней сгорели его нарколаборатории. После чего Хардковски с помощью зажигательной смеси устроил пожар в своем доме, чтобы избавиться от улики. К моменту прибытия пожарных и сотрудников БКА все уже сгорело дотла. Во время пожара погибли жена Харди и двое его детей. Сам он постоянно утверждал, что не устраивал поджога и не убивал свою семью – что подтвердил добровольный тест на детекторе лжи, – но судебно-психологическая экспертиза, на которой настояла прокуратура, опровергла заявления Харди.

Эксперты пришли к заключению, что Харди страдает от посттравматического стрессового расстройства. От безвыходности ему пришлось взять в расчет смерть жены и детей, но его психика этого не выдержала. И как следствие – страх, депрессия, бессонница, ночные кошмары, отчаяние и агрессивное поведение. Психолог и его экспертная команда из трех человек пришли к единодушному мнению: Томас Хардковски был убийцей, но загнал воспоминания о поступке в самые глубокие слои подсознания – и отсюда вывод: «преступление совершено Хардковски, но он этого не помнит!»

Однако гвоздь в крышку гроба Харди вбило показание свидетеля. Кто-то видел, как он выходил из горящего дома. В целях безопасности основного свидетеля обвинения его фамилия и адрес не указывались в акте, а показания также носили гриф конфиденциальности.

Теперь Сабина начала припоминать, что много лет назад читала в СМИ об этом деле. Она прокрутила мышкой вниз. В документе упоминалась также экспертиза молодого психолога, но никаких значимых деталей указано не было. Томас Хардковски и его партнеры – три мелких преступника-наркодилера Надин Поллак, Отто Гедекер и Антуан Томашевски – предстали перед судом по обвинению в наркоторговле и отправились в тюрьму. После процесса Хардковски прошел принудительное медикаментозное лечение. Больше никакой информации не было.

Сабина подняла глаза, посмотрела в пустой коридор, услышала невнятный говор, сигнал лифта, шум хлопнувшей двери и снова погрузилась в архив.

Теперь она решила просмотреть дело Харди. Первым делом наткнулась на его актуальную фотографию. Мужчина средних лет. На сумасшедшего не похож. Даже наоборот. Привлекательный, с подтянутым натренированным телом и живыми умными глазами. Сабине даже не верилось, что он мог торговать наркотиками, а тем более пожертвовать семьей, чтобы уничтожить улики.

Сейчас ему пятьдесят. После школы и армии он был... Что? Комиссаром-стажером уголовной полиции и закончил трехлетнее обучение? Этого не может быть! В БКА? Сабина остолбенела. Харди ее бывший коллега! Во время учебы он прошел шестимесячную практику в департаменте по борьбе с организованной преступностью и наркоторговлей и после учебы перешел в отдел по международной борьбе с наркотиками – специализация кокаин, где его сразу бросили как щенка в воду и познакомили с основами международной работы. Проклятье! С двадцати трех до двадцати пяти лет он даже работал в БКА сотрудником департамента по борьбе с наркотиками.

И вот такой человек увольняется с работы, чтобы самому за пять лет создать наркокартель? Правда, он знал, как можно ускользнуть от полиции. К тому же, видимо в среде наркодилеров, он и познакомился с Поллак, Гедекером и Томашевски.

И тут последовала сенсация. Как главарь преступной организации, он отсидел за поджог, убийство и наркоторговлю двадцать лет в тюрьме Бютцов, из которой вышел восемь дней назад.

Восемь дней назад!

У Сабины пересохло в горле. Все убийства и самоубийства могли быть связаны с его освобождением. Вопрос в следующем: он действительно сумасшедший и, если да, где сейчас скрывается?

Сабина хотела начать новый запрос, как картинка на мониторе замерла. Курсор двигался, но она не могла больше никуда кликнуть на странице архива.

– Ну же! – пробормотала она.

Неожиданно появился красный треугольник с восклицательным знаком, который она отлично знала со времен учебы. «У вас нет прав доступа».

– Этого не может быть.

Она перезагрузила компьютер, снова открыла архив и попыталась войти в систему. Опять то же самое сообщение.

– Вот мерзавцы! – прошипела она. Гневно схватила сотовый и напечатала эсэмэс Тине:

«Мне только что закрыли доступ к архиву. Двадцать лет назад «Группа-б» ликвидировала наркокартель Томаса «Харди» Хардковски. Он отправился на двадцать лет за решетку и освобожден восемь дней назад. Я буду...»

Она замерла. Дверь перед ней открылась, и несколько строго одетых мужчин и стильных женщин вышли из переговорной комнаты к фуршетным столикам в фойе, на которых стояли кофейники и тарелки с печеньем. Среди них Сабина узнала и Франка Айзнера в элегантном, сшитом на заказ костюме. Она отправила эсэмэс Тине, убрала телефон, закрыла ноутбук, поднялась и направилась к Айзнеру.

Тот самодовольно улыбался, сунув руки в карманы брюк.

– Мы можем установить новую версию брендмауэра на следующей неделе, но потом... – Он прервал разговор, словно догадываясь, что Сабина здесь из-за него, и взглянул на нее, когда между ними оставалось несколько шагов.

– Добрый день, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена, – сказала она и предъявила свое удостоверение. – У вас найдется немного времени?

Разговоры банкиров прекратились. Айзнер смотрел на Сабину пристально и в то же время с любопытством. Несмотря на седую щетину, она разглядела у него на горле длинный шрам. Айзнер

улыбнулся, и Сабина поняла, что он был готов к этому разговору. Этот орешек будет непросто расколоть.

26. Понедельник, 30 мая

Нора обнадежила Харди, пообещав помочь завтра. Поэтому на следующий день в три часа он снова вошел в «Панду». Закусочная как раз закрывалась, у Норы был перерыв до шести вечера, когда ей снова придется встать за прилавок.

Пока Нора протирала столы, Харди убрал тарелки, приборы и стаканы в посудомоечную машину и включил ее. Они вместе почистили прилавок и подмели пол. В это время господин Чан убирался на кухне.

– До шести вечера! – крикнула Нора в кухню.

– Да-да, – ответил господин Чан.

Она посмотрела на Харди.

– Пойдем.

Харди последовал за ней через черный ход, который вел в узкий дворик, где стояли мусорные баки. Там же была дверь в подъезд.

Они поднялись на четвертый этаж, и пока Нора возилась с замком, упираясь ногой в нижнюю часть двери и бормоча «Эту чертову дверь постоянно заедает», с верхнего этажа спустился мужчина.

Толстяк в гавайской рубашке с огромными пятнами пота размером с картины Джексона Поллока. Лет шестидесяти, редкие волосы зачесаны набок. С ухмылкой он уставился на задницу Норы.

– Пялься в другую сторону! – сказал Харди.

– Можешь не стараться впечатлить ее, – ответил толстяк. – Она тебя не слышит. Глухая, как крот.

«Глухая, как крот?» О господи, да он к тому же глуп.

Мужчина усмехнулся.

– Но ноги отличные.

– Проваливай! – раздраженно отрезал Харди.

Мужчина остановился у лестницы, раскачиваясь на носках.

– Осторожно, малышка царапается. – Он отодвинул в сторону воротник рубашки и показал несколько царапин. – Лучше всего, если ты заплатишь в конце.

Харди сжал кулаки.

– Отвали.

Толстяка это нисколько не впечатлило, он улыбнулся и зашагал вниз по лестнице.

– Кусается и царапается, как дикая кошка... – бормотал он.

Харди хотел броситься за ним, но Нора схватила его за руку и потащила в квартиру.

– Успокойся. Я не знаю, что он сейчас сказал, но он болтает одну чепуху.

– Я набью ему морду, и тогда он оставит тебя в покое.

– Не лучшая идея. Это владелец дома, и я не хочу, чтобы он поднял мне аренду.

Вот черт!

– Он знает, что у тебя в квартире кошка?

– Нет.

Харди сжал губы.

– Ты спишь с ним?

Нора покраснела.

– Он так сказал?

Харди пожал плечами, но ничего не ответил.

– Вот гад! – Она сделала глубокий вдох. – Ладно, дай мне твой телефон, закончим с этим.

Он протянул ей смартфон.

– Кабель для передачи данных у тебя есть?

Он вытащил его из кармана.

– Можно, я налью себе чего-нибудь? Тебе тоже?

– Да, на кухне стоит бутылка белого вина.

Нора направилась в гостиную, а Харди вошел на кухню. Не большая, но очень чистая. Часть гостиной, которую он видел, тоже выглядела уютной. Нора со своей маленькой зарплатой сделала из этой крохотной квартирki настоящую конфетку. Он нашел бутылку вина в холодильнике, открыл шкафчик, достал бокалы и налил Норе вина. На подоконнике сидела кошка. Нора не преувеличивала, животное действительно было уродливым. Тощая, с клочковатой белой шерстью, торчащими ушами и глазами навывкате. Уродливая – это еще мягко сказано.

– Твинки, – шепнул Харди.

Кошка недоверчиво на него посмотрела. Он приблизился к ней и хотел погладить, но кошка зашипела.

– Ладно, не буду. – Себе он смешал «Бейлис» с молоком и кубиками льда. Подхватив оба бокала, вошел в гостиную.

Тем временем Нора подключила его смартфон к своему ноутбуку и уже нашла видео.

– Это оно?

Харди увидел обоих полицейских перед домом Антуана Томашевски.

– Да.

– Качество изображения хорошее, откуда у тебя это? У всех в тюрьме такой телефон?

Харди объяснил ей.

– Удивительно, что они умеют, верно? – добавил он и сел в кресло.

– Да, – согласилась Нора, – но попробуй сегодня забери у подростка телефон! Без смартфона ему снова придется думать самому. Можешь радоваться, что в тюрьме ты избежал всего этого ажиотажа вокруг соцсетей в последние годы.

– Ну, заключенные не настолько оторваны от жизни. Три раза в неделю у меня был доступ к компьютеру, и я даже знаю, что такое Фейсбук.

– Как прогрессивно. – Она удивленно рассмеялась. – У тебя есть личная страничка, которую я могу лайкнуть?

Он остался серьезным.

– Нет.

– И радуйся. Фейсбук помогает многим лишь заявлять о своей глупости. Это как холодильник. Ты заглядываешь туда каждые десять минут, хотя точно знаешь, что ничего нового не появилось.

– Ты из тех, кто постоянно жалуется, что раньше все было лучше? – спросил он.

– Именно! Позавчера, например, была суббота, и у меня был выходной! – Она улыбнулась.

Он тоже усмехнулся.

– Тебе идет короткая стрижка.

– Спасибо.

Нора посмотрела видео на своем ноутбуке, приблизила картинку и изучила движения губ Антуана. Изображение стало размытым, но она трижды прокрутила видео без звука. Затем изучила отражение

полицейских БКА в стеклянном элементе двери и тоже просмотрела несколько раз подряд. Все это время Харди слышал на повторе одно и то же щебетание птиц и шум проезжающих машин.

Харди дал Норе еще немного времени, затем коснулся ее руки, чтобы она взглянула на него.

– Ты смогла что-нибудь разобрать?

Нора отодвинула ноутбук в сторону, взяла бокал с вином, подтянула ноги и, подложив под локоть подушку, удобно устроилась на диване.

– Немного, об остальном можно догадаться.

– О чем говорят эти люди?

– Сначала ты расскажи мне об этом больше.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Кто эти люди? Откуда ты их знаешь? Почему ты снял их? – Она сделала нетерпеливый жест рукой, приглашая его говорить. – У тебя неприятности? Это как-то связано с твоим пребыванием в тюрьме? Что ты собираешься делать?

– Ты хочешь все это знать?

– У меня есть время. – Она взялась за бокал.

– Хорошо. – Харди откинулся на спинку кресла. – Три года я служил в БКА в департаменте по борьбе с наркотиками, частично работал под прикрытием. Хорошо знал эту среду. Затем уволился и сам начал небольшой наркобизнес.

– И Лиззи это допустила?

– Это была ее идея. Она забеременела, родились близнецы, и нам нужны были деньги.

– Вам нужны были деньги? – цинично повторила Нора. – И тогда вы... – она щелкнула пальцами, – просто открыли маленькую нарколабораторию?

– Примерно так.

– Я всегда знала, что Лиззи нельзя доверять, с первого дня, как увидела вас вместе.

– Она мертва.

Нора подняла руку.

– О, мне очень жаль, – сказала она. – Вероятно, как и парочка наркозависимых подростков. А дальше?

Харди проигнорировал упрек.

– Почти шесть лет бизнес шел хорошо, а потом слишком разросся. Начались первые конфликты с конкурентами.

– Со студентами-физиками, которые делали наркотики в своих подвалах?

– Тогда уж со студентами-химиками. – Он помотал головой. Норе не обязательно было знать всю правду, поэтому он лишь сказал: – С албанцами, русскими, армянами и чеченцами.

– А затем?

– Они сожгли мой склад и лаборатории, избили моих работников, а в конце подожгли и мой дом. Лиззи и близнецы были той ночью дома. Они спрятались в кладовке рядом со спальней и, когда начался пожар, не успели выбраться оттуда. Они сгорели заживо. Все трое. В кладовке размером с половину твоей кухни.

– Якобы ты виновен в их смерти.

Харди вздрогнул.

– Что с тобой?

– Ничего. – На секунду он закрыл глаза и схватился за виски. Эти проклятые боли!

– Хочешь таблетку обезболивающего?

– Нет, спасибо. – Он помассировал лоб, затем снова открыл глаза. – В тот момент меня не было дома. Но у меня оказалось слабое алиби. Прокурор разнес его в пух и прах.

К тому же какой-то свидетель якобы видел, как я выходил из горящего дома.

– Кто этот свидетель? Ты бы мог...

– Это был полицейский-пенсионер, который умер много лет назад, – сказал Харди. Конечно, об этом он тоже думал, но след давно остыл.

– Зачем тебе поджигать собственный дом?

– Чтобы уничтожить улики.

– То есть?

– После поджогов моих лабораторий приехали полиция, БКА, спасатели, пожарные. Это были неотложные обстоятельства. Уголовной полиции не нужен был ордер на обыск, чтобы перевернуть мой дом вверх дном. Якобы поэтому я и устроил пожар.

– Невзирая на собственную семью?

– Якобы я хотел уничтожить все доказательства, а Лиззи знала о моих делах слишком много.

Нора молчала. Больше никаких циничных комментариев не последовало. Она крутила бокал в руке.

– И что ты сейчас собираешься делать?

– Я хочу выяснить, кто убил мою жену и детей.

– Разве это не задача полиции?

– Специалист по пожарам установил, что кто-то пытался представить все так, будто пожар начался в доме из-за перегревшегося модема. На самом же деле была использована зажигательная смесь, но явных следов не нашли. Так или иначе, прокурор обвинил меня в торговле наркотиками и поджоге. К тому же повесил на меня мошенничество со страховкой, потому что это был мой собственный дом, и не согласился со статьей «убийство по неосторожности», а настаивал на преднамеренном убийстве. Его требования были удовлетворены по всем четырём пунктам обвинения.

– Не думаешь, что это мог быть несчастный случай?

– Кто-то устроил поджог.

– Почему ты так уверен?

– У нас был модем, но не в спальне. Тем не менее там обнаружили расплавленный корпус. Кто-то должен был подкинуть его в комнату.

– Харди, я знаю, это звучит жестоко, но прошло двадцать лет. Прошлое пожирает тебя.

– Я должен выяснить, кто за этим стоит, если это действительно было преднамеренное убийство.

– Ладно. – Нора распрямила ноги. – По этому делу должно быть много материалов. Отчеты полиции и пожарной службы. А эти показания свидетеля... Как потерпевший, ты можешь запросить через адвоката все документы.

Харди грустно улыбнулся.

– Чего я только не пытался предпринять во время своего тюремного заключения. Я даже продал земельный участок со сгоревшим домом, чтобы оплатить адвоката. Но к кому бы я ни обращался – результат был всегда один: это я сам устроил пожар, и моя семья не успела вовремя спастись из дома. Существует даже судебно-психологическая экспертиза, что я способен на этот поступок, совершил его и просто все забыл.

Нора застонала.

– Оставь прошлое в покое. Харди помотал головой.

– Лишь когда у меня будут достоверные сведения.

– И как ты хочешь их получить?

Краем глаза Харди заметил, как Твинки медленно крадется из кухни в гостиную.

– Якобы о событиях той ночи существуют конфиденциальные акты БКА с запретительной пометкой. Я должен их как-то заполучить.

– Как ты собираешься это сделать?

Харди сунул руку в карман брюк и вытащил ключ от сейфа.

– Я еще не знаю, от чего он, но выясню. И думаю, что найду там этот отчет. – В спортивной сумке.

– А если все действительно окажется несчастным случаем?

– Тогда я оставлю всех в покое. Но я в это не верю. Потому что меня преследует кто-то в черном автомобиле, и, похоже, этот кто-то пытается помешать мне все выяснить. – Он указал на ноутбук. – Я должен знать, о чем говорили эти люди. Поэтому мне необходима твоя помощь.

В этот момент Твинки запрыгнула Харди на колени, повертелась, улеглась и, урча, свернулась клубком.

– Ладно, – пробормотал он и положил ладонь на растрепанную шерсть. Почувствовал, как вибрировало тощее тело.

– Твинки этого никогда не делает, – удивленно сказала Нора.

Харди поднял на нее глаза.

– Так ты мне поможешь?

Она посмотрела на ноутбук с видео, потом на него.

– Хорошо, я тебе помогу. Но сначала ответь мне на один вопрос: кто или что такое «Группа-6»?

Франк Айзнер посмотрел на Сабину сверху вниз.

– Что БКА от меня хочет? – Его голос звучал хрипловато, что, вероятно, было связано с трахеотомией. Видимо, во время операции ему повредили связки.

– Я могу...

– БКА нужна новая система безопасности? – Айзнер улыбнулся. Худой, высокий, с широкими плечами, он был выше ее на полголовы. Айзнер посмотрел на менеджера, который стоял рядом у стола и размешивал молоко и сахар в кофе.

– Я могу поговорить с вами наедине? – спросила Сабина.

– Как вы видите, я провожу презентацию продукта клиентам.

– Это не займет много времени.

– Кофе с печеньем? – спросил Айзнер и подвинул к ней тарелку.

– Нет, спасибо. Я хотела бы спросить вас...

– Извините. – Он поднял палец и понизил голос: – Похоже, вы невнимательно слушали. У меня идут переговоры.

– А я ищу убийцу.

– Здесь?

– Возможно. – Этому самодовольному типу не вывести ее из себя. Проводи она официальное расследование, разговаривала бы с ним в другом тоне, а так оставалось лишь надеяться, что он не будет наводить о ней справки у ее руководителя отдела. Все-таки он достаточно долго работал в БКА, чтобы понимать, что к чему.

– Я сделаю вам предложение – но лишь потому, что вы так вежливо меня попросили, – сказал он. – Мы завершим этот перерыв по плану, а когда все участники снова соберутся в конференц-зале, поговорим с вами. Три минуты. Больше я для вас ничего не могу сделать.

Возможно, эта была проверка ее на упорство. Но если она поведется на этот трюк и будет пытаться блефовать, то проиграет борьбу.

– Согласна.

– Хорошо. Увидимся позже. – Айзнер повернулся к менеджеру, который стоял рядом, и продолжил разговор, а Сабина отошла в

сторону.

Она ждала четверть часа и наблюдала за Айзнером. Не понимая, о чем шла речь, так как стояла далеко, Сабина все же заметила, как он доминировал в разговоре. Флиртовал с дамами, смешил мужчин, умело пользовался мимикой и жестами и напоминал нечто среднее между страховым агентом и торговцем автомобилями, которые обводят своих клиентов вокруг пальца.

Наконец первые участники начали заходить в переговорную. За ними последовали и остальные. Айзнер задержался у стола и налил себе еще чашку кофе.

Когда они остались в фойе одни, Сабина подошла к нему.

– Спасибо, что уделили мне время. Я...

Айзнер сурово посмотрел на нее. Дружелюбное выражение исчезло с его лица.

– Фрау Немез, слушайте меня внимательно, я не буду повторять: никогда – никогда больше – не разговаривайте со мной таким тоном при клиентах. Вы поняли?

Она задохнулась.

– Я...

– На таких встречах речь идет о суммах, которых вам не заработать и за двадцать лет. В следующий раз согласуйте время с моей секретаршей. Это понятно?

Сабина постаралась говорить спокойным тоном:

– Очевидно, вы ошибочно полагаете, что я впечатлена тем, что раньше в БКА вы занимали высокий пост, а сейчас возвращаетесь в высшем обществе.

– А сейчас к вашим качествам добавилось еще и неуважение, – заявил он.

– Вообще я уважительно отношусь к тем, кто старше меня, но в вашем случае могу сделать исключение.

У Айзнера дернулось веко.

– Видимо, вы не знаете, что мы с директором Хессом близкие друзья.

– Вчера ночью директор Хесс выстрелил себе в голову и сейчас находится в критическом состоянии.

Айзнер уставился на нее.

– Что? Я об этом ничего не знаю.

- СМИ еще не сообщали об этом.
- Проактивные следственные мероприятия не ведутся, если речь идет о самоубийстве.
- А это было самоубийство?
- Вы подозреваете покушение на убийство?
- Я не могу говорить с вами об актуальном состоянии расследования, но у меня есть к вам несколько вопросов.
- Минуту. – Айзнер вытащил сотовый и набрал короткий номер. Прижал телефон к уху и подождал.
- Кому вы звоните? – спросила Сабина.
- Хессу.
- Он лежит в реанимации и вряд ли ответит на звонок.
- Любой может это утверждать. Я... – Он поднял руку и заставил Сабину замолчать, прежде чем она успела что-либо сказать. – Я могу поговорить с президентом Хессом? Угу... Мне очень жаль, спасибо. До свидания. – Он положил трубку и убрал телефон в карман.
- Теперь вы мне верите?
- Айзнер затеребил галстук.
- Хорошо. У вас одна минута. Затем мне нужно вернуться в конференц-зал.
- Геральд Рорбек и Анна Хагена покончили с собой несколько дней назад, а попытка суицида Дитриха Хесса более чем сомнительная. К тому же были убиты сын Рорбека, сестра Хагены, Диана Хесс и жена Тимбольдта.
- Жена Клауса Тимбольдта? – перебил ее Айзнер.
- Сабина кивнула.
- Вы, Ломан и другие, кого я только что упомянула, в ходе задания «Группы-6»...
- Откуда вы знаете фамилии бывших членов группы?
- Что в этом необычного?
- Могу вам объяснить. – Он понизил голос. – Это фамилии сотрудников, которые работали под прикрытием, и данные сведения доступны не всем. Так откуда у вас эти фамилии?
- Это конфиденциальная информация, – ответила Сабина. – Как бы то ни было, вы участвовали в ликвидации наркокартеля.
- И не одного – это была наша задача.
- Тогда, первого июня, сгорел дом Томаса Хардковски.

– Он был наркодилер.

– И не только. До этого он работал в БКА.

– Возможно, но если и так, то это было чертовски давно, – сказал Айзнер.

– Он работал в департаменте по борьбе с наркотиками. Ваш коллега, вообще-то вы должны знать его.

Айзнер покачал головой:

– Не помню. Как актуальные события связаны с Хардковски?

– Это я хотела бы узнать от вас.

– От меня? Вы переоцениваете мои контакты и связи.

– Я думала, вы дружите с коллегами и руководством БКА.

Айзнер заскрипел зубами.

«Попался, козел!»

– Что произошло в тот день первого июня?

– Спросите своих коллег, я десять лет как покинул службу и уже не помню, что произошло двадцать лет назад.

Сабина специально не называла год. И все равно Айзнер точно знал, когда произошли события, о которых они говорили.

– Что значит в соответствующем акте службы ведомственного надзора?

– Посмотрите в документах.

– Они под грифом конфиденциальности.

– Что вы говорите, под грифом конфиденциальности? – насмешливо повторил Айзнер. – Значит, есть причина, почему эти документы недоступны каждому молокососу из БКА. – Его тон становился все жестче.

Сабина проигнорировала оскорбление.

– Кто из службы ведомственного надзора руководил тогда расследованием?

– Я не помню.

– Можете вспомнить фамилию прокурора?

– Нет.

– Господин Айзнер. – Сабина старалась говорить спокойно. – За исключением Ломана все члены «Группы-б» потеряли кого-то из близких. Если не хотите сотрудничать со мной, возможно, следующим будете вы.

– Спасибо, но я сам о себе позабочусь. Лучше, чем девчонка, которая переоценивает свои силы.

«Высокомерный говнюк!»

– Я же просто хочу вам помочь! Томас Хардковски освобожден восемь дней назад, – сказала она и наблюдала за реакцией Айзнера, но его лицо словно окаменело и ничего не выражало. – Возможно, следующей жертвой станет кто-то из вашей семьи.

– Моей семьи? Вы плохо подготовились. Мне нечего терять, – сказал он. – Моя жена давно умерла, и у меня нет никого, о ком я мог бы переживать. – Он развернулся. – Мне пора идти.

Сабина посмотрела вслед Айзнеру, который вошел в конференц-зал. Он действительно выглядел так, словно ничто не могло его потрясти.

«Ну хорошо, подождем».

Тина вошла в архив на самом нижнем подвальном этаже здания БКА.

Сейчас все материалы были уже доступны онлайн, и Тина лишь изредка приходила в архив во время учебы, чтобы изучить акты старых нераскрытых убийств. И хотя по ощущениям это было тысячу лет назад, она очень хорошо помнила фрау Клемент, седую змею в очках и с внушительным бюстом, которая руководила архивом уже много десятилетий и давно должна была быть на пенсии, но ее никак не удавалось туда отправить.

Тина встала перед столом фрау Клемент, которая смотрела на монитор перед собой и даже улыбалась, что случалось крайне редко. Очевидно, она только что получила веселый мейл от кого-то из коллег.

Тина положила свое удостоверение на письменный стол и прочистила горло.

– Добрый день, я хотела бы взглянуть на эти акты. – Она наклонилась и написала на бумажке номер.

Фрау Клемент подняла глаза.

– СВН 768/II, – прочитала она. – Это акты службы ведомственного надзора.

– И?

– Судя по номеру, очень старые.

– Возможно.

Фрау Клемент печатала на клавиатуре, пока Тина в напряжении затаила дыхание. Вряд ли Клемент не обратит внимания на запретительную пометку и выдаст Тине материалы, которые, возможно, все еще хранились в архиве. Но попытаться стоило.

– Акты находятся в проходе семь.

Тина подняла взгляд и посмотрела за письменный стол, в лабиринт из проходов, где стояли оранжевые канцелярские шкафы высотой до самого потолка.

Фрау Клемент проследила за взглядом Тины.

– Не здесь, а на пол-этажа ниже, в старом архиве.

Туда у нее не было доступа.

– А именно... – Женщина надела очки, которые болтались на цепочке у нее на груди. – А именно в отделе... Секунду. – Она прищурилась. – О-о! Мне очень жаль, милочка. – Фрау Клемент посмотрела на нее. – Эти акты под грифом конфиденциальности. Можно взглянуть на ваше разрешение?

– Прошло уже двадцать лет, документы должны были утратить силу за давностью, – блефовала Тина.

– Милая попытка, но, если вы не можете предъявить мне соответствующего разрешения, я ничего вам не выдам и вернусь к своей непосредственной работе.

– Кто из службы ведомственного надзора занимался тогда этим делом? – спросила Тина.

Фрау Клемент ухмыльнулась.

– Вообще-то вы должны знать, что эта служба специализируется на коррупционных правонарушениях и занимается исключительно преступлениями полицейских. Она не подчиняется ни одному из отделов, и их непредвзятость вне всякого сомнения. Поэтому вы никогда не узнаете эти имена! И даже если бы я видела их на мониторе, то не могла бы вам...

– Да, ясно, я поняла. – Тина подумала о сожженных оригиналах документов, которые Сабина нашла в камине Хесса. – По крайней мере, вы можете сказать, брал ли их кто-нибудь? И если брал, то кто и когда?

Вздыхнув, женщина посмотрела на монитор.

– Да, их действительно брали. Много лет назад.

– Сколько?

– Двенадцать. Но больше вы от меня ничего не узнаете.

– В это время президентом стал Дитрих Хесс.

Лицо фрау Клемент порозовело.

– Я не могу сказать вам, кто брал документы. Поговорите об этом с вашим руководителем отдела.

«Да, конечно, отличная идея!»

– Иначе это сделаю я, – добавила фрау Клемент.

Она уже хотела закрыть страницу, как вдруг замерла на полудвижении. Ее брови нахмурились.

– Смотри-ка, – пробормотала она. – С тех пор документы не вернули.

– То есть соответствующий ящик в проходе семь пуст?

– Согласно компьютеру да. – Фрау Клемент подняла на нее глаза. – Но я задаюсь вопросом, почему вас это так интересует. Это дело двадцатилетней давности, девятнадцать лет назад оно было рассмотрено в суде, обработано и получило гриф конфиденциальности. Все по регламенту.

«Рассмотрено в суде. – Тина насторожилась. – Значит, дело дошло до суда! Но до судебных актов тебе тем более не добраться. Хотя...»

– Вы видите когда?

– Да, девятнадцать лет назад, в ноябре. На этом все?

– Большое спасибо. – Тина развернулась и удалилась.

Правда, она не покинула этаж, а лишь направилась к лифтам и, не доходя, свернула налево.

Три года назад Сабине Немез в голову пришла интересная мысль, которой она поделилась с Тиной. Как только расследование какого-либо дела закрывается, соответствующие материалы распечатывают, нумеруют и направляют в суд – а копию каждого пронумерованного акта отправляют в отдел архивирования. Он находился на том же этаже, что и архив, где она только что была.

Тина вошла в незнакомое ей помещение, показала молодой коллеге служебное удостоверение, направилась дальше и в следующий момент отпрянула. Проходы освещались десятком неоновых трубок. В воздухе висел типичный библиотечный запах пожелтевшей бумаги. Оранжевые канцелярские шкафы до потолка образовывали перед Сабининой лабиринт из бесконечных коридоров. Зрелище поразило Тину. Но с учетом 320 тысяч новых уголовных актов ежегодно, эту невероятную коллекцию невозможно было разместить иначе. Сейчас важно найти нужный акт.

Она села перед терминалом и отфильтровала все акты, которые в ноябре девятнадцать лет назад были отправлены из БКА в суд. Их тысячи! Но она могла ориентироваться на номер акта первоначального дела: СВН 768/П.

Спустя полчаса она наконец нашла место хранения пронумерованных документов для суда. Копии действительно хранились в этом помещении, а не в подвале этажом ниже.

Тина закрыла программу, выключила монитор и нашла нужный проход. Массивные стеллажи доходили до самого потолка и стояли так

плотно друг к другу, что между ними не проскочила бы даже иголка. Тина нашла соответствующий канцелярский шкаф и покрутила рукоятки других стеллажей, которые передвигались по направляющим на полу, пока не образовался коридор в нужном диапазоне номеров.

Затем проскользнула туда, открыла соответствующий ящик и начала просматривать папки на подвесной системе. Она искала номер 89.

Семьдесят...

Она отодвинула папку.

Семьдесят пять...

В узком проходе было невероятно жарко. Пот стекал по лбу в глаза.

Восемьдесят.

Дальше!

Восемьдесят семь...

Тут она услышала голос, который заставил ее вздрогнуть.

Тимбольдт!

Тина застыла на месте. Что он здесь делает?

– А здесь она не была? – спросил он кого-то.

– Нет, насколько я знаю, она была только в архиве, – ответила женщина.

«Вот черт!» Это был голос фрау Клемент. Значит, она сдержала обещание и сообщила руководителю отдела Тины, который, вероятно, тут же проинформировал Тимбольдта.

– Хорошо, если она снова появится в каком бы то ни было архиве, я хочу об этом знать, вы поняли?

– Конечно. Я правильно действовала? – спросила фрау Клемент.

«Гнусная подхалимка!» Пальцы Тины застряли между актами, и она не решалась шевельнуться.

– Да, вы все правильно сделали, – пробормотал Тимбольдт. – Запретительные пометки на документах ставятся не просто так.

– Спасибо.

– И скажите это своим коллегам, чтобы они были в курсе, на случай если она снова здесь появится.

«Если она снова здесь появится...» Как это звучало! Словно она преступница. Кроме того, Тимбольдт мог бы дать распоряжение

старой перечнице и по телефону, не приходя сюда. Но это лишь показывало, насколько важен ему данный вопрос. Интересно, почему.

– Хорошо, господин Тимбольдт.

«Хорошо, господин Тимбольдт, – мысленно передразнила Тина голос женщины. – Когда ты наконец уйдешь на пенсию!»

Неожиданно в кармане брюк у Тины завибрировал телефон. О господи, только этого не хватало! Она тут же вытащила мобильный и нажала на кнопку, оборвав вибрирование. Эсэмэс. От Сабины! Хорошо, что она не позвонила.

Пока фрау Клемент продолжала говорить, Тина открыла сообщение.

«Мне только что закрыли доступ к архиву».

Тина замерла. «Кто бы это мог быть!» Прислушалась, затем прокрутила сообщение дальше.

«Двадцать лет назад „Группа-6“ ликвидировала наркокартель Томаса Хардковски. Он отправился на двадцать лет за решетку и освобожден восемь дней назад. Я буду...»

На этом сообщение обрывалось. Второе не пришло. На всякий случай Тина выключила телефон и сунула обратно в карман.

Хардковски! Эту фамилию она никогда не слышала. Она подняла взгляд и посмотрела в конец прохода. Фрау Клемент все еще говорила.

– Да, спасибо, – наконец оборвал ее Тимбольдт.

Затем Тина услышала, как оба покинули архив и закрыли дверь. Она вытерла пот со лба и глубоко вздохнула. «Ладно, дальше!» Она отодвинула следующую папку в сторону.

Восемьдесят восемь.

Она уже хотела вытащить следующую папку, как озадаченно уставилась на номер.

Девяносто.

Не может быть! Где номер 89? Она лихорадочно просмотрела все папки еще раз – в надежде, что искомый акт расположен не по порядку. Но она знала, что это не так.

Кто-то забрал папку и из этого архива. Таким образом, у Хесс был единственный экземпляр документов. И они по большей части сгорели в камине.

Это был классический тупик.

Но посещение архива оказалось не напрасным. Теперь она знала, что Тимбольдт пытается всеми способами выяснить, чем они с Сабиной так интересуются, и одновременно помешать им узнать больше.

29. Понедельник, 30 мая

Нора встала и открыла балконную дверь. Ветер надувал занавеску, и она развевалась голубым парусом посреди вездесущей душной жары.

– А после того, как количество умерших от наркотиков возросло, была образована «Группа-б», – закончил Харди свой рассказ. Он налил себе уже второй бокал «Бейлиса» и сидел рядом с Норой на диване. Твинки, с минуту потоптавшись на бедрах, урча, опять свернулась клубком у него на коленях.

– А кто входил в эту группу?

– Фамилии всегда держались в секрете. – Он кивнул на ноутбук у Норы на коленях. – Теперь мы можем начать?

– Еще секунду. Кто этот мужчина в доме?

– Антуан Томашевски. Один мой старый друг.

– Это он разбил тебе нос? – улыбаясь, спросила Нора и провела пальцем по губам Харди.

Это должна была быть шутка, но Харди не улыбнулся.

– Да, он.

– Правда? – Нора убрала руку. – Отличные у тебя друзья.

– Это было необходимо. От него я получил ключ к сейфу.

– Почему ты не спросил его, от чего он?

– Его дом прослушивается. Телефон, вероятно, тоже, а я не хотел, чтобы кто-то нашел этот сейф до меня.

– Понимаю. – Она кивнула. – А кто эти мужчина и женщина перед его домом?

– Геральд Рорбек и Анна Хагена. Два сотрудника БКА.

– Откуда тебе это известно?

– Я знаю их по прежним временам.

– Бывшие коллеги?

Харди кивнул.

– Они тебя ищут?

Харди помотал головой.

– Я отсидел свой срок и теперь свободный человек.

– О'кей. – Больше Нора ничего не сказала.

Очевидно, теперь она выяснила все, что хотела знать.

– Сколько ты смогла разобрать? – спросил он.

– Большую часть. Я научилась уже хорошо читать по губам франкфуртский диалект. Об остальном – когда лиц не видно в фас – я догадалась. – Она включила видео и начала озвучивать его, произнося слова, которые разобрала по движениям губ. – Привет, Антуан, как у вас дела?

– ...И как прошла вчера вечеринка? – спросил Рорбек и бросил взгляд за спину Томашевски в дом.

– Спасибо, хорошо. Моя жена отмечала пятидесятилетие. Почему вы не зашли?

– Избавьте нас от этих любезностей! – оборвала его Хагена. – Вы знаете, почему мы здесь.

Томашевски попытался улыбнуться.

– Нет, почему?

Рорбек сделал шаг к нему.

– Хардковски был вчера вечером у вас. Чего он хотел?

Томашевски пожал плечами:

– Без понятия, у меня с ним больше нет дел.

– Чего он хотел? – резко повторила Хагена.

– Он болтал что-то о какой-то сумке. Вероятно, хотел денег. Но я понятия не имею, о чем он говорил.

– Какая сумка?

– Очевидно, он недавно вышел из тюрьмы. Полагаю, хотел получить свои вещи. Но я уже много лет не поддерживаю с ним никаких контактов.

– Он упоминал «Группу-6»? – спросил Рорбек.

– Что? Какую группу? Нет.

Тут на улицу вышла и жена Томашевски и встала рядом с мужем.

– Что вам нужно?

– Чего хотел от вас Томас Хардковски вчера вечером?

– Мой муж раньше работал на Харди, этого мерзавца.

– Мы это знаем, но...

– Я еще не закончила! – перебила Кристиана Томашевски сотрудницу БКА. – Но с тех пор, как мой муж отсидел свой срок, мы не имеем больше ничего общего с ним и его делами. Это больной убийца женщин и детей, и, хотя он отсидел свое, как и мой муж, – для

нас он навсегда останется таким. Антуан вышвырнул его из дома, и я сомневаюсь, что он появится снова. – Она взяла мужа под руку. – Этому подонку здесь нечего делать. Так что вам от нас нужно?

– Если вы еще раз его увидите, немедленно позвоните нам.

Жена Томашевски взяла визитную карточку.

– Хорошо. А вы в будущем можете не утруждаться и не следить за нашим домом.

– Мы не ведем наблюдения за вашим домом, – сказала Хагена.

– Конечно, – вмешался в разговор Томашевски. – Тогда это, вероятно, совпадение, что ваши коллеги Тимбольдт и Ломан время от времени катаются вверх-вниз по улице, с тех пор как Харди выпустили?

– Об этом мы ничего не знаем, – сказал Рорбек.

– Расскажите это своей бабушке.

– Эй, здесь мы задаем вопросы! – перебила Хагена. – Позвоните нам, как только Харди снова появится у вас.

– А почему?

– Потому что мы хотим это знать.

Хагена и Рорбек развернулись и пошли к своей машине.

Томашевски с женой остались стоять у входа и смотрели им вслед.

– Они оставят нас в покое? – спросила она.

– Не думаю.

– Тогда пусть они хотя бы лучше договариваются со своими коллегами.

– Они исправятся, не беспокойся.

Томашевски и его жена вошли в дом и захлопнули за собой дверь.

Харди разочарованно посмотрел на Нору.

– И это все?

– Да. Не похоже, что этот Томашевски и его жена твои друзья.

– Они должны дистанцироваться от меня. Иначе БКА не отстанет от них.

– Почему?

– Именно этого я и не знаю.

– О'кей, и что ты теперь скажешь об этом разговоре?

– Рорбек и Хагена в отчаянии, – пробормотал Харди. – Причину я смогу назвать тебе, когда заберу свою сумку из сейфа.

– То есть сейчас ты знаешь не больше, чем раньше, – сказала Нора.

– Не совсем. – Он наморщил лоб. – Теперь я знаю, что в это впутаны не только эти двое, но еще Тимбольдт и Ломан.

– Их ты тоже знаешь?

Харди кивнул:

– Еще с прежних времен.

– О'кей. – Нора отодвинула ноутбук в сторону и положила ногу на ногу. – Знаешь что? Я помогу тебе.

– Ты уже помогла, больше тебе ничего не нужно делать.

– Если они следят за тобой, то наверняка знают, что ты сейчас у меня. Поэтому я уже все равно влипла – хочу этого или нет.

Харди посмотрел в сторону.

– В этом вся Нора, – пробормотал он.

Нора постучала по его плечу.

– Что ты сказал?

Он взглянул на нее.

– Что я очень ценю твою помощь.

– Лжец!

– Ты не должна этого делать.

– Я хочу. Но при одном условии.

– Я слушаю.

– Я помогу тебе – из симпатии и потому, что верю, что Лиззи и твоих дочерей убили, а ты оказался козлом отпущения. Но я должна спросить еще кое-что... – Она сделала паузу. – Ты хочешь мести или справедливости?

Он долго думал над этим вопросом.

– Справедливости, – наконец сказал он.

– Это хорошо. Мечь тебя просто разрушит.

– Верно, – ответил Харди. «Мечь меня разрушит».

– Обещаешь?

– Обещаю, – сказал он. Но все зависело от того, какая правда обнаружится.

После разговора с Франком Айзнером в банке «Клементони» Сабина тут же поехала к Старому кладбищу в Висбадене, однако нашла там не то, что искала.

Теперь она была на пути к Бибрихскому кладбищу, третьему по величине в Висбадене, которое располагалось на юге города на возвышенности. Без доступа к системам БКА и реестру актов гражданского состояния Сабина была отрезана от всей информации, которая могла бы ей помочь. Справок по телефону ей тоже не дадут, но у нее была идея, как узнать по крайней мере еще несколько фактов, прежде чем она будет преподавать в академии с завтрашнего дня и до тех пор, пока Тимбольдт не доверит ей других заданий. Однако наверняка не в архиве, потому что она могла получить доступ к тому, что ей не положено знать. Такое ее не устраивало, потому что не для этого она два года надрывала задницу в академии.

Только она припарковала машину, как зазвонил ее телефон. «Мартен С. Снейдер» отобразилось на дисплее, и она ответила.

– Вы уже собрали ваш телефон? – едко заметила она, выходя из машины.

Снейдер не ответил.

– И пришли в себя? – спросила она.

– Вчера вечером я выкурил всего три косячка.

– Надеюсь, вы переживете ломку. – Она заперла машину. – Чего вы хотите? Я тороплюсь.

– Где вы?

Она направилась к входным воротам.

– На кладбище в Бибрихе.

– Ищете подходящую могилу для Дитриха Хесса?

Сабина сглотнула. Хотя Снейдер и Хесс враждовали несколько десятилетий, он мог бы воздержаться от этого бестактного замечания.

– У вас столько же чувств, как у ротвейлера. Хесс еще жив! Откуда вы знаете о его попытке самоубийства?

– После того как я дал вам вчера его адрес, я просто хотел узнать, как прошел разговор, – сказал Снейдер. – Хесс не из тех, кто пускает себе пулю в голову.

– Это я сама знаю.

Она дошла до первых могил и вытащила вполне свежий букет из одной из ваз. «Ненадолго одолжила!»

– Какие у вас предположения? – спросил он после ее молчания.

– Это уж слишком! – не сдержалась Сабина. – Вы отмалчиваетесь, ничего мне не говорите, а я должна делиться с вами своими предположениями.

– Именно, Белочка.

– Так не пойдет, Мартен Сомерсет Снейдер.

Сабина миновала часовню, несколько мавзолеев и памятников погибшим в войнах и шла дальше в центр кладбища.

– Почему вы тяжело дышите?

– Потому что меня так возбуждает разговор с вами.

– Я так и думал. – Он помолчал. – Quid pro quo?^[5] – спросил он наконец.

Тем временем Сабина добралась до центральной траурной аллеи. Рядом располагался офис управляющего кладбищем. Уже издалека она увидела через окно, что за письменным столом кто-то сидит.

– Согласна. Quid pro quo, – подтвердила она, потому что это был, похоже, единственный шанс что-нибудь выяснить. – Но если вы меня опять подведете, то на этом все кончено.

– Что вы хотите знать?

– Расскажите мне о Франке Айзнере и Томасе Хардковски.

– Не по телефону. Я как раз сижу в такси и приеду на кладбище. Догадываюсь, куда вы направляетесь.

– Хорошо, я жду вас здесь. – Сабина положила трубку, убрала телефон и постучала в дверь управляющего.

Вскоре дверь открылась, и наружу вышла маленькая толстая женщина.

– Добрый день, – сказала Сабина ласковым голосом. – Я хотела бы положить цветы на родственную могилу Франка Айзнера, но забыла, в каком ряду она находится.

– Франк Айзнер? – повторила женщина.

– Да, все верно.

– Секунду. – Она вернулась в офис. – Нет, фу! – Вокруг нее подпрыгивала длинношерстная такса, которую она отгоняла рукой.

Сабина услышала скрип старого вращающегося стула, затем стук по клавиатуре.

– Вы сказали Айзнер? – крикнула из комнаты женщина.

– Да, А-Й-З-Н-Е-Р, – по буквам произнесла Сабина.

Тем временем цветы повяли.

– Участок Д, дорожка номер одиннадцать, в самом конце.

– А, я припоминаю! – прокричала в ответ Сабина. – В самом конце справа?

– Слева!

– Да, я всегда плохо ориентировалась.

– Нет, вы правы, могила действительно справа.

Так что сейчас?

– Мне вас проводить? Нельзя, фу!

– Нет, не нужно. – Сабина направилась к участку Д и, проходя мимо множества могил, в которых лежали известные личности, искала дорожку номер одиннадцать. Вообще-то это кладбище, напоминающее ухоженный парк, было бы идеально для прогулок. Но не в такой невыносимо жаркий день, как сегодня.

Дойдя до конца гравийной дорожки, она наконец нашла могилу под старой сосной. Возможно, в Висбадене было несколько Франков Айзнеров, но она все равно была уверена, что пришла туда, куда нужно.

Перед ней лежала украшенная орнаментами прямоугольная мраморная плита со свежими цветами в вазе и с тяжелым металлическим кольцом в центре. Не запущенная, а очень даже ухоженная могила. На памятнике было выгравировано лишь одно имя.

ИРЕНА АЙЗНЕР

Любимая жена и мать

Мертвы лишь те,

о ком никто не вспоминает.

Мать? Как странно. Айзнер не упоминал детей. Сабина положила цветы на могилу, встала рядом в тени дерева и изучала дату рождения на мраморной доске. Подсчитала в уме. Сейчас Ирене было бы сорок восемь лет. Этот возраст подходил Франку Айзнеру.

Она рассматривала фотографию женщины. Молодая, с приветливой открытой улыбкой, черные волосы до плеч. Прическа соответствовала моде конца девяностых. Лишь сейчас Сабина осознала дату смерти.

У нее перехватило дыхание. Ирена Айзнер была мертва более двадцати лет. Она умерла в тот же год, когда в пожаре погибла семья Томаса Хардковски. Пожар произошел первого июня, а Ирена Айзнер умерла третьего мая, за месяц до этого.

Тут Сабина услышала хруст гравия и приближающиеся шаги. Не оборачиваясь, она знала, кто это – до нее доносился сладковатый запах марихуаны.

Краем глаза она увидела, как рядом с ней встал мужчина.

– Привет, Белочка.

– Привет, Снейдер, – сказала она и взглянула на него.

На Снейдере были костюмные брюки и, несмотря на жару, белая рубашка с длинным рукавом и галстук. Глаза ввалились, а на лице – вопреки летней погоде – была, как всегда, нездоровая бледность.

– Быстро вы приехали.

– Я был поблизости.

«Какое совпадение!»

– Где ваш пес? – спросила она.

– Винсент не мой пес.

– Я знаю, он лишь постоянный гость в вашем доме. Где он, кстати?

– Не захотел ехать со мной на такси, его постоянно укачивает в машине и рвет. – Снейдер затыкнулся самокруткой.

– У вас проблемы с наркотиками? – спросила она.

– Нет, а вот без них есть.

«Какая пошлость! Отлично! И этот мужчина тебя обучал».

Снейдер взглянул на могилу.

– Почему вы пришли именно сюда?

– Меня привела интуиция.

Он улыбнулся.

– Ваша интуиция? – Это прозвучало почти как издевка.

– Франк Айзнер упомянул о смерти своей жены. Я хотела узнать об этом больше.

Он указал на мраморную доску.

– Дату смерти?

– Именно. – Сабина кивнула. Кроме того, она хотела проверить, в каком состоянии могила, потому что это многое сказало бы об Айзнере. Можно проникнуть в психику убийцы на месте преступления, но то же самое касается и других мест, и людей. А эта могила говорила Сабине, что Айзнер любил свою жену и все еще любит. – У них были дети?

Снейдер кивнул:

– Неродившийся сын. Во время вскрытия выяснилось, что на момент смерти она была на четвертом месяце.

Сабина сглотнула.

– Как она умерла? Самоубийство?

Снейдер помотал головой.

– Передозировка наркотиков?

– Не совсем, – ответил Снейдер. – Ее убили. Я расследовал тогда ее смерть. Жуткое дело. Некий Кржистоф – бывший польский солдат – отсидел за это в тюрьме Бютцов.

– Он знал о беременности Ирены?

– Нет.

– Он отсидел в тюрьме? – повторила она. – А теперь снова на свободе?

Снейдер кивнул.

– Его, случайно, выпустили не одновременно с Томасом Хардковски?

– Нет, Кржистоф получил лишь пятнадцать лет.

– Значит, он вышел пять лет назад. – Это не вписывалось в актуальную временную схему. – Харди и Кржистоф знали друг друга?

Снейдер затаился и поморщился.

– Думаю, да.

– Смерть жены Айзнера как-то связана с деятельностью «Группы-6»?

Снейдер пожал плечами:

– Я не знаю.

Сабина внимательно посмотрела на него.

– Я знаю, когда вы лжете. – Снейдер молчал. – Я успела взглянуть на небольшую часть актов с пометкой «конфиденциально», прежде

чем они сгорели в камине Хесса, – сказала она затем. – Что в них было?

Снейдер удивленно приподнял бровь.

– Хесс сжег эти документы? Я бы сам хотел знать, что в них было.

– И я должна вам поверить? Я думала, мы обменяемся информацией, которую знаем.

– Я сказал вам все, что знаю, – возразил Снейдер.

– Что вы обсуждали вчера вечером в баре с Дирком ван Нистельроомом?

– Он хотел получить мой личный номер телефона. Так, а сейчас моя очередь. – Он наклонил голову и устремил на Сабину свой орлиный взгляд, от которого ничто не могло укрыться. – Вы были вчера вечером у Дитриха Хесса. Что вы знаете о попытке самоубийства и что видели в документах?

Сабина уставилась на него.

– Да пошли вы! Пока не будете играть честно и не расскажете мне все, что знаете, от меня не услышите ни слова.

– Официально вы больше не расследуете это дело.

– Это так. В противном случае я бы отправила вас в следственный изолятор до тех пор, пока у вас не начнется ломка и кластерные боли не разорвут вам череп.

– Вы уже не прежняя маленькая Белочка. Вы превратились в дикую кошку, которая показывает когти.

– Я всегда была такой. Итак – последний шанс! – Сабина требовательно взглянула на него.

– Я не знаю, что содержалось в документах.

– Как хотите. – Она подняла позаимствованный букет с мраморной плиты и, не прощаясь со Снейдером, направилась в сторону выхода, где хотела вернуть цветы на прежнее место. Она была уверена, что Снейдер провожает ее вопросительным взглядом. Однако Сабина надеялась, что он крикнет ей что-нибудь в спину и наконец-то заговорит. Но он молчал. Просто стоял и смотрел ей вслед.

«Вот упертый осел!»

Снейдер ни за кем не будет бегать.

Или он и правда ничего не знает? Маловероятно.

Во всяком случае, с блефом у нее ничего не вышло. Тогда план Б! Она должна еще раз поговорить с Айзнером.

Снейдер проводил взглядом Сабину, которая исчезла с букетом в руке.

Тут завибрировал его сотовый. Он вытащил его из кармана и посмотрел на дисплей. Эсэмэс. Этого сообщения он ждал со вчерашнего дня. Оно состояло всего из трех слов: «О'кей. Можешь начинать!»

Несмотря на жару, его бросило в холод.

Первым делом он позвонит в университет.

Заходящее солнце окрасило местность в пятнадцати километрах к югу от Франкфурта в темно-оранжевые тона. Навигатор привел Сабину к Лангенскому лесному озеру, на берегу которого жил Франк Айзнер.

На интернет-странице его охранного агентства был указан только адрес офиса, и Сабина не хотела спрашивать кого-то из своих коллег о его домашнем адресе. Поэтому еще раз нанесла визит управляющей кладбищем. Однако та отнеслась к просьбе недоверчиво. Сабина показала ей свое служебное удостоверение и таким образом выяснила, на чью фамилию и какой адрес зарегистрирована могила Айзнера: Лангенское лесное озеро, восточный берег, Форстштрассе, 5.

«Лесное озеро» звучало так идиллически и уединенно, на самом деле это был водоем почти в шестьдесят гектаров, с белыми песчаными пляжами и причалами для лодок. Также имелась площадка для кемпинга, зона nudистов и мостики для рыбаков. В это время в ослепительно-голубой воде было еще полно катамаранов и парусных яхт.

Поверхность озера сверкала в лучах солнца, и Сабине пришлось надеть солнцезащитные очки. Она подъехала к восточному берегу, где густой лес доходил почти до самой воды. И здесь живет Айзнер?

Навигатор действительно повел ее по узкой лесной тропе, которая спускалась к берегу. Там, окруженная деревьями, оказалась небольшая площадка для парковки машин. Рядом находился участок Айзнера. Можно было догадаться, что это единственный дом в окрестностях, потому что разрешение на строительство должно было стоить немало. Высокая цена за спокойствие и уединенность.

Сабина подошла к садовым воротам. Вечернее солнце отражалось в современном одноэтажном доме с односкатной крышей, широкими окнами и большим зимним садом, в котором стояли комнатные растения до самого потолка. Нужно было лишь перегнуться через садовые ворота, чтобы в конце участка увидеть берег с деревянным причалом и маленькой парусной яхтой. Рядом находился вытянутый садовый домик из дерева, дверь была открыта, и Сабина разглядела

внутри гидроцикл. Если она не ошиблась, там висели еще баллоны с кислородом и черный костюм для дайвинга.

Ветер шелестел камышом на берегу, утки, крикая, бегали по лужайке. Айзнера и его автомобиля нигде не было видно.

Хотя Сабина несколько раз позвонила в садовые ворота, никто не вышел. От секретарши Айзнера она знала, что его переговоры в банке окончились в шестнадцать часов и Айзнер больше не собирался в офис. Значит, он должен когда-то появиться здесь.

Сабина снова села в машину, откуда почти битый час терпеливо наблюдала за подъездной дорожкой в нескольких метрах, участком, гаражом и домом.

Боковое стекло было опущено, и ее рука свисала из машины. Время от времени теплый ветерок задувал в салон и ненадолго разгонял угнетающую духоту. Иногда она слышала звуки проезжающих по главной дороге машин, больше ничего не происходило. С сумерками появились первые мошки, которых Сабина отгоняла рукой. Тут она увидела движение за шторами в одном окне.

«Не может быть! – Она выпрямилась и прищурилась. Шторы колыхнулись. – Значит, этот мерзавец все-таки дома!»

Сабина вышла из машины и направилась к дому. На этот раз она не позвонила в ворота, а сразу зашла на участок. Табличка «Осторожно, злая собака» ее не напугала, как и миска с водой, которая стояла на лужайке и по размерам подошла бы взрослому ротвейлеру. Во время своего ожидания она ни разу не слышала собачьего лая. Вероятно, табличка и миска служили лишь для устрашения, что было вполне в духе такого эксперта по безопасности, как Айзнер.

Сабина подошла к входной двери и уже хотела нажать на кнопку звонка, как услышала звук, доносящийся из дома. Он напоминал удары по металлу и звучал глухо, словно из подвала.

С любопытством она завернула за угол дома, обошла вокруг зимнего сада и оказалась с другой стороны участка, где лужайка спускалась к берегу озера и деревянному причалу. С краю Сабина заметила замаскированную автоматическую систему орошения, которая в данный момент не работала. С озера тянуло приятной прохладой. Ели, растущие по обеим границам участка, были такие густые и высокие, что дом с лужайкой просматривались только от садовых ворот и с озера.

Сабина дошла до другой стороны дома, практически обойдя виллу вокруг. «По-прежнему никакой собаки!» Здесь в тени деревьев стояли робот-газонокосилка и новый горный велосипед, а у стены дома под водосточным желобом находилась дождевая бочка. Сабину тут же окружило облако пищащих комаров. Она отмахнулась от насекомых и пошла дальше. И тут между деревьями увидела белый минивэн «фольксваген». Вероятно, была еще одна дорога, которая вела к дому. Значит, существовал и второй вход на участок, сбоку? Тогда она могла еще долго ждать на парковке, пока кто-нибудь придет домой.

Снова послышался металлический звук. Она прошла мимо велосипеда к крытому входу в подвал. Еще раз оглядевшись по сторонам, спустилась по бетонным ступеням. Внизу в луже стояла металлическая лестница и пластиковое ведро, заполненное застывшей монтажной пеной. Сабина рассмотрела ведро. Внутри что-то мигало красным светом. И доносился тихий, но высокий раздражающий звук, как от сигнализации. «Проклятье!»

Одновременно она заметила небольшое прямоугольное отверстие в двух метрах над дверью, в котором виднелись штукатурка, пенопласт и изоляционная пена. К дверному косяку была прислонена узкая стамеска. Кто-то выломал из стены сигнализацию, которая сработала при разрыве контакта, и утопил ее в ведре.

Из замка подвальной двери торчали два тонких металлических стержня. Новехонькая отмычка. Дверь стояла приоткрытой.

«Черт!»

Пока Сабина ждала снаружи, что-то проник в дом Франка Айзнера. Она немедленно вытащила пистолет из поясной кобуры и дозарядила его. Другой рукой достала из кармана телефон.

Осторожно открыла дверь в подвал и вошла в помещение. Здесь было прохладно и пахло кирпичами. Понадобилось несколько секунд, прежде чем глаза Сабины привыкли к темноте. Из одного из подвальных помещений донеслось шуршание бумаги. Затем звук застегиваемого замка-молнии. Она взглянула на дисплей телефона. Внизу сеть ловила не очень, но для звонка хватит. Однако преступник услышит, если она будет говорить по телефону. Поэтому она нашла в контактах Тину Мартинелли, чтобы послать ей эсэмэс. То же самое сообщение она отправит в службу спасения БКА и – по старой привычке – на всякий случай Снейдеру.

Она нашла номера Тины и Снейдера, добавила в адресаты и начала печатать сообщение:

«У Франка Айзнера, Лангенское лесное озеро...»

Она услышала бряцание металлического предмета и подняла глаза, потом продолжила печатать.

«В доме преступник...»

Услышав шаги по бетонному полу подвала, Сабина прижалась к стене и затаила дыхание. Она не имела понятия, был ли это один человек или наверху находился сообщник, возможно, в минивэне в лесу ждал кто-то еще.

«Белый VW минивэн рядом с домом...» – торопливо печатала она.

Тут она услышала, как кто-то поднимается по лестнице в дом. Она быстро пересекла проход и посмотрела вверх. В последний момент на ступенях, ведущих на верхний этаж, успела разглядеть мужчину в джинсах, со светлыми короткими волосами. В любом случае это был не Франк Айзнер.

Похоже, она осталась одна в подвале. Сабина хотела было тоже побежать наверх, когда ее взгляд упал в помещения рядом с лестницей. Котельная. Рядом находилась комната отдыха, в углу которой стояла маленькая деревянная сауна с матовым стеклом в двери. Мужчина вышел из одной из этих комнат. Рядом с сауной от стены был отодвинут металлический стеллаж, который стоял теперь посередине комнаты. За ним в стене виднелся открытый сейф. Как в загородном доме Дитриха Хесса. Воспоминания о гараже Тимбольдта и шок, который испытала Сабина, когда нашла истекающего кровью Хесса в ванне, были свежи, и она боялась, что и в этой вилле наткнется на труп. Возможно, Франк Айзнер давно вернулся домой и лежал сейчас мертвый или тяжело раненый в одной из комнат.

Сабина вошла в помещение, присела на корточки и заглянула в сейф. Пусто! На полу лежала большая спортивная сумка. Сабина пнула ее мыском кроссовки. Сумка была полная. Но у Сабины не было времени, чтобы открывать ее и изучать содержимое. Преступник может вернуться в любую секунду, потому что, скорее всего, уходит он будет через подвал. И вместе с сумкой.

«Вызови помощь...» на всякий случай написала она, так как не знала, как будет развиваться ситуация.

Затем вышла из комнаты и снова посмотрела в проем лестницы, ведущей на верхний этаж. Поднимаясь по ступеням, добавила в сообщение точный адрес Айзнера. Она смотрела то на дисплей, то на лестницу.

Затаила дыхание и прислушалась. Дверь в дом была наполовину открыта, и преступник мог еще находиться в прихожей.

Одной рукой держа пистолет, Сабина целилась в проем, другой допечатала эсэмэс, хотела нажать на «Отправить», но промахнулась. «Черт!» Сабина уже стояла на верхней ступени. Дисплей озарял стены голубым светом. Она собиралась нажать на правильную кнопку, но в дверном проеме появилась тень. Сабина инстинктивно вскинула оружие, и в тот же момент металлический прут ударил ее по запястью, отскочил и влетел в стену, с которой посыпались пыль и штукатурка.

Сабина вскрикнула от боли. Ее пальцы моментально онемели. Пистолет выскочил из руки и, стуча по ступеням, полетел вниз. Сабина тут же подняла другую руку с телефоном, но снова получила удар прутком – на этот раз в висок.

Она пошатнулась и почувствовала за собой ступень лестницы. Тут преступник сделал шаг в проем, схватил ее за блузку, втащил в комнату и швырнул на пол, так что она проскользила по плитам. По лицу у нее текла кровь. «Рваная рана. Плевать! Ты должна отправить эсэмэс!»

Она попыталась нажать на кнопку, но мужчина уже оказался над ней и ногой выбил телефон из руки. Тот заскользил по полу и ударился о цоколь стеклянной витрины. Рядом находилась чугунная стойка с кочергами. Сабина заметила, что одной кочерги не хватает.

«Это плохо!»

Сабина быстро поднялась на колени и ударила мужчину локтем в пах. Он застонал. Но все равно уже в следующий момент подскочил к ней сзади, зацепил кочергой за шею, поднял вверх и со всей силы потянул на себя.

Сабине не хватало кислорода. «У тебя лишь несколько секунд!» Онемевшей рукой она не могла бороться, но ей удалось завести левую руку назад и схватить мужчину за волосы. Она вцепилась в них и резко дернула. Но мужчина не проронил ни звука.

Давление на горло усилилось. У Сабины закружилась голова. Она оттолкнулась ногами от стены, и вдвоем они зашатались по прихожей.

Она била мужчину локтями в ребра, но тот не выпускал кочергу из рук.

Краем глаза она заметила арку и за ней гостиную. Помещение наклонялось и странно вытягивалось в ширину. Картинка становилась размытой и окрашивалась в красный цвет. Сабина чувствовала, как у нее подгибаются колени. Слышала собственное хрипение и шум в ушах.

«Газовый баллончик!»

Конечно! Он висел у нее на поясе, но сбоку, и она могла дотянуться до него лишь правой рукой. Сабина попыталась ухватить его онемевшими пальцами, почувствовала боль в суставе, но не сумела пошевелить рукой.

«Этого не может быть!»

Она открыла рот и безуспешно хватала губами воздух, но из уголка рта стекала лишь тонкая струйка слюны. Сабина окончательно опустилась на колени. Перед ней была стеклянная витрина с зеркалом. На полу лежал ее сотовый телефон. Всего лишь в метре! Сквозь пелену слез она видела собственное отражение с красным лицом. За ней, широко расставив ноги, стоял мужчина в черных джинсах и темном свитере и душил ее.

Кто это?

Она хотела рассмотреть его, но ее мозг отказал. Перед глазами потемнело. Скоро все закончится. Ее сердце билось как сумасшедшее, в голове разливалась тупая боль. Откуда-то послышался звон колокольчиков. «Я уже без сознания? Нет, это не колокольчики! Это бряцание ключа в замке».

Мужчина одним рывком откинул ее в сторону, и она проскользила по полу. Кочерги больше не было. Сабина ловила ртом воздух, но все равно не могла дышать, словно ее горло вместе с трахеями расплющило.

Она хваталась руками за горло и хрипела.

«Помогите!»

Ею овладела настоящая паника. Она беспомощно пыталась дышать, стоя на четвереньках и упираясь пальцами в пол.

Сабина услышала, как за спиной открылась дверь. На мгновение увидела, как мужчина в свитере метнулся к двери, ведущей в подвал. И, прежде чем перед глазами у нее окончательно потемнело, Сабина увидела его лицо.

Томас Хардковски!

Но в дом вошел кто-то еще.

Затем она потеряла сознание и упала на плиточный пол.

32. Понедельник, 30 мая

Харди все еще сидел в гостиной Норы. Было около шести, и у Норы скоро начиналась вечерняя смена в «Панде».

За это время Харди выпил почти всю бутылку «Бейлиса» и налил себе еще один бокал. Твинки лежала на подоконнике на солнце и спала.

– У тебя желудок склеится.

– Моя мама тоже так говорила.

Нора засмеялась.

– Ты в детстве пил «Бейлис»?

– А ты не знала? – Он тоже улыбнулся и словно случайно коснулся ее руки. Нора не противилась. – Сахар помогает думать, – добавил он.

– Верно, поэтому Эркюль Пуаро такой толстый. – Она вдруг посерьезнела.

Они одновременно уставились на ключ, который лежал перед ними на столе. Маленький металлический предмет с зубцами не давал ни единой подсказки, от чего он мог бы быть, – но именно в этом и смысл такого ключа.

– Итак, какой сейф он мог бы открыть? – спросила она.

– В любом случае туда должна помещаться спортивная сумка. И наверняка Антуан выбрал место так, чтобы я сам догадался, где оно. Иначе он дал бы мне подсказку. – «Но он этого не сделал!» Харди продолжал думать. – И это должно быть в таком месте, за которым нельзя установить наблюдение.

Нора наморщила лоб.

– Почему?

– Антуан считает, что за ним следят, а его дом прослушивают. И наверняка он предполагал, что я тоже буду под наблюдением.

– У БКА?

– Да. Поэтому он должен был спрятать сумку в таком месте, куда я смогу войти, никем не замеченный.

– Соответственно, вокзалы, аэропорты и станции метро отпадают. Как и кабинки в бассейнах или гардеробы в музеях. – Он подпер голову рукой и пробормотал: – Вообще-то почти все.

– Что?

– Прости. – Харди убрал руку ото рта. – Вообще-то почти все, – повторил он.

– Как насчет ячейки в банке?

Он поднял на нее глаза.

– Банк... – Его лицо просветлело. – До того как жена Антуана стала агентом по недвижимости, она работала дилером по операциям с ценными бумагами в банке.

– В каком?

– Без понятия. – Харди опустошил свой бокал. – У тебя есть Интернет?

– Конечно. – Нора подвинула ноутбук к Харди, он буркнул «о'кей» и подключился к Интернету.

– Ты действительно в этом разбираешься, – сказала она.

– Вообще-то нет. Мы, эки, только качаемся, делаем друг другу татуировки и клеим бумажные пакеты для супермаркетов.

– Ты ведь сейчас шутишь?

– Немного! – Он закатал рукав футболки и показал ей свою татуировку на предплечье. Наковальня, под которой стояло Anvil^[6]. Ухмыляясь, напечатал что-то на клавиатуре и повернул ноутбук к Норе. – Смотри, эту страницу я сделал в тюрьме.

– Ты создавал интернет-страницы? – Удивленно она уставилась на экран. – Страница о баскетболе. «Бютцовские гранаты»?

– Это была наша команда. Пять лет мы играли против охранников. Здесь ты найдешь результаты всех игр.

– А я думала, в тюрьме вы занимаетесь лишь тем, что учите друг друга, как взламывать машины, дверные замки и сейфы.

– Это мы тоже делаем. – Харди притянул ноутбук к себе и поискал страницу агентства по недвижимости Кристианы Томашевски. Несколько кликов мышкой – и он открыл ее резюме, но там было лишь указано, что раньше она торговала иностранной валютой для крупных банков. Никаких названий. Было бы слишком просто.

– Тогда поищи все филиалы банков во Франкфурте и окрестностях, которые имеют ячейки, – предложила она.

– Я как раз этим и занимаюсь.

Нора встала и поцеловала его в щеку.

– Удачи, мне пора идти. В холодильнике ты найдешь напитки, но смотри, чтобы желудок не склеился. А когда проголодаешься, спускайся в «Панду».

Он взглянул на Нору.

– Спасибо.

Она выглядела обворожительно.

– Если хочешь... – мялась Нора, – можешь сегодняшнюю ночь...

– Спасибо, но я остановился в отеле недалеко от вокзала.

– Хорошо. – Она убрала волосы за ухо. – Тогда увидимся позже.

Харди слышал, как она освежалась в ванной, а пять минут спустя хлопнула входной дверью.

– Ну ладно, Антуан, старый лис, – пробормотал он. – Где ты спрятал мои вещи?

Твинки подняла голову и посмотрела на него, затем, мурча, снова закрыла глаза и заснула.

На одной интернет-странице он нашел перечень всех банковских филиалов в Висбадене, Майнце, Рюссельсхайме, Хофхайме и Франкфурте. В сегодняшние времена, когда благополучие банков было важнее благополучия людей, неудивительно, что существовало так много филиалов. В некоторых были маленькие ячейки, и лишь немногие предлагали возможность хранить в банковском сейфе что-то размером со спортивную сумку.

Харди систематично читал описание на каждой отдельной странице. Проклятье, потребуется несколько дней, чтобы проверить все филиалы и сравнить их ключи с тем, что лежал перед ним на столе.

Наконец он наткнулся на банк «Клементони». Итальянский банк, который не работал с физическими лицами, которые хотели завести сберегательную книжку, а занимался биржевой торговлей для концернов.

Харди изучил предлагаемые услуги, раздел «О компании» и страницу с контактами и наткнулся на одно предложение.

«Вся банковская группа „Клементони“ снабжена системами „Айзнер секьюрити элекроникс“ и предлагает своим клиентам оптимальную защиту».

Харди долго смотрел на это предложение. «Айзнер секьюрити элекроникс». О Франке Айзнере он тоже был хорошо информирован и знал, что много лет назад тот открыл свою фирму и стал

консультантом по вопросам безопасности. То, что он снабжал банки системами безопасности, стало для Харди новостью.

«Это оно!»

Харди помнил неоднозначный юмор Антуана. И если тот хотел спрятать что-то для Харди, то от старого лиса можно было ожидать, что он провернул все так, что именно Айзнер, сам того не подозревая, оберегает это от других.

Какая ирония!

Около девяти вечера Харди вошел в «Панду». Нора работала за прилавком, сортировала бумажные коробочки и укладывала в пакеты салфетки, палочки и рисовое вино, из динамиков раздавалась монотонная китайская музыка.

«Какая убогая жизнь!»

Харди долго стоял у двери и наблюдал за Норой. В этот момент он понял, что должен вытащить ее отсюда. Как обещал много лет назад. Любым способом! Но не когда-нибудь, а как можно скорее. Сразу после того, как разберется с убийцей своей семьи.

Нора передала пакеты двум молодым парням, рассчитала их, подняла глаза и, заметив Харди, улыбнулась.

Парни взяли сдачу и протиснулись мимо Харди на улицу, где сели на мопед и укатили прочь. Тем временем Харди подошел к прилавку.

– Ну как, успешно?

– Да, спасибо. – Он положил ключ от квартиры на прилавок.

– И где это?

– Завтра скажу тебе. Я почти уверен, что мы найдем там мою сумку.

– Мы?

– У меня есть идея, как незаметно добраться до своих вещей. Но для этого мне нужна твоя помощь.

Она робко улыбнулась.

– Хорошо.

– Спокойной ночи и спасибо за все. – Он погладил ее по щеке, и ему показалось, что она на мгновение прижалась к его ладони.

Затем он развернулся и вышел из закуской. В отражении стеклянной двери он видел, что Нора смотрит ему вслед.

Снаружи его встретила душная ночь. Он возьмет такси, чтобы добраться до отеля у вокзала. Ночевать у Норы еще слишком рано. Тому, кто отсидел двадцать лет в тюрьме, не стоит опережать события.

Однако, вернувшись после работы в квартиру, Нора найдет три подсолнуха, которые он перед уходом купил в цветочной лавке на углу и поставил в вазу на журнальном столике. И баночку корма для Твинки.

Харди направился к стоянке такси и вытащил из заднего кармана потрепанную книжку «Над пропастью во ржи». Ему осталось дочитать еще десять страниц.

Острая боль пронзила Сабину. Она медленно открыла глаза. Ее ослепил яркий свет. Она почувствовала жжение на щеке. И услышала шлепок.

– Что такое? – пробормотала она и схватилась за горевшую щеку. Кто-то залепил ей пощечину. Ее лоб был влажным. Она лежала на диване. Когда села, со лба на колени ей упало мокрое полотенце.

Сабина медленно огляделась. Черт, как же у нее гудела голова. Сабина находилась в гостиной Франка Айзнера. Он сидел напротив нее на стуле.

– Сколько я была без сознания?

– Минуту, – ответил он. – Зачем вы вломились в мой дом?

Сабина попыталась игнорировать головную боль и сконцентрироваться.

– Что? – Она прочистила горло и сглотнула. Горло обжигало. – Я не вламывалась в ваш дом, – прохрипела она.

– Сигнализация вырвана из стены и утоплена в ведре с монтажной пеной. А дверь в подвал открыта.

– В замке все еще торчит отмычка?

– Нет. Это вы вскрыли замок отмычкой?

– Нет, черт возьми! Я хотела задержать преступника в вашем доме и спугнула его.

Айзнер с сочувствием посмотрел на мокрое полотенце у Сабины на коленях. На нем были следы крови.

– Спугнули? – насмешливо повторил он. – Мне на телефон пришло оповещение «тихая тревога», и я немедленно приехал сюда. И кого я нахожу в своем доме? Вас! Я мог бы застрелить вас в порядке самообороны, и мне ничего бы за это не было.

«Самооборона?» Сабина посмотрела на Айзнера. Он держал в руке ее пистолет, который до этого улетел в подвал. На столе стояли стаканы и кувшин с водой, где плавали дольки лайма. Рядом лежал телефон Сабины.

– Можно я позвоню? – Она потянулась к телефону.

Но Айзнер в тот же момент поднял пистолет.

– Нет, нельзя.

– Что это значит? Вы мешаете...

– Закройте рот! – прикрикнул он на нее. – В настоящий момент вы для меня преступница, которая незаконно проникла в мой дом.

Сабина потрогала пальцами поврежденное запястье, которое опухло и посинело.

– Вы серьезно считаете, что я вырвала сигнализацию из стены? А что с этим? – Она подняла руку. – Это я тоже сама сделала?

– Запястье не сломано.

– Как хорошо, тем не менее можно мне пузырь со льдом?

– Нет.

– Большое спасибо. И что теперь?

– Датчик открытия подвальной двери имеет выдержку времени тридцать секунд, за которые нужно ввести код. За это время вы или ваш сообщник вырвали из стены сирену сигнализации, утопили ее в ведре, а затем вытащили кабель стационарного телефона из гнезда. Правда слишком поздно! Датчик уже отправил сигнал на центральное устройство, и тревожный звонок был сделан.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Потому что полиция тоже получила сигнал тихой тревоги. Вообще-то им давно пора быть здесь.

– Я и есть полиция!

– Тогда вы знаете, что находитесь в трудном положении.

О господи! Сабина сделала глубокий вдох и выдох. Казалось, что голова в любой момент разорвется.

– Можно сделать глоток воды?

– Нет!

Она проигнорировала его ответ и наклонилась к стакану.

Айзнер поднял пистолет.

– Я неясно говорю? Сидите спокойно и не двигайтесь!

Сабина поверить не могла. Какой идиот!

– Ладно, – наконец сказала она, потому что не хотела тратить силы на длительные дискуссии. – Опустите оружие.

Айзнер играл с ее пистолетом, перекладывая его из руки в руку.

– «Глок-17». Хорошая модель. Когда я служил, у нас тоже был «глок». – Он рассматривал затвор.

Сабина знала, что пистолет все еще заряжен.

– Пожалуйста, не направляйте ствол на меня.

– Я не новичок. – Оружие тяжело лежало в его ладони, и ствол по-прежнему смотрел в ее сторону. – Теперь мы будем вместе ждать полицию.

«Проклятье!» Она поехала к Франку Айзнеру и проникла в его дом без соответствующих полномочий. У нее даже не было официального задания расследовать одно из дел, которыми они с Тиной занимались. Тимбольдт с нее три шкуры спустит.

– Вы должны наконец начать отвечать на мои вопросы, – пошла в наступление Сабина.

– Я не собираюсь отвечать. Вы решили, что раз визит в банк ничего не дал, то вы просто немного осмотритесь здесь.

– Ваш сейф открыли.

– Я знаю.

– Преступник сбежал со спортивной сумкой. Вы его видели?

– Нет.

– Рядом с домом в лесу стоит белый минивэн «фольксваген»?

– Нет.

Сабина подвинулась вперед на край дивана.

– Послушайте, я его видела. Я знаю, кто это.

– И кто же?

– Скажите, что было в сейфе.

Айзнер молчал.

– Почему Кржистоф убил вашу жену?

Айзнер удивленно посмотрел на нее. Затем сделал глубокий вдох.

– Меня это тоже интересует – вы что-то об этом знаете?

– Нет. Над чем вы работали с «Группой-6» двадцать лет назад? – не отступалась она. – Почему против «Группы-6» проводили расследование и что было на допросах службой ведомственного надзора?

Айзнер долго смотрел на нее.

– Что вы знаете об актах с пометкой «конфиденциально»?

Сабина подумала о мнимой попытке самоубийства в загородном доме Дитриха Хесса и об открытом сейфе.

– Этого я не могу вам сказать.

– Почему?

– Вы больше не работаете в БКА, так с какой стати я должна вам что-то рассказывать? В настоящий момент вы для меня такой же

подозреваемый, как и другие члены «Группы-6».

– Тогда поговорите с другими, они все-таки ваши коллеги.

– Двое из них мертвы, один тяжело ранен, а два других... ну, это не так просто. Итак? – Сабина подождала.

Но Айзнер молчал.

– Проклятье! – выругалась Сабина. «Как можно быть таким упертым?» – Послушайте, – резко сказала она, но закашлялась, потому что в горле у нее по-прежнему першило. – Когда я была у вас в банке, предупредила, что с вами может что-нибудь случиться. Так и произошло. Но мы мог ли бы это предотвратить.

Айзнер задумался.

– Что вы предлагаете?

– Сотрудничество со мной. Вместе мы можем пролить свет на это дело и схватить преступника.

– Кто это был?

Сабина протянула руку.

– Сначала, пожалуйста, верните мой пистолет! Айзнер ослабил галстук и провел рукой по щетине. Затем перевернул пистолет, взял его за ствол и передал Сабине.

– Спасибо. – Она вытащила магазин, отодвинула затвор и достала патрон. Проверив магазин, вставила патрон обратно. Теперь он был полон, на все семнадцать выстрелов. Она убрала пистолет в кобуру. – Теперь мне можно сделать глоток?

– Пожалуйста.

Она налила себе стакан воды и жадно выпила.

– Не так быстро, – предупредил он ее. – У вас сильная гематома на шее.

Она поставила стакан и лишь теперь заметила, как сильно у нее опухла шея.

– В ваш дом проник Томас Хардковски.

– Харди? – повторил Айзнер.

– Значит, вы его знаете.

– Да, – буркнул он. – В конце 80-х и начале 90-х мы были коллегами, но никогда не пересекались по работе. В то время в отделе по международной борьбе с наркотиками БКА было около тысячи человек.

– Он взломал ваш сейф и, предположительно, сейф Дитриха Хесса. Что он искал?

Айзнер пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Черт! Подумайте!

– И так думаю, – успокоил он ее. – Но я не знаю, что он мог искать. Он сумасшедший, понимаете? Живет в мире фантазий, которые сам выдумывает, при этом настолько убедителен, что манипулирует другими. Поэтому – и из-за приступов агрессии – его уволили из БКА.

– Его уволили? Я думала, он сам ушел.

– Нет. – Айзнер рассмеялся. – Работа в отделе по международной борьбе с наркотиками – специализация кокаин – сильно его затянула. Не каждый создан для такой среды. Он познакомился с парой жуликов, и они сбили его с пути. Харди не сдал ежегодный психологический тест и был переведен в другой отдел. Там он стал агрессивным, угрожал коллегам, после чего его отстранили от службы, а потом уволили. Он нуждался в деньгах, у него была молодая семья. Однажды я услышал, что он якобы хочет замутить собственный наркобизнес, что он потом и сделал.

– Хорошо, а что было дальше?

Айзнер откинулся на стуле.

– Двадцать лет назад Хесс, Тимбольдт, Ломан, Рорбек, Хагена и я служили в департаменте по борьбе с наркотиками. «Группа-6», работа под прикрытием в Гессене и окрестностях. Мы были еще относительно молоды, очень мотивированы и за год провели много успешных и сложных операций. Затем несколько конкурирующих наркобанд подожгли склад Харди. Во время взрыва газа было уничтожено полтонны наркотиков.

– Харди работал на одну из этих групп?

Айзнер помотал головой.

– У него был собственный бизнес. Правда, он быстро разросся, и некоторым это не понравилось. Первого июня, после взрыва, сгорели и его нарколаборатории.

– И при этом погибла его семья, – добавила Сабина.

Айзнер снова помотал головой.

– Это произошло во время пожара в его доме, который он якобы сам и устроил.

– Вы в это верите?

Айзнер шумно вдохнул.

– Честно говоря: я не знаю. Тест на детекторе лжи, который мы проводили, говорит «Нет». Но есть свидетель, который видел, как в это время он выходил из своего дома, и психологическая экспертиза подтверждает, что он мог совершить этот поступок, но просто забыл все детали.

Сабина знала об этом заключении, но прикинулась неосведомленной.

– То есть смерть семьи не была запланирована, домочадцы оказались сопутствующими потерями?

Айзнер кивнул.

– Видимо, он не рассчитывал на то, что кто-то будет дома, а когда огонь вспыхнул, уже не успел спасти жену и детей. Некоторые утверждают, что он специально убил жену, потому что она слишком много знала, и только смерть детей была несчастным случаем. Девочки должны были гостить у друзей.

– Вы знали его жену?

Айзнер почесал бороду, задумчиво провел пальцами по шраму на горле и наконец помотал головой:

– Нет, я не был с ней знаком.

– О чем шла речь на допросах, которые проводила служба ведомственного надзора?

– Так как Харди работал в департаменте по борьбе с наркотиками и к тому же был коллегой Хесса, «Группе-б» приписывали связи с наркобизнесом Харди. Эти слухи и подозрения держались долго. Представьте себе: кто-то уходит из БКА и начинает свой бизнес. – Он изменил голос. – «Наверняка, у него есть контакты с бывшими коллегами. Наверняка в этом замешаны сотрудники БКА. Конечно, иначе быть не может». Такую чушь несли. Вот об этом шла речь на допросах.

– Были какие-то последствия?

Айзнер помотал головой.

– В итоге нет. Но нас подозревали в коррупции, на всякий случай начали дисциплинарное преследование, и УК взяли нас за яйца.

– УК? – повторила Сабина.

– Убийцы коллег. Так мы тогда называли службу ведомственного надзора. Расследование продолжалось год. За нами следили, то и дело допрашивали, проводили обыски в личных квартирах и на рабочих местах. В это время на нас давили все. Прокуратура, служба внутренней безопасности, служба ведомственного надзора и даже собственные коллеги.

– И Снейдер тоже? – спросила Сабина.

– Он нет.

– Это меня удивляет, хотя бы из-за его многолетней ненависти к Хессу. Если бы Снейдер почуял возможность насолить Хессу, он, как бультерьер, впился бы в его икру и больше не выпустил.

– Возможно, он отказался от личной мести потому, что тем самым втянул бы в неприятности и других, а с Ломаном они большие друзья.

Сабина задумалась.

– Возможно.

– Как бы то ни было, мы не прикрывались обязанностью соблюдать служебную тайну, и допросы проходили без адвокатов. В конце концов улики и результаты расследования оказались недостаточно. Никого из нас не отстранили от службы, не уволили и не привлекли к судебной ответственности.

– То есть никто из «Группы-6» не имел отношения к поджогу складов и дома Харди?

– Конечно нет. Мы не громилы и не поджигатели, тем более не убийцы детей. И все равно – хотя не нашли ни одного доказательства – слухи ходили еще несколько лет.

– А почему актам присвоили гриф конфиденциальности?

– Именно поэтому! Чтобы слухи наконец-то прекратились и дело больше не ворошили. К тому же нельзя было разглашать фамилии сотрудников, работавших под прикрытием.

– Но кто тогда поджег дом Харди?

– Русские или чеченцы? Албанцы или армяне? Он сам? – Айзнер пожал плечами. – Понятия не имею.

Или все-таки кто-то из «Группы-6»?

Сабина наморщила лоб. Похоже, это был главный вопрос во всей истории.

– То есть Харди сел в тюрьму, хотя дело так и не было расследовано до конца и стопроцентной уверенности не появилось?

– Можно и так сказать. До сих пор ходят слухи, что БКА как-то с этим связано. – Айзнер вздохнул. – Вот так надрываешься много лет, чтобы очистить улицы от наркотиков, получаешь новую идентичность, живешь под прикрытием, работаешь без выходных, всегда в боевой готовности, но в конечном счете все эти успехи ничего не значат. Работа мечты выглядит иначе. – Он задумчиво поднял взгляд на комод, на котором стояли рамки с фотографиями.

Сабина тоже посмотрела туда.

– Вы поэтому ушли со службы?

– Нет, не поэтому. Я из семьи полицейских; три поколения в уголовной полиции. У нас так просто не сдаются.

Сабина еще раз посмотрела на комод и внимательно изучила фотографии. На одном снимке Айзнер стоял рядом с пожилым полицейским в кепке и синей униформе.

– Я еще десять лет работал в другом отделе, – продолжил Айзнер, – но и там испытал разочарование. Вы еще молоды, но однажды и вы поймете: чем выше забираешься, тем больше нужно бороться с бюрократическими мельницами.

«Спасибо, этого я уже вдоволь натерпелась».

– Все это не приносит никакого удовлетворения, – пробормотал он. – В конце концов я основал собственную фирму.

Охранная компания, которая продает системы безопасности банкам, страховым агентствам и музеям, вспомнила Сабина. Прямо какой-то парадокс, что вор проник именно в его дом.

– Что такое? – спросил он.

– Ничего, – солгала она. «Что-то здесь не так!» До настоящего момента она еще верила, что нашла в Айзнере союзника, с которым сможет разобраться в этом запутанном деле. Но внезапно обнаружились совпадения, которых вообще-то не должно быть. «Такой, как Айзнер, знает, как обеспечивать безопасность домов и выводить из строя сигнализации». Она подумала о взломе загородного дома Дитриха Хесса. Во время разговора по телефону со службой безопасности выяснилось, что сигнализация в доме Хесса не была отключена, но все равно не сработала, хотя Сабина разбила стекло...

Неожиданно ее затошнило.

– Что с вами? – спросил Айзнер.

– Ничего. Все в порядке. – Она вытерла пот с лица. – Что искал Харди в вашем доме?

– Это уже было. Я не знаю.

Она вытащила пистолет из кобуры и направила на Айзнера.

Тот поднял руки.

– Что это значит?

– Вы были вчера вечером в доме Дитриха Хесса! – заявила она. – Это вы вывели из строя сигнализацию. – Внезапно у нее закружилась голова. Больше всего ей хотелось сейчас лечь, поднять ноги или чтобы ее стошнило. Это последствия сотрясения мозга?

Франк Айзнер поднялся.

– Сядьте! – приказала она ему.

Но Айзнер проигнорировал ее. В тот же момент раздалась полицейская сирена.

– А, наконец-то приехали коллеги. Давно пора.

– Отлично, тогда допрос можно... – начала она, но язык вдруг перестал ее слушаться. Проклятье! Она уставилась на кувшин с водой. – Вы подмешали мне что-то в воду?

Айзнер подошел к дивану, отодвинул в сторону подушку и достал кабельные стяжки, платок и широкую изоленту.

– К сожалению, мне придется отнести вас в подвал. – Он направился к ней с изолентой.

Сабина отодвинулась от него в другой угол дивана, хотела подняться, но ноги не слушались. Она упала на пол и на спине поползла от Айзнера, который стоял перед ней.

– Не двигаться!

– А то что?

Она направила на него пистолет и услышала, что полицейская сирена стала ближе и громче.

– Опустите оружие. Вещество, которое вы выпили с водой, парализует мускулатуру, вызывает мигрени, а сделайте вы еще пару глотков, то, наверное, уже умерли бы от остановки дыхания и сердечной недостаточности.

– Отойдите на шаг назад! – приказала она ему.

Айзнер приблизился к ней с изолентой.

– Вы не решитесь выстрелить в меня.

Сабина оттянула затвор, патрон попал в камеру, и теперь оружие было заряжено и в боевой готовности.

– Я бы не стала рисковать на вашем месте.

– Я безоружен, а вы не уверены, есть ли у вас что-то против меня.

– Назад!

Полицейская сирена замолкла перед домом Айзнера. Сабина услышала хлопанье дверей.

Айзнер подходил к ней все ближе. Сабина прицелилась ему в плечо и нажала на спусковой крючок. Но выстрела не последовало. Ни звука, ни отдачи. Рефлективным движением она оттянула затвор, патрон выскочил, а другой автоматически скользнул в зарядную камеру. Сабина снова нажала на спусковой крючок, но опять ничего не произошло. «Проклятье!» Она ведь перепроверила магазин.

– Не думал, что вы действительно выстрелите, – сказал Айзнер и пнул ее в лицо.

Голова Сабины откинулась в сторону, и она ударилась виском о пол. Сразу почувствовала вкус крови во рту.

Айзнер нагнулся к ней и выхватил пистолет у нее из руки.

– Я вытащил пружину ударника.

Сабина хотела удержать оружие, но у нее не хватило сил. Она сплюнула кровь.

– Помогите!

Айзнер, холодно улыбаясь, тут же зажал ей рот рукой.

– Для «глока» даже не нужно специального инструмента – достаточно обычной отвертки. И это преподавали в БКА! – Он опустился на колени рядом с ней, сунул ей в рот платок и несколько раз обмотал голову изолентой. Так крепко, что клейкая лента стянула ей волосы, уши и щеки.

Сабина пыталась отбиваться, но уже не могла поднять ни руки, ни ноги. Неподвижно смотрела, как он связывал ей кабельными стяжками запястья и лодыжки.

В дверь позвонили.

– Полиция Лангена, мы получили сигнал тревоги из вашего дома.

– Я дома, все в порядке! – Айзнер взял ее пистолет, схватил Сабину за воротник и поволок за собой к лестнице, ведущей в подвал.

– Откройте дверь!

– Сейчас.

Он грубо потащил ее вниз по лестнице.

Удары о края ступеней она почти не почувствовала, потому что Айзнер очень энергично стащил ее в подвал. Очевидно, средство не только парализовало мышцы, но и повысило болевой порог.

Сабина с трудом дышала. Перед глазами все кружилось, но она заметила, что он притащил ее в комнату отдыха рядом с котельной и открыл дверь сауны.

Снова раздался звонок в дверь.

Айзнер с вызывающим страх спокойствием втащил ее в сауну, еще раз проверил кабельные стяжки и кляп, затем закрыл дверь. Сабина слышала, как он захлопнул сейф и придвинул стеллаж к стене. Потом пошел наверх.

Наступила абсолютная тишина!

Неожиданно она услышала тихий высокий звук. Сконцентрировавшись, Сабина поняла, что это сигнализация, которую она нашла в ведре. В воде под монтажной пеной сирена звучала так, словно у нее медленно садилась батарейка. Но прибор все равно продолжал квакать. Вообще-то любая сирена звучит максимум три минуты и затем отключается, но Айзнер, видимо, запрограммировал специальный режим, чтобы сирена включалась спустя какое-то время.

Сабину затошнило. Ее желудок бунтовал. Рвота поднялась по пищеводу к горлу. Сабина с трудом втягивала воздух через нос.

Только не паниковать!

Нельзя, чтобы содержимое желудка попало в нос или трахею, иначе она задохнется и умрет мучительной смертью. Сейчас нужно успокоиться. Сабина медленно досчитала до трех, затем сглотнула. Вкус был омерзительный, но она жадно вдохнула через нос и попыталась расслабить тело.

«Сохраняй спокойствие!» Что этот говнюк подсыпал ей? Должно быть, большая доза какого-то лекарства. Иначе она не могла объяснить свой паралич.

Когда Сабина снова смогла спокойно дышать и контролировать свой желудок, она попыталась пошевелить ногами. Нужно подать какой-нибудь знак – например, постучать, – пока полицейские стоят перед домом. Но ноги ее не слушались.

Тут она услышала голоса. Они в доме! Звуки доносились до нее в подвал через закрытую дверь. Она сконцентрировалась, пытаясь разобрать слова.

– А эта дверь?

Дверь открылась, и голоса стали громче.

– Она ведет в подвал, – ответил Айзнер.

– Мы можем его осмотреть?

– Конечно.

Полицейские спустились по лестнице.

– Мы должны проверить, что все в порядке.

– Без проблем, но я уже сказал вам, что устройство иногда подает ложные сигналы тревоги.

– Мы должны реагировать на каждый сигнал тихой тревоги.

– Конечно.

– А вы несете расходы за выезд группы.

– Я знаю. Сто десять евро. Эта чертова штука обошлась мне уже в целое состояние.

Сабина слышала, как Айзнер и полицейские – судя по шагам, их было двое – вошли в подвал.

«Эй, неужели вы не слышите сирену? Ведро должно стоять где-то поблизости».

В этот момент сигнализация замолкла.

«Нет!»

– Здесь котельная, там мастерская, чулан, кладовка и комната отдыха с сауной.

Мужчины вошли в комнату отдыха. Их ботинки закрипели по плиточному полу.

– Мне тоже поступил сигнал тревоги, – объяснил Айзнер. – Я получил сообщение и сразу приехал сюда. Все оказалось в порядке. В очередной раз.

– Радуйтесь.

– Да, но мне пришлось ждать вашего появления целых двадцать пять минут. Почему так долго?

«Вот говнюк! Да ты еле успел и еще возмущаешься!» Сабина попыталась пошевелить ногой и коснуться носком деревянной стенки. Но у нее не получилось. Еще нет.

Мужчины прошагали через комнату.

– Незадолго до вашего сигнала тревоги мы получили два звонка. Автомобильная авария и ограбление банка, – оправдывался один из полицейских.

– И что? – спросил Айзнер.

– Мы с коллегами разделились. Но оказалось, что звонившие пошутили. Не было ни несчастного случая, ни ограбления. Затем мы сразу поехали к вам.

«Затем сразу поехали к вам?»

Неожиданно она догадалась: это Харди позвонил в полицию и ложными сообщениями выманил сотрудников с участка, чтобы направить в другое место. Потому что знал – ему удалось деактивировать сигнализацию на стене дома, но, возможно, сигнал тихой тревоги отключить вовремя не получилось. Значит, он сделал звонок, проник в дом, вырвал из стены телефонный кабель, нашел сейф и опустошил его.

«Видимо, так все и было! – Сабина закрыла глаза и сконцентрировалась. – Пошевели ногой!»

Она также пыталась издать какой-нибудь звук, но безуспешно. Язык отекает, во рту был кислый привкус, и ей постоянно приходилось сглатывать. В этот момент снова послышался глухой писк сирены.

«Наконец-то!»

Но полицейские не реагировали.

«Вы что, глухие? Неужели не слышите?»

– Что это за звук? – спросил один из полицейских.

– Это бойлер, – ответил Айзнер. – Он всегда гудит, когда гидравлическое давление падает.

«Нет же! Прислушайтесь!»

– Угу, а куда ведет эта дверь?

– Это выход из подвала наружу.

– Что с дверью? Какие-нибудь следы взлома?

– Нет, тоже все в порядке.

«Вырванная сигнализация! Дыра в стене! Ведро с монтажной пеной!»

У Сабины участилось сердцебиение.

«Посмотрите же снаружи!»

– Мы проверим дверь в подвал, – предложил полицейский.

Сабина с облегчением выдохнула через нос. «Мой последний шанс!» Она услышала, как Айзнер открыл дверь, затем голоса полицейских стали тише.

– Здесь наверху вырван кусок стены, – заметил один. – Словно что-то выломали.

– Это для сигнализации. Вот и лестница рядом стоит. Мне пришлось демонтировать систему из-за ее постоянного ложного срабатывания. Со вчерашнего дня проводка оголена. Вероятно, это и спровоцировало новый сигнал тревоги.

– Почините ее как можно скорее.

– Конечно.

«Не будьте такими идиотами! Ищите ведро!»

– Это ваша машина на парковке рядом с домом?

– Нет. Время от времени сюда приезжает молодежь, чтобы искупаться в озере и сэкономить деньги за вход.

«Запишите номер моей машины!»

– Хорошо, мы осмотрим сад.

Затем голоса умолкли, и дверь захлопнулась. Но тихое кваканье сирены было слышно так же громко, как и до этого. «Как такое возможно?» Сабина заметила, что паралич постепенно проходит.

Она заставила себя повернуть голову. И неожиданно увидела. «Ведро с монтажной пеной!» Оно стояло в сауне, в метре от нее, под деревянной лавкой.

О нет! Проклятье!

Она стиснула от ярости зубы. Полицейские уйдут, не заметив ничего подозрительного.

Самое позднее завтра, когда Сабина не появится вовремя в академии, кто-нибудь попытается ей позвонить, искать ее, запеленговать сотовый или отследить трекер GPS ее автомобиля. Ее найдут. Это лишь вопрос времени.

Чувствительность в ногах возвращалась. Понемногу, но тем не менее. Кожу начинало пощипывать – как будто она отсидела ногу. С трудом Сабина придвинулась к стене. Наконец получилось дотянуться носком до стены и постучать. Раз, два, три...

Каждое движение стоило ей огромных усилий.

Тут Сабина услышала шаги по лестнице. Она продолжала стучать. В следующий момент дверь распахнулась, и ее нога ушла в пустоту.

Она подняла глаза и увидела штанину Франка Айзнера.

– Можешь не стараться, девочка. Полицейские ушли. – Он вошел в сауну, переступил через Сабину и наклонился. Вытащил из-под деревянной лавки ведро. Затем сунул руку в карман и достал мобильный Сабины. Тот уже был разобран на отдельные части. Айзнер швырнул аккумулятор, сим-карту, корпус телефона, чип и чехол в ведро.

Затем ощупал ее тело и проверил карманы. В кармане брюк он нашел ключ от ее автомобиля. Невозмутимо повертел ключ на указательном пальце.

– Я скоро вернусь, – сказал он. – Нужно переставить твою машину в такое место, где ее не найдут. – Он взглянул на ключ. – Выглядит новым. Дорогая была?

Сабина подняла на него глаза.

– Вероятно. – Айзнер пожал плечами. – Я утоплю ее в озере – как и тебя.

Она в ужасе уставилась на него.

Он посмотрел на нее и, видимо, догадался, о чем она думала.

– Почему я сразу этого не делаю? – спросил он. – Потому что ты мне еще нужна.

Он взял ведро и ушел.

2 года назад – день ясности

– Харди, лови! – раздался крик во внутреннем дворе тюрьмы Бютцов.

Харди подпрыгнул, поймал мяч, но сумел провести его лишь два метра в сторону корзины соперника. Дальше не прорвался. Тут же подскочили два охранника и стали оттеснять его.

Харди получил локтем по почкам и ботинком под колено. Он стиснул зубы, хотел бежать дальше, но в следующий момент мяч у него отобрали.

– Это был фол? – крикнул судья.

– Нет, – прохрипел Харди. – Все в порядке.

Игра продолжилась. Харди уперся локтями в колени, затем вытер пот со лба. Через десять секунд охранники забросили мяч в корзину.

Чертова игра! В свои сорок восемь он находился в хорошей форме, но охранники были в среднем на двадцать лет моложе членов его баскетбольной команды, которая состояла из заключенных. Они дали себе название «Бютцовские гранаты». Охранники играли и тренировались в свободное время и называли себя «Бютцовский торнадо». Конечно, без фантазии, но они действительно, как торнадо, сметали все на своем пути.

Игра длилась еще десять минут, они проиграли «Бютцовскому торнадо» со счетом 58 к 69. Как всегда! Правда в этот раз были хорошие шансы на ничью. Но в итоге не важно, кто выиграл, а кто проиграл. Они целый час занимались на улице, выложились по полной и будут спать ночью лучше, чем обычно. Это был единственный смысл таких матчей – поэтому Харди и положил им начало.

Отсидев в этой тюрьме большую часть срока – восемнадцать лет, – он достаточно хорошо знал многих заключенных. И ему стоило лишь заикнуться, что он хочет создать волейбольную команду, боксерский клуб или команду по игре в настольный теннис, как желающие нашлись бы. За этими стенами спорт был его второй страстью, которая сохранила ему жизнь. Первой было чтение. После детективов о Джерри Коттоне в детстве, Лиззи помогла ему по-настоящему войти во вкус – Фицджеральд, Стейнбек, Фолкнер, Апдайк и Берроуз. Его шкаф в камере ломился от книг, их было так

много, что он мог бы открыть в тюрьме собственную библиотеку. Возможно, он так и сделает незадолго до освобождения. Ему оставалось всего полгода... шесть месяцев... сто восемьдесят паршивых дней. Которые он отсидит на заднице.

Харди поймал мяч, зажал его под мышкой и направился к выходу.

– Хороший был матч, – сказал один из охранников и похлопал Харди по плечу.

– Да, хороший. – Харди сделал глоток воды из своей бутылки, чтобы смыть засохшую в горле пыль.

Вечернее солнце палило на потрескавшийся асфальт, из которого пробивались сорняки.

Харди хотел пойти дальше, но охранник остановил его.

– На этот раз ты подметаешь площадку, снимаешь корзины и относишь их на склад.

– Я? – Харди осклабился. Он издевается?

– Ты.

– Обычно это делают...

– А в этот раз ты. Указание майора Кислингера.

Харди посмотрел в сторону выхода. Там стояли сотрудники тюрьмы с дубинками, тазерами и газовыми баллончиками на поясе и проверяли выходящих заключенных. Некоторые из его товарищей уже прошли через металлодетектор и исчезли в здании.

Рядом с охранниками стоял майор Кислингер. Поставив одну ногу на деревянную паллету, упершись рукой в бедро, он лениво моргал на солнце. Выглядел непринужденно. И наверняка втайне наслаждался каждым силовым приемом против одного из заключенных.

– О'кей, – пробурчал Харди и бросил мяч одному из коллег. – Я приду позже.

Работа заняла более получаса, потому что Харди пришлось делать все одному, и, когда он наконец попал в душ, все давно уже ушли.

Раздача еды будет через полчаса, к ней он тоже опоздает. Хотя он и капитан команды – коллеги наверняка оставят ему одну морковь, шпинат и капусту.

«Старик, не забывай: еще полгода, и все это дерьмо останется позади!»

Закончив с душем, он подошел к своему шкафчику. Вода еще капала с волос, и он повязал полотенце вокруг бедер.

Раньше в душевых кабинах регулярно случались изнасилования, обычно педофилов. Харди видел это собственными глазами. Но с тех пор все кардинально поменялось. Сейчас более половины заключенных были из Восточной Европы или с Ближнего Востока. Конфликты стали другими – политическими и религиозными, но больше никаких изнасилований.

Харди ощутил холодный плиточный пол под ногами. Он достал из шкафчика свои брюки и надел их.

– Ты что-то припозднился, Харди.

Харди закрыл шкафчик и посмотрел в сторону выхода. Там стоял Кислинггер. Он медленно направился к Харди, пристально на него смотря.

О’кей, вот к чему была та выходка во дворе. Кислинггер хотел застать его одного.

– В чем дело, майор?

– Я хотел тебя похвалить, сказать, что ты проделал со своей командой отличную работу и провел хороший матч. Сказать, как здорово, что ты добровольно убрал и подмел весь двор. Но, очевидно, ты это как-то не так воспринял.

Харди уставился на Кислинггера. Что за чушь?

– Видимо, ты подумал, что я хочу тебя спровоцировать. Слишком бурно отреагировал, и вот что получилось... – Кислинггер наклонился, смачно сплюнул на собственный ботинок. Затем вытер рот. – Харди, ты плюнул мне на ботинок.

По какой-то причине Кислинггер хотел до него докопаться. Харди лишь покачал головой и достал оставшиеся вещи из шкафчика.

– Извините, майор, этот номер вы можете проделывать с новичком, но не со мной.

– Харди! – заорал Кислинггер. – Паскуда, ты плюнул мне на ботинок! Вытри это!

Харди проигнорировал приказ и надел футболку.

– Харди, я с тобой разговариваю! Немедленно посмотри на меня!

Харди обернулся и взглянул на Кислинггера.

– Майор, мы оба не должны этого делать. Что вам нужно на самом деле?

– Да, мы не должны этого делать, но ты, очевидно, себя не контролируешь – Кислинггер снял с пояса дубинку и приставил к груди Харди. – В последний раз говорю: вытри это!

– Да пошли вы!

В этот момент Харди увидел тень у входа. Там кто-то стоял. Вероятно, еще один охранник. Которого Кислинггер захватил в качестве свидетеля и который подтвердит его версию, если что. Но Харди не даст себя одурачить.

Он проигнорировал дубинку.

– Майор, я подмел двор и принял душ. А сейчас, пожалуйста, я хотел бы пойти!

– Лишь после того, как ты извинишься и вытрешь плевок.

Харди посмотрел в сторону выхода. Похоже, там стояли даже двое мужчин, он видел их униформу. Наверняка они оказались там «чисто случайно» и станут такими же «случайными» свидетелями этого разговора. Ловко подстроено.

У Харди заходили желваки на скулах.

– Господин майор, я извиняюсь за неподобающее поведение, – громко и четко произнес он, присел на корточки и вытер ботинок Кислинггера своим полотенцем. Затем поднялся и оделся до конца. – Теперь я могу идти?

У Кислинггера дернулось веко. На такое этот ушлепок не рассчитывал.

– Ты считаешь – правильно, что ты выйдешь отсюда спустя восемнадцать лет?

– Это решает судья, не я.

– Что ты собираешься делать после освобождения? Снова продавать наркоту школьникам? Или поджигать дома с женщинами и детьми?

Харди не стал ввязываться в дискуссию. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Что бы сейчас ни последовало, он выслушает это, проглотит, не будет комментировать и потом забудет. Навсегда!

– Своих дочерей ты тоже снабжал наркотиками? Наверное. С семейной скидкой. По благу. Как и их мать, милую Лиззи. Ей ведь не приходилось для этого промышлять на панели, как другим? Я вижу реакцию в твоем взгляде. Что, твоя жена трахалась с другими, пока ты работал в своей лаборатории?

Харди закинул полотенце на плечо, запер шкафчик и сунул ключ в карман брюк. Он без эмоций взглянул на Кислингера. Кислингер всегда был груб с ним, с первого дня, но такого дерьма Харди еще не приходилось выслушивать.

– Харди, она трахалась с другими?

Харди пожал плечами:

– Возможно.

– Вот и я так считаю. – Кислингер ухмыльнулся. – Она ведь раньше тоже была в отделе по борьбе с наркотиками. И до конца поддерживала контакты с коллегами. Даже когда сидела дома с детьми. Я слышал, что больше всего она любила сосать. Была известна тем, что всегда все глотала. Тебя никогда не коробило, что она вот так просто глотала сперму твоих бывших коллег? – Он толкнул Харди дубинкой.

– Нет, никогда.

– А может, все-таки да? Возможно, ты поэтому поджег дом вместе с ней?

Харди сжал кулак в кармане... один... два... и снова разжал. «Соберись! Никаких приступов ярости! Эти времена прошли!»

– Прокурор меня уже обо всем спрашивал, но с тех пор столько времени прошло, я точно не помню.

Похоже, Кислингера ответ не удовлетворил. Харди буквально слышал, как в голове майора завертелись маленькие шестеренки, пока тот раздумывал, какие еще мерзости сказать. Но что бы ни последовало, Кислингер наткнется на гранит. За все это время Харди слышал в свой адрес кое-что и похуже.

– Врач сказал, что ты шизофреник и больной на голову. Отрицаешь, что это был ты. Хочешь, скажу тебе кое-что? – Кислингер сделал паузу. – Я тебе верю. – Он понизил голос: – Это сделал не ты. Твоя баба была обкурена в день своей смерти. Знаешь, что рассказывают о ней другие? На самом деле ты не поджигал дом. Это сделала она!

У Харди невольно участилось сердцебиение.

– На самом деле она уронила в постель окурков, от кото рого загорелся весь дом. Она была настолько обдолбана, что не могла даже позаботиться о дочерях. Они лежали рядом с ней в кровати и вдыхали дым. Она дала им успокоительное, чтобы не кричали. Они поэтому

сгорели, Харди! Но ей было насрать. Когда проснулись, они начали звать мать, но та и пальцем не пошевелила.

«Не слушай его, Лиззи была хорошей матерью! Она любила девочек, как и я».

– А твоя женушка лежала в постели и, как говорят, ублажала себя дилдо.

У Харди дернулось веко.

– Но тебе, похоже, на все это насрать. Оно и понятно – это ведь были даже не твои дети...

Тут Харди ударил.

– Томас Хардковски, суд подробно изучил ваше дело, учел ваше примерное поведение последние восемнадцать лет, а также активное сотрудничество после происшествия в тюрьме, и вынес следующее решение. – Судья замолчала и принялась листать бумаги.

Харди сидел в зале суда. В первый раз, спустя восемнадцать лет, в костюме и галстуке. Рядом расположился назначенный судом адвокат, который сейчас наклонился к нему.

– Полагаю, нам дадут полгода, – прошептал мужчина.

Харди устало улыбнулся. Дирекция тюрьмы заявила на него, и дело дошло до административной ответственности и судебного разбирательства. Теперь он ждал приговора и знал, что тот будет не самым мягким.

– Ввиду тяжести правонарушения с нападением, применением физического насилия и нанесением тяжелых телесных повреждений майору Кислингеру, которому вы сломали челюсть, и в соответствии с судебно-психологической экспертизой в отношении вашего агрессивного поведения, ваш арест продлевается на восемнадцать месяцев.

Восемнадцать месяцев!

Сердце у Харди забилося где-то в горле. Он не оценивал свое положение так оптимистично, как его защитник, и рассчитывал месяцев на девять. Но полтора года!

Таким образом, Кислингер добился, чего хотел, – а психологическая экспертиза подлила масла в огонь. Но почему? Сам Кислингер был слишком глуп для подобной инсценировки. За ней стоял кто-то другой и лично дал Кислингеру такое задание. Просто

нападение на майора с применением физического насилия считалось более тяжким преступлением.

– Вы меня слушаете?

Харди поднял глаза.

– Простите?

– Я сказала: тем самым ваш срок заключения продлевается и заканчивается 26 мая через два года, – повторила судья. – Кроме того, вам присуждается штраф в размере трех тысяч евро. В свою очередь майор Кислингер отказывается от иска о возмещении ущерба. Вы согласны с приговором?

Адвокат тут же наклонился к нему и зашептал в ухо:

– Господин Хардковски, мы можем подать апелляцию.

Харди помотал головой и громко сказал:

– Я согласен с приговором, большое спасибо.

– Нет! – зашипел адвокат. – Мы могли бы...

– Ничего бы мы не могли! Все в порядке. – Он посмотрел своему адвокату в глаза. – Это всего лишь два года, потом все закончится.

– Но...

– Мне нужно позвонить. В камере без охранника. Сможете это устроить?

Через два дня Харди вошел в белую комнату без окон, где стояли стол и стул. На стене висел старый черный телефон с диском.

Он набрал номер предоплаченного телефона, который ему назвал адвокат и который Харди выучил наизусть.

После пятого гудка ответили.

– Алло?

Харди прислонился головой к стене и с облегчением вздохнул. Было приятно слышать голос Антуана Томашевски.

– Привет, я остаюсь в тюрьме на полтора года дольше.

– Твой адвокат сказал мне, что ты напортачил.

– Кто-то не хочет, чтобы я вышел.

– Харди, это же...

– Послушай меня! Я не знаю, кто за этим стоит, но этот кто-то хочет, чтобы я оставался здесь как можно дольше.

– И почему?

– Чтобы я ничего не выяснил.

Антуан помолчал.

– А что ты хочешь выяснить?

– Ты сам отлично знаешь.

– Харди, ты уже много лет пытался прояснить это дело. Подумай о психиатрических экспертизах.

– Судебно-медицинских экспертизах, – поправил он Томашевски.

– Как бы то ни было, они лишь все ухудшили.

– Да, потому что в тюрьме у меня связаны руки. Но сейчас мне стало ясно, что тот, кто убил их, хочет, чтобы я оставался здесь как можно дольше.

– Тогда колись и расскажи все. Абсолютно все! Понимаешь?

– Ты отлично знаешь, что они угрожали убить меня, если я это сделаю. Здесь уже умерло несколько парней – и не всегда это были безупречные несчастные случаи. Поэтому я восемнадцать лет держал язык за зубами.

Антуан вздохнул.

– Тогда и дальше помалкивай. И тебе лучше прекратить поиски какой-то там правды. Порви с прошлым.

– Не поверишь, но именно это я и собирался сделать. Несмотря ни на что! Но после этого случая все изменилось. Когда я выйду через два года, обязательно найду того, кто стоит за всем этим.

– Они снова тебя спровоцируют и...

– В этот раз нет. Через два года я буду на свободе.

– О'кей, и зачем ты мне все это рассказываешь? Думаешь, что нам с Кристианой от этого легче?

– Ты должен кое-что для меня сделать.

– Харди, я...

– Только одну вещь! Затем ты выбросишь этот предоплаченный телефон, и больше никаких контактов. Обещаю!

– Хорошо, о чем речь?

– О событиях той ночи и пожаре якобы существуют акты БКА с грифом «конфиденциально». Там указаны фамилии всех тех, кто был вовлечен в дело. Ты должен раздобыть для меня эти документы.

– Каким образом?

– Подкупи кого-нибудь, кто занимался расследованием, или придумай что-нибудь еще.

– О'кей, я постараюсь достать для тебя эти документы, но не буду их читать, ты понял? Я не хочу иметь к этому делу никакого отношения! Когда ты выйдешь, я оставлю для тебя все в спортивной сумке. И мы будем квиты.

– Как я получу эту сумку?

– Она будет у одного из нас, на случай если со мной что-то случится. Мне нужно заканчивать, прощай.

**Часть четвертая. Кржистов. Суббота, 4
июня – раннее утро**

Еще вчера вечером Тина выяснила, что Ломан живет один и родственников у него больше нет. Она хотела сообщить об этом Сабине, но после эсэмэс, которое Тина получила вчера после обеда, Сабина больше не выходила на связь.

Тина много раз пыталась дозвониться до нее – вечером и даже поздно ночью, – но сотовый Сабины не отвечал. Сразу же включалась голосовая почта, и Тина оставила сообщение.

Странно, что Сабина не перезвонила даже утром. Возможно, перспектива полной занятости в академии и невозможность заниматься расследованиями так ее расстроили, что она отгородилась от внешнего мира и знать больше ничего не хотела. Не похоже на Сабину! Но Тина попытается дозвониться до нее позже.

А пока что она хотела проверить последний след, которым занималась Сабина, и он звался Томас Хардковски. Если освобождение Харди и последние убийства действительно связаны, то пролить свет на документы с грифом «конфиденциально» могут только события двадцатилетней давности.

В восемь утра заведующая висбаденской медиатекой имени Святого Маврикия открыла Тине вход в городскую библиотеку. Пять минут спустя Тина уже пролистывала старые выпуски газет и журналов. Микрофишам было двадцать лет, и она действительно нашла кое-что о Хардковски. Конечно, можно было посмотреть дело Харди в архиве БКА, как это сделала Сабина, но официальные данные интересовали ее не так сильно, как подозрения и слухи. Если хочешь узнать слухи, открой газету или спроси соседа. Сицилийская мудрость. И здесь она кое-что обнаружила.

Как бывший сотрудник департамента БКА по борьбе с наркотиками, Харди был напарником Франка Айзнера, пока не ушел из БКА и не организовал собственный наркокартель. Его бизнес-идея была проста: он не ввозил в страну контрабандные наркотики из Южной Америки, а получал поставки конопли прямо из Германии – с плантаций в Северном Рейне – Вестфалии. И производил из нее гашиш и марихуану в собственных лабораториях. Кроме того, он делал химические наркотики. Сначала полусинтетические вещества ЛСД и

героин, позднее синтетические экстази, спиды и мескалин. «Ого, по полной программе!»

Тина наткнулась на многочисленные сообщения об успешных облавах БКА. Однако интересно было то, что не значилось в газете: бизнес Харди не трогали – на протяжении пяти лет, – благодаря чему он процветал и год за годом расширялся. Это натолкнуло Тину на мысль, что, возможно, некоторые коллеги из департамента БКА по борьбе с наркотиками были подкуплены и получали за молчание деньги. Может, в документах службы ведомственного надзора речь шла именно об этом. Уже не первый раз коррумпированные полицейские тормозили работу.

Но если подозрения были верны, почему Харди не сдал все свои контакты из БКА сразу после ареста, чтобы получить послабление? Возможно, у него не было доказательств такой сделки. А даже и были бы – никто не поверил бы Харди, заяви он, что кто-то из «Группы-6» был вовлечен в наркоторговлю на протяжении пяти лет. Или же кто-то позаботился о том, чтобы он помалкивал в тюрьме.

Вообще-то получить ответ на этот вопрос не так сложно: нужно лишь найти Томаса Хардковски! Но с чего начать? Возможно, Сабина вышла на какой-то след.

Тина снова взяла сотовый и набрала номер Сабины. Недоступна! Она попыталась дозвониться до кабинета Сабины и в итоге поговорила с вахтером главного здания БКА. Безуспешно! Сабина не входила в здание. Еще один звонок – и она узнала, что Сабина не появилась и в академии, хотя ее пара уже началась – без нее!

Дело начинало принимать тревожный оборот.

Тут зазвонил ее телефон. Это был руководитель отдела. Сегодня суббота, но у нее рабочий день, и начальник хотел знать, где ее носит. Тина объяснила, что еще дома.

– И когда вы придете в офис?

Тина выключила монитор считывающего устройства для микрофишей и посмотрела на наручные часы. «Уже почти девять!»

– Мне нужно еще кое-что сделать.

– И сколько же вам потребуется времени?

– До десяти.

Она должна уложиться. Последнее возможное местонахождение Сабины, которое пришло ей в голову, было у Мартена Снейдера.

Снейдер сидел на террасе и чистил яйцо, сваренное всмятку. Рядом дымилась чашка ванильного чая, а в пепельнице лежала сигарета. День начался отвратительно, опять с кошмаров под утро, а Винсент провел ночь где-то в другом месте и до сих пор не появился. Ничего нового. Иногда бассет отсутствовал целыми днями, а потом, исхудавший, вдруг снова возникал перед дверью Снейдера. В любом случае Снейдер чувствовал, что день не сулит ничего хорошего, — поэтому у него не было даже аппетита на сигарету, которая тлела в пепельнице.

Услышав шум двигателя приближающегося автомобиля, он поднял глаза. Автоматически взглянул на пистолет, лежавший под газетой. «Нет, это не Харди!» Снейдеру был знаком этот звук, к тому же он видел цвет машины между деревьями. Это был автомобиль Тины Мартинелли. Что ей опять нужно? Может, на этот раз она явится с напарником, чтобы арестовать его и отправить в следственный изолятор? Снейдер не мог обижаться на нее за это. На ее месте он сам давно бы так поступил.

Он невозмутимо доел яйцо, тост, вытер рот салфеткой и взглянул на узкий деревянный мостик. Тина припарковалась перед мостиком и вышла из автомобиля. Она была одна. Быстрым шагом направилась к террасе Снейдера. Ее глаза сверкали. Сначала она посмотрела на него, затем на маленькую теплицу за мельницей, от которой отражалось утреннее солнце. Раньше Снейдер выращивал там травку, которую курил. Теперь стал заказывать, потому что качество было лучше, и перед теплицей стояла сейчас бочка для дождевой воды, к которой был прислонен велосипед.

Тина встала перед Снейдером.

— Доброе утро.

Снейдер сделал глоток чая и поднял голову.

— Очень грустно, когда не умеют читать.

Она вопросительно посмотрела на него, и в качестве объяснения Снейдер указал на табличку на деревянной бочке. «Посетители нежелательны!»

Тина проигнорировала намек.

– Можно сесть?

– Нет! Что вы хотите?

– К вам сюда нечасто приезжают? – спросила она.

Снейдер отложил газету в сторону.

– Из всех посетителей я предпочитаю тех, кто по дороге попадают в автомобильную аварию и не доезжают сюда вовсе.

– Как мило.

Он отхлебнул еще чаю.

– Чего вы ожидали? Экскурсию по моему дому?

Тина кивнула на тропу, ведущую к террасе.

– Кстати, там на главной дороге стоит такси. Вы кого-то ждете?

– Возможно. Мою ежемесячную поставку марихуаны.

– О боже, что я здесь делаю? – Тина уперлась кулаками в бедра. – Сабина Немез пропала.

– Наверняка что-то расследует.

– Ее нет ни в офисе, ни в академии, ни дома. Ее машина не стоит ни на одной парковке, а сама она не подходит к телефону.

– Что вы от меня хотите?

– Чтобы вы мне помогли!

– Черт побери, нет! – выругался он. – Я два года обучал вас, чтобы вы могли думать самостоятельно. Я вам не нянька. – Он понизил голос: – С Немез ничего не случится.

– Я чувствую, что с ней что-то произошло.

– Интуиция – это отлично, но вы должны сконцентрироваться на фактах.

– Сабина никогда не отсутствует без объяснений и всегда перезванивает, это на нее не похоже – вот факты. В своем последнем сообщении она пишет мне, что...

– Мартинелли! – перебил ее Снейдер. – Меня это не интересует!

– Это вас не интересует? – воскликнула Тина. – Сабина солгала для вас в суде, – бросила она ему в лицо. – Дала ложные показания под присягой, чтобы вас оправдали. Я думаю, вы ей должны.

Снейдер молчал. Откуда девчонка об этом знала?

– Я поверить не могу! – крикнула она уже громче и вскинула руки. – Это действительно было лжесвидетельство!

Снейдер взглянул на нее.

– Вы блефовали?

– Да, но по вашей реакции я вижу, что не ошиблась со своими предположениями. Сабина рисковала для вас, а вы сейчас и пальцем не хотите пошевелить, чтобы ей помочь?

– Я уже помог вам обеим, – возразил он.

– Правда?

– Да, я посоветовал вам не вмешиваться в это дело. Теперь сами видите, что случилось.

– Вы настоящий говнюк, и меня от вас тошнит, – не сдержалась Тина.

Снейдер поднял брови.

– Мой нимб сейчас на техосмотре.

– Конечно, всегда какая-то фраза наготове. – Тина сделала шаг назад. – Знаете, сколько усилий мне стоило приехать еще раз сюда и попросить именно вас о помощи?

Снейдер со вздохом поднялся и направился в дом.

– И что сейчас? – крикнула она ему вслед.

– Я вам кое-что принесу.

Пока Тина ждала снаружи, он пошел в кухню, достал бумажный стаканчик и налил в него теплый кофе из кофейника. Выйдя на террасу, сунул стаканчик Тине в руку.

– Что это? – растерянно спросила она.

– Кофе с собой.

– Кофе с собой? – переспросила она и повертела стаканчик в пальцах. Сбоку и правда значилось: coffee to go.

– Правильно, – ответил Снейдер. – А сейчас исчезните отсюда.

Тина гневно, со всех размаху поставила стаканчик на стол, так что кофе расплескался.

– Очень смешно! А теперь я дам вам один совет: поменьше курите травку.

Снейдер холодно взглянул на нее, на что Тина молча развернулась и зашагала к своей машине.

Он смотрел ей вслед со смешанными чувствами. От Тины он ожидал больше жесткости и настойчивости, а также больше опыта и смекалки. По крайней мере, она должна была прислушаться к его совету, потому что если она его хоть немного знала, то понимала: он никогда ничего не говорит без причины. Но некоторые люди просто не хотят слушать или читать между строк.

Снейдер наблюдал, как Тина остановилась рядом со своей машиной, но не села в нее, а посмотрела на тропу, ведущую к главной дороге. Теперь и он слышал – подъехал еще один автомобиль. Снейдер сделал шаг к столу, на котором лежал пистолет. Но в следующий момент расслабился, различив треск мотора. Это был не автомобиль, а мопед. Это приехал молодой парень, который привез ему месячный рацион «табака».

Тина смотрела, как паренек остановил свой мопед перед мостиком, слез, откинул сиденье и вытащил пакет.

«Идиот! Он не мог секунду подождать?»

В следующий момент Тина громко выкрикнула:

– Федеральное ведомство уголовной полиции! – Она сунула руку в карман брюк и вытащила удостоверение. – Что у вас там?

Ошарашенный, парень протянул ей пакет. «Ну полный идиот!» Это была особая смесь, которая улучшала мыслительные процессы.

– Я должна это конфисковать, – громко сказала Тина, чтобы Снейдер слышал. – Хотите на два месяца в тюрьму?

– Что? Нет, – залепетал он.

– Хорошо, тогда исчезните и больше никогда здесь с этим не появляйтесь.

Парень запрыгнул на свой мопед, завел его и укатил, а Тина тем временем проделала маленькую дырочку в пакете. Снейдер стоял на террасе, прислонившись к деревянной опоре, сунув руки в карманы, и наблюдал за Тиной. Она перегнулась через перила мостика и медленно высыпала содержимое пакета в ручей. При этом она смотрела на Снейдера, но тот старался и виду не подавать.

– Черт подери, – пробурчал он. Малышка оказалась жестче, чем он думал.

Пятьсот евро коту под хвост. Ну и хрен с ними! У него была еще заначка в шкафу. Должно хватить. Для того, что он запланировал на ближайшие дни, его мозг должен работать на все двести процентов.

Уничтожив все, Тина сунула пустой полиэтиленовый пакет в карман брюк, еще раз взглянула на Снейдера, села в машину, развернулась и уехала. В тот же момент у Снейдера зазвонил сотовый.

Возможно, это была Тина. От нее вполне можно было ожидать циничного комментария, типа «веселой ломки». Но звонила не она, а секретарша ректора Висбаденского университета экономики и права.

– Доброе утро, господин Снейдер. Я лишь хотела подтвердить, что мы смогли отменить все ваши семинары.

– Спасибо.

– Вы уже знаете, можем ли мы рассчитывать на вас через две недели, чтобы продолжить выступления?

– Не могу пока сказать. Очень надеюсь. Я позвоню вам и... спасибо за понимание. – Снейдер положил трубку. И долго смотрел на сотовый телефон. В конце концов открыл сообщение, которое прислал ему Рорбек перед смертью.

«Ты был прав. Прошлое настигает нас. 1 июня всех нас погубит. Прощай!»

– Прощай, – пробормотал Снейдер и удалил эсэмэс. Почему Рорбек прислал это сообщение именно ему, а не кому-то из «Группы-6»? Очевидно, Рорбек не хотел никого подставлять. И вероятно, это сообщение было одновременно и просьбой. Последним заданием Рорбека. Чтобы спустя двадцать лет Снейдер наконец-то раскрыл правду, все выяснил. По крайней мере, Снейдер так понял.

«Не волнуйся, я все сделаю!»

Он открыл сотовый, вытащил чип БКА и снова собрал телефон. На этот раз бросил красную пластинку на землю и раздавил ее ногой. Затем прошел в дом, надел кобуру, достал из шкафа пиджак и рассовал по карманам сигареты, спички, телефон, набор отмычек, наличные и футляр с акупунктурными иглами. Наконец, открыл две банки собачьего корма и вывалил содержимое в миску, которую выставил перед дверью. На всякий случай, если Винсент вернется домой. В противном случае, корм съедят куницы, лисы или бродячие кошки.

Он подумал о встрече с Дирком ван Нистельроем в «Ромео». Тот уже официально прибыл в БКА и воздержится от повторного посещения бара. Снейдер взял «глок» со стола на террасе. Его личное оружие было такой же модели, что и служебный пистолет, который ему пришлось сдать, когда его отстранили от службы. Он проверил магазин и сунул пистолет в кобуру.

Конечно, он сделает все, чтобы найти Сабину. Но о том, как он собирался действовать, Тине лучше не знать. Ей вообще лучше ни о чем не знать.

Он застегнул пиджак и направился по тропе к главной дороге, где его уже пятнадцать минут ожидало такси.

37. Вторник, 31 мая

Нора вышла из такси в начале пешеходной зоны Франкфурта, убедилась, что машин нет, и пересекла улицу в направлении банка «Клементони».

Уже через несколько метров у нее заболели ноги в узких туфлях на каблуках, но она специально нарядилась сегодня. На ней была короткая юбка, тонкая голубая блузка, солнечные очки в волосах и на всякий случай подписанная Харди доверенность, а также копия его старого паспорта, хотя Нора сомневалась, что это сработает.

Главный филиал банка располагался в мощном четырехэтажном кирпичном здании с щипцами, арками и украшенным фасадом, которое наверняка находилось под охраной, как исторический памятник. Вполне подходит старой итальянской компании, подумала Нора. Кроме того, два дополнительных этажа были в подвале, и в один из них сотрудник банка и проводил Нору.

В этом филиале действительно находились ячейки, для которых требовался ключ, какой был у Харди, а доступ к ячейкам был возможен только при предъявлении такого ключа. Сотрудник указал ей нужный коридор и незаметно удалился.

Аллилуйя! Ключ с номером 0508 подошел к соответствующему замку. Правда, это оказалась не обычная ячейка, а сейф. Должно быть, он обошелся Томашевски в кругленькую сумму, потому что, насколько Норе и Харди удалось выяснить, анонимные сейфы были редкостью и доступны лишь за высокую арендную плату – от тысячи евро в год и выше.

Пока сотрудник банка ждал за решетчатыми воротами, Нора открыла сейф. Как Харди и предполагал, там лежала спортивная сумка. Продолговатая, маленькая и черная. Она была не тяжелая, весила пару килограммов.

Нора не стала тратить время и открывать сумку, а вытащила ее и заперла сейф. Быстро напечатала эсэмэс в службу такси. Машина должна забрать ее от входа в банк через пять минут.

– Я закончила! – громко сказала Нора, убрав телефон.

Сотрудник банка проводил ее в фойе, где попрощался довольно громким «До свидания, фрау Мюленхоф», как она догадалась по его

активными движениям губ и мышц шеи.

– Спасибо, – с улыбкой сказала она, – но вам не обязательно так кричать. Я хорошо читаю по губам.

Конечно, по ее произношению и взгляду, который всегда искал его губы, он уже заметил, что она глухая. Теперь он покраснел.

– Ничего страшного. – Нора улыбнулась. – Я найду выход сама. До свидания.

Она развернулась и прошла с сумкой через фойе мимо зоны с банкоматами. Сквозь стеклянную дверь она увидела, что такси еще не подъехало. Тогда она направилась к кулеру и налила себе стаканчик воды. Затем взглянула на себя в карманное зеркальце и подкрасила губы.

Наконец к филиалу подъехало белое такси с желтым логотипом сбоку и остановилось перед входом. Светодиодная табличка такси сообщала, что машина занята. Нора быстро вышла через вертящиеся двери, пересекла тротуар и открыла заднюю дверцу. Сначала положила сумку на сиденье, потом села сама.

– Я заказала это такси с помощью эсэмэс, – объявила она водителю и продолжила говорить, не дожидаясь, пока он обернется к ней. – Я глухая и могу вас не понять. Но это и необязательно. Отвезите меня на Рёмерберг. Там находятся туристическое бюро и центр туристической информации. Остановитесь, пожалуйста, перед ними. Поездка займет около десяти минут. Двадцать евро вас устроит?

Водитель ввел адрес в навигатор, затем посмотрел в зеркало заднего вида и показал Норе поднятый большой палец.

– Спасибо. Квитанция мне не нужна. – Она подалась вперед и положила водителю купюру в двадцать евро.

Он включил поворотник, выехал и встроился в поток. В обеденное время на дорогах уже не было пробок, и они двигались довольно быстро.

Спустя какое-то время таксист включил радио и сделал музыку погромче, что Нора почувствовала по пульсирующим басам и вибрированию боковой стенки. К тому же она видела, как он подпевал и двигал головой в такт музыке. Глухота тоже могла иметь свои плюсы!

Время от времени он поглядывал на нее в зеркало заднего вида. Один раз она даже заметила, как он шевелил губами.

«Слушай, ты ведь меня хочешь? О'кей, можем сделать это у тебя дома или прямо здесь в машине. Как пожелаешь».

О господи! Нора затаила дыхание и уставилась на навигатор.

Еще пять минут. Она смотрела в окно, думала о сумке и сдерживалась, чтобы не высказать водителю свое мнение.

Харди стоял перед туристическим бюро и разглядывал в витрине предложения по путешествиям в дальние страны. Уругвай тоже был в их числе; одна из самых маленьких стран Южной Америки. Правда, он не говорил по-испански, но язык можно было бы выучить.

В отражении витрины он заметил приближающееся белое такси. Оно остановилось перед центром туристической информации. Харди обернулся, направился к такси и поднял руку. Водитель кивнул. Табличка такси вспыхнула на мгновение, затем погасла.

Из машины вышла светловолосая женщина в короткой юбке и голубой блузке. Харди видел ее лишь со спины, как она направилась в сторону станции метро.

Харди дошел до такси и уселся на заднее сиденье.

– К отелю у Центрального вокзала. И спуститесь, пожалуйста, в подземный гараж.

Такси тронулось, и Харди не стал пристегиваться. На полу за креслом водителя лежала черная спортивная сумка. Харди потрогал ее носком ботинка, чтобы убедиться, что это не иллюзия. «Она настоящая!» Он так долго этого ждал, и вот она. «В ней действительно все, Антуан?»

Через восемь минут такси въехало в подземный гараж и остановилось у лестницы в отель. Харди расплатился с таксистом, взял сумку, вышел из машины и проследил, как такси выехало на улицу и исчезло из вида. Затем он взошел по лестнице и попал прямо в фойе отеля.

На лифте он поднялся на четвертый этаж, где находился его номер. На протяжении всего этого времени Харди не чувствовал, что за ним следят. Возможно, все эти меры предосторожности были излишни, потому что с сегодняшнего утра он не заметил ни Хагены с Рорбеком, ни черной «Лады-Тайги». Но если за ним все же следили, Харди не хотел, чтобы кто-то видел, как он выходит из банка со спортивной сумкой.

Харди запер дверь, поставил спортивную сумку на узкий стеклянный столик перед диваном и сел. Сумка была легче и меньше, чем он предполагал. Он расстегнул ее и вытащил сначала наличные. Пачки новеньких зеленых банкнот по сто евро с поперечной бандеролью. На вид, четырнадцать – пятнадцать тысяч евро. Харди отложил деньги в сторону; пересчитать он сможет и позже.

Затем вытащил из сумки складной нож и полдюжета крепких кабельных стяжек. Вероятно, Антуан думал, что он может оказаться в ситуации, когда придется кого-то связывать. Возможно! Узкую стамеску и две новенькие отмычки. Затем достал пистолет. Маленький, по руке, «вальтер» и полный магазин. Шесть патронов, калибр девять миллиметров. «Взломать, связать и застрелить? Антуан, ты серьезно?»

Уже более двадцати лет Харди не держал в руках оружия. Он осторожно взял магазин, вставил его в рукоятку, защелкнул, но затвор отводить не стал. Пришло осознание того, что в его гостиничном номере находится заряженный пистолет. Правда, он надеялся, что ему не придется использовать оружие. Но зачем-то ведь Антуан положил в сумку «вальтер».

Наконец Харди достал толстую папку с бумагами. Это были копии оригинальных документов. Судя по трем печатям на картонной крышке, оригиналы с номером 89 были отосланы в висбаденский районный суд для проверки в ноябре девятнадцать лет назад. Ни в окружной суд Висбадена, ни в Высший суд земли во Франкфурте дело не передавалось. Это был дубликат прямо из архива БКА, где хранились копии судебных актов!

«Антуан, ну ты даешь!»

Видимо, он кого-то подкупил, чтобы получить доступ к архиву БКА. Харди открыл папку. Дело касалось конфиденциальных актов с обозначением СВН 768/II. Смотри-ка! Это были протоколы допросов, проводимых службой ведомственного контроля по событиям, которые произошли 1 июня двадцать лет назад. Служба ведомственного контроля? Значит, допрашивали не русских или чеченцев, албанцев, армян или дилеров других наркокартелей, а сотрудников БКА из отдела РПН – как Харди и предполагал все эти годы. И вот наконец имена, которых он так долго ждал: Тимбольдт, Ломан, Рорбек, Хагена, Хесс – и, конечно, Франк Айзнер.

Вся «Группа-б» была допрошена службой ведомственного контроля по подозрению в поджоге и тройном преднамеренном убийстве, а затем дело проверялось в суде. Однако разбирательство было остановлено, заявление на дальнейшее расследование отклонено, а все делопроизводство объявлено секретным. Таким образом, возможность обвинительного приговора была навсегда исключена.

Изучив документы до конца, Харди несколько раз перечитал части показаний, затем откинулся на спинку дивана и уставился через окно гостиничного номера в пустоту. Суд и служба ведомственного надзора сняли обвинения с «Группы-б». За окном слышалось гудение машин. Теперь ему стало ясно одно: это не члены какого-то конкурирующего наркокартеля подожгли его дом и убили семью, а кто-то из «Группы-б»... несколько человек... или даже вся группа! Вот кто виновен!

С кого начать поиски? К Хессу подобраться было сложнее всего. Рорбека и Хагену он знал со времен работы в департаменте по борьбе с наркотиками, но именно эти двое появились у дома Томашевски. Тогда с них он и начнет.

Харди бросил последний взгляд в спортивную сумку. Она была почти пуста, но на дне он наткнулся на еще одну тонкую папку. В ней находились досье на его бывших коллег, документы из личных дел и отдельное досье на Айзнера – все практически актуальное, полугодовой давности. У четырех были указаны адреса, только у Дитриха Хесса и Анны Хагены их не было.

Он снова сложил все в сумку, только пистолет оставил на столе. Долго смотрел на свой телефон. Позвонить сейчас Кржистофу?

Это бесполезно. Уже за три дня до освобождения Харди поляк объявил ему по телефону, что отсидел свой срок, в тюрьме стал религиозным и не сможет ему помочь.

«Значит, тебе придется провернуть все в одиночку. Прижучь каждого по очереди и выясни правду! И если будет нужно, отомсти! За Лиззи и девочек».

В этот момент в дверь постучали. Он вздрогнул и заметил, что автоматически схватился за пистолет. Раздраженно уставился на ребристую рукоятку «вальтера», которую крепко сжимал пальцами.

Он не знал, из-за чего больше переживать. Что подсознание заставило его схватиться за оружие, хотя в дверь просто постучали, –

или что он автоматически, одним движением, дозарядил его? Теперь пистолет был в боевой готовности.

Стук повторился.

Харди встал и подошел с пистолетом к двери.

– Да?

Ответа не последовало.

– Кто там? – крикнул он.

Снова тишина.

Тут он увидел, как кто-то нажал на ручку. В этих номерах не было глазка, иначе он давно бы уже выяснил, кто там. Харди осторожно отпер дверь, потянул на себя и посмотрел в щель. В коридоре стояла женщина.

– А, это ты, – с облегчением сказал он.

Это была Нора. Конечно, она не могла ответить на его вопросы из-за двери.

– Все получилось? – спросила она.

Он высунул голову и оглядел коридор. Она была одна.

– Да, – одними губами ответил он.

– И что в сумке?

– Наличные и информация, которую я так долго искал, – ответил он все так же губами.

– Можно? – Нора вошла в комнату и сразу направилась к стеклянному столу, вытащила документы и полистала их.

Харди закрыл дверь и запер на замок.

– И с их помощью ты сможешь все выяснить? – спросила она, поворачиваясь к нему спиной.

– Или, если будет нужно, призвать виновного к ответу, – пробормотал он.

«Ты хочешь мести или справедливости?»

Он подумал о словах Норы, засовывая пистолет под рубашку за пояс.

Снейдер вышел из такси и расплатился с водителем. Эта местность на берегу Майна выглядела покинутой и неухоженной. Дикие кустарники, ветви которых доходили до самой реки, разрослись на склоне с несколькими полусгнившими деревянными причалами.

– Мне вас подождать? – спросил таксист.

– Если бы я хотел, то сказал бы вам.

– Забрать вас позже?

Снейдер не ответил, а лишь посмотрел на водителя.

– О'кей, хорошо, я понял, – сказал тот.

Такси уехало, и Снейдер перешел по потрескавшемуся асфальту к заброшенной паромной пристани. Ставшие бесполезными стальные тросы старого пассажирского парома висели низко над рекой, покачиваясь на ветру и блестя на солнце. Над водой пролетел большой длинношей аист и сделал большой круг над пристанью.

Из-за здания как раз поднималось солнце и отражалось в стеклах нового красного «форда-транзита», который стоял рядом с хижинкой из гофрированного листового железа. Значит, Кржистоф был дома – по крайней мере, в том месте, которое он называл своим домом. Кржистоф всегда любил мистическую символику, и не было случайностью, что он все еще жил в старой служебной квартире бывшего паромщика, которую Снейдер организовал ему пять лет назад. В определенном смысле Кржистоф тоже был раньше – много лет назад – паромщиком, который отправлял души на тот свет.

Снейдер разглядывал красный минивэн. Сбоку красовался свежий слоган. «На службе вашего здоровья». Снейдер вяло усмехнулся. Тот, кто это написал, видимо, понятия не имел, чем Кржистоф раньше зарабатывал себе на жизнь.

Снейдер подошел к входной двери в квартиру – контейнеру из гофрированного железа площадью пятьдесят квадратных метров. Но со спутниковой тарелкой на крыше – у Кржистофа в этой развалюхе было спутниковое телевидение. Дверь была заперта, и Снейдер несколько раз постучал кулаком по металлическому листу. Ответа не последовало!

«Ладно!» Снейдер вытащил отмычку из своего набора. Он никогда не умел особенно ловко с ней управляться, поэтому потребовалось минуты две, пока он отодвинул защелку и отпер старый замок. Потянул на себя дверь и на всякий случай еще раз громко постучал.

– Есть тут кто? – крикнул он.

Все-таки не хотелось быть застреленным Кржистофом, потому что старик наверняка прячет оружие под подушкой, хотя это нарушает правила его испытательного срока. Но такой, как Кржистоф, не станет рисковать.

Снейдер вошел в гостиную и огляделся в темноте. Жалюзи были опущены, но Кржистофа невозможно было не заметить. Он лежал на диване и храпел. Снейдер поднял жалюзи, открыл окно и впустил свежий, пахнувший влажным камышом воздух с речного берега.

Кржистоф заворочался и потянулся. Он был лет на пятнадцать старше Снейдера, с длинными седыми лохматыми волосами и седой щетиной; невысокий, худой, но сильный. Невероятно, что этот мужчина когда-то служил солдатом в польской армии, а после работал телохранителем у определенных «бизнесменов». Он выглядел безобидно, но Снейдер знал, что он таким никогда не был и, несмотря на свой возраст, никогда не будет. Кржистоф отсидел за убийство жены Франка Айзнера и вышел пять лет назад.

Снейдер придвинул металлический стул, сел рядом с диваном и положил руки на спинку. Рядом стоял стол с термосом и полупустой чашкой с холодным кофе. Кржистоф массировал себе глаза и безуспешно пытался их открыть.

Снейдер разглядывал татуировки в виде крестов на пальцах Кржистофа, которых у поляка не было во время его последнего визита.

– Ты ударился в религию?

Кржистоф повернулся и посмотрел на Снейдера маленькими узким и глазами, которые напоминали Снейдеру щель для монет в автомате по продаже сигарет.

– А, это ты. Уже снова год прошел? – пробурчал он не слишком радостно. Хотя он давно жил в Германии, у него все еще был сильный польский акцент. – Чего ты хочешь? Я больше не пью, не курю, не продаю и завязал с жизнью преступника. Дай мне спокойно поспать, черт возьми!

– Мне нужна твоя помощь.

Кржистоф усмехнулся, не открывая глаз.

– Пока я не приму кофе, ничего не будет. Это мой провод для подзарядки аккумулятора.

– О'кей. – Снейдер взял чашку и выплеснул холодный кофе Кржистофу в лицо.

Тот подскочил, как ужаленный тарантулом, и вытер лицо.

– Твою мать! Ты совсем спятил?

– Не ругайся так, – упрекнул его Снейдер. – Я думал, ты стал религиозным.

– Проклятье! – Кржистоф схватил футболку, которая висела на спинке дивана, и вытер лицо. – Я не знал, что ты больше не контролируешь себя и распускаешь руки.

– У меня просто нет времени ждать, пока ты проснешься, – ответил Снейдер. – У тебя найдется что-нибудь безалкогольное?

– Посмотри в водопроводном кране, там должно что-нибудь быть, – буркнул Кржистоф.

Однако Снейдер остался сидеть и огляделся. Потертая мебель принадлежала еще бывшему паромщику, Кржистоф ее так и не поменял.

– У тебя здесь все так же мерзко. Ты по-прежнему работаешь поваром в контактном кафе для наркоманов, которое я тебе посоветовал?

– Нет, оказалось слишком напряжно для меня.

– Слишком напряжно? – переспросил Снейдер. – И чем же ты зарабатываешь на жизнь?

– Я поднялся по служебной лестнице. Поставляю врачам, аптекам и больницам медикаменты, шприцы и марлевые бинты.

– И бизнес идет хорошо?

– Как никогда. – Кржистоф отбросил мокрую футболку в сторону. – Сегодняшняя медицина настолько развита, что здоровых людей почти не осталось.

«Это правда!»

– Твоя машина стоит перед дверью?

– Да, это мой служебный автомобиль. Современный охлаждаемый минивэн. У меня договор с аптеками и одной фармацевтической компанией.

– Надо же. – Снейдер удивленно кивнул.

– Это допрос? – спросил Кржистоф. – Я слышал, ты больше не работаешь в БКА. Ищешь работу? Мне как раз нужен практикант.

– Спасибо, я обязательно подумаю.

– Или ты сейчас работаешь на другую организацию?

Снейдер помотал головой.

– Я никогда не вступил бы в организацию, которая принимает в свои ряды таких, как я.

Кржистоф оскалился и обнажил сломанный зуб.

– Все тот же старый Снейдер.

– За исключением зубов ты еще в хорошей форме, – заявил Снейдер, оглядев мышцы Кржистофа, которые проступали под черной футболкой.

Поляк кивнул и провел языком по сломанному зубу.

– Трое подростков думали, что смогут вломиться сюда и стащить кое-какие лекарства, – грубая ошибка. – Он открыл термос, налил в чашку кофе и сделал глоток. – Но все равно замечаешь, что стареешь, когда трахаться получается только в одном положении – на боку.

– Я знаю, – вздохнул Снейдер. – Секс в твоем возрасте – это как пытаться играть в бильярд канатом.

Кржистоф снова усмехнулся.

– Ты все еще гей?

Снейдер кивнул.

– В настоящий момент лишь в теории.

– О черт! – Кржистоф громко рассмеялся; это прозвучало немного злорадно. – Мне даже не жаль тебя. Вообще, почему ты голубой? Недолюбливаешь женщин?

Снейдер не ответил.

– В определенном смысле я тебя понимаю, – пробурчал Кржистоф. – Ты никогда не думал, почему метеорологи дают ураганам женские имена? Именно! Вот тебе и ответ.

– Мы можем закончить светскую беседу?

Кржистоф сделал еще глоток и поставил чашку на стол.

– О'кей, теперь я проснулся. Чего ты хочешь?

– Мне нужно найти одну женщину.

Кржистоф уставился на него.

– Серьезно? Тебе?

– Мою бывшую коллегу. Она пропала.

– У тебя была коллега? Во всяком случае, здесь ее нет. – Кржистоф ухмыльнулся, но его улыбка тут же пропала. – О'кей, похоже, тебе не до шуток. И ты пришел именно ко мне? Ты ведь сам упрятал меня в тюрьму двадцать лет назад.

Снейдер промолчал.

– Понимаю, больше тебе не к кому обратиться, – продолжил Кржистоф. – Может, ты по уши увяз в дерьме?

– Речь идет о Харди.

Кржистоф медленно кивнул.

– Харди позвонил мне за три дня до своего освобождения, хотел моей помощи, но я сказал, что вышел из дела. Эти времена давно прошли. Если ему нужен кто-то для грязной работы, пусть ищет другого.

– Харди жаждет мести и сметает все, что встает на его пути. Я должен остановить его.

– Удачи.

– Шесть человек уже мертвы, один тяжело ранен, а моя коллега исчезла.

– Тогда она, вероятно, тоже мертва.

– Я не шучу!

Кржистоф задумался.

– Ты можешь остановить его лишь одним способом: если расскажешь правду.

– Это я и собираюсь сделать.

– Думаешь, я помогу тебе в этом лишь потому, что ты регулярно меня навещаешь, нашел мне жилье и работу?

– Не поэтому, – пробурчал Снейдер. – Я приходил к тебе после освобождения потому, что хотел защитить от тебя общество.

– Очень милая формулировка – и почему же ты сейчас здесь?

– Потому что полагаю, тебе есть что искупить. Подумай об Айзнере, его жене и всем, что случилось после.

– Да, черт возьми, я и так часто об этом думаю – и спасибо, что снова напомнил. – Кржистоф поднял голову, почесал щетину и кивнул. – Наверное, ты прав.

– Конечно, прав. – Снейдер подумал о татуировках Кржистофа в форме крестов. – Рассматривай это как покаяние.

– Хватить уже трюндеть, я и так помогу тебе.

– Хорошо. Сначала мне нужны патроны для «глока», – сказал Снейдер. – У меня лишь три штуки в магазине.

Кржистоф убрал длинные седые пряди за ухо.

– И этого не хватит?

– Для того, что мы планируем, нет.

Снейдер и Кржистоф вышли из квартиры бывшего паромщика наружу.

– Черт, как душно, – пробурчал Кржистоф, вытер пот с затылка и посмотрел через реку на горизонт, где собирались темные облака. – Скорее бы уже дождь пошел. Как ты думаешь?

– Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о погоде. – Снейдер вставил патроны, которые получил от Кржистофа, в магазин. – Когда ты обычно развозишь медикаменты по больницам?

– По понедельникам, средам и...

– Я имею в виду, в какое время?

– В обед.

Снейдер взглянул на часы. Было почти одиннадцать.

– Поехали!

* * *

На Кржистофе были кожаные полуботинки, черные джинсы, черная футболка в рубчик, а на запястьях черные кожаные браслеты. Из кармана джинсов торчала рукоятка малокалиберного пистолета. Снейдер ничего на это не сказал. Кржистоф сам знал, что делал.

Поляк повертел на пальце связку ключей.

– Как ты вообще попал ко мне в дом?

– С помощью отмычки.

– Ты это умеешь?

– Не особо хорошо. Я мог бы выстрелить в замок, но у меня было только три патрона.

– О черт, разговаривать с тобой очень утомительно. – Кржистоф бросил ветровку за сиденье и сел за руль своего минивэна. Снейдер забрался на пассажирское сиденье рядом.

– У тебя все еще нет водительских прав? – спросил Кржистоф.

– Нет, – солгал Снейдер. – Сначала мы поедем в Висбаден в клинику «Асклепиос Паулинен».

- Кого будем навещать?
- Дитриха Хесса. Он лежит в реанимации с пулей в голове.
- Кржистоф удивленно посмотрел на него.
- Ну ты, однако, переборщил со своей ненавистью к нему!

Кржистоф вкатил тележку с медикаментами через восточный вход в клинику «Паулинен», Снейдер следовал за ним на расстоянии десяти шагов.

Кржистоф проследовал мимо отсека, который вел к операционным залам, повернул к реанимационному отделению и вошел в коридор, в конце которого справа и слева от двери стояли двое полицейских. Снейдер понял, что они нашли правильный отсек.

Кржистофу это тоже было ясно, потому что он замедлился. Снейдер тут же развернулся, сделал крюк через отделение непрерывного наблюдения за состоянием больных и вошел в реанимацию с другой стороны. По пути схватил с вешалки белый халат, который надел на ходу. Датчик движения открыл дверь, и Снейдер в халате вошел в коридор, в котором стояли полицейские. Они быстро взглянули на него, затем снова повернулись спиной, потому что Кржистоф как раз устроил суматоху.

Он громко спорил с медсестрой, которая объясняла ему, что, во-первых, он перепутал день доставки, во-вторых, привез не те медикаменты и что к тому же это не вход для поставщиков.

– Я сам это знаю, но меня отправили сюда! – протестовал Кржистоф. Заметив, что Снейдер вошел в коридор, он специально выронил свою папку с накладными. Листки разлетелись по всему проходу. – Черт, еще и это! – выругался он.

Оба полицейских отвлеклись. Они сделали несколько шагов к Кржистофу. Один даже нагнулся, чтобы помочь собрать накладные. Прежде чем кто-то из них успел обернуться, Снейдер уже проскочил за их спиной в палату.

Через закрытую дверь он слышал препирательства в коридоре. Кржистоф продолжал скандалить. В следующий момент Снейдер абстрагировался от постороннего шума и осмотрелся. В затемненной одноместной палате действительно лежал Хесс – подключенный к нескольким монотонно попискивающим аппаратам.

Снейдер быстро поставил ширму перед кроватью и сел рядом с Хессом на стул. Если кто-то случайно заглянет в палату, Снейдера за ширмой не будет видно.

– Дьявол! – вырвалось у него, когда он взглянул на лицо Хесса.

Передняя половина лица запала. На челюсть была наложена шина, голова обрита и забинтована. В горле Хесса торчал катетер, к нему были подключены несколько тонких трубок, по которым поступали успокоительные и обезболивающие средства. Хесс находился без сознания. Что, вероятно, было для него лучше.

В папке на столе лежали рентгеновские снимки. Снейдер по очереди поднимал их и подносил к окну. Через ламели жалюзи проникало достаточно солнечного света, чтобы разглядеть изображения.

Пуля вышла с левой стороны и повредила передний отдел головного мозга. Такое ранение никому не пережить. Удивительно, что Хесс вообще еще дышал. Снейдер открутил трубки от катетера, опустил их под кровать, чтобы жидкость капала на пол, и подождал.

Между тем суматоха за дверью улеглась. Спустя минуту веки Хесса задрожали, и он вышел из состояния неподвижности.

– Мы оба знаем, что ты умрешь, – прошептал Снейдер и взял Хесса за руку. На мгновение ему показалось, что он почувствовал ответную реакцию. Хесс пытался пожать его руку, чего вообще-то не могло быть.

– Тот, кто замечает мусор под ковер, не должен удивляться, когда споткнется о него и набьет шишку, – пробормотал Снейдер. – Что бы вы тогда ни сделали, я предупреждал вас не замалчивать это.

Гудел аппарат искусственного дыхания. В горле Хесса торчала трубка – из-за этого он не мог произнести даже глухого звука. Снейдер сомневался, что Хесс слышал его слова. А если и слышал, то понимал ли их смысл? Но он все равно продолжал говорить.

– Однако я пришел сюда не умничать, хотя ты мог бы от меня этого ожидать. Легко судить, когда не был в вашей ситуации, поэтому ты не услышишь от меня больше никаких упреков.

Снейдер немного помолчал.

– Почему я здесь? А ты сам не догадываешься? – пробормотал он. – Кржистоф привез меня сюда. Да, он! Я тоже не думал, что он станет мне помогать. Но, видимо, его все еще мучают угрызения

совести из-за того, что он сотворил с Иреной Айзнер и ее ребенком. Мы должны остановить Харди. И мы выясним, что вы совершили и кто был к этому причастен. Какая бы правда ни всплыла, молчать мы не станем. Диана мертва, и у меня больше нет причины притворяться, будто я ни о чем не знаю. – Он поднял голову и посмотрел на мониторы приборов.

Отмена лекарств начала действовать. Показатели изменились, и кривые полезли вверх.

– Почему ты был таким неосторожным? Кто всадил тебе пулю в голову?

Хесс молчал. Лишь его пальцы подергивались.

– Это был Харди?

Никакой реакции.

– Полагаю, ты тоже не знаешь, где Сабина Немез?

У Хесса дернулось одно веко.

– Я так и думал. Но я здесь не поэтому. – Снейдер сделал глубокий вдох. – Я хотел попроситься с тобой. Ты, как никто другой, знаешь, насколько ужасна и омерзительна работа в БКА, как сильно она изматывает и разочаровывает. Ты начинаешь курить травку, или напиваться, или идешь в бордель, потому что шлюхи единственные, кто выслушают тебя и смогут понять. Брак рушится, ты теряешь детей, друзей или видишь, как погибают коллеги, – но у БКА есть и плохие стороны. – Он устало усмехнулся собственной шутке.

На лице Хесса дернулся мускул.

– Оскорбления всех этих идиотов меня никогда не задевали. В отличие от твоих! Ты всегда был мне равным соперником. – Снейдер закусил нижнюю губу. – Кстати, ты знаешь, что я начал курить травку из-за тебя и Дианы? У меня еще не было возможности поблагодарить тебя за это. Новая привычка расширила мой горизонт.

Кривые на мониторах снова дернулись и изогнулись, но уже хаотично.

– Вашему сыну скоро исполнится шестнадцать. Полагаю, сейчас о нем заботится твоя младшая сестра. Не знаю, оценит ли он, но я навещу его, когда все это закончится.

Аппараты громко запищали.

– Конец может прийти так быстро. Мы откладываем вещи на завтра, а ведь этот день может и не наступить. Вот поэтому я здесь. –

Он глубоко вздохнул и сжал руку своего друга, коллеги и начальника. – Спасибо, что ты так долго заботился о Диане.

Губа Хесса задрожала, как будто он хотел что-то сказать.

– Не бойся, в ад мы не попадем, – успокоил его Снейдер. – Мы уже живем в нем!

Снейдер размазал ботинком жидкость под кроватью и снова подключил трубки к катетеру, но пережал их так, чтобы лекарство не проходило. Образовался затор, и подающий насос запищал. Из-за частого пульса Хесса сработала еще одна сигнализация, потому что он начал медленно приходить в себя и пытался дышать самостоятельно и не в такт машине.

Пищание аппаратуры с каждой секундой становилось все громче.

Снейдер поднялся со стула.

– Мне пора, я слышал, что в столовой есть отличный ванильный чай. Однажды мы снова увидимся. Передавай Диане привет от меня, если встретишь ее.

Снейдер отпустил согнутые трубки и спрятался в ванной. В следующий момент дверь в палату распахнулась, и Снейдер увидел через узкую щель, как в комнату ворвались врач, санитар, две медсестры и один из полицейских.

Снейдер воспользовался моментом и выскользнул через дверь в коридор, в котором все еще стоял Кржистоф с тележкой, сортировал накладные, одновременно говорил по телефону и своими воплями отвлекал другого полицейского.

Снейдер прошел мимо полицейского, направился прямо к Кржистофу и прикрикнул на него:

– Все, вы мне надоели. Немедленно исчезните отсюда. Это реанимация, а не пункт приема медикаментов. К тому же телефонные звонки здесь запрещены.

Кржистоф послушно убрал телефон.

– Все получилось? – прошептал он.

– Молчи! – шикнул на него Снейдер, схватил Кржистофа за предплечье и потащил его вместе с тележкой к выходу.

– Здесь ровно пятнадцать тысяч евро! – воскликнула Нора, сложила купюры в стопку и перетянула бандеролью.

Харди стоял у окна и смотрел на улицу.

– Неплохо, – сказал он самому себе. – На столько я даже не рассчи... – Он умолк. Откинул занавеску в сторону и прижался лицом к стеклу. Его желудок сжался, когда он увидел черную «Ладу-Тайгу», которая медленно проследовала мимо отеля, включила поворотник и заехала в подземный гараж.

Харди повернулся, ища взгляд Норы.

– Мы должны исчезнуть отсюда! – сказал он.

Она сделала большие глаза. В следующий момент поняла.

– Сколько тебе нужно на сборы?

– Десять секунд.

* * *

Пистолет находился у Харди за поясом под курткой. Пока Нора со спортивной сумкой, в которой находилось все имущество Харди, ждала его у высокого, до потолка, растения в холле отеля, Харди направился к стойке регистрации.

Молодой человек тут же занялся им. Выписавшись и расплатившись, Харди написал адрес – Motel One, недалеко от Франкфуртского аэропорта на листке бумаги, который вручил парню.

– Вы остались недовольны нашим сервисом?

– Нет, все было отлично. Но мне нужно уехать по делам. К сожалению, я жду документы, которые придут сюда на мое имя. – Харди указал на листок. – Не могли бы вы переслать на этот адрес?..

– Разумеется.

– Спасибо. – Харди протянул купюру в сто евро через стол. – И еще кое-что... – Он понизил голос: – Не разглашайте мой новый адрес, это конфиденциальная информация.

У парня от удивления округлились глаза.

– Конечно. – Он быстро сунул купюру в карман.

– Спасибо. – Харди развернулся и направился к Норе, которая все время оглядывалась по сторонам. – Мне еще нужно в подзем...

– Харди! – перебила она его. – Оба следователя уголовной полиции здесь.

– Которые? – одними губами спросил он. – Те на видео, которое я снял?

Она помотала головой.

– Другие. Я думаю, Тимбольдт. А другой, наверное, Ломан.

– Ты уверена?

– Да, вполне. Я же видела их фотографии в личных делах.

– Где они?

– В конце холла, у лифтов, за пальмами.

В этот момент носильщик прокатил мимо них тележку с чемоданами. Харди воспользовался моментом и быстро обернулся. Действительно! Там сидели Клаус Тимбольдт и Харальд Ломан. Один говорил по телефону, другой делал вил, что читает газету.

Харди невольно подумал о черной «Ладе-Тайге». Для служебной машины БКА она слишком бросалась в глаза. Если это не их автомобиль, то его водитель, возможно, еще в гараже.

– Мне нужно в подземный гараж, – повторил Харди. – Вызови такси и жди меня снаружи. Если кто-то попытается вырвать у тебя из руки сумку, громко кричи!

– Я не понимаю, что происходит.

– Я потом тебе объясню. – Он подмигнул ей и попытался улыбнуться, хотя знал, что она ему не поверит.

– Хорошо, – озабоченно сказала Нора.

Пока она доставала телефон и заказывала такси, Харди пересек холл под прикрытием толпы людей. При этом он старался не смотреть в сторону Тимбольдта и Ломана, хотя вряд ли они могли его не заметить. Добравшись до двери, он проскользнул на лестничную площадку и побежал вниз по ступеням в подземный гараж.

Когда он открыл противопожарную дверь, автоматически включился свет, активируемый датчиком движения. Здесь было прохладно и пахло бетоном. Такси потребуется не больше пяти минут, чтобы подъехать сюда. А пока у него есть время, чтобы выяснить, кто преследует его со дня освобождения из Бютцова. Или хотя бы записать

номерной знак черного внедорожника. Оглядываясь, Харди побежал мимо рядов автомобилей. Но «Лады» нигде не было видно.

Наконец он добрался до выезда из гаража. Автоматический шлагбаум был опущен. Рядом пешеходная зебра вела вверх на улицу. Солнечный свет на мгновение ослепил Харди. Он прикрыл рукой глаза. Сбоку от него находилась темная ниша, где между колоннами также располагались парковочные места. Все они были пустые, только в конце ниши стоял черный автомобиль. Судя по форме, это была «Лада-Тайга».

Харди медленно направился к машине. Осмотрелся. Поблизости не было ни души. На всякий случай вытащил из-за пояса пистолет и держал его за спиной. Все-таки оружие было заряжено.

В этой зоне подземного гаража освещение не сработало – очевидно, вышло из строя, – и было слишком темно, чтобы с такого расстояния разглядеть номер внедорожника. Харди также не видел, сидит ли кто-то в машине.

Сделав еще шаг, он услышал, как завелся двигатель. За «Ладой» поднялось облако выхлопных газов. В следующий момент зажглись фары, и яркий свет полностью ослепил Харди. Машина тронулась с места и медленно покатила к нему.

Харди хотел направить пистолет на лобовое стекло и заставить автомобиль остановиться, но тут услышал, как в другом конце гаража хлопнула противопожарная дверь. Инстинктивно взглянул в ту сторону. Это Тимбольдт вошел в гараж и оглядывался по сторонам.

«Черт!»

Если Тимбольдт застучает его, только что освободившегося из тюрьмы и без разрешения на ношение оружия, с заряженным пистолетом, судья, и глазом не моргнув, снова упечет за решетку – и Нора останется одна с похищенными из архива БКА документами. Харди быстро спрятал пистолет под курткой и сделал несколько шагов назад.

«Лада-Тайга» приближалась, но в ярком свете Харди не видел ни номерного знака, ни водителя. Наконец Харди дошел до шлагбаума на выезде из подземного гаража. Тут Тимбольдт заметил его и направился вслед за ним. Харди в отчаянии посмотрел вверх на улицу. Там ждало такси.

«Не изображай из себя героя! Оторвись от них – сейчас только это важно!»

Он пробежал мимо шлагбаума и помчался по пешеходной дорожке. Ему оставалось преодолеть несколько метров, когда задняя дверь такси открылась. В машине сидела Нора.

Харди подскочил к автомобилю, запрыгнул внутрь и захлопнул за собой дверь. Наверняка Нора проинструктировала водителя, потому что в тот же момент такси тронулось с места и встроилось в поток машин.

– Может, вы скажете мне, куда ехать? – спросил водитель.

– К Motel One, рядом с аэропортом Франкфурта.

Ломан подождал минуту, наблюдая за холлом и улицей перед отелем, затем сложил газету, поднялся и подошел к стойке регистрации, где нажал на кнопку звонка.

– Добрый день, – обратилась к нему молодая женщина.

– Я хотел бы поговорить с вашим коллегой.

– В настоящий момент он...

– Меня не интересует, позовите его.

Женщина раздраженно развернулась и исчезла за дверью кабинета. Вскоре появился сотрудник ресепшен и подошел к Ломану.

– Я вас слушаю.

– Только что из вашего отеля выписался мужчина, оплатил счет и передал вам листок.

Молодой парень неуверенно посмотрел на Ломана.

– И что?

– Можно взглянуть на листок?

– Я... не получал никакого листка.

Ломан закатил глаза, потом понизил голос:

– Можете лгать кому-нибудь другому. Я сидел вон там и наблюдал за вами.

– Вы ему родственник или друг?

– Да, я его мать, а теперь покажите мне листок.

Парень возмущенно засопел.

– Вы вообще гость нашего отеля? – Он покачал головой. – Сомневаюсь, а даже если и так, вмешательство в личную сферу наших гостей и...

Ломан вытащил из кармана служебное удостоверение и положил на стойку.

– Я из Федерального ведомства уголовной полиции, а мужчина, который останавливался у вас, только что вышел из тюрьмы.

– И что? – Молодой человек пожал плечами. – У вас есть судебное разрешение, постановление на арест или обыск?

– Это называется судебное постановление и ордер на арест и обыск, – раздраженно пробурчал Ломан. Ему попался особый умник. – Нет, у меня всего этого нет, но я видел, как вы взяли деньги у вашего гостя. Вы либо получили финансовое вознаграждение, которое значительно превышает обычные чаевые, либо – что намного вероятнее – часть нелегальной денежной транзакции.

– Нелегальной? – повторил парень. Неожиданно он покраснел. – Можно мне оставить деньги, если я покажу вам листок?

– Конечно, – великодушно разрешил Ломан. – В конце концов, мы в БКА не строже папы римского.

Парень вытащил листок из кармана брюк и положил его на стол.

– Это адрес для пересылки документов, которые должны прийти сюда. Но я не знаю, о чем...

– Ладно-ладно! – Ломан пробежал глазами по строчкам.

Роман Шляйфер

Motel One

Кольмарерштрассе, 2

60528, Франкфурт-на-Майне

Тел. 069 6605360

Номер 406

Забронировано с 31 мая по 4 июня

– Спасибо. – Ломан сунул листок в карман. – Мужчина зарегистрировался у вас как Роман Шляйфер?

– Да. В действительности его зовут по-другому?

Ломан не ответил на вопрос, а положил на стол свою визитку.

– Если для этого Романа Шляйфера что-нибудь придет, не важно что, я хочу об этом знать. Если это будет звонок, запишите номер. Если вы получите открытку, письмо, конверт или посылку, позвоните мне. Что бы ни случилось...

– Я вам позвоню! – Паренек сглотнул и сунул визитку в карман.

– Молодец.

Ломан развернулся и пошел через холл. «Motel One у аэропорта? Что тебе там нужно? Хочешь запутать следы?» Он достал телефон и набрал номер Тимбольдта. Тот сразу же ответил, и по звукам Ломан понял, что его коллега уже не в гараже.

– Ты едешь в машине? – спросил он.

– Харди выбежал из гаража и запрыгнул в такси. Я погнался за ним на машине. Ненадолго выпустил из виду, но потом снова нашел – лишь благодаря пробке из-за строительных работ на дороге. Иначе бы он скрылся.

– Куда он едет?

– В юго-западном направлении.

– К Motel One у аэропорта, – пробурчал Ломан. – Не отставай от него. – Он положил трубку и набрал номер отеля с листка Харди.

– Отель при аэропорте Motel One, чем я могу вам помочь? – просюсюкал молодой женский голос.

– Добрый день, говорит главный комиссар уголовной полиции Харальд Ломан из БКА Висбадена. – Он направился к выходу с вертящейся дверью. – По нашей информации сегодня у вас должен остановиться гость под именем Роман Шляйфер, который зарезервировал номер 406.

– Я не имею права давать информацию по телефону...

– Я еще не закончил, – сказал Ломан и услышал, как женщина, с которой он разговаривал, застучала по клавиатуре. – Если вы получите посылку для этого мужчины, я прошу связаться со мной и...

– Мне очень жаль, – перебила его женщина. – Вообще-то я не имею права предоставлять вам какую-либо информацию, но в данном случае у нас все равно нет никакого бронирования на имя Романа Шляйфера.

Ломан вспомнил содержимое листка.

– Номер 406? – повторил он.

– Ни на этот, ни на другой гостиничный номер.

– С тридцать первого мая по четвертое июня?

– Нет, мне очень жаль.

– Может, есть бронирование на Томаса Хардковски? – спросил он и произнес фамилию по буквам.

– Момент... Нет, к сожалению, нет.

У Ломана набухли вены на шее.

– В последние дни у вас регистрировался гость лет пятидесяти с седой щетиной? – спросил Ломан и подробно описал внешность Харди, хотя знал, что это ничего не даст.

– Нет, в мою смену нет.

– Спасибо. – Ломан положил трубку. «Проклятье!» В этот момент зазвонил его сотовый. На экране высветился номер Тимбольдта. Он тут же ответил и крикнул в трубку: – Ни в коем случае не дай Харди уйти!

– Да, тебе легко говорить, – пробурчал Тимбольдт, и Ломан по голосу понял, что Тимбольдт разъярен. – Я наконец догнал такси и только что увидел, что пассажира в нем больше нет, хотя табличка «свободное такси» все еще не горит.

– Ты вообще за тем такси едешь?

– Я не новичок! – оскорбился Тимбольдт.

– Тогда не веди себя так!

– Видимо, Харди выпрыгнул из машины в пробке, у одной из станций метро.

«Твою мать!»

Ломан положил трубку.

Харди и Нора сбежали вниз в метро и заскочили в первый попавшийся поезд, который готовился отправиться.

– Это не то направление, – тяжело дыша, сказала Нора.

Харди взялся за поручень.

– Я знаю.

– Мы не собираемся в Motel One, верно?

– Нет. Мы поищем себе другой отель на севере города.

– Я всего этого не понимаю.

– Я объясню тебе, когда мы будем на месте.

Кржистоф остановил минивэн перед главным зданием БКА.

– Ты хочешь туда попасть?

– Если намерен что-нибудь узнать, то да, – ответил Снейдер.

– Мне опять поднять шумиху?

– Здесь это не работает. – Снейдер снял кобуру с пистолетом и сунул все в бардачок. – Последи пока за этим.

– Куда мы поедем, когда ты закончишь?

– Зависит от того, что я узнаю, – сказал Снейдер.

– У тебя нет плана?

– На этот раз нет. – Снейдер вышел и пересек улицу.

Конечно, у него был план, но Кржистофу необязательно обо всем знать.

Снейдер поднялся по ступеням к главному входу в БКА, вошел в здание через вертящуюся дверь и направился к окошку вахтера. Была смена Фальконе.

– Снова к нам? – спросил итальянец.

– Избавьте меня от светской беседы, Фальконе. Мне нужен пропуск посетителя.

– И к кому же вы на этот раз? Ломана нет в офисе.

– Я знаю, – ответил Снейдер. Проклятье! На это он не рассчитывал. – Моя фотография королевской семьи Нидерландов все еще висит в его кабинете, – быстро сказал он. – Ломан знает, что я должен ее забрать.

– А как вы попадете в его кабинет?

– Его секретарша передаст мне фотографию.

– Хорошо.

Снейдер прикрепил пропуск посетителя к лацкану пиджака, сунул свое удостоверение Фальконе, прошел через рамку металлодетектора, позволил сотруднице службы внутренней безопасности обыскать себя и наконец направился к лифтам.

Однако Снейдер поехал не на этаж, где располагался его бывший кабинет, а вышел этажом раньше. Его путь лежал в отдел

криминалистической техники, куда поступали запросы по отпечаткам пальцев и распознаванию лиц.

Там работала Эрика. Коллега, которая много лет назад приставала к Снейдеру, пока не узнала, что у него связь с мужчиной. И так как он – по непонятной для него самой причине – не унижил и не опозорил ее перед всеми, как обычно поступал с каждым, она всегда оставалась дружелюбной. С тех пор он мог получить от нее все и в любое время – если, конечно, это касалось работы!

Снейдер прошел через просторное бюро мимо коллег, которые оторвались от своей работы и уставились на него, как на гостя. Некоторых он обучал в академии, других знал по общим делам.

– Какой высокий гость, – язвительно пробормотал кто-то в дальнем конце комнаты.

Снейдер не отреагировал.

Эрика подняла голову, посмотрела в сторону входа и узнала Снейдера. Когда он подошел к ее столу, она поправляла свою рыжую гриву. Вообще-то она была симпатичной, и Снейдер даже считал комплиментом, что она когда-то интересовалась им.

– Все еще отстранены от службы, мистер Суперумник? – прошептал кто-то за спиной Снейдера.

– Смотрите, чтобы мясник из Роттердама вас не застрелил, – шикнул другой.

– Привет, Мартен, – сказала Эрика. – Не связывайся с идиотами.

– Никогда этого не делал! К тому же мне жаль, что раньше я так плохо с ними обходился. Если бы я мог повернуть время вспять, – сказал он и презрительно улыбнулся, – то обращался бы с ними еще хуже.

– Таким ты мне нравишься. Садись. – Она пододвинула ему стул. – Чая?

– Спасибо, у меня нет столько времени. Ты работаешь с «Дедалом»?

– Уже полгода.

Отлично! «Дедал» – сложная система базы данных, которая не случайно получила имя создателя лабиринта из древнегреческой мифологии. Система отвечала за поиск во всех европейских информационных архивах и внутренних системных базах данных.

«Дедал» использовался четыре года и значительно облегчал работу БКА.

Эрика несколько раз кликнула мышкой, и на экране компьютера появился логотип голубой пирамиды. Ввела пароль и вошла в систему.

– Да! Что именно тебя интересует?

Снейдер понизил голос.

– Я хочу узнать, какие документы просматривали Тина Мартинелли и Сабина Немез в последние дни. – Он назвал служебные номера своих бывших студенток.

Пока Эрика вводила данные, комментарии в бюро постепенно утихли, и коллеги вернулись к своей работе.

– Вот отметка фрау Клемент из архива, что Мартинелли хотела получить конфиденциальные акты службы ведомственного надзора.

Снейдер кивнул. Он знал, что эти документы отсутствовали с тех пор, как Хесс стал президентом.

– А Немез?

Эрика ввела новый запрос со служебным номером Сабины Немез.

– В последний раз она просматривала онлайн-дело Томаса Хардковски.

– Когда?

– Вчера в четырнадцать часов.

– С тех пор она была где-нибудь онлайн?

– Нет – ой, я вижу, что ей закрыли доступ к архиву.

– Когда?

– Вчера, когда она последний раз была онлайн.

– Кто это сделал?

– Этого я не вижу.

Немез и Мартинелли уже основательно подобрались к «Группе-6» и даже вышли на след Харди. Возможно, Немез встала на его пути. Существовала лишь одна возможность выяснить это: он должен найти Харди!

– Ты знаешь, появилась ли Немез на работе или принял ли Тимбольдт какие-то меры, чтобы разыскать ее?

– Она твоя бывшая студентка, верно?

Снейдер кивнул.

Эрика внимательно посмотрела на Снейдера.

– Не думала, что наступит день, когда ты всерьез будешь о ком-то беспокоиться.

– Я не...

– Ладно, ладно, – перебила его Эрика и взялась за телефон. После двух коротких разговоров она серьезно взглянула на Снейдера. – И то и другое нет. Тимбольдт в курсе, что Сабина не появилась на службе, но ничего не предпринял.

«Вот говнюк!» Впрочем, ничего другого Снейдер от Тимбольдта и не ожидал. Он подвинулся ближе к Эрике.

– Мне необходимо запеленговать мобильный телефон и отследить последний разговор Сабины.

– Так серьезно?

– Да. – У него почему-то было чувство, что его Белочка попала в крупные неприятности.

– Хорошо, в отделе технической экспертизы IT есть один молодой человек, Марк Крюгер, он может выяснить это для меня, но потребуется какое-то время. Почему ты не обратишься к Ломану? Он быстрее получит данные.

– Именно его я не могу спросить. – Пока Снейдер не знал, кому может доверять, а кому нет, было лучше не поднимать много пыли. – Позвони мне, как только что-нибудь узнаешь. Заранее благодарен. – Он поднялся и направился к двери.

– Люди, осторожно, – прошептал один из коллег, который уже и до этого взбесил Снейдера. – Наденьте бронежилеты, – добавил он, – Снейдер передвигается по зданию.

Когда Снейдер дошел до двери, он обернулся и обратился к этому мужчине:

– Ты вообще в курсе, что большинство коллег задаются вопросом, почему твоя мать не выбросила тебя и не оставила аиста взамен?

Некоторые заулыбались, а у адресата заходили на щеках желваки.

Снейдер не стал дожидаться ответа и направился к лифтам, чтобы подняться в кабинет Ломана.

– Что это за фотография? – спросил Кржистоф, высунувшись из окна и наблюдая за Снейдером, который подходил к машине с рамкой в руках.

– Королевская семья Нидерландов.

– У них есть король?

– Да, уже давно, и, пока ты был в тюрьме, ничего не изменилось. – Снейдер спрятал фотографию за пассажирским сиденьем и забрался в машину.

– Куда поедем?

– В Рюссельсхайм.

– Полагаю, к Отто Гедекеру, – предположил Кржистоф.

Снейдер кивнул.

– Видишь, я не настолько глуп, насколько ты выглядишь. – Улыбаясь, Кржистоф завел двигатель.

В Рюссельсхайме они узнали, что в это время по пятницам и субботам Отто проводит тренировки в «Боксерском клубе Микки».

Кржистоф припарковал минивэн прямо перед входом в недействующую фабрику на берегу Майна, вышел и открыл ворота. На этот раз Снейдер не стал оставлять пистолет в машине, а надел кобуру, застегнул пиджак и вошел в зал. Сразу за входом на полу стоял радиоприемник. Антенной служила проволока, которая была примотана к металлическому стержню изолентой. Слева дверь вела к раздевалкам. И там на скамейке стояла старая магнитола. Очевидно, собственник плевать хотел на современные звуковые системы.

Кржистоф остался у входа, а Снейдер зашагал по проходу и через противопожарную дверь вошел в тренировочный зал. В воздухе висел запах пота. Никакой музыки, помещение наполняли только сопенье и стоны мужчин и женщин, которые занимались на ринге или отрабатывали удары на боксерских мешках или грушах. Снейдер быстро огляделся, узнал Отто и направился к нему.

Он был в пропотелой футболке и широких черных боксерских трусах и обучал двух молодых парней апперкоту.

– Отто Гедекер. – Снейдер поднял взгляд к рингу, но мужчина проигнорировал его, в ответ Снейдер поднял с пола белое полотенце и бросил Отто между ног.

Отто свирепо обернулся.

– Какого черта... – засопел он.

– Бой окончен, – сказал Снейдер. – Я буду краток: мне нужна от вас информация.

Отто посмотрел с ринга вниз на Снейдера и неожиданно широко заулыбался.

– Мартен Снейдер! – воскликнул он, словно они были добрыми друзьями и не виделись много лет. Но оба знали, что все иначе.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Снейдер.

– А если и так! Мне насрать! Я отсидел свой срок и больше ничем нелегальным не занимаюсь. Пошли вы куда подальше! Даже если вы вежливо попросите меня, я не скажу вам ни слова, mijn heer Sneider^[7], – сказал Отто с голландским акцентом.

– Правильно говорить *meneger*^[8], примат!

– Пошел ты!

– Где мне найти Томаса Хардковски?

– Без понятия. А сейчас убирайтесь отсюда. Что-то не припомню, чтобы вы были членом моего клуба.

– Видимо, добрыми словами и пистолетом можно добиться большего, чем одними добрыми словами, – констатировал Снейдер.

– Наверняка. – Отто зло улыбнулся. – Но где же ваше оружие? Я слышал, вы больше не на службе?

Снейдер оставил пиджак застегнутым.

– Вот мое оружие. – Он развернулся и увидел, как в зал вошел Кржистоф.

В тот же миг лицо Отто окаменело. Кржистоф подошел к рингу и стянул с себя футболку. Не только Снейдеру стало видно, что тело поляка состояло из одних мышц и сухожилий. Грудь и плечи были покрыты татуировками в виде крестов и библейских высказываний в готическом стиле. Похоже, в тюрьме у него было много времени.

– Можно? – спросил Кржистоф.

– Да, и если будет нужно, переломай ему все кости. Я хочу знать, где Харди. Мы спешим.

Пока Кржистоф забирался на ринг, оба молодых парня, с которыми занимался Отто, поспешно перелезли через оградительные канаты и покинули ринг.

Отто попятился к канатам.

– Даже не думай! Я не буду с тобой драться.

– У тебя нет выбора, – ответил Кржистоф и хрустнул костяшками пальцев.

– Уделай его, Отто! – крикнул кто-то через зал.

– Прежде чем связываться с Кржистофом, лучше сразу насрать на электрический забор, – сказал Отто и сделал еще шаг назад.

– Господи! – воскликнул Кржистоф. – У моего холодильника больше яиц, чем у тебя.

– Нам тебе помочь? – крикнул снизу один из напарников Отто.

Тут Снейдер расстегнул пиджак.

– Все в порядке, – ответил Отто, бросив быстрый взгляд на пистолет в кобуре Снейдера.

– Вам нужны перчатки? – крикнул другой Кржистофу.

– Я похож на того, кому они нужны? – Кржистоф сжал кулак и поднял вверх свою могучую лапу, которая по сравнению с телом была непропорционально большой. – Этим я выбью ему челюсть.

– Мы не должны этого делать, – сказал Отто.

– Тогда скажи моему приятелю, где ему найти Харди.

– Приятелю? – повторил Отто. – С каких это пор бывшие зэки и отстраненные от службы копы работают вместе? К тому же я не знаю! Подожди секунду...

– Ладно. – Кржистоф сунул руку в задний карман, вытащил фляжку, открутил крышку и сделал небольшой глоток.

Снейдер удивленно посмотрел на него.

– Я думал, ты больше не пьешь алкоголь.

Кржистоф приложился к фляжке еще раз, потом убрал ее обратно в карман.

– Это святая вода, полезна для рефлексов.

«Настоящий дурдом!» Снейдер скривился.

– Готов? – Кржистоф не дождался ответа. – Праведный должен принять много страданий, – процитировал он Библию, направляясь с поднятыми кулаками к Отто. – А кто не возьмет свой крест, тот его не достоин. – Затем он ударил.

Снейдер услышал звук удара, отвернулся, прошел через зал и сунул в рот сигарету. За спиной раздавались шлепки кулаков, боксерских перчаток и стоны Отто. Хотя Кржистоф был на несколько лет старше Отто, но меньше ростом, мускулистее и ловчее. И, судя по звукам, Бог действительно был на его стороне. К тому же Кржистоф с детства поступал подло и не знал угрызений совести, поэтому он отлично подходил для подобных заданий. Нужно было лишь узнать Кржистофа поближе, чтобы пожалеть о том, что повстречался с ним.

В принципе Снейдер ненавидел насилие, однако он достаточно хорошо знал Отто, чтобы понимать – это единственный путь вытрясти из него что-нибудь за короткое время.

Снейдер сделал два медленных круга вокруг ринга. Стоит признать, что его интересовал не столько бой, сколько радиоприемники, которые были расставлены в помещении – под голыми лампочками, которые свисали с потолка на проводе.

Снейдер сделал затяжку, потом бросил окурок на пол и раздавил ногой.

– Достаточно! – Он подошел к канатам.

Отто лежал в углу на полу. Один глаз заплыл, губа была разбита, а Кржистоф стоял рядом и даже не запыхался.

– Зачем там жесткого, голландский мудак? – выдавил Отто. Окровавленная, в слюне капа вывалилась у него изо рта и лежала у лица. – Это же не в твоём стиле!

– С твоим куриным умишком изошренные колкости дойдут до тебя через сто лет, а у меня нет времени, – сказал Снейдер. – Где Харди?

– Включи радио, – прошептал Отто.

Снейдер уставился на Отто. Тот взглянул на потолок, а потом требовательно – насколько это было возможно опухшим глазом – посмотрел на Снейдера. В конце концов Снейдер наклонился и включил радиоприемник. Тут же из аппарата раздалась громкая музыка. Он выпрямился и подошел ближе к оградительным канатам.

– Ну?

– Он пошел к Антуану Томашевски. Больше я ничего не знаю, – прошептал Отто.

Теперь и Снейдер понизил голос и заговорил так, чтобы слышать его мог только Отто:

– Он по-прежнему живет в Хофхайме?

– Да, и больше ничего не спрашивай, я не хочу неприятностей.

Снейдер взглянул на Кржистофа, кивнул и крикнул:

– Будь вежлив и попрощайся. И если можно, больше без библейских высказываний. Мы уходим!

Кржистоф пролез между канатами и натянул на себя футболку. Костяшки на его руках были сбиты, но, похоже, это его не волновало. Несколько человек забрались на ринг и помогли Отто сесть. Остальных подробностей Снейдер не видел.

Они покинули зал и направились к воротам, но, прежде чем выйти на улицу, Снейдер остановился и снова огляделся по сторонам.

– Что это за трюк с радио? – спросил Кржистоф.

Снейдер уставился на радиоприемник рядом с воротами, задумчиво достал пачку сигарет и сунул себе в рот очередной косячок.

– Пока не знаю. Я скажу тебе через пять минут.

– О'кей. – Кржистоф вышел наружу и зашагал к своей машине.

«Под каждой лампой в зале стоит радиоприемник. Один аппарат находится здесь, и еще один в раздевалке. – Снейдер посмотрел на потолок. – И здесь прямо над радио висит электрическая лампочка». Снейдер затянулся, глубоко вдохнул дым, ненадолго задержал его, а потом медленно выдохнул.

Неожиданно рядом с ним возник Отто. Правда, на нем была не потная спортивная одежда, а костюм и галстук, словно он только что пришел со слушания в зале суда. Губа и глаз тоже были в порядке, словно и не было никакого боя.

– Готов поспорить, что в раздевалке над радио тоже висит лампа, – пробормотал Снейдер.

– С чего ты решил?

– Простой закон шаблона и тождественности.

– Так проверь, – предложил ему Отто.

Снейдер вошел в раздевалку. Отто следовал за ним бесшумно, словно парил над полом.

– У тебя паранойя? – спросил Снейдер. – Боишься, что кто-то прослушивает тебя через электропроводку?

– То, что у меня паранойя, еще не означает, что меня никто не прослушивает.

– Как ты думаешь, кто это делает?

– А у кого может быть интерес? – спросил Отто.

– Да, у кого? – пробормотал Снейдер. – Это должен быть тот, кого ты не можешь сдать БКА.

– Хорошее предположение.

– Само БКА, – пробормотал Снейдер. Он вошел в раздевалку, встал на скамейку, зажал сигарету в уголке рта, вытянул руку и схватил лампу, которая действительно висела над радиоприемником. Повертел ее, разглядывая. – Здесь ничего нет, – сказал наконец он.

– Значит, ты невнимательно смотрел.

– Возможно. – Осторожно Снейдер выкрутил лампочку из цоколя, но так ничего и не заметил. Никакого жучка! – Отто, ты сошел с ума! – заявил он.

– Пусть так.

Снейдер зажал цоколь в руке и резко дернул. Рядом с ним, на опасном расстоянии, заболтались два оголенных электрических

провода. Он быстро слез со скамейки и разобрал цоколь.

– Вот он, – удивленно пробормотал Снейдер. В руке он держал маленькую черную пластинку, которая напоминала миниатюрную костяшку домино.

– Значит, я не ошибался.

– Похоже на то. – В задумчивости Снейдер вышел из раздевалки.

– Ты разговариваешь сам с собой?

– Что? – Снейдер поднял глаза и посмотрел в лицо Кржистофа. Тот стоял рядом с воротами и держал в руках бинты, упаковку таблеток и пузырек йода.

Снейдер сжимал пальцами жучок.

– Я разговаривал с Отто.

– С Отто? – Кржистоф удивленно посмотрел через открытую противопожарную дверь в зал, где Отто все еще сидел на ринге, прислонившись к канатам, и прикладывал лед к глазу. – Тебе лучше перестать курить эту дрянь.

Снейдер кивнул на перевязочный материал.

– А с этим что?

– Отнесу Отто. В качестве компенсации за причиненный ущерб.

– И ты утверждаешь, что я ненормальный? – Качая головой, Снейдер вышел наружу, чтобы рассмотреть жучок при солнечном свете.

Он повидал уже много подслушивающих устройств, но такого еще не встречал. Жучок состоял из чувствительного беспроводного микрофона с усилителем и мини-батарежкой и работал на какой-то определенной частоте. Прямоугольная пластинка была меньше ногтя – и значительно меньше обычных жучков, которые использовались БКА. К тому же не было указано ни типа, ни серийного номера, только по краю стояла надпись «ЗВУК», напоминающая кириллический шрифт.

Снейдер раздавил ногтями микрофон и сунул жучок в отделение для мелочи своего кошелька.

Тут зазвонил его сотовый. Номер был скрыт. Снейдер все равно ответил: интуиция подсказывала ему, что это могло быть важно.

– Алло?

– Привет, Мартен, – произнес знакомый голос с легким голландским акцентом. – Насколько ты продвинулся?

Краем глаза Снейдер увидел, как Кржистоф покинул здание фабрики с пустыми руками, подошел к своей машине и забрался внутрь.

– Продвигаюсь, но медленно, – ответил он. – Я думал, мы не будем звонить друг другу по телефону.

– Только один раз, – ответил мужчина на другом конце провода. – Началось. Двадцать минут назад Дитрих Хесс скончался в больнице от ранений.

Снейдер ненадолго закрыл глаза и помассировал переносицу. Хесс всегда был надежным врагом, который был ему милее всех ненадежных друзей. И тем не менее Снейдер не мог предположить, что эта новость так больно его заденет.

– О'кей, спасибо, – прокряхтел он.

Больше сказать было нечего.

Снейдер разорвал связь с Дирком ван Нистельроем. Затем сел в машину к Кржистофу.

43. Вторник, 31 мая

Мотель Car-Rest в стиле бунгало находился на севере Франкфурта между торговым центром, выездом на автобан и большой парковкой, на которой стояло несколько грузовиков.

Харди вошел в фойе, но направился сначала не к стойке регистрации, а к вращающемуся стенду с книгами, который он заметил рядом с автоматом с колой. «Для наших гостей бесплатно» – значилось на табличке. Во время поездки на автобусе он дочитал последние страницы «Над пропастью во ржи». Колфилд превратился из подростка в мужчину и больше не носил свою кепку задом наперед.

– Я пойду на ресепшен и забронирую для тебя номер? – спросила Нора.

– Да, спасибо, я сейчас приду.

Нора исчезла, а Харди последний раз бросил взгляд на дарственную надпись Лиззи на первой странице. «В глубине души ты по-прежнему ребенок. Таким и оставайся». Пришло время попрощаться. Он сунул роман к другим книгам на стенде; теперь ему нужен новый. Он сильно крутанул стенд, вытянул указательный палец и смотрел, как мимо него скользили книги. Наконец стенд остановился, и палец Харди указал на «По ком звонит колокол» Хемингуэя. Отлично!

Он взял пухлый том и направился к стойке регистрации. Это была первая книга за последние двадцать лет, которую ему не доставили в тюрьму, а которую он сам выбрал на свободе. Харди подумал, что это знаменательный момент.

«По ком звонит колокол!»

Хемингуэю это наверняка бы понравилось.

Спустя десять минут Нора вошла в его номер. Окна были звуконепроницаемыми и выходили на развязку Бад-Хомбурга. За домиками бунгало находилась лужайка с маленьким круглым бассейном, узким деревянным помостом и тремя лежаками.

Нора посмотрела на часы.

– В восемнадцать часов начинается моя смена в «Панде», это значит, у меня есть почти час, затем мне нужно будет идти.

Харди вытащил из-под куртки пистолет, достал деньги из спортивной сумки и спрятал все в сейфе. Папка с документами туда не поместилась, поэтому он сунул ее между реечным дном кровати и матрасом.

– У тебя есть пистолет? – вырвалось у Нору.

Он не ответил, а отнес туалетные принадлежности в ванную комнату, положил обе свои толстовки в ящик комода и поставил пустую сумку в шкаф.

– Ты меня слышал? – спросила она.

– Да. – Харди снова посмотрел в окно, затем взглянул на Нору. – Снаружи никого нет. Давай выйдем к бассейну, – предложил он. Достал из шкафа два полотенца, открыл мини-бар, взял две бутылки Ice-Breezer, открывалку и пошел к двери.

Нора последовала за ним, и по ее взгляду Харди заметил, что она была сильно рассержена.

Через черный выход мотеля они вышли в огороженный забором сад. Харди постелил полотенца на два лежака, открыл бутылки, протянул одну Норе и лег на лежак. Нора села рядом с ним.

– За мной следят четыре следователя БКА. Бывшие коллеги, – добавил он, вытянул ноги и посмотрел на гладкую голубую поверхность бассейна, в которой отражалось предвечернее солнце. – Ты видела их фотографии в личных делах. Рорбек, Хагена, Тимбольдт и Ломан. И еще кто-то в черной «Ладе-Тайге», которая преследует меня со дня освобождения. Я уверен, что здесь они меня не найдут.

– Но почему все это? Ты свободный человек.

– Пока я веду себя тихо и никуда не лезу – да, но они знают, что так не будет.

– А что с моей квартирой и моей работой в «Панде»?

– За тобой они тоже наверняка следят. И я боюсь, там для тебя небезопасно.

– Небезопасно? – воскликнула она. – И что значит следят?

Наверное, вся эта история казалась ей сюрреалистическим кошмаром.

– Вероятно, это они двадцать лет назад повесили на меня убийство. И сейчас вновь собрались, чтобы разделаться со мной, как только я раскрою рот.

– И ты ничего не можешь предпринять против этих четверых? Я имею в виду, официально и легально?

Харди не ответил. Он уже пытался и все перепробовал. Харди сделал глоток из бутылки.

– Больше всего меня беспокоит парень во внедорожнике. Он умнее других – и мне кажется, что он не относится к остальным.

Нора поморгала на солнце, потом взглянула на Харди.

– Наверное, ты все равно меня не послушаешь, но я прошу тебя отказаться от своих планов, какими бы они ни были. Не связывайся! Все равно это ничего не даст!

– Я...

– Томас Хардковски! Послушай меня! – Она подняла руку. – Попробуй наконец вести нормальную жизнь. Вдвоем мы справимся, я тебе помогу.

Господи, каких усилий ей стоило это предложение? Харди тоже сел, выпрямился, отставил бутылку в сторону и взял Нору за руку.

– Нора, я должен это сделать. И я обещаю тебе...

– Твои обещания! – Она с негодованием вырвала руку.

– Я обещаю тебе, что, когда все закончится, я вытащу тебя из этой убогой жизни.

– Опять? А почему ты вообще считаешь, что я хочу этого? Мне нравится моя жизнь. И каким образом ты собираешься меня вытаскивать? – На последнем слове она попыталась изобразить его голос и интонацию. – С помощью этих пятнадцати тысяч? Этого едва хватит на год, потом деньги закончатся. К тому же я не уверена, что вообще хочу их. Еще неизвестно, откуда они.

– В любом случае к наркотикам они не имеют отношения, – заверил ее Харди. – Тогда все сгорело в моем доме. Вероятно, эти деньги Кристианы Томашевски и ее агентства по недвижимости.

– Звучит заманчиво! – цинично сказала Нора. – Я никогда не жила в богатстве и привыкла потуже затягивать пояс – и, пока у меня не будет все так хреново, что придется вешаться тебе на шею, я попытаюсь вести порядочный образ жизни.

«О'кей, все ясно!»

Две дикие утки покружились над лужайкой, снизились и в конце концов опустили на воду.

Харди восхищенно наблюдал за птицами, которые стояли в мелком бассейне и чистили крылья, затем снова взглянул на Нору.

– Ты мне достаточно помогла, остальное я могу закончить сам. Ты просто должна мне доверять. Потерпеть еще пару дней.

– С удовольствием, но...

– Уедешь со мной за границу!

Нора посмотрела на него, словно не могла поверить в то, что он ей предложил.

– За границу? Ты с ума сошел? Куда?

– Этого я еще не могу сказать, но у меня есть план.

– Ах, план...

– Смотри... – Харди подумал, затем взял крестик Норы и повертел его между пальцев. – Ты веришь в Бога, а я верю в то, что меня ведет моя судьба.

– Какая чушь! – Она откинула его руку. – Я не знаю, куда ведет тебя твой бог судьбы, но, если он сохранит это направление, я предлагаю вам разделиться и пусть он идет дальше один.

– Нора, я...

– Что все это значит? Тайная передача в такси, секретные документы, преследование и побег! Все это не оживит Лиззи.

При упоминании имени Лиззи у Харди снова дернулось веко, и он болезненно скривился. «Чертовы головные боли!» Каждый раз, когда он думал о ней.

– Что с тобой?

– Голова болит, – пробурчал он.

Нора взяла свою бутылку, которая была все еще холодной, и приложила ему к виску.

– Лучше?

– Да. – Он закрыл глаза.

– Еще в детстве у тебя регулярно бывали головные боли, – сказала она.

– Правда? – Это было так давно, что он уже не помнил.

Он взял ладонь Норы и прижался головой к ее руке и прохладной бутылке. Потом взглянул на нее и понизил голос:

– В ходе следствия у меня диагностировали посттравматическое стрессовое расстройство. Разумеется, экспертиза была фальсифицирована.

Нора хотела что-то сказать, но он приложил палец к ее губам.

– На самом деле у моих головных болей другая причина, – продолжил он. – После того как охранники избили меня после одной из проверок камеры, мне сделали МРТ головного мозга. И во время исследования обнаружили уплотнение в одном месте. Опухоль.

Харди почувствовал, как она вздрогнула.

– Опухоль доброкачественная, – успокоил он ее. – Хотя иногда доставляет адские боли, но операция была пока не нужна. – Он взял другую ее руку, обхватил указательный палец и подвел к своему правому глазу. – Она находится прямо за ним.

– Харди, я...

– Она давит на нервы, но без операции мне осталось предположительно еще десять лет – и я хочу провести их с тобой.

Нора высвободилась из его рук, убрала бутылку и отодвинулась чуть дальше.

– Фух, для меня это слишком.

– Я хочу уехать отсюда, бросить все, начать заново и провести свой следующий день рождения на пляже с «Куба либре» в руке. С тобой.

– Я умею читать по губам только по-немецки.

– С тобой! – повторил он.

Нора встала.

– Я должна идти.

Он тоже поднялся.

– Через несколько дней я разделаюсь со всем этим дерьмом. Обещаю! Подумай спокойно о том, хочешь ли ты остаться здесь, в этом жутком месте, с ужасным арендодателем и своей работой в «Панде».

– Моя жизнь состоит не только из того, что ты перечислил. Здесь у меня мама, друзья, домашнее животное, встречи, хобби, интересы и обязанности. Все твое имущество помещается в одной спортивной сумке, и уже сегодня вечером ты можешь сбежать в Грецию, если захочешь. – Она подчеркивала свою пылкую речь жестами.

– Я скорее думал об Уругвае.

– Почему? Потому что у них с Германией нет соглашения о взаимной выдаче преступников? – Нора неожиданно рассмеялась и выглядела при этом восхитительно, как раньше. Потом взглянула на

него с упреком. – Ты бы себя видел, – сказала она и провела рукой по его одежде. – Ты это носишь с освобождения?

Харди растерянно посмотрел на нее.

– Извини, но у меня не было времени одеться у Гуччи и Армани.

– Рядом с мотелем есть торговый центр. Купи себе что-нибудь!

– Это не к спеху.

– Нет. – Нора приблизилась к нему, и в первый момент Харди подумал, что она хочет обнять его и поцеловать.

Харди собрался притянуть Нору к себе, но она с силой оттолкнула его. Он споткнулся, потерял равновесие, замахал руками и упал на спину в бассейн. Дикая утка с кряканьем поднялась в воздух и улетела. В этом месте глубина бассейна была всего полметра, и Харди сидел по плечи в воде. «Как в старые времена», – подумал он и вспомнил крытый бассейн, где Нора пихала его в воду, когда он ее злил.

Вытерев лицо, Харди увидел, что Нора идет к садовым воротам.

– Дрянь! – крикнул он ей вслед, хотя знал, что она его не слышит.

Прежде чем скрыться за воротами, Нора еще раз обернулась.

– Купи себе пару модных рубашек и брюк, когда обсохнешь!

– Уже когда-нибудь сдавал кровь через нос? – закричал Кржистоф, но не стал дожидаться ответа.

Антуан Томашевски полетел через гостиную и ударился о шкаф. Вазы, книги и подсвечники посыпались на пол, погребая под собой хозяина. Со стоном он попытался высвободиться из-под них и подняться, но над ним уже встал Кржистоф, схватил его за ворот рубашки и поволок через гостиную на террасу.

– Когда я закончу с тобой, даже Гуглу не удастся тебя найти! – прокричал Кржистоф, притащил хозяина дома к краю бассейна, схватил за шею и опустил голову под воду.

Снейдер посмотрел на наручные часы.

Без тренировки плотательный рефлекс включается через сорок секунд. Но это необязательно...

– Сколько ты еще собираешься ждать? – спросил Кржистоф.

Снейдер снова взглянул на часы. Два часа дня. Он быстро отогнал от себя видение. Заходить так далеко ему не хотелось. Они с Кржистофом стояли перед дверью Антуана Томашевски и ждали, когда им откроют.

– Его нет дома, – пробурчал Кржистоф.

– Он дома! – Снейдер еще раз позвонил в дверь.

– Почему ты так уверен?

– Я знаю весь этот клан. Отто наверняка позвонил ему и предупредил, что мы придем. Если до звонка Томашевски и не было дома, то после он наверняка вернулся, хотя бы для того, чтобы помешать нам силой проникнуть в особняк. – Снейдер нажал большим пальцем на кнопку звонка и больше не отпускал ее.

Через минуту дверь открылась. В дверном проеме стоял Томашевски. На нем была белая рубашка, светлые льняные брюки и элегантные яхтенные туфли.

– Ну все, хватит уже!

Снейдер убрал палец с кнопки звонка.

– Полагаю, вы знаете, кто мы.

– Мартен Снейдер, – сказал Томашевски. – Я всегда представлял вас ниже ростом.

Мартен не стал исправлять свое имя. Не в этот раз! А поднял три пальца.

– Я буду краток. У вас есть три варианта. Первый: вы достаете оружие и требуете, чтобы мы исчезли, чего мы не сделаем, потому что сами вооружены. К тому же я вижу, что пистолета у вас нет. – Он приподнял пиджак, чтобы Томашевски смог увидеть его кобуру.

Томашевски бросил на нее взгляд. Затем раздраженно посмотрел на Кржистофа.

– А дальше?

– Второй, – сказал Снейдер. – Мой коллега протащит вас через весь дом, вытрет вами пол, сломает несколько пальцев, приволочет к бассейну и будет удерживать под водой, пока вас не вывернет наизнанку. Но, честно говоря, я испытываю отвращение к такому способу коммуникации.

– У нас нет бассейна, – заявил Томашевски.

Снейдер посмотрел за угол дома, где рядом с сушилкой для белья с полотенцами стояла картонная коробка.

– Тогда, значит, те хлорные таблетки для посудомоечной машины, а испорченный надувной матрас на лужайке для ванны?

Томашевски прищурился.

– А третий вариант?

– Третий, – сказал Снейдер. – Мы можем отказаться от всего этого, если вы ответите на мой вопрос.

Томашевски сглотнул.

– Какой?

Вместо ответа, Снейдер достал из пиджака кошелек. Краем глаза он заметил, как Кржистоф разочарованно опустил плечи. «Не переживай, это лишь начало. Ты еще успеешь оторваться!»

Он открыл отделение для мелочи, вытащил жучок сломанным микрофоном вперед и, зажав между пальцами, поднял вверх. Молча кивнул на него.

Томашевски немного помедлил, затем сообразил и тоже кивнул. Быстро указал рукой на лампу, которая висела над его головой в прихожей, и приложил палец к губам.

Снейдер понял.

– Мы ищем Томаса Хардковски. Вы контактировали с ним в последние девять дней?

– Нет, я не видел его уже много лет.

– Хорошо, спасибо, если он даст о себе знать, позвоните мне, вот моя визитка. – Вместо того чтобы передать визитную карточку, Снейдер сунул жучок обратно в кошелек и убрал его в карман пиджака. – До свидания.

– До свидания. – Томашевски отступил в прихожую, освобождая место.

Снейдер тихо последовал за ним. Кржистоф наморщил лоб, словно у него появилось множество вопросов, но, прежде чем он успел что-либо сказать, Снейдер подал ему знак вести себя тихо. Наконец и Кржистоф понял тактику Снейдера и так же бесшумно вошел в дом, после чего Томашевски закрыл дверь и запер ее на замок.

Они тихо проследовали через прихожую и гостиную и вышли на террасу. В саду, разумеется, имелся бассейн. Пять метров шириной и около десяти длиной. Идеально для плавания, чем Томашевски, похоже, регулярно и занимался, потому что производил впечатление человека в отличной физической форме.

Снейдер и Кржистоф последовали за ним по дорожке из природного камня через лужайку к павильону, который находился в тени огромной ели. На столе стояли стаканы и кувшин с водой и цветками бузины. Снейдер и Томашевски сели на стулья, но Кржистоф остался стоять, оперся скрещенными руками на деревянную балюстраду и обвел взглядом сад. За высокими туями, которые окружали участок по периметру, сад снаружи не был виден.

Томашевски включил MP3-плеер, который висел на звуковой колонке. В следующий момент зазвучал голос Дина Мартина. King of the Road^[9]. Томашевски сделал звук тише, затем налил всем воды в стаканы. Снейдер и Томашевски сделали по глотку, Кржистоф проигнорировал стакан.

– Откуда вы знаете про жучки? – начал разговор Томашевски.

– Я нашел один в боксерском клубе Микки. Там... – Вдруг Снейдер весь сжался. На лбу выступил пот, но он знал, что напиток тут ни при чем. Это дала о себе знать очередная атака кластерной головной боли, которая десятком бормашин долбила его мозг.

– Все в порядке?

– Да, – прохрипел Снейдер.

– То же самое и у нас в доме. Пять штук! – Томашевски откашлялся. – Но, прежде чем отвечу на ваш вопрос, я должен быть уверен, что могу вам доверять. Кроме того, у нас есть только пятнадцать минут времени, пока моя жена не вернется домой.

– Если мы поторопимся, десяти минут будет вполне достаточно. – Снейдер помассировал виски. – Что вы хотите знать?

– Мартен, я мог бы... – вмешался в разговор Кржистоф, но Снейдер коротким жестом заставил его замолчать. Сейчас был неподходящий момент строить из себя мачо.

– Вы больше не работаете в БКА, – сказал Томашевски. – Почему вас интересует Харди?

– Я хотел бы выяснить правду о том, что случилось в тот день, когда сгорел дом Харди. Кто был причастен к этому и виновен в смертях.

– Если БКА этого не знает, то кто тогда?

Снейдер вытер пот со лба. Несмотря на летнюю жару, его знобило.

– Полагаю, это знает только настоящий убийца.

– В худшем случае вы со своим расследованием выступите против собственных коллег. Но почему лишь сейчас, двадцать лет спустя?

Скажем так... у меня есть три причины. – Снейдер достал из пиджака футляр с акупунктурными иглами, открыл его и воткнул одну иголку между большим и указательным пальцами в тыльную сторону ладони. Легкая электризующая боль сняла напряжение в его голове. – Недавно я потерял любимого человека, который до сих пор мешал мне задавать эти вопросы. Во-вторых, я разыскиваю свою бывшую коллегу, которая расследовала последние убийства и теперь пропала. А третья причина вас не касается. Больше я вам ничего не могу раскрыть. 書

Томашевски с недоумением уставился на иглу, которую Снейдер то и дело крутил, при этом его веко болезненно дергалось.

– То, что вы делаете, полезно?

– Нет, но это помогает.

– Не хотите таблетку от головной боли?

– Если бы он хотел, то давно бы уже попросил! – вмешался Кржистоф. – У меня весь фургон ими забит. Мы можем теперь

продолжить, пока мадам Томашевски не вернулась домой и ей не пришлось смотреть, как я топлю вас в бассейне?

Томашевски раздраженно взглянул на Кржистофа.

– Хорошо, что вы хотите знать?

Снейдер воткнул себе вторую иглу в другую руку.

– С каких пор вы знаете о жучках в вашем доме?

– У дочери Надин Поллак есть радиоуправляемая полицейская машина с рацией. Месяц назад сработала обратная связь и в доме раздалось пронзительное пицание. Так она обнаружила два жучка и предупредила Отто и меня. После этого я установил приложение для телефона, с помощью которого нашел эти прослушивающие устройства.

– Установил? – повторил Снейдер. – В AppStore?

Томашевски не ответил.

– Почему вы не предприняли никаких правовых шагов? – спросил Снейдер.

Томашевски громко рассмеялся.

– Вы серьезно?

– Когда я буду шутить, вы заметите.

Томашевски махнул рукой.

– Против кого я должен предпринять шаги? Государства? БКА? Прокуратуры? Моя жена знает лишь то, что БКА следит за нами, что связано с моим прошлым и тюремным сроком. Но она не в курсе, что нас прослушивают. Если она это узнает, то сойдет с ума.

– СМИ?

– Конечно, – фыркнул Томашевски. – Я мог бы устроить скандал в СМИ. «Кристиана и Антуан Томашевски на прицеле у следователей!» Это просто отлично сказалось бы на нашем бизнесе недвижимости.

– Поэтому такая ситуация для вас лучше? – спросил Снейдер.

– Поверьте, в БКА есть люди, которые знают, как нас уничтожить. Если я раскрою рот, уже на следующий день всплывут десятки фейковых негативных отзывов на нашей интернет-странице и в соцсетях. Сегодня чертовски легко дискредитировать публичного человека и уничтожить его злонамеренной клеветой. Из-за моей судимости мы и так уязвимы и...

– Да, понятно, – перебил его Снейдер и снова вытащил жучок из своего кошелька. – Прослушивающие устройства в вашем доме

выглядят так же?

– Да.

Снейдер убрал жучок.

– Не верю, что это технология БКА.

– А чья тогда?

– Я не знаю. – Снейдер не мог представить себе, что БКА прослушивало телефоны Отто и Томашевски или перехватывало их мейлы. На это они никогда не получили бы судебного постановления.

Томашевски взглянул на свои наручные часы и сделал глоток воды.

– Итак, теперь к вашему вопросу. Полагаю, вы не шутили.

– Нет.

– Я понятия не имею, где сейчас Харди. И это правда!

Сейчас! Снейдер задумался.

– Когда вы видели его последний раз?

Томашевски замялся, и Снейдер бросил взгляд на Кржистофа, который хрустнул пальцами.

– Восемь дней назад, – наконец сказал Томашевски.

– Чего он хотел?

– Информации.

– Черт, говорите же! – прошипел Снейдер.

– Я достал для него папку с документами о тех событиях, которая уже должна быть у него.

– Акты службы ведомственного надзора? – уточнил Снейдер, но Томашевски промолчал, что Снейдер расценил как «да». – Они же конфиденциальны! Как вы их раздобыли? Подкупили кого-то из службы ведомственного надзора и получили копию?

– Я пытался, но не получилось. – Томашевски вздохнул. – Затем я подкупил одного молодого комиссара-стажера, который учился в Академии БКА.

– Когда?

– Два года назад.

Снейдер прищурился.

– Во-первых, акты были изъяты из архива более двенадцати лет назад, а во-вторых, у студентов нет доступа к архиву.

Томашевски улыбнулся.

– Верно, актов в архиве не было. Но в судебном архиве находились копии документов, которые были отправлены в суд девятнадцать лет назад.

Снейдер уважительно поднял бровь. «Действительно хитроумно!»

– Кто был этот комиссар-стажер? Один из моих студентов?

Томашевски посмотрел на свои ногти.

– Его звали Гомез.

Гомез! Снейдер его помнил. Но наказание было уже не нужно, потому что Гомез погиб на службе девять месяцев назад.

– Вы ознакомились с документами?

Томашевски молчал.

Снейдер придвинулся ближе.

– Предлагаю вам сделку. Я знаю наверняка лишь то, что в дело каким-то образом были вовлечены Рорбек, Хагена и Хесс. Возможно, также Тимбольдт. Других фамилий я не знаю. – Он подумал о визите Сабины Немез на могилу Ирены Айзнер на Бибрихском кладбище в Висбадене. – Среди участников был также Франк Айзнер?

– В чем заключается ваша сделка? – спросил Томашевски.

– Я выясню, кто установил в вашем доме жучки, раскрою правду, и вы сможете вести нормальную жизнь.

Томашевски взглянул на часы. Еще пять минут, и его жена придет домой.

– Снейдер, я знаю, что вы негодяй, самовлюбленный высокомерный говнюк...

– Вообще-то он совсем другой, – перебил его Кржистоф, – но таким редко бывает.

Снейдер ответил на замечание легкой улыбкой.

– Но я слышал, что вы держите слово, – продолжил Томашевски.

– Так и есть.

– По рукам! – Томашевски протянул руку.

Снейдер вытащил иглы из ладоней и ответил рукопожатием.

– Итак, оставшиеся фамилии!

– Вообще-то я не собирался смотреть документы, но потом все же взглянул. Тимбольдт, Айзнер и Ломан.

Снейдер кивнул. Тимбольдта он подозревал – из-за его странного поведения в последние дни. Как и Айзнера. Но Ломан! Он спрятал иголки в футляр.

– Спасибо.

Кржистоф и Снейдер едва успели дойти до красного «форда-транзита» на противоположной стороне улицы, как к дому Томашевски подъехал элегантный кроссовер. Из него вышла красивая женщина, бросила на них недоверчивый взгляд и вошла на участок.

Хозяйка дома вернулась.

– Куда теперь? – спросил Кржистоф.

– Я скажу тебе через пять минут. – Снейдер встал в тени машины, достал из кармана телефон и набрал номер IT-отдела БКА. После двух попыток ответил коллега из отдела скрытого наблюдения. – Алло, это Снейдер, я...

– Черт, Мартен, ты уже слышал? Хесс умер. Я задаюсь вопросом...

– Да, я знаю, но сейчас меня интересует кое-что другое, – перебил его Снейдер. – И я спешу.

– Спешешь? Ты отстранен от службы и...

– Вы используете для прослушки черные прямоугольные жучки, размером меньше ногтя? Никаких обозначений, лишь по краю написано «ЗВУК», похоже на кириллицу.

– Это русский и означает тон или звук, – объяснил ему коллега. – Совершенно новая технология. Следующее поколение. Меньше, мощнее, хотя такие жучки еще можно обнаружить с помощью нелегального приложения-детектора. Это единственное слабое место. Поэтому мы их не используем. Пока не используем! Но, возможно...

– Если технология такая новая, – раздумывал Снейдер, – кто ее использует? Военные?

– Я тебя умоляю, с точки зрения технологии они далеко позади нас.

– Разведывательные службы? Контрразведка? Ведомство по охране конституции?

– Я такого не знаю. Это российский продукт. Возможно, спецслужбы России.

Нет, это вряд ли.

– Кто еще?

– Частные предприятия, занимающиеся слежением, частные детективы или охранные агентства, если у них есть деньги, чтобы

позволить себе такое.

Снейдер прижал телефон к уху. Другой рукой он массировал болевую точку на виске. Проклятые головные боли! К тому же он ненавидел эту жару.

– Охранные предприятия должны получать разрешение на их оборудование и программное обеспечение. Ты можешь посмотреть, использует ли «Айзнер секьюрити электроникс» эти жучки?

– Я мог бы, но...

– Сейчас?

– Ты знаешь, что это...

– Знаю, не будь это срочно, я бы не стал тебе звонить, а лежал бы в такую жару со льдом на лбу в подвале своего дома.

– Услышу ли я «пожалуйста»?

– Нет, все эти любезности лишь тормозят работу.

– И зачем я спрашиваю? – вздохнул коллега, и Снейдер услышал щелканье клавиатуры. – Да, компания использует такие жучки.

– Хорошо, следующий вопрос: кто устанавливал сигнализацию в загородном доме Хесса?

– Наша служба внутренней безопасности, кто еще?

– Да, но чья это технология?

Коллега громко вздохнул.

– Тебе лучше спросить Ломана. Вы же закадычные друзья.

– Не могу, – пробурчал Снейдер. – Ты же запросто можешь выяснить, откуда эта система безопасности. – Слушая щелканье по клавишам, он увидел, как Кржистоф открыл заднюю дверцу минивэна и начал копать в коробках.

– Ага, нет... – пробормотал коллега. – Компания Франка Айзнера установила сигнализационное оборудование в доме и саду, но управляли ею мы. И, прежде чем ты спросишь: в загородном доме Хесса абсолютно точно не было таких жучков.

– Я тебе верю, но дело совсем не в этом.

– А в чем тогда? И даже не говори, что мне об этом лучше не знать, потому что все это дерьмо меня не касается.

– Тебе об этом лучше не знать, потому что все это дерьмо тебя не касается, – устало повторил Снейдер. Он увидел, как Кржистоф с большим бумажным пакетом направился через дорогу к дому Томашевски и вошел на участок. – Можешь перевести меня в отдел

криминалистической техники на Эрику? – Снейдер услышал стук по клавишам.

– У нее сейчас занято.

– Тогда переведи меня в режим ожидания. Спасибо. – В следующий момент Снейдер услышал в трубке инструментальную версию Oh Happy Day!

«Вот дерьмо! Счастливым день! Совершенно не подходит».

Снейдер наблюдал за Кржистофом. Он поставил пакет перед входной дверью и возвращался к нему.

Снейдер убрал телефон от уха.

– Что это значит? – спросил он, когда Кржистоф дошел до машины.

– Подарок. Пластырь, бинты, таблетки от головной боли и раствор йода для дезинфекции ран. Это должно напоминать ему о том, что все закончилось бы для него плачевно, выбери он другой вариант разговора.

– Никто не заметит отсутствия медикаментов? – спросил Снейдер. Кржистоф пожал плечами:

– Это вопрос бухгалтерии, если ты понимаешь, о чем я.

Вопрос бухгалтерии! Господи, Кржистоф был сумасшедшим. Снейдер снова приложил телефон к уху. Наконец кто-то ответил.

– Алло? – Это был голос Эрики.

– Говорит Снейдер, у тебя уже есть что-нибудь для меня?

– Да, у меня еще не было возможности тебе позвонить. – В трубке щелкнуло, видимо, Эрика переключила его на другой аппарат. – Последний телефонный разговор Сабины Немез был с тобой, – произнесла Эрика тихим голосом и замолчала.

Снейдер звонил Сабине вчера ближе к вечеру, а затем они встретились на кладбище.

– И с тех пор больше никаких разговоров?

– Нет.

– А до этого?

– Она отправила эсэмэс на служебный номер своей коллеги Тины Мартинелли.

В эсэмэс не могло содержаться ничего полезного, иначе Мартинелли упомянула бы о сообщении сегодня утром, когда была у Снейдера. Но она блуждала в потемках, как и он.

– Где сейчас подключен ее сотовый?

– Он не подключен ни к одной сотовой вышке, а встроенный чип деактивирован.

«Вот черт!»

– Когда и где ее сотовый подключался к сети последний раз?

– Вчера вечером к вышке недалеко от Лангенского лесного озера.

Лангенское лесное озеро. Там живет Франк Айзнер. Это был уже третий след, который вел к нему. Возможно, Сабина преследовала вовсе не Харди, а перешла дорогу кому-то совсем другому.

– Спасибо, – поглощенный своими мыслями, пробормотал Снейдер.

Эрика была потрясена.

– Неужели я только что услышала «спасибо» из твоих уст?

– Случайно вырвалось. Мне пора. – Снейдер положил трубку, убрал сотовый и отнял палец от болевой точки на виске. Боль постепенно отступала. Возможно, все дело в том, что он наконец-то вышел на конкретный след.

Снейдер сел на пассажирское место и посмотрел через салон и открытое боковое окно на Кржистофа.

– Пять минут прошли. Чего ты ждешь? Теперь я знаю, где мы можем найти Сабину Немез. У Айзнера.

– У Франка Айзнера? – Кржистоф сглотнул. Вероятно, он подумал о том, что сделал с женой Айзнера двадцать лет назад.

Сабина Немез уже в который раз осматривалась в темноте. Деревянный сарай на участке Франка Айзнера на берегу Лангенского озера был около четырех метров шириной и семи длиной. С одной стороны стояли стеллажи до потолка, набитые всевозможными инструментами. С другой – лежали автомобильные покрышки и акваланговые баллоны, а над ними висели два костюма для дайвинга из черного неопрена. В темноте казалось, что там стоят двое худых мужчин с тонкими ногами и тощими руками.

Сабина уже начала вести мысленные разговоры с этими двумя фигурами. Ей казалось, что она заперта здесь уже много дней. На самом деле прошла только ночь и чуть больше половины дня.

Во рту у нее торчал кляп размером с мячик для гольфа, который был закреплен кожаным ремешком. Из-за этого ее губы пересохли, а она не могла облизать их, чтобы смочить слюной. Ноги были сильно стянуты полицейскими наручниками, как и руки, прикованные цепью с навесным замком к поворотному крану. Ботинками Сабина касалась деревянного пола. В таком положении – полустоя, полувися – она провела последние двадцать часов.

Задняя половина сарая стояла на участке, а та, в которой висела Сабина, располагалась на опорах и находилась над водой. С обоих концов имелись двустворчатые деревянные ворота. Дверь в сад была заперта снаружи, а ручки ворот, выходящих на озеро, были обмотаны изнутри цепью с навесным замком. Когда Франк Айзнер открывал их, он мог выезжать на гидроцикле сразу на озеро. Потому что прямо под Сабиной находился большой деревянный люк. Под толстыми досками плескались волны. Время от времени солнечный свет отражался от воды, проникал через щели внутрь сарая и повторял на стене движение волн.

Кран с металлическим каркасом, на котором висела Сабина, служил, видимо, для того, чтобы опускать гидроцикл на воду. Так что сарай был одновременно гаражом и мастерской для водноспортивного инвентаря. Кроме того, Айзнер в неопреновом костюме мог, никем не замеченный, спуститься через люк в воду и нырнуть в озеро. Или незаметно спрятать там что-нибудь другое. Поэтому Сабину уже

несколько часов мучил лишь один вопрос: что он собирается с ней сделать?

Прошлой ночью она слышала, как он работал в саду, а затем орудовал чем-то в воде. Вскоре после этого проверил ее наручники и снова пропал на несколько часов.

Лишь на рассвете он заглянул в сарай – в деловом костюме с галстуком, в черной рубашке с запонками и в наполированных ботинках, – чтобы еще раз перепроверить ее наручники. Затем исчез. Видимо, его семинар по продажам продолжался и в субботу. Значит, ей придется ждать еще один бесконечный день, пока он не вернется и она наконец не узнает, что с ней случится.

Даже если Сабина вывернулась бы всем телом в сторону, не обращая внимания на боль в плечевых суставах и опухших запястьях, она все равно не смогла бы дотянуться ногами до стеллажей с инструментами. Далеко от нее стоял и старый гидроцикл с частично снятым мотором. А стучать ботинками по полу, чтобы обратить на себя внимание, – бесполезно, потому что к этому берегу озера никто не приближался, а садовый сарай находился слишком далеко от улицы, парковки и входа в дом. К тому же на протяжении двадцати часов в сарае голосило радио, которое заглушало любые звуки. Сабина даже не могла надеяться на проблемы с электричеством: прибор не был включен в розетку, а работал на батарейках, которые продержатся еще долго, потому что Айзнер поменял их этим утром.

Было пятнадцать часов, и в новостях сказали, что представитель полиции не сообщил ничего нового о расследовании последних убийств в Висбадене и что ближе к вечеру над большей частью земли Гессен ожидается гроза.

В сарае было невыносимо жарко. Пот стекал по спине Сабины и по вискам в глаза. Уже несколько часов ее плечи болели, из-за того что она держала руки над головой, а пальцы то и дело немели, поэтому она постоянно двигала кистями, сжимала и разжимала кулаки. К тому же она ничего не ела и пила только один раз, а несколько часов спустя помочилась в штаны. С тех пор к запаху камыша, воды, древесины, бензина, резины и замасленных инструментов примешивался запах мочи.

Айзнер ее убьет – в этом сомнений не было. Но тогда почему он не сделал этого сразу? Он бросит ее труп в озеро? Или закопает в

ближайшем лесу? Вариантов было достаточно. Невольно она подумала о последнем нераскрытом деле Снейдера, о котором он рассказывал своим студентам в университете: о матери, которая якобы закопала свою бесследно пропавшую дочь в лесу рядом с домом, а затем регулярно выступала в ток-шоу, чтобы таким образом отвлечь внимание от собственной вины в смерти ее ребенка.

«Чем сильнее кто-то поднимает шум, чтобы заклеить позором преступление, – одними и теми же заученными словами, – тем больше такое поведение указывает на собственную вину!» По крайней мере, такова была логика Снейдера.

То и дело у Сабины закрывались глаза, и она засыпала на несколько секунд, пока ее тело не вздрагивало. Хотя у нее сейчас были другие заботы, в полудреме в голове у нее постоянно вертелись слова Снейдера об исчезнувшей девочке. Возможно, это была программа ее мозга на случай чрезвычайной ситуации, которая помогала ей сохранять сознание и ясный ум.

«Тот, кто кричит громче всех, как правило, что-то скрывает».

Сабина распрямилась. Эту теорию можно и переиначить. «Невиновный ведет себя тихо!»

Она невольно подумала о Томасе Хардковски. Его свидетельские показания о той ночи были каждый раз сформулированы немного по-другому, что указывало на то, что он не заучивал никаких текстов. К тому же он двадцать лет не поднимал шума в СМИ из-за своей погибшей в огне семьи. Не давал интервью, не писал в тюрьме биографию и не пытался выступить в ток-шоу. Ничего! Возможно, Харди просто молчун, но если он действительно убил свою семью, то, возможно, все равно обратился бы к общественности и во всеуслышание заявил, что его хотели подставить, – лишь для того, чтобы отвести от себя подозрение. Служба ведомственного контроля уже занималась данным делом, ему нужно было лишь внести свой вклад.

Но он этого не сделал!

А со стоическим спокойствием отсидел свой срок в Бютцове и даже покорно согласился на дополнительные восемнадцать месяцев. Теперь он на свободе. И что же он делает? Он не обращается ни в прессу, ни на телевидение, ни в уголовную полицию или к известным адвокатам. Наоборот. Он не высовывается. Как подводная лодка!

«Я знаю, что ты задумал! Ты самостоятельно ищешь убийцу твоей семьи».

Посторонний звук вывел Сабину из задумчивости. Она посмотрела на радио. Только что начались короткие новости. Было 15.30. Но ее испугал не сигнал радиостанции, а нечто другое. Громкий звук хлопнувшей автомобильной дверцы.

Сабина наклонила голову и прислушалась. Снаружи кто-то был. Она это чувствовала!

Игнорируя мячик во рту, который упирался ей в небо, она попыталась сглотнуть. И застонала так громко, как только могла. Одновременно начала стучать ногами по деревянному полу и попыталась ударить наручниками и цепью по крану. Но все это стоило ей большого напряжения, а она знала, что оставшиеся силы понадобятся, чтобы продолжать стоять.

Тут в замке загремел ключ. Сабина затаила дыхание. Дверь со стороны сада со скрипом отворилась. Яркий свет на мгновение ослепил ее, и Сабина зажмурилась. Но все равно пыталась моргать, чтобы разглядеть, кто стоял перед сараем.

Она почувствовала запах дорогого парфюма. Снейдер?

Сабина собралась позвать на помощь, но ее перебил голос мужчины, который она уже очень хорошо знала.

– Скучала по мне?

Это был хриплый голос Франка Айзнера.

Сабина без сил осела.

Айзнер быстро закрыл за собой дверь, запер ее и убрал ключ в карман брюк. Тем самым исключил риск побега.

И направился к Сабине. Айзнер все еще был в костюмных брюках и лакированных туфлях, а вот пиджак и галстук уже снял. Верхние пуговицы его черной рубашки были расстегнуты, и Сабина увидела тяжелую серебряную цепь, волосатую грудь и тренированное тело.

– Я сейчас уберу у тебя изо рта кляп, чтобы мы смогли поговорить. Возможно, тебя стошнит. Попытайся не облевать свою одежду, потому что отмывать тебя я не буду. – Он нащупал кожаный ремешок у нее на затылке. – Ах да, если будешь кричать, я опущу тебя в воду. – Он убрал кляп и с чмокающим звуком вытащил у нее изо рта шарик.

Сабине казалось, что нижняя челюсть треснет в любой момент. К горлу действительно подкатила тошнота. Она сглотнула, набрала побольше воздуха и громко закричала.

– Помогите!

В следующий момент Айзнер снова всунул ей между зубами шарик и затянул кожаный ремешок вокруг головы. На этот раз еще крепче.

– Как хочешь! – тихо пробурчал он, откинул фиксатор и перетащил ее с помощью крана в сторону. Затем открыл деревянный люк в полу и толкнул Сабину. Она сделала несколько шагов назад и через метр потеряла почву под ногами. В следующий момент она всем весом повисла на наручниках, а ее ноги болтались над водой. Острые края наручников глубоко врезались ей в кожу запястий, и Сабина беспомощно застонала. При этом она поворачивалась вокруг своей оси, как говяжья полутуша в мясной лавке.

Краем глаза она заметила, как Айзнер нажимал на рычаг и вертел какую-то рукоятку. Сабина опустилась на гремящей цепи вниз, ее ботинки коснулись поверхности озера и тут же наполнились водой. Брюки тоже сразу намокли.

«Он просто блефует. В этом месте озеро не может быть глубоким!»

Айзнер продолжал вращать рукоятку, вскоре трусы и блузка Сабины тоже намокли. «Черт, почему озеро здесь такое глубокое?» От внезапного холода Сабину бросило в дрожь. Скоро вода доходила ей до шеи.

«Он всего лишь блефует! Сейчас ты почувствуешь камыш, ил и почву под ногами».

Но дно озера все не появлялось, и подбородок Сабины ушел под воду. Она сделала глубокий вдох, затем в лицо ей ударили волны. Потом она почувствовала ил, а в следующий момент начала уходить вниз. Сабина попыталась освободиться, но у нее не получалось, и она лишь сильнее увязала в грязи. Она запрокинула голову назад, чтобы высунуть нос из воды, – ей даже удалось на мгновение, но она не успела среагировать и сделать вдох.

Инстинктивно она схватилась пальцами за цепь, на которой висела, с большим усилием сумела высвободить ноги из ила и резко подтянулась на руках вверх. Пробила головой поверхность воды и

жадно втянула носом воздух. Правда, вместе с водой – и начала кашлять и давиться. Поднятая мутная жижа вокруг нее пахла илом и трясинной.

– Маленькая говнюшка, всего метр шестьдесят ростом, а борешься за жизнь, как бешеная водяная крыса! – выругался Айзнер.

«Метр шестьдесят три, козел!»

Айзнер оставил ее на минуту висеть в воде, и Сабина чувствовала, как с каждой секундой теряет силы.

– Будешь молчать, если я вытащу тебе кляп изо рта? – спросил он.

«Ты должна побережь свои силы!» Она кивнула.

– Хорошо! – Он поднял ее наверх и повернул рычаг в сторону, чтобы она могла дотянуться ногами и коленями до края люка, забраться на деревянный пол и самостоятельно выбраться из воды. Изможденная, Сабина лежала на полу, с нее стекала вода.

Айзнер стоял над ней.

– Только пискни, и я снова столкну тебя вниз, но буду держать в воде до тех пор, пока ты не захлебнешься, понятно?

Она вновь кивнула.

Он вытащил кожаный кляп с мячиком у нее изо рта, на этот раз Сабина молчала и жадно ловила воздух губами. Затем ее вырвало.

Айзнер выключил радио, придвинул стул и сел перед ней, но на таком расстоянии, чтобы она не дотянулась до него ногами.

Мерзавец. Иначе она могла бы попытаться столкнуть его в воду и как-нибудь забраться на плечи, чтобы вдавить под воду. Но об этом можно было забыть. В настоящий момент было важно только одно: продержаться как можно дольше.

– Меня все равно найдут! – прохрипела она.

Айзнер с сочувствием помотал головой.

– Сегодня этому учат в БКА? «Меня все равно найдут!» – передразнил он ее.

– После вашего ухода технологии были усовершенствованы.

Он улыбнулся.

– Спасибо за комплимент. Отчасти это я их усовершенствовал. – Он провел рукой по щетине на шее. – Никто тебя не найдет. Прошлой ночью я утопил твою машину и телефон в озере. На другой стороне берег круче, а глубина озера достигает семи метров.

– Мой автомобиль обнаружат по GPS-трекеру.

Айзнер ухмыльнулся.

– Он давно снят и находится на брезентовом кузове грузовика, который едет в сторону Польши. Там они могут долго тебя искать.

Сабина почувствовала горький привкус во рту.

– Тогда почему вы сразу не утопили меня в озере?

– Потому что я хочу еще кое-что от тебя узнать. – Он придвинулся ближе. – Вчера вечером в моем доме ты рассказала мне не все, что выяснила, верно? – предположил он. – Что ты знаешь о Харди, убийствах и самоубийствах? И кто еще в курсе?

Сабина молчала.

– Хорошо, тогда начну я и расскажу, как дело представляется мне. Рорбек и Хагена покончили с собой, потому что боялись, что раскроется все, что они и другие члены «Группы-6» совершили тогда. К тому же Хагена переживала за свою семью. Если Харди выяснит правду, то уже никто не будет в безопасности, потому что он со всеми расправится.

– Харди был и у вас. Почему он вас не убил?

Айзнер пожал плечами.

– Я не знаю. А ты?

Сабина молча думала над словами Айзнера. Что-то в его теории не сходилось. Вероятно, Анна Хагена действительно покончила жизнь самоубийством. Она была неизлечимо больна и боялась за жизнь падчерицы, той милой белокурой девочки, с которой познакомилась Сабина. Но Рорбек? Ни за что! Такой же сомнительной была попытка самоубийства Дитриха Хесса.

– Почему никто из вас шестерых на нашел в себе мужества сопротивляться Харди? – спросила она.

– Возможно, именно это мы и делаем.

– Что совершила «Группа-6»?

Айзнер засмеялся.

– Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы.

Он поднялся и подошел к стеллажу у стены, достал металлический чемоданчик, положил его на верстак и открыл.

– Видишь? – Он наклонил чемоданчик, чтобы она смогла увидеть содержимое.

На мгновение сверкнули серебряные хирургические инструменты, затем чемоданчик снова погрузился в темноту.

– Такое используют русские секретные службы. Кстати, с ними у меня хорошие контакты, потому что российские дипломаты в Германии пользуются ноу-хау моей фирмы. – Он снова закрыл чемоданчик. – Но, честно говоря, мне не хотелось бы применять эти инструменты, потому что, если твой труп обнаружится – а любой труп когда-нибудь обнаруживается, – следы пыток могут привести ко мне. Тогда мне придется навсегда избавиться от этого набора инструментов. Поэтому я приберегу его на крайний случай.

Он снова убрал чемоданчик в стеллаж.

– Вы ведь не думаете, что за милым разговором вытащите из меня то, что хотите знать? – спросила Сабина.

– Нет, но вопрос в том, насколько ты действительно стойкая? – Он подошел к ней и опустился на корточки рядом.

Сердце Сабины забило быстрее. «Это твой шанс! Схвати цепь, накинь ему на шею и затяни!» Она покосилась на цепь, которая лежала рядом с ней на полу и связывала наручники с концом рычага.

– Тц, тц, тц! – шикнул Айзнер и в тот же момент вытащил из-за спины пистолет.

«Это же мой „глок“!» Правда, сейчас к стволу был прикручен глушитель. Такой же, как и на пистолете Хесса, из которого он якобы выстрелил себе в голову.

Айзнер прижал пистолет ей к горлу.

– Не двигаться! – Другой рукой он достал из нагрудного кармана рубашки ключ и отпер им тяжелый навесной замок.

Руки Сабины все еще оставались в наручниках, но больше не крепились к цепи.

– Что вы собираетесь делать? – прохрипела она и сжалась.

– Хочу испытать твою смелость и посмотреть, как долго ты будешь молчать. – Не отнимая пистолета от ее шеи, он переступил через Сабину и прикрепил свободный конец цепи с замком к ее ногам. – Не шевелись! – приказал он.

Замок защелкнулся. Теперь Сабина была привязана к крану за ноги. Айзнер не заметил, как она коснулась его брюк своими мокрыми и запачканными илом ботинками. На тонкой ткани осталось немного грязи. Ей также удалось размазать ил по рукавам его рубашки. Сабина еще не потеряла надежду на то, что Тина успеет вовремя ее найти, поэтому для ее коллеги мог быть ценен любой след.

Айзнер опустил пистолет и сделал шаг назад. Отойдя на безопасное расстояние, он снова сунул оружие за пояс за спиной и убрал ключ в нагрудный карман.

– Что вы собираетесь делать? – снова спросила она, хотя уже догадывалась, что сейчас случится.

– В настоящий момент я считаю пытку водой самой целесообразной. Она действенная, не оставляет практически никаких следов, и, самое главное, твой труп не будет выглядеть как после жестокого допроса. За исключением ран на запястьях и лодыжках, но вода быстро их уничтожит. – Он подошел к рукоятке и начал крутить.

Цепь с побрякивающим звуком наматывалась, и вскоре ноги Сабины приподнялись. Она быстро начала делать глубокие вдохи и выдохи. «Ты должна подготовиться к тому, что сейчас последует!»

– А, вижу, твой инстинкт выживания уже включился, – заметил Айзнер, продолжая наматывать цепь.

За ногами Сабины приподнялись ягодицы, затем последовало все тело. Вода с мокрой одежды стекала ей на лицо, и она ощущала гнилой привкус ила во рту.

Сабина продолжала глубоко дышать, по максимуму наполняя легкие воздухом. В следующий момент ее затылок скользнул по деревянному полу, затем она окончательно повисла вниз головой на крапе. Ее вес оттягивал наручники на ногах, и она пыталась – несмотря на боль в плечах – упереться в пол связанными руками.

Айзнер повернул рычаг, и ее мотнуло в сторону открытого люка. Сабина попыталась ухватиться пальцами за край, но в следующий момент ее руки уже оказались в воде.

– Какой пароль к твоему компьютеру?

Сабина молчала. И как сумасшедшая била руками по воде. Шансы были невелики, но, возможно, кто-нибудь случайно будет проезжать мимо на лодке и увидит волны, идущие из-под сарая.

– Что ты выяснила о Харди, убийствах и «Группе-6»? – крикнул Айзнер. – И кто еще знает про обгоревшие документы, которые я нашел в твоей машине?

– Помогите! – в отчаянии прохрипела Сабина и почувствовала, как кровь с каждой секундой все сильнее приливает к ее голове.

Айзнер включил радио на полную громкость.

– На сколько тебя хватит под водой? – выкрикнул он. – Обычные люди могут продержаться сорок секунд, тренированные – пятьдесят. Так как ты в хорошей форме, начнем с одной минуты.

Краем глаза она заметила, как он взглянул на наручные часы. Затем взялся за рукоятку и опустил Сабину в воду. Она еще раз вдохнула побольше воздуха, затем волны сомкнулись над ее лицом.

Под водой музыка доносилась до нее приглушенно, словно издалека. Над собой она видела собственное тело, которое все глубже и глубже опускалось в воду. Когда ее колени оказались в воде, Айзнер остановился.

Сабина закрыла глаза. Нос и уши наполнились водой. Она подтянула руки и прижала их к груди. «Расслабься!» Она попыталась внутренне успокоиться, чтобы не тратить слишком много кислорода.

«У тебя хорошо натренированные брюшные мышцы! Одним резким подъемом корпуса ты, вероятно, сможешь пробить лицом поверхность воды и вдохнуть воздуха. А если не получится? Тогда ты потеряешь слишком много энергии».

Сабина сохраняла спокойствие и не двигалась. Сколько она уже висит? Тридцать секунд? С этого момента она начала мысленно считать секунды. На тридцати ее грудная клетка начала судорожно сжиматься, а на тридцати пяти Айзнер вытащил ее из воды.

Она принялась жадно хватать ртом воздух.

Айзнер оставил Сабину висеть таким образом, что ее лоб все еще оставался в воде, а рот и нос едва лишь приподнимались над поверхностью.

– Скажи мне, что и как ты выяснила и кто еще об этом знает?

– Нет, – прохрипела Сабина.

– Теперь я каждый раз буду увеличивать время на десять секунд. Из-за крови, которая все сильнее приливает к голове, твое сердце будет биться быстрее, и ты будешь расходовать больше кислорода. То есть время во всех отношениях работает против тебя. Последний шанс: говори или...

– Можете не стараться, – выдавила Сабина. – Я не торгуюсь!

– Ах так? – фыркнул Айзнер. – Я только что изменил тактику. – Он схватился за рукоятку. – Я оставлю тебя под водой на две минуты.

Сабина едва успела сделать вдох, как уже оказалась в воде и с закрытыми глазами начала погружаться все глубже. На этот раз не до

колен, а по самые икры.

Давление воды усилилось. Кровь стучала у нее в голове, в ушах шумело. Внизу под собой Сабина нащупывала ил. Она притянула руки к груди и инстинктивно сжалась.

Тридцать секунд.

Она попыталась представить себе горный луг, залитый светом и как она лежит в траве и слушает щебетанье птиц, звон коровьих колокольчиков и смех своих трех племянниц.

Пятьдесят секунд.

В мыслях она дышала и глубоко втягивала свежий горный воздух.

Семьдесят секунд.

Она лежала на спине, смотрела в голубое безоблачное небо, ощущала на коже солнечные лучи и дышала, дышала, дышала...

Девяносто секунд.

Вдруг ее грудная клетка сжалась. Видение тут же исчезло. Она открыла глаза и уставилась в мутную воду. Над ней глухо звучало радио.

Сто секунд.

Грудная клетка вздрогнула. Сабина сглотнула, плотно сжав губы. Стучащие головные боли сдавливали череп.

Сто пять секунд.

Черт! Вытащи меня! Я больше не могу!

Если она сейчас откроет рот и вдохнет, то в легкие попадет столько воды, что она, наверное, потеряет сознание.

Сто десять секунд.

Якобы достаточно двух вдохов, затем вода наполняет легкие – и все.

Она разомкнула губы, изо рта забурлили воздушные пузырьки...

Сабина почувствовала удар в лицо. Ее вырвало, вода полилась изо рта и носа. Затем она наконец снова могла дышать.

– Едва успел, – услышала она далекий голос Айзнера. – В следующий раз я оставлю тебя под водой на три минуты.

Сабине было все равно. Она свернулась клубком, лежала лицом на мокрых деревянных досках и жадно дышала.

– Ты поняла? Три минуты! – крикнул он.

Она молчала.

– Ты знаешь, что это верная смерть!

– Да, – прохрипела она.

– Скажи мне то, что я хочу знать!

Она помотала головой.

– О'кей, тогда попробуем еще раз, посмотрим, выдержишь ли ты. – Он снова завертел рукоятку, и ноги Сабины поднялись вверх.

Тут она услышала, как к звукам радио добавился какой-то звонок.

Айзнер замер в полудвижении, поднял голову и посмотрел на потолок. Там висел маленький колокольчик, который снова зазвенел.

– Черт! – выругался он.

Он быстро сунул Сабине в рот кляп, затянул кожаный ремешок и повертел рукоятку крана, так что ее бедра приподнялись от пола.

Оставил ее висеть в таком положении, как рыбу на крючке, и ушел. Последнее, что она услышала, – он запер дверь садового сарая на замок и для надежности опустил засов.

20 лет назад – день, в который все началось

– Нет! Проклятые твари! Пустите меня в мой дом! Руки прочь! Я хочу войти! Это мой дом!

Франк Айзнер неистовствовал, и трем полицейским с трудом удавалось его удерживать. Один из них взглянул на Снейдера, ища поддержки.

Снейдер помотал головой.

– Уведите его.

– Что? – закричал Айзнер и попытался вырваться из рук полицейских. – Я хочу войти!

Снейдер подошел к нему.

– Ты отлично знаешь, что криминалисты должны сначала все посмотреть. Ты в твоём состоянии будешь лишь мешать работе.

– Голландский говнюк! – закричал Айзнер. – Сколько ты работаешь в БКА? Всего лишь шесть лет!

– Столько же, сколько и ты! – парировал Снейдер.

– Ты из хреновой семьи торговца книгами, а у меня уже отец и дед были копами, когда ты...

Снейдер проигнорировал нападки.

– Я здесь, потому что это дело поручили мне! Не франкфуртской уголовной полиции, не гессенскому Земельному управлению полиции, а отделению судебной психологии БКА. Я выясню, что произошло, и если твоя жена действительно была убита, то найду преступника. – Он посмотрел ему в глаза. – И если кто не в состоянии мне в этом помочь, так это ты!

– Я...

– И еще кое-что! – перебил его Снейдер и поднял указательный палец. – Правильно говорить нидерландский говнюк! – Он обратился к полицейским: – Уведите его, а если он продолжит бушевать, наденьте на него наручники.

– Наручники?

– Для его собственной безопасности, а сейчас дайте мне подумать.

– Это незаконное лишение свободы, ты это осознаешь? – крикнул Айзнер.

Полицейские увели его к машине, а Снейдер направился к забору участка, который располагался на берегу Лангенского лесного озера.

К Снейдеру подошел молодой полицейский.

– Вы хотите допросить уборщицу, которая нашла труп?

– Позже, – ответил Снейдер.

– Кстати, шпузи^[10] уже здесь, – сообщил молодой коллега и попытался принять расслабленную позу, как Снейдер. – Я слышал ваши комментарии. Очень круто. – Он ухмыльнулся.

– Как вы сказали? – повысил голос Снейдер.

– Я сказал, очень круто...

– Нет, перед этим! Вы сказали «шпузи»? – раздраженно закричал Снейдер. – Откуда у вас это? Из телевизора? Отдел называется Экспертно-криминалистическая служба, это ясно?

– Да, я думал...

– Меня не интересует, что вы думаете. Приведите сюда врача. А людей из криминалистической службы впустите в дом, когда мы выйдем.

– Но обычно...

– Обычно не убивают жен сотрудников БКА. Сделайте полезное дело и принесите мне пару латексных перчаток и бахил.

Снейдер поднимался за доктором Вуди по широкой лестнице на верхний этаж. Шестидесятилетний мужчина с седой бородкой был примерно одного роста со Снейдером, но весил раза в два больше и сильно пыхтел.

Доктор Вуди был домашним врачом семьи и хорошо знал дом. То, что Снейдер пока увидел, – прихожую, кухню и гостиную, – сверкало чистотой. Неудивительно. С утра в доме работала уборщица.

Казалось, врач этого совсем не замечал. Он тоже был в бахилах и поправлял перчатки.

– Обычно, когда меня вызывают констатировать чью-то смерть при чрезвычайных обстоятельствах, криминалисты присутствуют с самого начала, – сказал он, тяжело дыша.

– Как интересно, – перебил его Снейдер. – А вы можете сконцентрироваться, когда десяток людей с фотоаппаратами и кистями для удаления пыли топчется вокруг в свете вспышек? Можете вжиться в ситуацию и выяснить, что произошло?

– Ну, – промычал Вуди, – раньше всегда было так.

– Тогда сегодня впервые будет по-другому.

Снейдер открыл дверь в спальню и повел врача в комнату. Занавески были задернуты, кровать смята, а стул с одеждой перед окном опрокинут.

Снейдер тут же заметил маленький разорванный пластиковый пакетик и белый порошок на прикроватной тумбочке. Он натянул латексные перчатки и отрыл ящик. Между книжками и женскими безделушками лежал набор для употребления героина. Как правило, ему не нужно было пробовать белый порошок, чтобы понять, что это, но сейчас его смутил желтоватый оттенок. Снейдер осторожно опустил послунявленный палец в порошок и попробовал его на вкус. Это был не чистый героин, как он сначала предположил, а смесь героина и кокаина, «спидбол». Эта штука успокаивала и будоражила одновременно – и могла довести до сумасшествия.

Доктор Вуди обратился к Снейдеру.

– Можно занавеску?..

– Нет! Все должно оставаться, как есть. Меня интересуют только два факта, – сказал Снейдер. – Как умерла эта женщина и когда приблизительно наступила ее смерть.

Вуди стоял перед гардеробной и всматривался через раскрытые двери в темноту.

– Я не ясновидящий.

– Этого я от вас и не ждал, но у вас сорокалетний опыт врача, – кроме того, я сказал приблизительно. Вы домашний врач этой семьи и знаете умершую и историю ее болезни. Так что не говорите, что не справитесь!

– Я могу вас кое о чем спросить?

– Если это необходимо.

– Вы не боитесь нажать себе врагов среди коллег? – спросил доктор Вуди.

– Я уже это сделал. – Снейдер включил свет в гардеробной и увидел узкое помещение, в котором слева и справа до самого потолка располагались полки с одеждой. Посередине, в свете потолочного светильника, висела Ирена Айзнер.

Она была в одном нижнем белье, а ее ноги немного не доставали до стула, который стоял под ней. Она повесилась. Ее тело свисало

немного под углом, вокруг шеи был затянут пояс халата, который другим концом крепился к крюку для лампы. На полу валялись вытащенные из ящичков галстуки.

– О боже! – вырвалось у доктора Вуди.

Снейдер сглотнул. Неудивительно, что уборщица с криком выбежала из дома. Руки женщины были уложены на полки по обе стороны, отчего появлялось сходство с распятым Иисусом. Крюк или узел пояса могли не выдержать в любой момент, тогда труп упадет на пол.

– Я такого еще никогда не видел, – прошептал врач.

«Я тоже, но все бывает в первый раз».

– Полагаю, что она сама себя задушила, – пробормотал врач. – Залезла на стул, связала галстуки и пояс, продела голову в петлю и повисла. Петля пережала вены и артерии, и кровоснабжение прервалось. Мозг Ирены получал слишком мало кислорода. Она потеряла сознание и задохнулась. В целом, все это похоже...

– ...На типичное самоубийство, – закончил предложение Снейдер. Вуди кивнул.

– Видите эту царапину на щеке? Когда человек в последний момент инстинктивно пытается высвободиться из петли, он обычно в предсмертной агонии повреждает себе щеку или шею. Однажды я даже видел палец в петле.

И тем не менее Снейдера кое-что смущало. Во-первых, женщины, прежде чем совершить самоубийство, всегда вытаскивали свои длинные волосы из петли. А волосы Ирены находились в петле, что указывало на несчастный случай.

Значит, все-таки не преднамеренный суицид?

Снейдер вошел в гардеробную и рассмотрел локтевые сгибы Ирены. В вене все еще торчал шприц. Поршень был вдавлен до конца, в цилиндре виднелась кровь.

– Похоже, она шпиганулась, – пробормотал он.

В последние годы Снейдер часто видел Ирену Айзнер – на корпоративах и в столовой, когда она заезжала за своим мужем, – но Ирена никогда не производила впечатление наркозависимой. Наоборот. Это была жизнерадостная умная женщина, обычно в хорошем настроении. Возможно, немного разочарована, что не могла иметь детей, насколько Снейдер знал от Франка Айзнера. Но смесь героина и

кокаина? Где она вообще взяла эти наркотики? Ирине было всего двадцать восемь лет – на четыре года младше своего мужа, – и год назад они начали процедуру по усыновлению ребенка.

– Можно ли в состоянии наркотического опьянения невольно покончить с собой подобным образом? – спросил Снейдер.

– Это возможно... но невольно? – Доктор Вуди помотал головой. – Я был врачом еще у матери Ирены. Она покончила с собой, когда Ирине было семь. Повесилась. Насколько я знаю, до этого проходила психиатрическое лечение.

Снейдер нахмурился. Непростая ситуация для маленькой девочки. Он подумал о спидболе.

– Наркотики могут вызвать психоз? Возможно, что у Ирены возникло желание поступить, как ее мать, чтобы быстрее воссоединиться с ней?

– Не исключено, но эти наркотики... Я не знаю. – Доктор рассмотрел локтевой сгиб со шприцем, затем другую руку. – Точек уколов больше нигде нет, ни на шее, ни на тыльной стороне ладони.

Снейдер присел на корточки.

– Между пальцами ног тоже нет. Значит, она не наркозависима.

– Не похоже. – Доктор Вуди задумался. – Вы хотели знать, когда наступила смерть. – Он вышел из гардеробной. – Судя по первым трупным пятнам – здесь и здесь, – которые уже соединились между собой, потому что кровь в трупе отлила вниз, а также по помутнению радужной оболочки и застывшим векам я сказал бы... – Он вяло помахал рукой. – Между восемью и одиннадцатью часами.

«Какая бесценная помощь!»

– Уборщица пришла в десять часов, – сказал Снейдер. – Так как она не слышала никаких звуков из спальни, полагаю, Ирена Айзнер к этому моменту была уже мертва.

– Тогда между восемью и десятью, – сказал доктор Вуди.

– Франк Айзнер покинул дом в половине девятого.

– Значит, это должно было случиться между девятью и десятью часами, – в очередной раз исправился врач.

Снейдер кивнул. «Видимо, так и было».

– А сейчас оставьте меня ненадолго одного!

– Конечно. – Доктор Вуди вышел из спальни.

Снейдер выключил свет в гардеробной. Длинные черные волосы Ирены блестели в матовом свете, который проникал в комнату через щель между занавесками. На полу прямо под ее головой собралась маленькая лужица слюны, которая уже наполовину высохла.

Коллеги из криминалистического отдела возненавидят его за это, но Снейдер все равно взял опрокинутый стул, поставил перед трупом и сел. Снейдер поднял голову и взглянул в черные зрачки Ирены. Он долго смотрел на нее, пока все вокруг само собой не исчезло.

«Почему ты это сделала?»

Неожиданно ему захотелось поговорить с Иреной. Сказать ей что-нибудь, прежде чем ее душа навсегда покинет это помещение. А он знал, что ее душа еще здесь. К тому же у него было чувство, что она могла его слышать, словно лишь ждала, чтобы кто-то обратился к ней с добрыми словами, прежде чем она навсегда покинет это холодное безжизненное тело – это помещение, этот дом и эту землю.

«Ты такая красивая. Даже сейчас. – Снейдер коснулся перчатками ее щеки. – И я знаю, что не ты сделала себе этот укол. Ты, наверное, даже не знаешь, как управляться с таким шприцем. В твой дом кто-то проник?»

«Мартен, ты видел следы взлома?»

Его сердце забилось сильнее. На мгновение ему даже показалось, что ее губы зашевелились. И он услышал этот вопрошающий голос в своей голове. Постепенно сердцебиение успокоилось.

«Следов взлома нет. Уборщица все вычистила, сделала свою работу и, лишь когда поднялась в спальню, обнаружила твой труп. Если бы кто-то незаконно проник в дом, уборщица заметила бы следы взлома. Разбитое окно, сломанный замок или взломанную дверь. Но ничего такого не было.

Значит, убийца спокойно вошел в дом через входную дверь, – продолжал размышлять Снейдер. – Получается, ты должна была его знать. Ты его знала, Ирена?

„Подумай, Мартен, кто бы это мог быть?“

Да, кто?

Твой муж, с почти двумя десятками коллег, служит в отделе по борьбе с наркотиками. Сотрудники РПН работают под прикрытием. И вот ты умираешь от передозировки спидбола.

Нет! Не от этого! Тебе сделали укол, а затем ты сама себя задушила. Это был проклятый несчастный случай.

Но зачем все это? Из мести?

Какие здесь есть наркокартели? Албанцы, русские, армяне или чеченцы? И дело Хардковски, который пять лет назад вошел в этот бизнес. Кто из них это был?»

Все части пазла были в наличии. Лежали перед ним. Он должен был просто собрать их в правильном порядке.

Снейдер вернул стул в его изначальное положение и покинул дом. Между тем коллеги из криминалистической службы уже час работали в доме.

Тем временем Снейдер стоял на берегу, смотрел на гладкое, как зеркало, озеро, курил самокрутку и наблюдал за солнцем, медленно клонящимся к горизонту. Тут зазвонил его телефон. Он немедленно ответил.

– Да?

– Мы нашли Томаса Хардковски, – сказал коллега из уголовной полиции Франкфурта. – У него есть алиби на всю первую половину дня.

Дьявол! Снейдер заскрежетал зубами.

– Проверьте алиби, возможно...

– Уже проверили, алиби железное.

– Но, возможно, он...

– Снейдер! Мы его проверили! – Коллега начинал раздражаться. – В девять утра Томас Хардковски находился в Таможенном криминальном ведомстве в Кёльне. Коллеги допрашивали его там на протяжении часа.

Проклятье! Снейдер положил трубку. Убрав телефон, он услышал, как к нему кто-то подошел. Не оборачиваясь, по запаху мужского парфюма он узнал доктора Вуди.

– Закончили? – спросил Снейдер.

– Да, закончили. Ничего нового не выяснилось, – пробурчал врач. – А вы что-нибудь обнаружили?

– Проблема в том, что вы видим вещи, следы и места преступлений не такими, какие они на самом деле, – пробормотал

Снейдер и задумчиво затянулся. – Мы видим их такими, какие мы есть.

– Простите?

Снейдер посмотрел на него.

– Мы должны абстрагироваться от собственных эмоций и взглянуть на место преступления абсолютно нейтрально.

– И к какому выводу вы пришли?

Снейдер подумал об алиби Харди и пожал плечами.

– Этого я пока еще не знаю.

Доктор Вуди прочистил горло и кивнул на полицейских, которые осматривали участок.

– Я немного поговорил с вашими коллегами. Они рассказали, что вы профайлер.

– Полицейский аналитик или судебный психолог, если хотите.

– И вы курите эту штуку? – Доктор Вуди скривил лицо.

– Некоторые коллеги пьют, некоторые курят, другие ходят по борделям и трахаются до потери сознания, чтобы забыть, что они видят на работе каждый день, – сказал Снейдер.

– В моем случае это вкусная еда. – Улыбаясь, доктор Вуди похлопал себя по животу.

Снейдер взглянул на рубашку врача, которая опасно натягивалась на животе.

– Как насчет диеты? Доктор Вуди помотал головой.

– Я сидел на диете пять недель, но все, что я потерял за это время, – пять недель.

Снейдер изобразил подобие улыбки – хотя это особое выражение лица, по большей мере, пугало людей.

– Хотите знать, что отличает меня от других полицейских аналитиков?

– То, что вы курите травку?

Снейдер помотал головой.

– Есть профайлеры, которые стали торчками. Но я первый торчок, который стал профайлером.

Врач удивленно приподнял брови.

– Вы еще никогда не слышали о побочных действиях?

Снейдер затянулся.

– Я начал читать о вредных побочных действиях и тут же прекратил.

– С вами действительно сложно вести серьезный разговор.

Снейдер поднял окурок и посмотрел на тлеющий огонек.

– Вероятно, все дело в этом. – Он медленно выдохнул, и внезапно доктор Вуди оказался на расстоянии нескольких сотен метров на берегу, он жестикулировал и что-то говорил, но Снейдер не понимал ни слова.

С ума сойти!

Снейдер снова увидел перед собой все части пазла. На этот раз они парили как маленькие кораблики над поверхностью воды.

«Никаких следов взлома. Никаких следов борьбы. Никаких травм. Алиби Харди.

Ирена, кто-то сделал тебе укол, а затем оставил ложные следы в твоей спальне.

Ты сама впустила его.

После того как твой муж вышел из дома».

Неожиданно части пазла стали собираться в картинку.

«Ирена, ты не впустила бы в дом русских, албанцев, чеченцев или армян. Только не ты! Ты впустила того, кого знала. Может, правую руку Томаса Хардковски? Но почему? Ты знала, что он торгует наркотиками. Наверняка ты сомневалась. Что он тебе сказал?

– Фрау Айзнер, я могу войти? Я должен поговорить с вами. Я работал на Томаса Хардковски, но хочу выйти из наркобизнеса. Поэтому должен встретиться с вашим мужем. Это срочно!

Оказавшись внутри, он набросился на тебя, усыпил, перенес в спальню и сделал укол. Из мести? Нет! Скорее всего, это было красноречивое предупреждение. Не лезь в наши дела! Он просто хотел ввести тебе дозу наркотиков, но недооценил их воздействие на тебя. Не предполагал, что ты впадешь в безумие и повторишь судьбу своей матери».

Снейдер моргнул. Доктор Вуди снова стоял рядом с ним.

– Что с вами? – спросил врач. – Внезапно вы стали...

– Поэтому Франк Айзнер так бушевал! – вырвалось у Снейдера. – Айзнер знал, что это случится.

– Простите?

– А, ничего. – Снейдер огляделся, ища глазами полицейского. – Эй, мне нужна ваша рация!

Идя к полицейскому, он еще раз все обдумал. Не случайно у Томаса Хардковски сегодня утром было такое железное алиби. Поэтому они должны разыскать его человека для грязной работы: бывшего польского солдата Кржистофа!

**Часть пятая. Харди. Суббота, 4 июня –
вечер**

Снейдер прошел мимо серебристого БВМ, позвонил в садовые ворота и взглянул на расположенный за забором дом. Господи, когда он был здесь в последний раз? Двадцать лет назад? Он до сих пор помнил те события и как чуть было не распорядился арестовать Франка Айзнера.

Здесь все изменилось: в то время ели еще не были такими высокими, не было никакого зимнего сада, как и деревянного причала и садового сарая.

Снейдер перегнулся через забор и взглянул на озеро. Участок на берегу уже довольно сильно зарос и не просматривался с обеих сторон. Дверь к садовому сараю была заперта. Из него раздавалась громкая музыка. Снейдер и без того знал, что Айзнер дома, потому что его машина стояла на парковке, а Айзнер не из тех, кто любит выйти на пробежку в такую жару.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой? – спросил Кржистоф.

– Не думаю, что он тебе обрадуется. Не будем беречь старые раны. – Пока нет! Снейдер кивнул на минивэн Кржистофа, который они припарковали так, чтобы его не было видно из дома. – Лучше подожди меня в машине.

Кржистоф молча развернулся и зашагал к своему минивэну. Снейдер опять посмотрел в сторону дома и увидел, что Айзнер направляется по лужайке от берега к садовым воротам. На нем были лакированные ботинки, костюмные брюки и черная рубашка с закатанными рукавами. Откуда он вышел? Из сарая?

Снейдер рассматривал миски с собачьим кормом и водой у входа. Вот уж по-настоящему старинный трюк. Такой прожженный эксперт по безопасности, как Айзнер, не придумал ничего лучше, чем изобразить наличие сторожевого пса? Которого, очевидно, не существовало, иначе он давно бы подал голос.

Снейдер открыл садовые ворота и пошел навстречу Айзнеру.

– Давно не виделись! – крикнул он.

Айзнер не протянул руку Снейдеру, когда они поравнялись, – и это было взаимно. Они никогда не были лучшими друзьями, и как коллеги пересекались по работе всего пару раз.

– Что привело тебя сюда? – спросил Айзнер.

– Такси, – солгал Снейдер.

– Мы оба слишком стары для этого дерьма, так что давай по делу.

Чего ты хочешь?

– Нам нужно поговорить.

– Входи. – Айзнер пошел вперед и привел его в дом. – Я слышал, ты застрелил мужчину и тебя отстранили от службы. Тебе нужна работа?

«Очень смешно!» Снейдер промолчал.

Айзнер посматривал на него сбоку, пока запирает дверь и пока они шли в гостиную.

– Ты не производишь впечатление человека, которому идет на пользу вынужденный отпуск в БКА. К счастью, врача здесь нет, – а то он срочно начал бы реанимационные мероприятия.

«Придурок!» Снейдер сохранял спокойствие.

– Как развивается бизнес?

– Хорошо. Если все будет идти в том же духе, то в этом году мы сделаем оборот в три миллиона. Без налоговой я мог бы великолепно жить. – Айзнер сел на диванчик в гостиной. На стене над ним висела картина Пикассо в раме – и она походила не на постер из мебельного магазина, а на пронумерованную и подписанную литографию. Да и античные напольные часы рядом с дорогим кожаным диваном вряд ли были аналогом из ИКЕА.

«Как я вижу, тебе неплохо живется и с налоговой инспекцией!»

– А сам как? – спросил Айзнер.

Снейдер опустился в кресло, из которого через зимний сад открывался вид на берег озера.

– Пока меня не восстановили на службе, я преподаю в университете.

– У кого самого ничего не получается, тот всегда может учить других. – Айзнер усмехнулся.

«Кто бы говорил!»

– А тебе можно? – уточнил Айзнер.

– Процесса против меня не ведется.

– Верно. – Айзнер оглядел его, словно ожидая реакции, но ее не последовало. – Я уже дважды оскорбил тебя, но не услышал в ответ ни одного едкого комментария. Поэтому полагаю, что тебе нужно от меня

что-то важное, а судебного постановления у тебя нет. Поэтому ты пытаешься взять дружелюбием. К сожалению, в этом ты очень плох. Не твой конек. – Айзнер подвинулся вперед на край диванчика. – Полагаю, времени у тебя, как всегда, мало, так что даже не буду предлагать тебе ничего выпить, ты ведь все равно сейчас пойдешь. Да?

Айзнер остался все таким же хитрецом. Не реагируя на слова Айзнера, Снейдер изучал его. Уже по дороге в дом он заметил темные, еще влажные и блестящие пятна на брюках и рукавах рубашки. Это было не масло. Скорее ил.

– От чего я тебя оторвал?

– Ни от чего. Вчера и сегодня я делал доклад о современных техниках безопасности перед руководством банка во Франкфурте.

«В таком состоянии? В грязной одежде?»

– А где ты сейчас был?

– Я вернулся домой лишь четверть часа назад.

– Знаю, – ответил Снейдер. – Двигатель твоей машины еще теплый.

– Ты все такой же хитрец.

«Как и ты!»

– Ты переоцениваешь меня, – возразил Снейдер.

– Какая скромность! Совсем не в твоём стиле.

– Откуда на твоей одежде ил, дружище? Ты был на берегу озера?

Айзнер улыбнулся.

– Мы с тобой не друзья. Говори, чего ты хочешь, или исчезни отсюда. – Это прозвучало как угроза.

– Харди освободился девять дней назад, – начал Снейдер.

– Я так и подумал, что ты поэтому пришел. Здесь его еще не было.

– Еще не было? – переспросил Снейдер. – Значит, ты рассчитываешь на его визит?

Айзнер молчал.

Теперь и Снейдер пододвинулся на край кресла.

– Знаешь, о чем я думал все эти годы? – Он сложил руки перед подбородком, подпер ими голову и бросил взгляд на галерею семейных портретов Айзнера на комод. Теперь было важно сделать вид, что он предполагал это уже много лет, а не придумал час назад. – Что заставило Харди бросить свою работу и начать наркобизнес? По какой причине он перешел на другую сторону? – Он расстегнул пиджак,

сунул руку во внутренний карман и достал коробочку с самокрутками. – Можно?

– Если хочешь, чтобы сработала пожарная сирена.

Снейдер убрал коробку в карман, слегка приоткрыв полу пиджака, чтобы Айзнер увидел его кобуру с «глоком».

– Хорошая попытка, но меня не впечатляет, – сказала Айзнер. – У меня тоже есть оружие в доме.

«Но не на теле!» Снейдер проигнорировал замечание.

– Прежде чем Харди ушел из БКА, он целый год был твоим партнером. Насколько я помню, люди говорили тогда, что жена Харди – ее звали Лиззи, верно? – убедила его начать свое дело. Ты ведь ее знал, не так ли?

– Избавь меня от своих суггестивных вопросов и переходи к сути!

– Знаешь... – вздохнул Снейдер. – Я думаю, что ты манипулировал Лиззи, чтобы она привила Харди эту бизнес-идею. – Он наблюдал за Айзнером, но тот и бровью не повел. – Возможно, ты стоял за всей этой идеей.

Айзнер молчал.

– Хочешь знать, что еще я понял за все эти годы?

– Меня это не интересует, – ответил Айзнер. – А ты хочешь знать, что интересует меня? Почему ты лишь сейчас заявился ко мне со всей этой чушью?

– Могу ответить. Пять причин! Рорбек, Хагена и Хесс мертвы, как и Диана Хесс, а моя коллега пропала со вчерашнего вечера, – перечислил он на пальцах одной руки. – Считаю, этого достаточно, чтобы начать действовать и поднять все то дерьмо.

– Какое то дерьмо? – спокойно спросил Айзнер.

– Значит, я все-таки пробудил твой интерес? – Снейдер откинулся назад. – Харди работал с Тимбольдтом, Ломаном и тобой – я знаю, что Тимбольдт всегда был продажным. – Никогда не держа в руках тех конфиденциальных документов, Снейдер мог лишь строить догадки. Но его преимущество состояло в том, что Айзнер не знал, блефует он или нет. Нужно было просто убедительно продать свое предположение. А он это умел.

– Какое отношение я имею к Тимбольдту?

– Вы были членами «Группы-6», – сказал Снейдер. – Ты, Тимбольдт, Ломан, Рорбек, Хагена и Хесс. Полагаю, вы сотрудничали

с Харди: вы не трогаете его бизнес, убираете конкурентов – что и так было вашей работой – и получаете за это часть его прибыли. Сколько это было? Двадцать, двадцать пять процентов? Не очень много, если учесть, с какой скоростью расширился наркокартель Харди. Но затем вы узнали, сколько бабла такой бизнес приносит на самом деле. За несколько лет Харди отложил в рублях, фунтах и немецких марках минимум два миллиона в пересчете на евро. И тут в вас проснулась жадность. Вы хотели уже не двадцать пять, а пятьдесят процентов от прибыли – или еще больше. Но Харди их вам не дал. Это были его с трудом заработанные деньги. И тебя это взбесило. Все-таки это была твоя идея – и ты так долго обрабатывал Лиззи. А теперь вдруг вынужден был смотреть, как он и Лиззи богатеют с каждым днем.

Айзнер не реагировал. Снейдер лишь заметил, как надулись вены на его шее и начали пульсировать и как его кадык заходил вверх-вниз, потому что он пытался подавить желание сглотнуть. «Ты на верном пути! Продолжай!»

– А так как он не хотел давать тебе большой процент... – предположил Снейдер, – ты пригрозил ему, что уничтожишь его наркокартель. Но все основано на взаимности. В ответ Харди угрожал сдать тебя и твоих коллег. Возможно, даже пошел дальше и заявил, что ты не получишь от него больше ни одного цента. В одночасье вы лишились неплохого дополнительного заработка. Поэтому вы взорвали его склад, чтобы ясно дать ему понять – с вами лучше не шутить. Это было вашим посланием?

Вопрос Снейдера повис в воздухе. Вообще-то сейчас было самое время для Айзнера громко захлопать в ладоши и выдать какой-нибудь напускной комментарий. «Грандиозная фантазия, но у тебя нет ни одного доказательства!» Но он молчал и внимательно слушал.

– В ответ на это Харди отправил своего человека, чтобы передать тебе предупреждение, – продолжил Снейдер. – Кржистоф должен был просто вколоть твоей жене дозу героина – чтобы ты увидел, насколько уязвим. Но все пошло не так, и Ирена, к сожалению, умерла.

Тут у Айзнера дернулось веко, но виной этому могло быть просто воспоминание о жене.

– Коррупция и взятки случаются, – продолжал Снейдер. – Но когда твоя жена умерла, ситуация вышла из-под контроля. Здесь вам следовало бы остановиться. – Он посмотрел на ладони Айзнера. Они

лежали на диване, но не были сжаты в кулаки. Айзнер даже не пытался вытереть пот с ладоней об обивку дивана. Возможно, он и не потел. Поведение Айзнера не соответствовало ни одному психологическому шаблону, которые Снейдер встречал за годы допросов. Однако у него был припасен еще один, последний козырь – самое дерзкое предположение, которое он никогда не рискнул бы озвучить в этой ситуации без «глока». Но он зашел так далеко, что уже не мог отказаться от этой последней провокации.

– Но вы не собирались останавливаться. Наоборот. Пришло время переформировать «Группу-б». Теперь станет ясно, сможете ли вы держаться вместе и насколько вы сплоченная команда. Ты нуждался в них, и они тебя поддержали. Все-таки смерть твоей жены была на совести Харди, и он будет и дальше угрожать тебе, другим членам «Группы-б» и их семьям, если вы не оставите бизнес Харди в покое. Ты выставил его мощной угрозой и постарался, чтобы они в это поверили. – Снейдер цинично улыбнулся. – Теоретически вы могли бы разобраться с ним в служебном порядке и подключить прокуратуру, но практически это было невозможно. Харди сдал бы вас. Поэтому вы взяли дело в свои руки. За одну ночь вы сожгли его лаборатории, а затем и его дом. Все должно было быть уничтожено. В ту ночь 1 июня вы нанесли Харди такой сильный удар, что он был окончательно сломлен.

Айзнер продолжал молчать.

Проклятье! Этот мерзавец и глазом не моргнет, даже если Снейдер мог бы посадить его в тюрьму на хлеб и воду.

– Ты подстрекал Ломана, Тимбольдта и других, чтобы они поверили, что это единственная возможность выпутать ся из дела. Как Харди, так и доказательства в его доме – а прежде всего Лиззи, которая слишком много знала, – должны были исчезнуть. Она стала бы опасным свидетелем обвинения. А так все сгорело, и Харди не имел ничего против тебя. Кроме голословных обвинений, но кто бы ему поверил?

Айзнер по-прежнему не реагировал.

Снейдер подумал. Нет, он не допустил ошибки в своей цепочке рассуждений. В принципе, любой из «Группы-б» мог быть зачинщиком, но этот вариант был наиболее логичным: Айзнер знал

Харди и Лиззи лучше других. К тому же погибла именно жена Айзнера.

– Ты закончил? – спросил Айзнер.

– Я хорошо понимаю твои мотивы.

– Ах, правда? Снейдер кивнул.

– Вы действовали из страха. Вы должны были защищаться и опередить Харди – и вам это удалось. Но я знаю Харди. Он никогда не зашел бы так далеко. И я знаю тебя. Ты мастер манипуляций и навел жуткий страх на коллег, иначе они не согласились бы на такую жестокость по отношению к Харди.

Тут Айзнер вздохнул и с легким сожалением покачал головой, как человек, полностью контролирующийся себя.

– Это лишь предположения, без каких-либо доказательств или улик, – заявил он. – К тому же все это уже значится в документах под грифом конфиденциальности. Против «Группы-6» нет никаких доказательств, и нам не было предъявлено никаких обвинений.

– Дело можно возобновить.

– Для этого нуж... – Айзнер замолчал.

– Правильно. – Снейдер ухмыльнулся. – Для этого нужны акты с протоколами допросов. Но, как ты, вероятно, уже знаешь, Хесс сжег их в своем камине. Однако не полностью. Моя коллега смогла заглянуть в них. К тому же в судебном архиве БКА хранились копии, которые тоже исчезли. И я знаю, что они у тебя.

Айзнер слегка побледнел.

– Ты боишься, что Харди может добраться до информации?

Глаза Айзнера словно окаменели.

– Где моя коллега? – спросил Снейдер.

– Если ты о Сабине Немез, малышке с карими глазами, – она была вчера в банке, где у меня проходила встреча. Хотела поговорить со мной о «Группе-6».

– И с тех пор ты ее не видел?

– Нет.

Это «нет» было сказано слишком быстро, слишком громко и слишком убедительно. Снейдер знал, что Айзнер лжет. И Айзнер наверняка догадывался, что такая реакция не укрылась от Снейдера.

– Полагаю, ты закончил со своими обвинениями, – сказал Айзнер. – Вызвать тебе такси?

– Не нужно. – Снейдер поднялся. – Можно воспользоваться туалетом?

Айзнер жестом указал в сторону прихожей.

– В коридоре, вторая дверь справа.

Снейдер повернулся спиной к Айзнеру и вышел из гостиной. В зеркальной витрине он наблюдал за Айзнером. Тот сидел на диване и не собирался его задерживать. Не потянулся за пистолетом, не вытащил телефон. «Ах, если бы ты только сделал мне такое одолжение!»

Снейдер вышел в коридор, но открыл первую дверь и посмотрел вниз на крутую лестницу в подвал.

– Вторая дверь справа! – крикнул из гостиной Айзнер.

– Ах да. – Снейдер заметил вмятину в стене. Она выглядела свежей. На полу никакой пыли. Здесь недавно подметали. Он закрыл дверь и прошел мимо стеклянной витрины. Рядом в чугунной стойке находились четыре кочерги. Три были пыльные, одна вычищенная. Затем он открыл дверь и вошел в туалет. Как он и предполагал, на потолке крепился датчик пожарной сигнализации.

Снейдер поставил под бачок на пол целый рулон туалетной бумаги, взял самокрутку из коробочки, поджег ее и бросил в отверстие рулона. Обычно косяки затухают, если регулярно не затягиваться, но его специальная смесь тлела дольше. Поэтому он положил сверху несколько слоев бумаги, оставив лишь узкую щель.

Небольшого притока кислорода будет достаточно, чтобы дым поднимался вверх и через несколько минут сработала пожарная сигнализация. А если он правильно оценил одержимость Айзнера мерами безопасности, то датчик пожарной сигнализации был напрямую подключен к пожарной службе.

Снейдер спустил воду в унитазе, вымыл руки и вышел из туалета. Айзнер уже стоял у открытой входной двери.

– До свидания. – Не протянув Айзнеру руки, Снейдер вышел наружу, спустился по ступеням и направился к садовым воротам.

Айзнер не ответил. Он молча стоял в дверях и смотрел вслед Снейдеру.

Рядом в лесу щебетали птицы.

«Еще три минуты! И начнется суматоха».

Снейдер забрался к Кржистофу в машину и захлопнул дверь.

– Как все прошло?

– Отвратительно.

– А чего ты ждал? Что он поднесет тебе признание на блюдечке с голубой каемочкой? – пробурчал Кржистоф. – Что теперь?

– Подождем две минуты. Потом в его доме сработает пожарная сигнализация. Он может звонить в пожарную службу сколько хочет, они обязаны приехать. Через десять минут здесь появятся пожарные, и ты войдешь с ними в дом.

– Это не понравится Айзнеру.

– Надеюсь! Но ему будет не до тебя. Я хочу, чтобы ты его отвлек. Займи его чем-нибудь! И если появится возможность, осмотрись в его подвале.

– Это просто гениальный, детально продуманный план, – фыркнул Кржистоф.

– Я знаю, что он дерьмо, – напустился на него Снейдер. – Но в спешке мне ничего другого в голову не пришло.

– А что будешь делать ты?

– Я осмотрюсь в саду.

– Угу. – Кржистоф сунул руку в задний карман штанов и вытащил фляжку. Прежде чем приложиться, он протянул ее Снейдеру. – Хочешь?

Снейдер взял фляжку, но, прежде чем сделать глоток, он на всякий случай понюхал.

– Проклятье, это и правда вода!

– Святая вода, – исправил его Кржистоф. – А ты что думал?

Снейдер вернул фляжку, Кржистоф сделал глоток и убрал ее. Затем они молча ждали.

Через семь минут послышалась пожарная сирена. На дороге показались две машины и свернули на узкую тропу к озеру.

Снейдер вышел из машины.

– Если найдешь Сабину, позвони мне. И будь осторожен!

– Я оставлю ключ в замке зажигания, на случай если тебе понадобится машина...

– Хорошо. – Снейдер захлопнул дверцу, побежал к краю парковки и скрылся за деревьями в направлении берега.

Дойдя до границы участка, он взглянул на двухметровый проволочный забор, наверху которого находилась колючая проволока. Он дошел до ближайшего металлического столба, который поддерживал забор, быстро скинул пиджак, набросил его на колючую проволоку и надавил на забор сверху. Потом просунул мысок ботинка в проволочную сетку, ухватился за столб и перелез через забор.

Тяжело дыша, он спрыгнул на другую сторону. В нескольких метрах от него стоял деревянный сарай, который наполовину находился над водой.

Снейдер пока стоял в тени деревьев и наблюдал за домом. Пожарные как раз взбежали по ступеням к входной двери. В проеме стоял Айзнер. Последовала короткая дискуссия, но Снейдер не услышал ни слова – из-за орущего радио в сарае и ревущей пожарной sireны. В следующий момент на участок зашел Кржистоф.

Пора!

Снейдер оставил пиджак висеть на заборе и побежал по лужайке к сараю. Подойдя ближе, он увидел, что на ручках ворот висит большой замок. Тут он понял, что интуиция его не обманула.

Он быстро вытащил из кармана брюк набор отмычек и вставил оба конца отмычки в замок. «Неужели снова!» Взламывание замков было его проклятой ахиллесовой пятой. «Только спокойствие! С домиком Кржистофа ты справился». Он безуспешно пытался повернуть задвижку в замке. В первый раз отмычка выскользнула у него из пальцев, со второго раза все получилось. Он открыл механизм, снял замок с ручек и распахнул ворота. Быстро скользнул внутрь сарая и закрыл за собой дверь.

Внутри было темно. Пахло древесиной, маслом и болотной водой. В центре сарая стоял металлический кран с натянутой цепью. На конце которой висел человек – ногами вверх, со связанными лодыжками и запястьями, тело было наполовину приподнято, верхняя часть безжизненно лежала на деревянных досках. Сабина Немез!

«Я так и знал!»

Сердцебиение Снейдера усилилось. «Если ты, мерзавец, ее убил, тогда пеняй на себя!»

Снейдер подбежал к Сабине, опустился на колени и только протянул руку к ее сонной артерии, чтобы проверить пульс, как Сабина внезапно приподнялась, накинула ему что-то на шею и стянула.

– Я... – прохрипел Снейдер, но начал задыхаться.

Упершись руками и ногами в деревянные доски, он чувствовал, как Сабина тянет его к отверстию в полу. Он схватил Сабину за пальцы и отогнул их, чтобы немного ослабить хватку. Наконец она разглядела, кто перед ней. Бледная от ужаса, отдернула свои связанные руки, и Снейдер выпустил ее.

Теперь он увидел, что она связала шнурки своих кроссовок и пыталась задушить его этой импровизированной веревкой. Сабина все еще смотрела на него большими глазами, словно не могла поверить, что Снейдер нашел ее в этом сарае. Он развязал кожаный ремешок у нее на затылке и осторожно вынул шарик изо рта.

Она захрипела, начала жадно хватать воздух губами, затем ее вырвало.

– Про... простите. – Она подвигала нижней челюстью из стороны в сторону и сморщилась от боли.

– Все в порядке. Айзнер сейчас занят пожарными! – крикнул он, чтобы заглушить орущее радио. – У нас есть пять минут.

– Айзнер забрался в дом Хесса, – прохрипела она. – Выстрелил в него и хотел сжечь документы.

– Я знаю. – Снейдер схватился за отмычку и попытался расстегнуть наручники Сабины. – Харди скоро здесь появится.

– Он уже был здесь. Опустошил сейф Айзнера.

Снейдер поднял голову и удивленно посмотрел на Сабину. «Что за ерунда!»

– Дайте сюда. – Сабина взяла у Снейдера из руки отмычку. Она всегда показывала хорошие результаты на семинарах по технике взлома и во время заданий ни разу не прибегала к помощи службы по аварийному вскрытию дверей. Умелым движением она открыла наручники и наклонилась к лодыжкам.

Тем временем Снейдер разглядывал ее одежду. Брюки и блузка были мокрые. Он посмотрел на цепь и кран. Очевидно, Айзнер пытался утопить ее в этой дыре.

Сабина освободила ноги, сунула шнурки в карман брюк и хотела подняться. Но пошатнулась, и Снейдеру пришлось ее поддержать.

– О черт... – Она на мгновение закрыла глаза.

– Все в порядке? – спросил он.

Сабина потерла запястье.

– Да, уже лучше. Как вы меня нашли?

– Пеленгование сотового, русские жучки и система безопасности в доме Хесса.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Долгая история – сейчас нет времени объяснять. Где ваши телефон и машина?

– Утоплены в озере.

– Нам нужно убраться отсюда.

– Убраться? – Сабина удивленно взглянула на Снейдера. Потом на его наплечную кобуру. – Дайте мне ваше оружие, я арестую Айзнера. А вы пока можете позвонить в БКА и...

– Нет! – перебил он ее. Как бы ей это сейчас объяснить? – Еще слишком рано для ареста.

– Слишком рано? – возмущенно повторила она. – На счету Айзнера похищение, пытки и, возможно, проникновение в дом и попытка убийства, а вы считаете арест преждевременным?

– Не просто попытка убийства, – исправил ее Снейдер. – Сегодня утром Хесс скончался в больнице.

Сабина с ужасом посмотрела на него.

– Хесс мертв? – У нее отвисла челюсть. – И вы говорите это так... так... безэмоционально.

«Девочка, если бы ты знала!»

– За этим стоит намного больше, чем проникновение в дом, убийство, похищение и пытки, – сказал он. – Сейчас у нас есть шанс раскрыть причины преступления двадцатилетней давности и заодно несколько актуальных убийств. А именно сейчас, пока Айзнер еще на свободе...

– Вы хотите, чтобы Айзнер разгуливал на свободе? – крикнула она. – Ни за что! Я его арестую.

– Черт побери! Вы такая глупая и упрямая! – фыркнул он.

– Можете даже не закатывать глаза. Дайте мне ваш пистолет! – потребовала она.

Снейдер схватился за кобуру, достал «глок» и дозарядил его. Но, вместо того чтобы протянуть оружие Сабине, направил ствол на нее.

– Видимо, по-другому не получится.

– Я не верю! Что вы делаете? – закричала она.

– Вы сейчас внимательно выслушаете меня. Или мы делаем все вместе так, как я считаю правильным, или я нокаутирую вас и снова привяжу к цепи.

Сабина задохнулась.

– Я...

– Айзнер пока занят с пожарными. Затем его сможет ненадолго отвлечь Кржистоф.

– Кржистоф? Тот Кржистоф, который?..

– Да! – перебил он ее. – Если мы сейчас поднимем скандал, то никогда не получим доказательств, которые нам нужны. Поэтому мы сейчас бесшумно и тайком исчезнем из этого сарая и повесим снаружи замок на дверь. Айзнер не так быстро заметит, что вас нет, и будет чувствовать себя в безопасности. Это и есть наше преимущество. Он должен действовать. И он допустит ошибку.

– А если нет?

– Одно предположение подтверждалось всегда: чем больше у человека времени, тем больше ошибок он совершает.

– Но...

– Но мы хотим уличить не только Айзнера, – перебил ее Снейдер, – но и всех других, кто причастен к случившемуся! Это наш шанс выманить их из укрытия и заставить действовать! Иначе от нас улизнет крупная добыча.

Сабина посмотрела на него, словно сомневалась в его вменяемости.

– Кто еще вовлечен в это дело?

Снейдер взглянул на свои наручные часы. «Еще одна минута!»

– Белочка, – поспешно произнес он и поднял три пальца. – Есть три вида вещей: вещи, о которых мы знаем, что мы их знаем. Вещи, о которых мы знаем, что мы их не знаем. И наконец есть вещи, о которых мы не знаем, что мы их не знаем. Они самые опасные!

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы не имеем понятия, кому можем доверять и какие еще высокопоставленные сотрудники БКА, прокуроры или судьи

вовлечены в это дело. Поймите вы наконец! Это мы и должны выяснить. Но если мы сейчас подключим уголовную полицию или БКА, то всё снова замнут. При этом мы обнаружили лишь вершину айсберга! Это доступно вашему куриному умишке?

Сабина посмотрела на него. Лицо ее было красным, на шее пульсировала вена.

– Иногда у меня возникает чувство, что вы сожалеете, что жизнь такая короткая и у вас недостаточно времени, чтобы издеваться над своими партнерами.

Он улыбнулся.

– Значит, мы партнеры?

– Черт, да, это очень рискованно, но что мне остается? Опустите оружие! – Она подошла к верстаку и разрезала свои шнурки канцелярским ножом. Затем с трудом присела на корточки и начала торопливо продевать шнурки в дырки кроссовок.

– Это сейчас обязательно?

– Вы хотите, чтобы я потеряла ботинок во время нашего побега?

Снейдер подошел к двери и посмотрел через щель в сад. Пожарные как раз собирались покинуть дом.

– Поторопитесь!

Сабина только что зашнуровала вторую кроссовку.

– Если вы делаете все это, чтобы реабилитироваться, у меня для вас плохие новости. – Она поднялась и подошла к двери. – После смерти Хесса новым президентом БКА станет Дирк ван Нистельрой. Мы оба знаем, что он ненавидит вас еще сильнее, чем Хесс, и теперь вам тем более не вернуться на службу в БКА, что бы вы ни делали.

Снейдер взглянул на нее с холодной улыбкой, затем открыл дверь.

– Все совсем не так, как вы думаете.

48. Вторник, 31 мая

Харди дождался вечерних сумерек в переулке между двумя мусорными контейнерами, затем вышел из укрытия, пересек улицу и направился к вилле. Геральд Рорбек вернулся домой час назад и с тех пор никуда не выходил.

Харди достаточно хорошо знал Рорбека, чтобы понимать, что добровольно он его не впустит. Поэтому он открыл дверь своей отмычкой и легко ее толкнул. Но движение было резко остановлено натянутой предохранительной цепочкой. Недолго думая Харди всем своим весом надавил на дверь и вырвал цепочку из крепления.

Рорбек наверняка слышал шум, поэтому сейчас каждая секунда была на счету. Так как на верхнем этаже было темно, а свет горел только в гостиной, Харди бросился туда по коридору. Напольная лампа освещала помещение, телевизор – старомодный широкий ламповый аппарат – был выключен, зато работало радио. Рорбек, похоже, ужинал в кресле. И, видимо, вскочил как ужаленный, потому что сейчас стоял с бешеным взглядом, а вокруг него на ковре валялись поднос, тарелка, стакан, приборы и салатная миска.

По какой-то необъяснимой причине Рорбек хотел метнуться к дивану, но Харди оказался быстрее и сильно ударил его кастетом в лицо. Рорбек упал на пол и схватился за разбитую губу. Между пальцев потекла кровь.

В это время Харди другой рукой вытащил из-за пояса свой «вальтер» и направил на Рорбека.

– Не двигаться! И ни звука!

– Можно мне хотя бы сесть? – промямлил Рорбек.

– Ладно. – Продолжая целиться в Рорбека, Харди убрал кастет в карман и переложил «вальтер» в правую руку. – Я буду краток, потом уйду. Сожалею о сломанной двери, но этот ущерб лишь маленькая компенсация за цену, которую я заплатил в тюрьме.

Рорбек сел на диван.

– Чего ты хочешь?

– Ты и Хагена следили за Антуаном Томашевски, в то время как Ломан и Тимбольдт преследовали меня после освобождения, – перечислил Харди. – Кто водитель черной «Лады-Тайги»?

– Что? Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Держишь меня за идиота? Один из вас устроил пожар в моем доме и убил Лиззи и детей. Я читал протоколы допросов.

– Харди... – Рорбек провел рукой по лицу, размазав кровь по щеке. – Ты сошел с ума? Никто из нас не устраивал пожара. Я понятия не имею, кто это был. Армяне или чеченцы. В любом случае твоя жена успела бы выбежать, но она якобы хотела спасти из огня более двух с половиной миллионов и сгорела вместе с деньгами. Если бы она...

Харди уставился на него, и в тот же момент Рорбек стиснул зубы, словно осознав, что проговорился.

– Откуда ты знаешь, сколько денег было в доме?

– Я... я не знал. Это подсчеты Айзнера. Он прикинул, что ты должен был скопить столько за все годы. Харди, для этого не нужно быть великим математиком. Ты можешь направить пистолет в другую сторону?

– Значит, Айзнер? – повторил Харди. – Ты сейчас пытаешься спасти свою шкуру?

– Харди, подумай сам: кто стоял за всем этим?

– Что? – Харди не понял вопроса.

– Кому принадлежала идея начать весь этот бизнес?

– Кому? Мне, черт возьми. На что ты намекаешь?

– Ты? – Рорбек рассмеялся. – Это была идея твоя и Лиззи. Но подумай еще. Кто первым заговорил об этом?

Харди непонимающе посмотрел на Рорбека. Он пытается выиграть время?

– Придурок, ты действительно думал, что изначально это была твоя идея – ты будешь торговать наркотиками, а мы закроем на это глаза? – Рорбек засмеялся, из уголков губ потекла кровь. Он закашлялся и сплюнул на пол.

– Тогда чья же это была идея?

– Задолго до того, как ты задумал уйти со службы, чтобы смешивать наркотики, пока мы тебя прикрываем, Айзнер поговорил с Лиззи. – Рорбек прислонился к краю дивана. – Харди, это была их идея!

– Чушь!

– Айзнер трахался с Лиззи.

Харди так сильно сжал рукоятку пистолета, что костяшки его пальцев побелели.

– То, что ты утверждаешь, чертовски опасно.

– Но это правда! Тогда, на рождественской вечеринке БКА, в тот день, когда Айзнер... ну, ты знаешь, чуть концы не отдал.

Харди помнил. Трахеотомия Айзнера! Жуткая сцена, которую он быстро отогнал от себя.

– С тех пор у них был роман. Лиззи вложила тебе в голову эту идею. И ведь это она предложила возобновить контакт с Айзнером, верно? Харди, ты все время был марионеткой.

Сильная головная боль дала о себе знать, как каждый раз, когда он думал о Лиззи. Но на этот раз боль была какой-то освобождающей. Очищающей! Много, чего он не понимал многие годы, неожиданно приобрело смысл: поведение Лиззи и все разговоры с Айзнером. За исключением небольших трудностей на старте, почти все прошло как по маслу – практически гладко, – и Харди действительно верил, что все это был его план и его заслуга.

Лиззи просто использовала его. Как и Айзнер. Этот подонок манипулировал им с самого начала и разрушил всю его чертову жизнь.

На мгновение он мысленно переместился в прошлое и увидел перед собой Лиззи – молодую, красивую, но опасную, как гремучая змея. И Айзнера, с его мерзкой улыбкой и трехдневной щетиной, которая скрывала шрам на горле...

Щелчок вернул Харди в реальность. Лишь сейчас он заметил, что, задумавшись, опустил оружие.

Перед ним стоял Рорбек. Он откинул подушку с дивана и сейчас тоже держал в руке пистолет.

– Харди, брось оружие!

Ствол пистолета Рорбека был направлен ему на грудь. Старый маузер. С расстояния три метра выстрел проделает большую дыру в его грудной клетке.

Харди посмотрел на дуло маузера.

– Это не твое служебное оружие, – констатировал он.

– Верно, умник! – Рорбек мрачно рассмеялся. – Это нелегальное незарегистрированное оружие, которое так и не попало в камеру вещественных доказательств после полицейской облавы.

– И ты хочешь им меня убить? – спросил Харди.

Рорбек улыбнулся. На его зубах осталась размазанная кровь.

– Происхождение пули и гильзы установить невозможно.

– Если всадишь мне из него пулю, то тебе придется объясняться. –

Харди подумал. – Или ты собираешься прятать мой труп в своем подвале?

– Наоборот. Всего этого не нужно. Дело в том, что это ты проник в мой дом с этим пистолетом и угрожал мне и моему сыну. Мы боролись, я сумел вырвать у тебя оружие, потом вдруг произошел выстрел. Я не хотел, но убил тебя в порядке самообороны. Десять сеансов с психологом БКА, и я опять в порядке. – Рорбек улыбнулся. – Итак, бросай оружие!

Харди уронил пистолет на пол. Он глухо ударился о ковер. Харди все еще думал о Лиззи и Айзнере.

– У тебя есть сын? – неожиданно пробормотал он.

– Он спит наверху, и ты, подонок, к нему даже не приблизишься. – Не выпуская его из вида, Рорбек взял пульт дистанционного управления с дивана, сделал радио громче, затем шагнул к Харди, продолжая целиться ему в грудь.

На мгновение музыка оглушила Харди, и он посмотрел мимо Рорбека в сторону шкафа. В матовой черной поверхности выключенного телевизора Харди увидел искаженное отражение маленького мальчика, который стоял за ним. Должно быть, он только что спустился по лестнице. Рорбек, похоже, его не видел, потому что мальчик стоял точно за Харди.

– Папа, кто это? – неожиданно прозвучал его сонный голос.

Рорбек удивленно посмотрел за Харди, и в этот момент Харди прыгнул вперед, схватил руку Рорбека с пистолетом и со всей силы опустил вниз. Мужчины качнулись в сторону. Прогремел выстрел, и Харди почувствовал, что его ранило в бедро. Этот козел действительно выстрелил!

Но боль была на удивление терпимой. И при этом Харди сильнее чувствовал запах кордита и жженого металла.

– Беги наверх! – прохрипел Рорбек, продолжая бороться с Харди. – Я... – Он вдруг замолчал.

Харди почувствовал, что Рорбек больше не оказывал сопротивления. Рорбек выронил пистолет, выпустил руку Харди и побежал к двери комнаты. Там на спине лежал его сын. С

взъерошенными волосами, лет пяти, в светлой пижаме с маленькими нарисованными мишками.

Но в районе груди пижама была окрашена в красный цвет. Жуткое багровое пятно становилось все больше, как раскрывающийся розовый бутон. Рорбек опустился на пол и положил голову мальчика себе на колени. Одной рукой он щупал пульс на шее, другой зажимал рану в груди.

Харди инстинктивно коснулся своего бедра. Почувствовал прожженную дырку в джинсах, но боли не было. Никакой входной раны, только ушиб. Тут он понял, что пуля попала в кастет в кармане и, должно быть, отколошетила в сына Рорбека.

– Нет, Янни, нет! – кричал Рорбек. По щекам у него бежали слезы. Он беспомощно пытался остановить ладонями кровотечение, но его пальцы все сильнее слипались и окрашивались в темно-красный цвет.

Эта сцена напомнила Харди о смерти собственных детей.

– Мне вызвать скорую? – с комком в горле прошептал он.

– Убирайся, проклятая тварь! – сквозь слезы крикнул Рорбек. Он обнял своего мальчика и прижал к себе, словно отказывался воспринимать случившееся.

У Харди все внутри сжалось. Он вдруг вспомнил слова Норы. «Ты хочешь мести или справедливости?» Если до этого он не знал ответа на ее вопрос – то теперь все понял. У мести нет победителей. Только проигравшие. Которые теряют любимого человека или частицу своей души.

Он закончит свою вендетту. Здесь и сейчас! Раз и навсегда. Больше никаких смертей! Найди убийцу своей жены и отдай под суд. Ничего больше. Этого тебе должно быть достаточно!

– Мне очень жаль, – прошептал Харди.

– Убирайся! – выдавил Рорбек, в слезах качая тело своего сына на руках, как будто хотел вернуть его к жизни.

Харди поднял свой пистолет с пола и покинул дом.

После того как Снейдер запер деревянный сарай на замок, Сабина полезла с ним через высокий проволочный забор в том месте, где висел пиджак. Когда она была почти наверху, силы покинули ее, и Снейдеру пришлось ей помогать. Изможденная, Сабина опустилась на траву с другой стороны.

Снейдер тоже перелез через забор и присел рядом с ней на корточки.

– Все в порядке?

Сабина массировала запястья и, морщась от боли, вращала плечами.

– А что мне остается?

– Там впереди стоит машина Кржистофа, – объяснил Снейдер и надел свой помятый дизайнерский пиджак. – Готовы?

Сабина кивнула. Они побежали по лесу к парковке, и Сабина узнала красный «форд-транзит» с логотипом сбоку: «На службе вашего здоровья». Они добрались до парковки и спрятались за минивэном. Обе пожарные машины как раз выезжали друг за другом задним ходом.

– Вы устроили этот кавардак? – спросила Сабина.

– Небольшой отвлекающий маневр.

– Можно мне теперь ваше оружие?

– Нет.

– Послушайте! – Сабина убрала все еще мокрые волосы за ухо. – Я сутки ничего не ела, едва не захлебнулась, я вся мокрая, грязная, почти не спала, и у меня все болит. Моя машина лежит на дне озера, а мой пистолет у этого мерзавца. Мои нервы на пределе, поэтому вам лучше меня не злить. – Она вспомнила последнее загадочное предложение Снейдера, которое он произнес в сарае. – Скажите хотя бы, какое отношение к этому делу имеет Дирк ван Нистельрой.

– Он поручил мне выяснить правду.

– Вы издеваетесь!

Снейдер серьезно посмотрел на нее, но ничего не ответил на ее комментарий.

– Поэтому ван Нистельрой был в баре «Ромео», – размышляла она.

– Он приехал в Висбаден в частном порядке и хотел встретиться со мной. Вчера вечером, после нашего разговора на кладбище, я получил от него добро.

– Именно вы?

Снейдер выглянул из-за фургона и посмотрел в сторону участка.

– Дирк ван Нистельрой знал, что самое позднее через полгода он станет новым президентом БКА. Никто, конечно, не предполагал, что все случится так быстро. Во всяком случае, он хотел встретиться со мной после первых смертей, которые произошли в Висбадене после освобождения Харди. До него доходили слухи, что эта старая история о коррупции и наркodenьгах не была до конца расследована, а просто замята, и что заправилами являются высокопоставленные чиновники в БКА.

– И вы должны осушить это болото?

– Взамен он даст мне шанс вернуться на службу в БКА.

– Сделка между враждующими мужчинами, – прокомментировала Сабина.

– По крайней мере, нас не связывает тесная дружба.

– Кстати, почему?

– Возможно, когда-нибудь я вам расскажу.

– Но почему он выбрал именно вас – того, кто уже девять месяцев отстранен от службы?

– Он сказал, что я подхожу для этого и единственный, кому он может доверять на сто процентов. Я всех знаю, был свидетелем тех событий, но сам никогда не состоял в «Группе-б».

Сабина кивнула.

– Он знал, что вы никогда не позволите втянуть себя в коррупционные схемы.

– По крайней мере, ван Нистельрой так думал. Поэтому и заключил со мной этот пакт. Вместо того чтобы просто возглавить коррупционную службу, он хотел увидеть, как покатаются головы виновных.

Сабина сделала глубокий вдох.

– Почему вы не рассказали мне это раньше?

– У ван Нистельроя есть свои представления о соблюдении конфиденциальности. Мне нельзя было сообщать вам, что мы работаем над одним и тем же делом.

– А я действительно думала, что расследования Тины, мои поиски информации, смерть Дианы и все эти убийства оставили вас равнодушным.

Снейдер ухмыльнулся.

– Вы можете сомневаться в ком угодно, только не во мне!

Сабина с облегчением вздохнула, но сразу посерьезнела.

– Значит, вы с самого начала планировали раскрыть правду и использовали меня для того, чтобы разворошить все дерьмо, – это начинает входить у вас в привычку. – Она ткнула его пальцем в грудь. – Своим постоянным «откажитесь от дела» вы лишь подстегивали нас с Тиной копать глубже!

– Тише! – шикнул Снейдер и снова посмотрел на дом. Затем взглянул на наручные часы. – Нет, на этот раз я действительно хотел вас отговорить. Мне не стоило вообще раскрывать рот, потому что вы всегда делаете обратное тому, что я говорю.

– А почему вы хотели, чтобы мы не ввязывались в это дело?

– И правда, почему? – вырвалось у него. – Просто потому, что это очень опасно. – Он опять взглянул на дом. – На мой взгляд, Кржистоф уже слишком долго находится в доме. Я должен пойти туда.

– Дайте мне ваш телефон, – потребовала она.

– Кому вы хотите звонить?

– Хочу предупредить Тину, чтобы она больше не занималась этим делом в одиночку.

Без комментариев Снейдер протянул ей телефон, и она набрала номер БКА и добавочный для сотового Тины. Ожидая ответа, она смотрела между деревьев на берег озера. Было уже шесть вечера, но, хотя на горизонте появились темные тучи, духота стояла по-прежнему невыносимая. Сабину все равно бил озноб, потому что ее одежда высохла не до конца.

В трубке щелкнуло.

– Привет, Снейдер, – ответила Тина резким тоном. – То, что вы мне звоните, настоящая дерзость...

– Тина! – перебила ее Сабина. – Это я. Я со Снейдером и хотела сказать, что у меня все в порядке.

– Сабина! – воскликнула Тина. – Где ты была? Я тут всех подняла на ноги!

– Я потом тебе расскажу. Наверняка ты уже знаешь, что Хесс мертв.

– Да, все это знают! Слух распространяется со скоростью пожара. Кстати, я вышла на след Харди.

Снейдер, который слушал разговор, неожиданно приподнял бровь. «Где?» – спросил он одними губами.

– Где он? – спросила Сабина.

– Мне помог Марк Крюгер из IT-отдела. Программа по распознаванию лиц засекала Харди на вокзале во Франкфурте, когда он садился в такси. Я разговаривала с таксистами, показала им фотографию Харди и узнала, что он несколько раз ездил на такси к одной и той же китайской закусочной.

– К какой?

– Она называется «Панда». Либо он там живет, либо кого-то знает. – Тина назвала ей адрес на восточной окраине Франкфурта.

В этот момент раздался выстрел. Сабина автоматически нагнулась, прижалась к автомобилю и потянулась за оружием. Но ее рука скользнула в пустоту.

Снейдер тоже пригнулся, но тут же распрямился, чтобы взглянуть на участок. Стреляли в доме.

– Заканчивайте разговор, – прошипел он.

– Что у вас происходит? – спросила Тина.

– Потом расскажу, – сказала Сабина.

– Что бы ни произошло двадцать лет назад – Харди ключ к разгадке. Я поеду к этой закусочной.

– Встретимся там. Сколько времени тебе нужно?

Остановливать Тину не имело смысла. К тому же у Сабины сейчас не было ни машины, ни оружия, ни водительских прав или удостоверения БКА. Встреча с Тиной была для обеих, возможно, лучшей тактикой.

– Я поблизости, в двадцати пяти минутах. – Она закончила разговор и протянула телефон Снейдеру.

– Возьмите себе.

– Но тогда вы останетесь без телефона.

– По крайней мере, я знаю, как с вами связаться. Я слышал ваш разговор. Вы ищите Харди!

– А что с выстрелом в доме?

– Я сам разберусь.

– Что, если вам понадобится моя помощь?

– Забудьте! – Снейдер снял наплечную кобуру и протянул Сабине свой «глок». – Берите!

Сабина удивленно надела кобуру поверх блузки и сунула в нее пистолет.

– Возьмите машину Кржистофа, ключ торчит в замке зажигания, – сказал Снейдер. – Если вам понадобится помощь, обращайтесь к Дирку ван Нистельрою, и только лично! Его номер сохранен в моем телефоне. И больше ни к кому. Вы поняли?

Сабина была слишком озадачена, чтобы возражать. Значит, Снейдер считал ситуацию настолько серьезной! Она кивнула.

Пока Сабина садилась в машину и поворачивала ключ зажигания, Снейдер уже бежал по парковке к дому, из которого после выстрела не доносилось ни одного звука.

Запыхавшись, Снейдер добежал до садовых ворот. Было безумием входить в дом без пистолета, но он не хотел отпускать Сабину безоружной. К тому же в доме Айзнера находился пистолет, из которого стреляли, – и он должен его заполучить.

Снейдер открыл ворота. Пересек лужайку в несколько широких шагов и поднялся по ступеням к входной двери. Нажал на ручку. Дверь была незаперта. Он тихо отворил ее, вошел внутрь и пригнулся, в любой момент ожидая выстрела. Но ничего не произошло. В прихожей никого не было. Ключ торчал в замке с внутренней стороны. Айзнер действительно забыл запереть дверь? Или, может, Кржистоф открыл ее для Снейдера?

Снейдер слышал, как наверху кто-то торопливо хлопал ящиками. Это был точно не Кржистоф, потому что Снейдер поручил ему искать Сабину в подвале. А если наверху был Айзнер, значит, это он стрелял в Кржистофа – и тот лежал теперь где-то, раненный или мертвый.

Снейдер закрыл входную дверь, но не запер на замок. Дверь в подвал была распахнута. На цыпочках он подошел к лестнице и посмотрел вниз. В потемках разглядел ноги на последних ступенях.

– Кржистоф? – шепнул он.

– Снейдер... – отозвался сдавленный удивленный голос.

Снейдер прикрыл за собой дверь, но не плотно, чтобы слышать, что происходит наверху, – и спустился по лестнице.

Кржистоф лежал у стены на бетонном полу. Его руки были раскинуты в стороны и примотаны коричневым скотчем к трубе батареи. Из раны около ключицы шла кровь, но на первый взгляд ранение не угрожало жизни Кржистова. Правда, обе его ноги были сломаны, что Снейдер понял по вывернутым ступням. При падении с лестницы Кржистоф мог сломать себе одну ногу, но не обе. Тем более в одинаковых местах.

Снейдер присел на корточки и пощупал лодыжки.

– Это был Айзнер? – спросил он.

– Да, этот козел сбил меня с ног и сразу же выстрелил.

Затем положил мои ноги на край лестницы и наступил.

Снейдер мысленно представил себе хруст костей и отчаянные стоны Кржистофа.

– А что с ключицей?

– Чертовски жжет. Пуля все еще внутри.

– Это ты оставил открытой входную дверь?

– Нет, а должен был?

– Нет, все в порядке, – перебил его Снейдер. Из-за того, что руки Кржистофа были привязаны к батарее, он не мог посадить его.

Снейдер достал из кармана набор отмычек и вытащил самый стабильный металлический штифт.

– Сожми зубы покрепче, будет больно.

– Не больше, чем огнестрельн... а-а-а!

– Тише! – шикнул Снейдер. Он проткнул металлическим штифтом скотч в нескольких местах, затем дернул несколько раз, пока лента не разорвалась.

– Черт тебя возьми! Никакой чуткости, – пробурчал Кржистоф и потер запястья. – Айзнер еще наверху.

Снейдер убрал металлический штифт.

– Знаю. Сожми зубы! – Он потянул Кржистофа вверх и усадил спиной к батарее.

– Проклятье, я больше не пойду с тобой, – прохрипел Кржистоф.

– С такими ногами ты пока никуда не сможешь ходить. – Снейдер снял пиджак, скатал его и приложил к ране Кржистофа. – Держи вот так! – Он огляделся. В двух метрах, в зоне недосягаемости Кржистофа, лежали его телефон и малокалиберный пистолет. Снейдер схватил их и понюхал ствол. Из оружия недавно стреляли. Получается, Айзнер выстрелил в Кржистофа из его же пистолета, а не из собственного. Умно!

Снейдер хотел вызвать скорую помощь, но телефон Кржистофа был заблокирован.

– Как его разблокировать?

– Не скажу! – выдавил Кржистоф.

– Ты с ума сошел? У тебя детская порнография на телефоне? Она меня не интересует.

– Нет, – буркнул Кржистоф и замолчал.

Этот идиот лучше истечет кровью! Снейдер пошел к подвальному окну, поднес телефон к свету и увидел на дисплее размазанный

жирный след в форме зигзага Z. Он провел пальцем по фигуре, но сотовый не разблокировался. Попробовал еще раз в противоположном направлении – получилось.

– Что ты там делаешь? – прохрипел Кржистоф.

– Тебе нужен врач, – заявил Снейдер.

Первоначальный план – следить за Айзнером, загнать его в угол и дожидаться, пока он совершит ошибку, – можно было забыть. Айзнер заявит, что застал врасплох бывшего заключенного, проникшего в его дом, боролся с ним, случайно подстрелил во время потасовки и связал – и ни один судья на свете ничего ему не возразит. А то, что он выстрелил в Кржистофа из его же пистолета, только подтвердит теорию вооруженного нападения.

Снейдер набрал номер скорой помощи и ждал ответа.

– Айзнеру до этого кто-то позвонил, – прохрипел Кржистоф. – Он засуетился и бросил меня здесь.

– Да, не разговаривай! Лучше зажимай покрепче рану! – прошептал Снейдер. Наконец на другом конце ответили. Снейдер назвал свою фамилию, адрес Айзнера, описал ранения Кржистофа и попросил прислать машину скорой помощи.

– Если твои коллеги найдут меня здесь с оружием, я пропал.

– У тебя не было оружия, – сказал Снейдер и сунул пистолет Кржистофа себе за пояс. – К тому же я могу подтвердить, что ты хотел навестить Айзнера с дружеским визитом. Ты уже пять лет как вышел из тюрьмы и решил, что сейчас подходящее время, чтобы извиниться перед Айзнером за смерть его жены. Но ты не рассчитывал, что он сорвется.

– Значит, вот так мы все вывернем?

– Да. – Снейдер выпрямился. – Я пойду наверх.

– Он выстрелит в тебя. Поверь, он жаждет крови.

– Это моя забота.

– Можно мне мой телефон?

– Нет. – Поднимаясь по ступеням, Снейдер услышал в коридоре приближающиеся шаги и бормотание.

Похоже, Айзнер говорил по телефону, но Снейдер не мог разобрать ни слова. Затем он услышал, как что-то пропищало пять раз. Видимо, Айзнер ввел код и активировал сигнализацию. Затем вытащил ключ, открыл входную дверь и вскоре снова захлопнул.

Снейдер вышел в коридор и услышал, как дверь заперли снаружи.

На всякий случай посмотрел по сторонам. Ничего. Затем подошел к окну и осторожно выглянул через тонкую занавеску в сад. Айзнер спустился по ступеням на лужайку. Теперь на нем был пиджак. Однако Айзнер направился не к деревянному сараю на берегу озера, как предполагал Снейдер, а к садовым воротам. Что он задумал?

Снейдер осмотрелся в доме. Рядом с входной дверью продолжала пищать сигнализация – на дисплее шел обратный отсчет.

9 секунд.

Через это время сигнализация включится. Затем, как только Снейдер откроет дверь или окно, сработают сирена и тихая тревога, и сигнал поступит в полицию и, вероятно, на сотовый Айзнера. И он будет в курсе, что кто-то хотел проникнуть в его дом или выбраться из него.

5 секунд.

То же самое произойдет, когда Снейдер откроет дверь, чтобы впустить в дом врача.

3 секунды.

Он посмотрел на дисплей, ища кнопку отмены, и нажал на «Деактивировать». Обратный отсчет остановился на двух секундах.

Затем Снейдер взял сотовый Кржистофа, чтобы написать эсэмэс, как его взгляд упал на дисплей. На телефоне действительно открылось последнее видео, которое смотрел Кржистоф. Снейдер хотел закрыть окно, но случайно нажал на него. С ума сойти!

Запись была немного нечеткая, но это было не порно или какое-то брутальное снафф-видео, а пиратская копия телесериала. «Доктор Куин, женщина-врач» с Джейн Сеймур. Господи, кто бы мог подумать? Кржистоф любит романтику и сентиментальный кич. Неудивительно, что ему было стыдно. В следующий момент Снейдер замер, услышав, как хлопнула дверь багажника. Он быстро отправил сообщение на свой собственный номер в надежде, что Сабина его прочитает.

«Айзнер стрелял в Кржистофа. Он покидает дом. Я доступен по этому номеру».

Сейчас хлопнула дверца машины, и глухо взревел мотор. Возможно, Снейдеру все-таки не придется отказываться от изначального плана. Скорая помощь появится минут через десять, а за

это время Айзнер успеет покинуть участок и ничего не застанет. Значит, Снейдер снова в строю.

Он подошел к окну и посмотрел через занавеску. Айзнер только что уехал, и Снейдер увидел лишь задние фары серебристого БМВ.

51. Вторник, 31 мая

От дома Рорбека на юге Висбадена до района Гонзенхайм в Майнце было недалеко. Харди доехал на такси и сейчас шел вниз по Брайтештрассе.

«Больше никаких мыслей о мести – только выяснить правду!» В этом он себе поклялся. Его поискам пришел бы конец, если бы не этот короткий необдуманный комментарий Геральда Рорбека.

Более двух с половиной миллионов! Откуда тот знал сумму? Двадцать лет назад Харди заработал на наркобизнесе кучу денег в марках и иностранной валюте. Сегодня в пересчете это было бы два миллиона семьсот тысяч евро. Но деньги были не изъяты, а сгорели вместе с домом. Откуда Рорбек знал, сколько там было? Никто, кроме Харди, не знал точную сумму. За исключением Лиззи!

«Айзнер трахался с Лиззи!»

Что-то здесь было не так. Может, деньги вовсе не сгорели. Именно это он и хотел сейчас выяснить.

Харди знал, что по этому поводу сказала бы Нора. «Забудь о деньгах, – посоветовала бы она ему. – Нет смысла быть самым богатым на кладбище». Но если эти деньги кому-то и полагались, то ему! Поэтому он нанесет визит каждому из «Группы-6». И начнет с Хагены. «Всегда ищи самое слабое звено!»

В досье, которые достал ему Томашевски, адреса Анны Хагены не было. Кроме того, у нее был засекреченный номер. Из документов он узнал, что она жила с молодым мужчиной и падчерицей. Правда, Антуан раздобыл адрес ее сестры, известного в Майнце адвоката. Харди решил навестить ее, чтобы хотя бы узнать номер телефона Анны, не больше.

Добравшись до дома доктора Катарины Хагены, он обнаружил, что все на удивление просто. Адвокат его не ждала, но и не осознавала никакой опасности. Иначе заперла бы входную дверь в это время, а так Харди относительно легко проник в дом.

«Вальтер» был засунут за пояс на спине, но Харди не собирался им пользоваться. В этот раз он хотел просто поговорить без угроз или применения насилия.

Было почти половина десятого вечера. На нижнем этаже стояла кромешная тьма. Только наверху горел свет, который падал на длинную широкую лестницу.

Харди зашагал наверх. Деревянные ступени скрипели. Он услышал, как кто-то наверху открыл дверь и вышел в коридор. Харди тут же ускорил шаг.

– Мне очень жаль, что я вот так просто вошел к вам. Меня зовут Томас Хардковски! – громко крикнул он. – Я бывший коллега вашей сестры.

Катарина Хагена появилась на верхней ступени и ухватилась за перила.

– Я знаю, кто вы. – Ее лицо было непривычно бледным, а голос, вероятно, дрожал от вида Харди – со сломанным носом и опухшим глазом. – Вы убийца. И вам лучше покинуть мой дом, пока я не вызвала полицию.

Харди успокаивающе поднял руки.

– У меня только один вопрос.

Катарина проигнорировала его просьбу и достала из-за спины руку, в которой держала телефон. Она уже набирала номер.

«Черт!»

Тогда Харди вытащил пистолет и одним прыжком преодолел последние ступени. Он направил пистолет на Катарину, а другой рукой выхватил у нее из пальцев телефон. Она с визгом отпрянула.

– Тихо! – шикнул он. – У меня всего один вопрос. – Он целился в нее из пистолета, и она отступила на шаг к стене. Женщина не знала, что в целях безопасности пистолет даже не заряжен, чтобы избежать смертельных случайностей этой ночью.

– Что вы хотите знать? – истерично воскликнула Катарина.

– Где мне найти вашу сестру? Это все.

– Что вам от нее нужно?

– Я хочу знать, где она живет и как с ней связаться!

Катарина молчала.

Харди приставил ей пистолет к груди, на что она снова вскрикнула.

– У нее засекреченный номер. Я не могу вам его дать.

– Тогда позвоните ей, пусть она сама назначит место встречи. Давайте! – Харди сунул ей телефон в руку.

– Я... я не помню ее номер наизусть, – замямлила Катарина. – Мы уже много лет не общаемся, и ее номер не сохранен в телефоне.

– Что за дерьмо? – заорал Харди, схватил Катарину за руку и потащил по коридору к открытой двери, за которой находился освещенный кабинет. Видимо, Катарина работала, потому что на столе лежали раскрытые папки. Рядом стояла чашка с какао и современный стационарный телефонный аппарат. Кондиционер под потолком монотонно жужжал.

– Найдите ее номер и позвоните ей! – приказал Харди.

Катарина села за стол, дрожащими руками открыла записную книжку, полистала и уже хотела набрать какой-то номер на сотовом, но Харди ее остановил.

– Позвоните со стационарного телефона, чтобы я видел, какой номер вы набираете. И включите громкую связь.

Катарина отложила сотовый в сторону и начала набирать номер сестры на стационарном телефоне, а Харди стоял рядом и следил за дисплеем. Затем она включила громкую связь.

Катарина держала трубку дрожащими пальцами и ждала. Харди слышал гудки. После седьмого сняли трубку.

– Привет, сестричка, давно не разговаривали. Чудесно, что ты тоже мне иногда звонишь. Да, я еще жива, – раздался женский голос, который Харди тут же узнал столько лет спустя. Его бывшая коллега говорила язвительно. Похоже, сестры не были лучшими подругами.

– Где ты сейчас? – спросила Катарина почти срывающимся голосом.

– В Берлине на конференции. Господи, ты вот-вот заплачешь. С каких пор ты мною интересуешься? – На заднем плане слышалась типичная для бара фортепианная музыка и говор людей. – У меня мало времени, что случилось?

Харди кивнул, чтобы она продолжала говорить.

– Рядом со мной стоит Томас Хардковски... – Катарина прочистила горло. – Он хочет с тобой встретиться. У тебя дома.

На другом конце наступило молчание.

– Ты сказала ему, где я живу?

– Нет.

– Чего он хочет?

Харди выхватил трубку у Катарины.

– Привет, Анна. Я хочу знать, куда вы дели мои деньги, после того как сожгли мой дом.

– Какие деньги, сумасшедший? Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Анна, меня обманывали всю жизнь, и я сыт этим по горло.

– Почему ты не идешь к другим?

– Я только что был у Рорбека.

– И что?

Он не будет ей говорить, что сын Рорбека мертв.

– Поверь, я не собираюсь церемониться с твоей сестрой, – пригрозил Харди. Вообще-то он не хотел этого делать, но все равно прижал пистолет Катарине к виску, так что она в панике закричала.

– Харди, нет! – крикнула Анна.

– Где ты живешь? Я приду к тебе, а ты пока вспомнишь, где вы спрятали деньги.

– Харди, ты сошел с ума и только глубже загоняешь себя в дерьмо!

– Думаешь, мне есть что терять? Так что лучше поговори со мной, потому что я все равно выясню твой адрес. Но тогда приду к тебе уже в совсем другом настроении. – Возможно, он слишком далеко зашел, но теперь нужно довести все до конца. – Я слышал, у тебя есть муж и маленькая дочь.

– Моя сестра живет в...

– Катарина, нет! Замолчи! – раздался крик Анны из громкоговорителя.

Но Катарина не дала сбить себя с толку.

– Я скажу вам, потому что думаю, вы не такой жестокий, каким хотите казаться, – выдавила она. – Но вы должны пообещать мне, что не причините зла Анне и ее падчерице. Что бы Анна вам ни сделала, поверьте мне, она уже сполна за это заплатила... – Катарина заплакала. – Анна любит девочку как родную. Вы можете это понять? – Всхлипывая, она принялась вытирать слезы.

На мгновение Харди ослабил нажим пистолета на висок женщины. «Господи, опять все вышло из-под контроля».

– Катарина, я прошу тебя, больше ничего не говори! – раздался голос Анны.

На мгновение Харди отвлекся, тут Катарина вскочила и выбежала из кабинета.

«Твою мать!» Харди бросил трубку и побежал за ней. В коридоре он ее нагнал, но, прежде чем успел схватить, она запнулась на верхней ступени. Пытаясь ухватиться, с мерзким звуком скребанула ногтями по стене, а затем потеряла равновесие и полетела вниз по лестнице.

На мгновение у Харди остановилось сердце. Во время падения Катарина безуспешно пыталась схватиться за перекладины перил, но скорость была настолько велика, что она дважды перекувырнулась и наконец замерла на полу нижнего этажа.

«О господи!» Харди подбежал к ней. Растрепавшиеся волосы закрывали ей лицо, а голень выглядела сломанной. Но самое важное: она еще дышала. Убрав оружие, Харди осмотрел ее. Катарина открыла глаза и сморщилась от боли.

– Не двигайтесь. Я отвезу вас в больницу.

– Убирайтесь отсюда! – прошипела она.

– Вы не сможете идти, – заявил он. На всякий случай наклонился к ней и потрогал голень. Она была абсолютно точно сломана, потому что кожа над костью уже посинела, а Катарина вздрогнула от его прикосновения. – Возможно, у вас внутренние кровотечения.

– Я сама могу вызвать скорую.

– Как хотите, но ваш мобильник наверху. Не двигайтесь, я его принесу. – Харди хотел уже развернуться, но Катарина схватила его за руку.

– Вы бы действительно меня застрелили?

Он помедлил, затем помотал головой.

– А мою сестру и ее падчерицу?

– За кого вы меня принимаете? Я не убиваю детей. Я просто хочу раскрыть преступление, за которое отсидел в тюрьме. И вернуть свою собственность.

Катарина кивнула. Потом назвала ему улицу и номер дома в Висбадене.

– Пожалуйста, ничего ей не делайте.

– Нет, конечно. Спасибо. – Харди поднялся по лестнице и вошел в кабинет. Пока искал на письменном столе сотовый Катарины, услышал отчаянные крики Анны:

– Харди? Черт возьми, что случилось? Что ты с ней сделал, подонок?

Харди наклонился к телефонной трубке.

– Когда приду к тебе, я хочу получить ответы и свои деньги. – Он назвал ее адрес и разорвал соединение. Затем спустился по лестнице.

Сунув мобильный телефон Катарине в руку, хотел уже уйти, но увидел, как она прислонилась к стене и без сил опустила телефон.

– Мне позвонить за вас? – спросил Харди.

– Спасибо, я сама. Только отдохну минутку.

– Уверены?

– Да, уверена, идите.

Без дальнейших комментариев Харди покинул дом. Его встретила давящая ночная духота.

«Опять просто блестяще справился!»

Харди прошел мимо старого белого минивэна «фольксваген» с логотипом пиццы. «Продаю. 2499 евро» – было написано на картонке под лобовым стеклом. Ниже был указан номер телефона. Харди осмотрел машину, которая выглядела неплохо. Конечно, нужно будет проверить двигатель. Он достал сотовый и набрал номер.

Пока он звонил и узнавал про машину, не заметил, как за ним, на расстоянии нескольких сотен метров, вниз по улице проехала черная «Лада-Тайга» с выключенными фарами и остановилась перед домом Катарини Хагены.

За рулем сидел высокий лысый мужчина в темной одежде. Двигатель продолжал работать, когда открылась пассажирская дверь.

Сабина припарковала красный минивэн Кржистофа прямо перед входом в закусочную «Панда». Когда она вошла внутрь, в нос ей ударил запах жареной утки и кисло-сладкого соуса, и в желудке заурчало.

Тина уже стояла у прилавка и беседовала с пожилым азиатом. Когда она обернулась на звон колокольчика у входной двери и узнала Сабину, у нее отвисла челюсть.

– Откуда тебя выпустили?

– Потом! – оборвала Сабина все дальнейшие вопросы.

– Твоя одежда, лицо и волосы выглядят так, будто...

– Ты напоминаешь Красную Шапочку, – перебила ее Сабина.

– И кисть сильно опухла.

– Знакомство с кочергой, – коротко ответила Сабина. – Так что ты выяснила?

Тина помахала фотографией.

– Харди появлялся здесь много раз, но господин Чан, владелец закусочной, не знает, где он живет.

– Черт, – выругалась Сабина. – Значит, тупик.

– Не совсем. – Глаза Тины блестели. – Возможно, у Харди роман с некоей Норой Мюленхоф.

– А откуда господин Чан это знает? Он брачный консультант?

– Она работает здесь официанткой. Но сегодня не вышла в свою смену, хотя должна работать уже с восьми утра.

– Мы можем ей позвонить?

Тина помотала головой.

– Она глухая – по крайней мере, так утверждает господин Чан.

– Что? Глухая официантка? – Сабина чуть было не рассмеялась вслух, но заметила серьезный взгляд Тины. – О'кей, это нам не поможет. – Она обратилась к владельцу: – Вы знаете, где живет эта Нора Мюленхоф?

Господин Чан посмотрел сначала на Тину, затем на Сабину и ее наплечную кобуру. И указал на потолок.

– На четвертом этаже.

Тина и Сабина побежали друг за другом по лестнице на четвертый этаж.

– С каких пор ты носишь наплечную кобуру? – спросила Тина. – Она выглядит точно так же, как у...

– Снейдер дал ее мне. Это его пистолет.

– А где твой?

– Потом.

– Черт, мне начинает это надоедать, – запыхавшись, сказала Тина. – Ты постоянно обещаешь объяснить все потом! Я напоминаю себе стажера в полицейской школе. Что это за тайны?

– Мы имеем дело с «Группой-6», а ты знаешь, какие это влиятельные люди.

Тина рассмеялась.

– И ты правда веришь, что мы, две мелкие сошки, сумеем разгрести все это дерьмо?

– Снейдер на нашей стороне.

– Мы говорим об одном и том же Снейдере? Снейдере, которого отстранили от службы, который не захотел нам помогать и который говорил мне и тебе не лезть в это дело? Вот об этом Снейдере?

– Да, о нем.

Тина остановилась перед дверью Норы Мюленхоф.

– Что это вдруг! Я не понимаю... – начала возмущаться она, но умолкла, когда ее взгляд упал на пол, а затем на дверь.

На коврике лежали обломки древесины. Сабина тоже увидела изуродованную дверную раму. Дверь в квартиру была приоткрыта и, видимо, не закрывалась до конца, потому что металлическая пластина замка была перекошена.

Сабина осторожно постучала по двери носком кроссовки, и на пол посыпались опилки. Кто-то взломал замок стамеской. По следам Сабина увидела, что работали узким инструментом. Взломщик был профессионалом, который точно знал, где располагаются зубцы замка, и вырвал их одним прицельным ударом между дверью и рамой.

Сабина и Тина одновременно вытащили свое оружие. Сабина медленно открыла ногой дверь и первая вошла в квартиру. Тина последовала за ней. Прикрывая друг друга, они по очереди проверяли каждое помещение, но не обнаружили следов ни Харди, ни Норы.

В кухне было чисто, все стояло на своих местах, в комнатах тоже ничто не указывало на борьбу или похищение. Только в спальне на кровати лежал открытый и наполовину заполненный чемодан. Ничего не пропало, потому что под стопкой блузок лежала пачка денег, украшения и загранпаспорт.

– Похоже, Нора собиралась уезжать, – констатировала Тина.

– Выглядит так, как будто ее поспешно забрали. – Сабина сунула паспорт Норы в задний карман брюк.

– Что ты делаешь?

– У кого нет паспорта, тому не так просто покинуть страну, – ответила Сабина. Она вышла из спальни и стала рассматривать фотографию в рамке, которая стояла на книжной полке: женщина лет сорока пяти с голубыми глазами, веснушками и короткими светлыми волосами рядом с пожилой женщиной. Если это была Нора Мюленхоф со своей матерью, то она выглядела довольно хорошо. – Ты правда думаешь, что она глухая?

– По крайней мере, радио я в квартире не заметила! – крикнула Тина из спальни. – Думаешь, ее кто-то похитил? Харди?

– Возможно.

– Почему она не позвала на помощь?

– Потому что глухая и не услышала, как взломали ее дверь? – предположила Сабина. – Если наша теория верна, похититель прихватил, возможно, и ее кошку.

– Кошку? – повторила Тина.

– В кухне стоят миски с едой и водой, в гостиной лежат кошачья щетка и таблетки от глистов, а на диване кошачья шерсть. Но животного нет.

Тина тоже вошла в гостиную. Она надела латексные перчатки и держала в руке смартфон.

– Лежал на ночном столике. Зачем глухому человеку такой телефон?

– Глупый вопрос – чтобы писать эсэмэс или сидеть в Интернете. Все равно лишь немногие звонят по нему, – возразила Сабина.

– Ага. – Тина нажала на кнопки. – Действительно, звук отключен. – Она взглянула на взломанную дверь. – Мы должны сообщить криминалистам и техникам.

Сабина нахмурилась. С одной стороны, обстоятельства не терпели отлагательства, нужно было срочно объявить Нору Мюленхоф и Томаса Хардковски в розыск. С другой стороны, Снейдер велел ей контактировать только с Дирком ван Нистельроем. Стоит ли беспокоить нового президента БКА по поводу возможного похищения официантки? Это же нелепо!

– В чем дело? – спросила Тина.

– Я...

Вдруг Тина вздрогнула, потому что телефон у нее в руке завибрировал. Она взглянула на дисплей.

– Сообщение.

– От кого?

– Ни за что не догадаешься! От некоего Харди. Смотри, вот он и попался.

Сабина подошла ближе, и вместе они прочитали сообщение:

«Приходи в 20 часов к нашему месту встречи».

Тина посмотрела на взломанную дверь и потом в спальню, где лежал раскрытый чемодан.

– Это будет сложно.

Сабина взглянула на часы: 19:15.

– И где это место встречи? – спросила Тина.

– Дай мне минуту. – Сабина огляделась в гостиной, открыла шкафы и заглянула в каждый ящик.

– Что ты ищешь?

– Сумку-переноску для кошки.

– Не знаю, зачем тебе это, но о'кей, – пробормотала Тина и стала помогать. Но ни в коридоре, ни в кладовке они ничего не нашли. – Здесь ничего нет.

– Здесь тоже нет! – крикнула Сабина, которая только что обыскала спальню.

– Очевидно, кошка либо исчезла вместе с Норой, либо выбежала в открытую дверь, либо недавно умерла.

– В подъезде кошку мы не видели, а вода в миске свежая, – возразила Сабина и начала перерывать вещи в чемодане Норы. – Тут ветеринарный паспорт кошки! – крикнула она и полистала книжечку.

– Надень хотя бы перчатки, ты уничтожишь все следы, – возмутилась Тина.

– У криминалистов есть мои отпечатки пальцев, и они смогут их отфильтровать, – ответила Сабина. – Кошку зовут Твинки. – Она закрыла паспорт. – Ответь на эсэмэс и спроси, сможет ли Харди тебя забрать. Чемодан и перевозка для Твинки слишком тяжелые.

– Слишком тяжелые? И ты думаешь, он в это поверит?

– Попробуем. – Задумавшись, Сабина сунула ветеринарный паспорт в карман.

Тина напечатала эсэмэс, и они стали ждать. Через двадцать секунд пришло ответное сообщение.

«Нет. Возьми такси. До Райн-Майнштрассе не так дорого. Жди, как договорились, у старого турникета. Я должен быть уверен, что за тобой нет хвоста».

– У старого турникета? – повторила Тина. – Что это значит? Какой-то символ? – Она отложила сотовый Норы в сторону и открыла маршрутизатор на собственном смартфоне. – Во Франкфурте есть Райн-Майнштрассе, улица не очень длинная и находится на отшибе, в бывшей промзоне. Где там должен быть старый турникет? – Тина перешла в спутниковую карту и увеличила картинку. Медленно перемещала изображение.

– Вот! – воскликнула Сабина, которая тоже склонилась на телефоном. – Это похоже на высотное здание с огромной парковкой. Офисное здание или, может, торговый центр?

– Старый бассейн «Аквамарин», – сказала Тина. – Насколько я знаю, он пустует уже десять лет. Там наверняка есть турникет для прохода. Значит, там они хотят встретиться.

Сабина взглянула на часы.

– Думаю, нам понадобится минут пятнадцать, чтобы туда добраться. Напиши Харди, что будешь там в начале девятого.

Тина напечатала сообщение и отправила. Через минуту пришел ответ. «О`кей».

– Это сделано, – сказала Тина. – А сейчас?

– А сейчас мы схватим Харди.

– Секунду. – Тина подняла руки. – С тобой одной без прикрытия я никого не собираюсь хватать. По всей вероятности, Харди совершил несколько убийств, и мы понятия не имеем, как он отреагирует, если вместо Норы появимся мы. К тому же мы не знаем, где Нора, кто ее похитил, и...

– Об этом и речь не шла, – перебила ее Сабина. – Мой план выглядит следующим образом. – Она сделала глубокий вдох. – Ты свяжешься с Дирком ван Нистельроем – обязательно лично! Спроси, где он находится, или просто иди к нему в офис.

– Конечно, и он тут же меня примет.

– Примет! Поверь мне. Он поручил Снейдеру раскрыть махинации «Группы-6». Объясни ему, что ты знаешь о его со Снейдером договоре и что мы работаем вместе со Снейдером.

Тина посмотрела на нее большими глазами, но Сабина не дала ей ничего сказать.

– Он должен прислать в эту квартиру криминалистов и объявить Нору Мюленхоф в розыск. Одновременно запеленговать мобильный Харди, чей номер у нас теперь есть. Затем направить оперативную группу к старому бассейну.

Тина быстро взяла себя в руки.

– У ван Нистельроя будет куча вопросов ко мне. Как я смогу с тобой связаться?

– По номеру Снейдера. – Сабина вытащила телефон Снейдера из кармана и демонстративно подняла вверх. Тут она заметила, что сотовый переведен в беззвучный режим и что она давно получила эсэмэс.

– Секунду. – Она открыла сообщение.

«Айзнер стрелял в Кржистофа. Он покидает дом. Я доступен по этому номеру».

Сообщение было несомненно от Снейдера. Хотя он и просил ее не предпринимать никаких официальных шагов, но внутри ее все кричало, что сейчас самое время пустить в ход тяжелую артиллерию.

– И еще кое-что, – сказала она Тине. – Ван Нистельрой должен объявить в розыск Франка Айзнера. Он сутки удерживал меня, допрашивал, пытал, а сейчас еще выстрелил в Кржистофа, убийцу своей жены.

Тина уставилась на нее.

– О'кей, что еще?

– На всякий случай он должен организовать наблюдение за Тимбольдтом и Ломаном.

– Великолепно. – У Тины поникли плечи, а в голосе звучало отчаяние. – Это будет наш последний день в БКА.

– Возможно, – сказала Сабина. – Но тогда не только для нас.

– А что в это время будешь делать ты, можно узнать?

– Я поеду к этому бассейну и арестую Харди.

– Ты сумасшедшая! – Тина покачала головой. – Но все равно удачи. – Она положила телефон Норы в пластиковый пакет, сняла латексные печатки, которые сунула в карманы брюк, набрала номер на своем мобильном и вышла из квартиры.

Сабина с волнением посмотрела ей вслед. Возможно, то, что они сейчас делали, неправильно, но это был самый разумный компромисс, который пришел ей в голову.

Она тоже покинула квартиру и, как смогла, вставила дверь в раму. Спускаясь по лестнице, отправила Снейдеру сообщение:

«Харди во Франкфурте у старого бассейна „Аквамарин“. Я еду туда».

Было заметно, что старый бассейн уже много лет не работает. Только птицы искали здесь укрытия – и, возможно, бездомные зимой.

Сабина припарковала красный минивэн на большой парковке в тени елей, которые росли по периметру. На другом конце потрескавшейся бетонной площадки на кирпичках стояли ржавые кузова автомобилей без номеров, их колеса были давно украдены. Рядом был припаркован белый минивэн «фольксваген» с логотипом доставки пиццы. Он не бросался в глаза рядом со старыми жестянками, словно всегда там и стоял. «Отличная маскировка!» Это должна быть та машина, которую она видела в лесу рядом с домом Франка Айзнера.

Сабина осталась сидеть в минивэне и наблюдала за входом в бассейн. На мгновение у нее закрылись глаза. «Эй, не спать!» Она выпрямилась, протянула руку к пассажирскому сиденью и откусила от спринг-ролла, который купила в «Панде», прежде чем выдвинуться сюда. Жадно запила холодной колой. Углекислота ударила в нос и голову, но ей был необходим сахар, чтобы прийти в себя и раскачаться.

Сабина порылась в бардачке и нашла новую, еще нераспечатанную упаковку болеутоляющих таблеток. Выдавила две штуки и запила колой. «Ты должна оставаться бодрой! Еще несколько часов, потом сможешь отоспаться».

Она снова уставилась в окно. Харди боялся, что за Норой могут следить, поэтому он наверняка уже внутри здания и наблюдает за территорией. Так что было невозможно проникнуть туда незаметно – именно поэтому Харди и выбрал это место.

Сабина опустила боковое стекло. Вечерняя жара сменилась почти невыносимой духотой. Небо темнело с каждой секундой, поднялся ветер и зашелестел кронами деревьев. По потрескавшемуся асфальту затанцевали старые газеты и полиэтиленовые мешки. На горизонте сверкнули молнии, а через несколько мгновений раздался глухой далекий гром. Самое время, чтобы гроза смыла всю пыль, которая уже много недель висела в воздухе.

Сабина взяла телефон и позвонила Тине, которая ответила после второго гудка.

– Как дела?

– Я еще на пути в Висбаден и жду звонка Нистельроя, – ответила Тина через громкую связь в своей машине. – Может, стоит...

– Нет, только с ван Нистельроем, – напомнила ей Сабина. – Мне нужна твоя помощь. Отправь Харди длинное сообщение, напиши что угодно, главное отвлечь его.

– Что угодно? О'кей.

Сабина слышала, как Тина печатала.

– Отправила, – сказала она спустя какое-то время.

– Спасибо. – Сабина положила трубку, вытащила пистолет из кобуры и выбралась из минивэна. Харди отвлечется по крайней мере на несколько секунд, и за это время Сабина добежала до входа.

Поднялась по бетонным ступеням к входной двери. Та была заперта, но стекло разбито. Сабина шагнула через дверную раму, стараясь не наступать на осколки, и вошла в холл. С потолка на проводе свешивалась сломанная неоновая лампа.

В двух метрах перед Сабиной стояла касса, справа через турникет можно было пройти к раздевалкам, слева к бассейну. Над табло с входными ценами на стене находился логотип бассейна: две морские чайки с взъерошенными перьями кружились друг возле друга. Сабина наклонила голову и прислушалась. Харди не было ни видно, ни слышно.

Благодаря своим кроссовкам Сабина бесшумно передвигалась по мраморным плитам. Осторожным движением она как можно тише дозарядила «глок». «Направо или налево?» Она выбрала бассейн и бесшумно перелезла через турникет, не вращая его, потому что металлические прутья наверняка бы предательски заскрипели.

Лестница вела на пол-этажа вверх. Через пустой мини-бассейн для дезинфекции ног Сабина вошла в плавательный зал – в античном стиле, с колоннами и лепниной. Здесь оказалось значительно светлее, потому что боковые фасады и крыша были из стекла. На небе уже собирались темные тучи, и их большие тени ползли по полу, как живые существа.

В зале располагались спортивный бассейн, отделанный голубым кафелем, и детский бассейн с горкой. Ни в одном из них воды не было. Сабина подошла к краю спортивного бассейна – глубина составляла не меньше трех метров. На дне лежала сухая листва, которую как-то

загнал сюда ветер. Между кафельными плитками проросла сорная трава.

Несколько голубей, которые случайно залетели сюда, покружили над бассейном и, воркуя, сели на трехметровую вышку. Мостик для прыжков отсутствовал.

Сабина посмотрела по сторонам. На стеклянных стенах бассейна поработали граффитисты. Даже гимнастические снаряды были разрисованы. Сабина прошла мимо пустого кафетерия с уже потускневшей витриной.

Где же Харди? У турникета он не ждал и, похоже, отвлекающий маневр с эсэмэс оказался напрасным. Харди нигде не было видно, а кроме воркования голубей и завываний ветра, который задувал в какое-то разбитое окно, не доносилось ни одного звука.

«Я вообще туда пришла?»

Рядом с вышкой тренера находился проход к мужской раздевалке. Держа пистолет на изготовку, Сабина вошла в темное помещение, где воздух был намного более спертым. Ей понадобилось несколько секунд, пока ее глаза привыкли к темноте. Лестница в центре комнаты вела вниз – там, видимо, находились туалеты и, как Сабина прочитала на одной табличке, мужская сауна. Перила, уходящие в темноту, были покрыты толстым слоем пыли. Но Сабина решила не спускаться, потому что проникающий из зала свет и так едва освещал раздевалку.

Она пошла дальше. В помещении находились только пришедшие в негодность кабинки и ржавые ячейки для хранения вещей. Сабина уже хотела вернуться, когда услышала шорох. И это вряд ли был голубь. Она посмотрела под ноги, чтобы не наступить на что-нибудь, и спряталась в первом проходе между кабинками. У стены стояла тележка для покупок, а на полу лежали грязные матрасы – ночлег для бездомных. Она осторожно обошла вокруг и добралась до следующего угла. И замерла, услышав тихое пиканье электронных клавиш.

Сабина выглянула из-за угла. В темноте стоял мужчина, чье лицо освещалось дисплеем телефона. Харди! Она узнала в нем того, кто едва не задушил ее кочергой в доме Айзнера. У его ног стояла спортивная сумка – вероятно, та же самая, которую Сабина видела в подвале Айзнера.

Она втянула голову назад и глубоко подышала. Харди наверняка был вооружен. «Никаких действий в одиночку! Только наблюдать и

ждать прибытия коллег!» Сабина тихо вложила пистолет в кобуру и достала мобильный Снейдера, чтобы написать Тине сообщение. Она прикрыла экран рукой, чтобы светом не выдать себя, и еще раз убедилась, что все переведено в беззвучный режим. Но только она собралась напечатать первое слово, как пришло сообщение от Тины:

«Харди хочет знать от Норы, где они виделись в последний раз перед тем, как он отправился в полицейскую школу». Тина поставила в конце пять вопросительных знаков.

Похоже, Харди почуял неладное и догадался, что сотовый Норы у кого-то другого.

«Плевать! Харди здесь, присылай МЕК»^[11], гласил ответ Сабины. Нужно действовать, пока Харди не успел скрыться.

Она убрала телефон, достала оружие и сделала глубокий вдох. Затем вышла из-за угла и прицелилась в то место, где еще несколько мгновений назад стоял Харди. Но там было пусто! Харди исчез. На полу осталась брошенная спортивная сумка.

Сабина хотела оглядеться, но почувствовала, как к затылку прижался холодный металл пистолета. Видимо, Харди обошел кабинки и подкрался к ней с другой стороны.

– Не двигаться! – прорычал он. – Бросьте оружие на пол!

Сабина вцепилась в рукоятку «глока». По коже побежали мурашки. Этот гад ее подждал и, вероятно, отправил эсэмэс с вопросом, чтобы отвлечь ее.

– Дайте мне сотовый Норы! – потребовал он.

– У меня его нет, – прохрипела Сабина.

– Я вам не верю. Бросьте оружие и дайте мне телефон. Где Нора?

– Я не знаю.

Нажим пистолета на мгновение ослаб, но, прежде чем Сабина успела среагировать, Харди ударил ее рукояткой по затылку. Она споткнулась и подалась вперед, боль пронзила ей голову и позвоночник. «Проклятье, сколько можно!» Новых побоев она не выдержит. У нее и так уже все болело.

Харди подскочил к ней, приставил пистолет к голове и заставил опуститься на колени.

– Оружие на пол! – пригрозил он.

На этот раз Сабина послушалась, положила «глок» и отодвинула его от себя на метр.

– Кто вы?

– Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена.

– Вы молоды. Кто ваш начальник?

Сабина назвала фамилию руководителя отдела.

– А дальше?

– Над ним... – Сабина хотела назвать ему какую-нибудь выдуманную фамилию, но Харди сильнее вдавил ствол пистолета ей в голову.

– Не лгите мне! – прорычал он. – Я это пойму.

– Клаус Тимбольдт, – в итоге сказала она. Харди с отвращением фыркнул.

– Где Нора?

– Я не знаю, – повторила Сабина и затеребила ремень на брюках.

Харди должен был подумать, что она потянулась к полицейскому поясу безопасности, но в потемках ему было не разглядеть деталей.

– Руки вверх! – приказал он.

Сабина ждала этого. «А сейчас собери все свои силы!» Она подняла руки, одновременно мотнув головой в сторону, и схватила Харди за запястье.

В тот же момент раздался выстрел, и Сабине показалось, что у нее лопнули барабанные перепонки. Но она все равно вывернула руку Харди, перекинула его через плечо и воспользовалась его падением, чтобы выбить у него пистолет. Однако Харди схватил ее и увлек за собой на пол. Вместе они покатались по проходу. Сабине удалось дотянуться до «глока», который она до этого оттолкнула в сторону, а затем их тела ударились о стену кабинки.

Харди лежал на полу, и Сабина, сидя на нем верхом, прижала пистолет ему к горлу. Харди не двигался. Хотя опухшее запястье Сабины по-прежнему болело, она как можно крепче сжимала рукоятку и вдавливала ему ствол в шею. «Никакого сочувствия!» Все-таки это его она должна благодарить за свое ранение.

– За последние дни я пережила столько дерьма, что сейчас не в лучшем настроении! – крикнула она, но собственные слова прозвучали откуда-то издалека: после выстрела она оглохла на правое ухо. – И за это дерьмо я должна благодарить только вас и Франка Айзнера! – продолжала кричать она. – Так что не испытывайте мое терпение.

– Я...

– Я не понимаю ни слова, так что заткнитесь! – выкрикнула она. Продолжая прижимать пистолет к горлу Харди, она нащупала его оружие, которое лежало рядом на полу. Судя по форме, это был «вальтер». Она поставила пистолет на предохранитель и сунула себе за пояс.

– Вы хотите застрелить меня? – спросил Харди.

Сабина понимала только обрывки слов. Она подвигала челюстью, и слух медленно начал возвращаться.

– Вы арестованы! – крикнула она. На автомате зачитывая Харди его права, она вспомнила, что у нее нет с собой наручников. Будет чертовски трудно вывести Харди из здания, если он окажет сопротивление. Лучше всего, если он попытается сбежать – тогда она сможет выстрелить ему в ногу, но такого одолжения он ей не сделает; по крайней мере, не в данный момент.

– Арестован? – повторил он. – А за что? Стекло во входной двери уже было разбито.

– Как остроумно! – крикнула она. – Убийство сына Геральда Рорбека, доктора Катарины Хагены, жены Клауса Тимбольдта, а также Дианы и Дитриха Хессов. – В президента БКА, наверное, стрелял Айзнер, но остальные почти наверняка были на совести Харди.

– Хесс мертв? – спросил Харди. – И жена Тимбольдта тоже?

Сабина молчала. Она была в замешательстве.

– Не похоже, что вы проплачены Тимбольдтом, – сказал он.

– Что? – ничего не понимая, спросила Сабина.

Харди повторил, затем добавил:

– Я не убивал ни сына Рорбека, ни Катарины Хагену, жену Тимбольдта, Диану или Дитриха Хесса.

– Милая попытка оправдаться, но это решаю не я, а судья.

– Я никого не...

– Вы чуть не задушили меня в доме Франка Айзнера! – В ушах у Сабины щелкнуло, и она снова могла нормально слышать.

– Так это вы? – воскликнул Харди. – Я принял вас за подружку Айзнера или его соседку.

– И поэтому сразу набросились на меня с кочергой?

– Я лишь хотел, чтобы вы потеряли сознание.

– И я должна вам поверить? Что вы делали в доме Айзнера? Вы и его хотели убить?

Харди указал рукой на спортивную сумку.

– В сумке лежат акты службы ведомственного надзора.

Теперь Сабина была окончательно сбита с толку.

– Эти конфиденциальные акты у вас?

– Только не оригинал, а копия из судебного архива БКА. В документах значится, что членов «Группы-б» подозревали в поджоге моего дома. Один из них хладнокровно убил мою семью и свалил вину на меня... – Харди помолчал немного.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Потому что вы не заплачены Тимбольдтом. – Его глаза загорелись. – Помогите мне найти настоящего убийцу.

54. Среда, 1 июня

Харди сидел в своем белом минивэне «фольксваген», который зарегистрировал сегодня утром у автодилера. Он уже привык к запаху сыра, чеснока и холодных коробок из-под пиццы, который въелся в обивку сидений. Но на пару дней, которые он собирался провести в Германии, этого драндулета было вполне достаточно.

Он смотрел через грязное лобовое стекло. Машина стояла рядом с парком в темном углу, который не освещался фонарями. Оттуда Харди наблюдал за рестораном по другую сторону железнодорожного моста. С этого расстояния было видно только мерцание световой рекламы.

Получив у автодилера документы и номерные знаки, Харди поехал к территории БКА и там случайно увидел Диану Хесс. Вообще-то он хотел направиться к Анне Хагене, но вместо этого целый день преследовал Диану и наблюдал, как она и Дитрих Хесс в сопровождении нескольких мужчин зашли в этот ресторан три часа назад и с тех пор больше не выходили.

Харди напряженно смотрел в бинокль, который он также купил этим утром. Открылась дверь ресторана, и наружу вышла женщина. По палантину и забранным волосам он узнал Диану Хесс. Она разговаривала с каким-то мужчиной, вероятно, охранником, который все время простоял перед рестораном. Затем направилась к железнодорожному мосту.

Харди выждал. Диана Хесс продолжала идти в его направлении. Он быстро отложил бинокль в сторону. Диана прошла по мосту, остановилась посередине, оперлась об ограждение и сунула в рот сигарету. Огонек тлел в темноте.

Пока она говорила по телефону, Харди вылез из машины, направился к мосту и перебрался через заградительную ленту рядом с участком, на котором велись ремонтные работы. В этом месте асфальт был снят, а освещение не работало.

Диана не заметила, как он приблизился к ней, потому что смотрела вниз на железнодорожные рельсы и провожала взглядом поезда, которые проезжали под мостом.

Закончив говорить, она убрала телефон в сумочку и выбросила окурок на рельсы.

Харди уже дошел до нее и стоял в темноте на противоположной стороне у ограждения.

– Значит, вы все-таки пошли за мной? – спросила она, заметив его.

Не говоря ни слова, Харди сделал шаг вперед, и проезжающий поезд осветил его лицо.

– Вы! – вырвалось у нее.

– Добрый вечер, фрау Хесс, – сказал он и заметил, как хрипло и сухо прозвучал его голос.

После того как светская беседа была окончена, и он убедил Диану, что ей не понадобится ни телефон, ни газовый баллончик, он настойчиво посмотрел на нее.

– Я задам лишь один вопрос, и вам лучше дать мне правильный ответ.

Диана сглотнула и покосилась на ресторан, из которого вышла.

– Я постараюсь. Что вы хотите знать?

– Как мне встретиться с вашим мужем?

– Что вам от него нужно?

– Ответьте на мой вопрос!

– Только если скажете, чего от него хотите.

Харди вздохнул.

– Поговорить. А именно о том, где мои деньги.

– Ваши деньги? – повторила она.

В следующий момент она попыталась проскользнуть мимо него, но он схватил ее за воротник блузки, прижал к ограждению и перегнул верхнюю часть тела через перила.

– Я клянусь, что ничего не знаю о ваших деньгах, – прохрипела она.

– Двадцать лет назад ваш муж и его коллеги участвовали в одной мерзкой операции против меня.

– Вы не были невинной овечкой, Харди. Насколько я знаю, вы управляли наркокартелем и организовали акт мести, в результате которого погибла женщина.

– Но в смерти своей семьи я невиновен! – Он посмотрел ей в глаза.

– Я знаю, – выдавила она. – Коллеги моего мужа хотели уничтожить ваш бизнес. Я случайно подслушала разговор и заподозрила, что в ту ночь не все будет легально, поэтому умоляла

мужа не делать этого. Но Дитрих уверил меня, что никто не пострадает.

Харди не смог сдержать циничной улыбки.

– Огромное заблуждение! Все вышло из-под контроля, и моя жена и дети погибли. – Он крепче стиснул ее блузку, так что Диана вскрикнула.

– Результаты расследования службой ведомственного надзора лежат в сейфе моего мужа у нас дома.

– Я уже ознакомился с этими документами, – сказал Харди.

– Я обещаю вам, что добьюсь того, чтобы дело снова открыли и перепроверили все обстоятельства.

– Да что вы можете?

– Я знаю нескольких судей в Висбадене.

Харди изучал Диану. В ее взгляде читалась не только мольба, но и искреннее желание ему помочь. На такое он не рассчитывал.

– Даже если это навредит вашему мужу?

– Если он действительно виноват в смерти ваших детей, а вы из-за этого противоправно отсидели в тюрьме больше, чем вам полагалось... – Диана помедлила. – Да. Все-таки у меня самой двое... было двое сыновей, – исправилась она. – Один умер в прошлом году, другому шестнадцать лет и...

– Прекратите! – Он все еще прижимал ее к ограждению, но его ярость ослабевала.

– Харди, я знаю, что вы ничего мне не сделаете. Вы не убийца. Не стоит сейчас ничего портить. Я обещаю вам...

– Что поговорите с судьей?

– Да.

– И ваш муж ничего не узнает?

Она сглотнула.

– Не будьте наивными. Я должна поговорить с ним об этом; по-другому не получится. Но лишь после того, как я передам судье копии документов.

Харди нахмурился, его рука сжалась в кулак.

– Харди! Что бы вы ни задумали, это приведет к еще большему насилию. Поверьте мне! Мы решим все законным путем. Я вам помогу.

Харди колебался, затем выпустил ее.

– Согласен. – Внутри его растеклось тепло. Эта женщина действительно умела убеждать, и на мгновение он почувствовал уверенность. Все будет хорошо.

«Только если это не ошибка». Но после того, как этой ночью уже погиб сын Рорбека, а Катарина Хагена сломала ногу во время падения, было самое время сойти с пути насилия, каким он шел до сих пор. Возможно, вмешательство Дианы Хесс – это действительно его новый шанс обрести покой.

– Я дам вам свой номер, – сказала она и медленным движением, за которым Харди внимательно следил, вытащила из сумочки визитку. – Будем на связи.

Харди кивнул. Он убрал визитную карточку в карман и поправил воротник блузки Дианы.

– Спасибо.

– Мне пора назад.

– Спокойной ночи. – Он развернулся и пошел.

Под мостом прогрохотал поезд, отчего завибрировали металлические балки. Краем глаза Харди заметил, как заискрились провода.

На другой стороне моста Харди наткнулся на сгорбленного мужчину с опущенной головой. Держа в руке собачий поводок, он свистнул три раза. Харди поднял глаза, но не заметил никакой собаки. Вероятно, пес убежал, и мужчина искал его.

Харди сошел с моста и пошел в направлении парка. Пересекая улицу, он заметил, что довольно далеко на другом конце парка за деревьями припаркована еще одна машина, которой до этого там не было.

Мужчина с собакой?

Харди замедлил шаг, пристально всматриваясь в машину. «Эта форма!»

Он быстро подбежал к своему минивэну, схватил бинокль с пассажирского сиденья и посмотрел на машину.

«Лада-Тайга». Черт!

Харди развернулся.

Пожилой мужчина с поводком!

Он тут же направил бинокль на мост. Проклятье! Там стоял мужчина. Он душил Диану поводком и пытался перегнуть ее через

ограждения.

Харди швырнул бинокль в машину и побежал обратно к мосту. Добравшись до огражденного участка дороги и спуска, ведущего к железнодорожным путям, он остановился. Мужчина только что сбросил Диану Хесс через ограждение на рельсы. Через пару секунд под мостом прогрехотал очередной поезд. У Харди застыла кровь в жилах, когда он услышал визг аварийного тормоза. Ему не нужно было смотреть вниз, чтобы понять – Диана Хесс не могла выжить при падении. Поезд сбил ее и протащил тело несколько десятков метров перед собой.

Харди казалось, что его желудок представляет собой большой лопнувший нарыв, из которого в его организм вытекают гной, кровь и кислота. Во рту появился отвратительный привкус. С тяжелым затылком и холодными руками, Харди смотрел в сторону ограждения. Инстинктивно отступил на несколько шагов в темноту и ждал, пытаясь разглядеть лицо мужчины.

«Черт, ты должен пойти в полицию!»

Но из-за визита к Рорбеку, смерти его сына и ранения Хагены он не мог этого сделать. Полицейские тут же арестуют его, а затем против него будет выдвинуто сразу несколько обвинений. И все сговорятся между собой!

Мужчина, который как раз сматывал поводок, его пока не заметил.

Харди потоптался рядом с огражденным участком дороги, затем сделал шаг в сторону и ступил на поросший мхом склон.

Проклятье! Мужчина направлялся к нему! Мышцы Харди напряглись – готовясь к открытой конфронтации. «Только никаких необдуманных действий! Хоть раз в жизни будь умным!» Напряжение Харди ушло. Он согнулся и соскользнул вниз по склону под мост. Исчезнув из поля зрения мужчины, он зацепился за края стальной решетки, торчащей у него над головой из бетона, и затаил дыхание.

Над собой он слышал шаги. Мужчина прошел по мосту и ступил на дорогу. Харди подтянулся и увидел, как мужчина удаляется. Он подходил к фонарю. Сейчас! На мгновение в железнодорожном освещении мелькнул его профиль.

Франк Айзнер!

Он тоже постарел, но это несомненно был все тот же хладнокровный мудак, что и двадцать лет назад. Пока Айзнер шел к

своей машине, Харди перевел взгляд и уставился на рельсы внизу. Машинист остановил поезд, выскочил из кабины и бежал вдоль путей назад.

Желудок Харди сжался. Со смертью Дианы умерли и его надежды обрести душевный покой. Окончательно! Никакого возобновления дела. Никакого разговора с независимым судьей.

«Айзнер! Твой дом следующий в моем списке!»

Харди с ненавистью посмотрел в сторону «Лады-Тайги». Но Франк Айзнер прошел мимо машины, сел в другой автомобиль, который был припаркован в нескольких метрах дальше, и уехал. В серебристом БМВ.

Проклятье, что это было?

Харди вытянул шею и уставился вслед машине. Тут он увидел краем глаза, как черная «Лада-Тайга» тоже тронулась с места и, не включая фар, последовала за БМВ.

– Это не моя задача – помогать вам искать убийцу вашей семьи, – сказала Сабина.

– Я...

– Молчать! – перебила она Харди, схватила одной рукой и подняла из лежачего положения, не переставая целиться в него.

Она снова подумала о девочке из Нюрнберга, родители которой год назад во всеуслышание заявили, что не виновны в ее исчезновении. Поведение Харди совсем не соответствовало поведению мужчины, который убил свою семью в собственном доме. Возможно, в этом отношении он и правда был невиновен. Но в таком случае дело должно быть возобновлено прокуратурой и заново рассмотрено судом, а не ею. Сабина хотела просто раскрыть актуальные убийства, а это предполагало арест Харди. Не больше и не меньше.

– И что теперь? – спросил Харди.

– Встаньте к шкафу, ко мне спиной, руки за голову.

Харди послушался, и она проверила, нет ли у него еще оружия. Ничего. В кармане его брюк Сабина нашла только телефон, который забрала и сунула себе в карман. Затем подошла к спортивной сумке и сильным пинком подтолкнула ее к Харди.

– Поднимите сумку, но чтобы руки оставались за спиной.

Харди присел, нащупал ручку сумки и поднял ее.

– А теперь вперед! – приказала Сабина. – Через бассейн к выходу.

Харди переступал небольшими шагами, сумка за спиной раскачивалась из стороны в сторону.

Сабина заметила, насколько тяжелая была сумка.

– Что в ней?

– Я вам только что сказал.

– Не похоже, чтобы в сумке были только документы, – заявила Сабина. – Что еще?

– Папка толстая. Кроме того книга, зубная щетка, паспорт, моя одежда и немного наличности.

– Вы издеваетесь? – крикнула она. – Что еще?

Харди молчал.

Он вышел из раздевалки и медленно продвигался вдоль спортивного бассейна, Сабина следовала на расстоянии двух метров. Через окна и стеклянную крышу проникал сумеречный свет, который придавал бассейну еще больше мрачности. Тем временем гроза подошла ближе. Черные тучи закрыли небо, ветер отогнал жару и наконец принес облегчение.

Сабина слышала, как по крыше тихо барабанил дождь. Небо на мгновение озарилось вспышками молний, вскоре последовали раскаты грома. В мерцающем свете граффити на стенах казались особенно жуткими.

Тут у Сабины завибрировал телефон.

– Стоять! – приказала она.

Харди тут же повиновался.

На всякий случай Сабина сделала шаг назад, прежде чем ответить на звонок. Это была Тина.

– Я наконец-то смогла поговорить с ван Нистельроем, все ему объяснила, и он все спокойно выслушал. Оперативная группа выдвинется с минуты на минуту и приедет к бассейну.

– Хорошо, – ответила Сабина. – Я уже арестовала Томаса Хардковски. – По опыту она знала, что коллеги из МЕК выезжают в течение пяти минут, путь из Висбадена займет у них минут сорок. – Я буду пока удерживать его здесь.

– Я приеду с коллегами. Скоро увидимся. – Тина положила трубку. «Сорок пять минут! Целая вечность».

Сабина убрала телефон. Харди все еще стоял перед ней, с сумкой за спиной, и наверняка с интересом прислушивался к ее разговору.

– Вы будете удерживать меня здесь до тех пор, пока что произойдет? – спросил он.

– Пока не сдам МЕК.

– МЕК, – цинично повторил он. – Вы знаете, что Ломан руководит службой внутренней безопасности и оперативным подразделением МЕК?

– Мне это известно.

– А то, что Ломан был членом «Группы-6»?

– Я знаю, но вам сейчас лучше закрыть рот.

– Кого бы вы ни проинформировали, МЕК не приедет.

– Молчать!

– Приедет кто-то другой, – продолжал Харди. – И мы оба умрем!
– Заткнитесь наконец! – закричала Сабина. – Поставьте сумку и отойдите от нее на несколько шагов.

Харди бросил сумку на пол. После того как он отступил в сторону, Сабина присела рядом со спортивной сумкой и расстегнула молнию. Харди не солгал. В свете очередной вспышки молнии она увидела книжку, сумку с туалетными принадлежностями, две толстые папки и кучу денег. Банкноты составляли почти все содержимое сумки. Наверняка там было несколько сотен тысяч евро, если не миллионов.

– Значит, книга и немного наличности, – повторила Сабина слова Харди. – Откуда эти деньги?

Харди молчал.

Ничего другого она от него и не ожидала.

– Из сейфа в доме Дитриха Хесса? – спросила она.

– Я не был у Дитриха Хесса, – ответил он уверенным голосом.

– Вы стащили их из сейфа в подвале Франка Айзнера! – догадалась Сабина. – Поэтому с такой жестокостью набросились на меня. Вы запаниковали, когда я там появилась... – Сабина замолчала. В боковом кармане она нащупала складной нож и кастет с острым краем. За одно лишь владение этим оружием Харди, как ранее судимый, отправится за решетку минимум на год. Сабина обнаружила также множество кабельных стяжек из жесткого пластика. Она вытащила одну и бросила Харди под ноги. – Свяжите себе этим руки.

Харди не шелохнулся.

– Быстро! – приказала она.

Харди поднял кабельную стяжку, сделал петлю, продел в нее обе руки и затянул конец зубами.

– Крепче!

Харди затянул еще туже.

– А сейчас расскажите мне, откуда у вас деньги и... – потребовала Сабина, но замолчала, услышав хруст, который практически заглушался барабаниющим по крыше дождем.

Харди тоже услышал, потому что повернул голову в направлении звука и прислушался.

Это не могла быть Нора, потому что она наверняка сидела где-то связанная, а для оперативной группы было еще слишком рано. Сабина достала из кармана телефон Снейдера и посветила в зал, но

помещение бассейна было слишком большим, и луч света потерялся в темноте. Однако Сабина разглядела силуэт мужчины, который стоял у подножия лестницы, ведущей в холл с кассой.

Худой и высокий. Гладкая лысая голова.

Снейдер!

В следующий момент очередная молния осветила бассейн, и Сабина увидела, что в другом конце зала действительно стоит Снейдер. В вытянутой руке он держал пистолет и целился в нее.

– Белочка? – позвал он.

– Снейдер, – коротко ответила она. И одновременно почувствовала облегчение. Она знала, что Снейдер на ее стороне, а вдвоем им будет проще удерживать Харди до прибытия МЕК.

– Я арестовала Харди, – сказала она.

– Вижу. – Быстрыми шагами Снейдер направился к ним. – Нам нужно как можно скорее исчезнуть отсюда.

– И я того же мнения, – вставил Харди, словно они со Снейдером сговорились.

– Мы никуда не пойдем! – заявила Сабина. – А будем ждать здесь МЕК. И опустите наконец пистолет! Откуда он вообще у вас?

– От Кржистофа, – лаконично ответил Снейдер, дойдя до них. Он опустил пистолет, но не убрал его.

Оба мужчины обменялись короткими, но многозначительными взглядами, и Снейдер кивнул:

– Привет, Харди, давно не виделись.

– Привет, Мартен. – Харди скривился. – Ты работаешь вместе с Кржистофом?

– Он был единственным, кому я мог доверять.

– Чтобы сделать что?

– Ты задаешь глупые вопросы. Чтобы выяснить то же самое, что хочешь узнать ты. Только с той разницей, что я не оставляю за собой кровавого следа. Я все-таки думал, у тебя больше чуткости.

– Твои советы несколько запоздали, – холодно ответил Харди. – У тебя было столько времени, чтобы сдать своих коллег, но ты предпочел помалкивать.

– Поверь, я с огромным удовольствием увидел бы провал Хесса, – проворчал Снейдер, – но я не из тех, кто стучит на коллег. К тому же я слишком мало знал о том, что произошло той ночью.

– Для такого гения, как ты, не представляло сложности это выяснить!

– Это было не так просто, как ты думаешь. Коллеги, в свою очередь, прикрывали меня, иначе смог бы я безнаказанно курить травку и столько лет проработать профайлером?

– Своя рубашка всегда была тебе ближе к телу, – упрекнул его Харди.

Снейдер кивнул.

– И не только это. В тот момент Диана была уже с Хессом, и я не мог снова все разрушить, отдав Хесса под суд.

– И поэтому ты наблюдал, как невиновный отправился в тюрьму за убийство, – заключил Харди.

– Ты не был таким уж невинным!

– По крайней мере, в смерти моей семьи.

– Для меня это была сделка с совестью – и она далась мне нелегко.

Сабина внимательно слушала взаимные упреки мужчин, которые ее, казалось, даже не замечали.

– И почему же ты решил именно сейчас отмыть свою совесть? – Харди поднял связанные руки и вызывающе оттопырил три пальца. – В трех коротких предложениях, козел!

Снейдер проигнорировал намек.

– Причин, действительно, три. Рорбек, Хагена и Диана мертвы – а сейчас уже и Хесс, – и больше ничто не вынуждает меня молчать. Во-вторых, моя коллега исчезла. – Он быстро взглянул на Сабину.

– А третья причина? – спросил Харди.

– Я знал, что Дирк ван Нистельрой, как новый президент, не захочет возглавлять БКА, в котором коррупция и ложь, как гнойная язва, поразили высшее руководство, поэтому я предложил ему разобраться со старыми историями.

Сабина удивленно посмотрела на Снейдера.

– Вы обратились к ван Нистельрою – не наоборот?

– Это был мой шанс вернуться на службу в БКА, – холодно ответил он.

– Вот в чем дело, – вырвалось у нее. – Вы планировали это с самого начала, верно?

– Не с самого начала, – поправил он ее. – Вы переоцениваете меня. Идея пришла мне в голову через несколько дней после освобождения Харди.

– Ну, тогда мы все обсудили, – заявила она. – Харди отправится под арест, а Франк Айзнер уже объявлен в розыск. Все закончилось.

Харди бросил на нее презрительный взгляд.

– Ничего не закончилось.

Бледное лицо Снейдера словно застыло, словно превратилось в гранит. Он кивнул.

– Харди прав – все лишь начинается. Мы только что выманили нашего противника из его укрытия.

– Нашего противника?

– Айзнера.

– Вы ведете себя так, словно он сверхчеловек.

– Почти, – вмешался в разговор Харди. – Вы когда-нибудь видели его вблизи? Заметили шрам на горле? – Харди провел пальцем от подбородка вниз.

Сабина кивнула.

– Шрам от трахеотомии. И что?

– Знаете, кто ему это сделал?

– Вы?

– Нет, он сам.

– Глупости.

– После рождественской вечеринки БКА мы пошли в бар. Рорбек, Тимбольдт, Ломан, Айзнер и я. Хесс тоже был с нами, Снейдер и еще несколько коллег.

Сабина взглянула на Снейдера, и тот подтвердил это кивком.

– Айзнер стоял у барной стойки, поглощая арахис, и вдруг захрипел. Начал задыхаться и посинел. Из-за шума и дыма в баре мы сначала ничего не заметили, лишь когда он схватил меня за руку. Я тут же применил метод поддиафрагмального толчка, схватил его сзади и нажал на живот, но проклятый орех застрял глубоко в горле. Затем попробовал Рорбек, но тоже безуспешно. В конце концов стало ясно, что поможет только трахеотомия, но никто не решался. Слишком высок был риск убить его. Вместе с тем, он и так умрет, и вот Айзнер, уже с абсолютно синим лицом, берет со стойки нож, которым бармен нарезал лимоны для напитков, нащупывает трахею и сам разрезает

себе горло. Еще пытается вытащить из коктейля широкую трубочку, но теряет сознание.

У Сабины пересохло в горле.

– Кто вдувал воздух ему в легкие?

– Я вставил трубочку в рану и сделал искусственное дыхание, – сказал Харди. – В это время официантка, которая увидела происходящее, вызвала врача.

Сабина молчала. В конце концов ей удалось отогнать от себя жуткие картинки, которые возникли у нее в голове.

– Даже если он действительно такой жесткий – что в одиночку может устроить нам?

– Достаточно, – возразил Харди. – К тому же он не один. У него есть талант манипулировать другими. Именно это он и сделает.

– В конце концов, кому, как тебе, не знать, – добавил Снейдер.

Харди взглянул на него.

– Да.

– Мы все равно будем ждать! – настаивала Сабина, но замерла, когда свет нескольких фар проник через стеклянный фасад в зал бассейна.

Все трое уставились в окно на парковку, где только что перед входом, на расстоянии нескольких метров друг от друга, остановились три машины.

Сабина заметила напряженный взгляд Харди: он внимательно рассматривал автомобили в свете фар, наморщив лоб, затем его плечи поникли.

– Что случилось? – спросила Сабина.

– Ничего. Вообще-то я рассчитывал на черную «Ладу-Тайгу». Но ее здесь нет.

Сабина подталкивала Харди вперед, пока они не дошли до изрисованного граффити окна, из которого было видно парковку. Сабина уставилась на машины. Огни фар один за другим погасли.

– Почему «Лада-Тайга»? – спросила она.

– Не важно.

Из серебристого БМВ вышел Франк Айзнер. Возможно, мерзавец еще не знал, что Снейдер освободил ее из деревянного сарая на берегу озера и она была уже здесь.

Харди с неподвижным лицом смотрел через стекло и следил за каждым шагом Айзнера. При этом он монотонно вращал запястьями, и кабельные стяжки натирали ему кожу.

– Откуда он знает, что мы здесь? Это вы ему сказали?

– Заканчивайте со своими теориями заговора, – возразила Сабина. Потом набралась смелости. – Возможно, Нора у него.

Только она произнесла это предложение, сразу почувствовала, как тело Харди напряглось.

– Освободите меня, – потребовал он.

– Вы арестованы, – напомнила ему Сабина. Затем достала телефон, держа его так, чтобы с парковки не было видно света от дисплея. Быстро набрала номер франкфуртской полиции, так как у них уже не было времени ждать оперативную группу из Висбадена. «Черт!» Она подняла сотовый выше, но сигнал сети не появился. «Нет связи! В чем дело?»

– Что такое? – спросил Харди.

– Телефон не ловит сеть...

Тут к Сабине подошел Снейдер и тоже взглянул в окно на парковку.

– Забудьте, Белочка. Мой мобильник тоже не работает. У них с собой датчик помех, который блокирует радиочастоту.

– Но откуда?.. – спросила Сабина.

– Наверняка Айзнер использует в своей компании новейшие блокираторы сотовой связи, с помощью которых создает искусственные мертвые зоны.

– Сейчас будет весело, – пробормотал Харди.

Между тем из второго автомобиля – минивэна цвета «голубой металлик» с вмятинами сбоку – вышел второй мужчина. Сабина знала эту машину. В сумеречном свете она разглядела Клауса Тимбольдта.

Одновременно открылась водительская дверь третьей машины, и в вспышке очередной молнии Сабина узнала Харальда Ломана. Стальное ядро бывшей «Группы-6». Свет во всех салонах был выключен.

Трое мужчин направились к зданию под морозящим дождем – таким долгожданным дождем, смывающим пот и пыль. Незадолго до того, как они достигли лестницы, которая вела к входу, очередная молния озарила парковку. Мужчины были вооружены и внезапно разделались. Один побежал за бассейн, а двое других поднялись по лестнице и затем исчезли из поля зрения Сабины.

– Что им здесь нужно? – прошептала она.

– Разве это не очевидно? – возразил Харди. – Ваш враг не я. А оставшиеся в живых члены «Группы-6». У них нет другого выхода, они не могут допустить, чтобы правда вышла наружу, иначе сами окажутся за решеткой за тройное убийство.

– А почему тогда Айзнер и другие не убили вас? – спросила Сабина.

– Потому что не знали, есть ли у меня что-то против них.

Сабина помотала головой.

– Я знаю Ломана три года, – прошептала она. – И не могу поверить, что он пойдет на убийство.

– Я знаю Ломана более двадцати пяти лет, – возразил Снейдер. – И я считаю, что он вполне на это способен.

– Один из них виновен в смерти моей семьи.

– Это еще не доказано, – возразила Сабина.

– Тогда почему они здесь? – спросил Харди. – Они боятся, что тройное убийство и их коррупционные схемы будут раскрыты спустя столько лет, как и тот факт, что они противоправно упекли меня в тюрьму за убийство.

– Кроме того, они наложили в штаны: боятся, что ты можешь убить еще кого-то из их родственников, – добавил Снейдер.

– Я никого не убивал!

Сабина, нахмурившись, посмотрела на Харди.

– Это мы еще выясним.

– А, может, и нет. – Харди кивнул на лестницу, ведущую к кассе, откуда послышался шорох. – Живым они отсюда никого не выпустят.

Сабина вглядывалась в горизонт в надежде увидеть голубую мигалку, но было еще слишком рано. Улица была темная, лишь изредка мимо парковки перед бассейном проезжали машины.

– Здесь есть черный выход?

– Нет, только главный вход, – сказал Харди. – И два эвакуационных выхода, но они заперты.

– Окна в раздевалке?

Харди помотал головой.

– Тогда давайте разобьем окно в дальней части бассейна.

Снейдер махнул рукой.

– Они услышат шум.

– Ну и что, – возразила Сабина.

– Один из них побежал за здание бассейна. Прежде чем мы успеем скрыться, они договорятся и нагонят нас на машине – и что тогда?

– Харди! – вдруг раздался громкий голос из холла.

Франк Айзнер!

– Выходи! – добавил Тимбольдт.

Сабина подала Харди знак, чтобы он молчал. Затем выкрикнула:

– Я арестовала Томаса Хардковски. Он находится под стражей Висбаденского БКА.

– Сабина Немез? – крикнул Айзнер. – Ты чертова маленькая... – и умолк. Видимо, был шокирован, что она больше не лежит, связанная, в его сарае.

– Что вы здесь делаете? – вмешался в разговор Тимбольдт. – Вы действуете без служебного приказа. Как ваш руководитель я немедленно хочу видеть вас внизу!

– Это невозможно! К тому же я должна арестовать и Франка Айзнера! – продолжала она.

– Почему? Вы совсем спятили? – крикнул Тимбольдт.

– Из-за похищения, незаконного лишения свободы, телесных повреждений и покушения на убийство, – перечислила Сабина. – Айзнер, бросьте оружие и идите вверх по лестнице с поднятыми руками!

– Вы здесь одна? – спросил Тимбольдт?

Снейдер понизил голос и прошептал Сабине:

– Я приехал на такси. Они понятия не имеют, что я здесь. Воспользуйтесь этим! – Он развернулся и в следующий момент исчез.

Сабина вглядывалась в темноту, но его больше не видела.

– Я одна! – громко крикнул она. – Но по указанию Дирка ван Нистельроя сюда едет группа МЕК. Айзнер, у вас есть минута, чтобы сдать!

Харди поморщился.

– Это не особо их впечатлит, – пробормотал он.

«Да, я и сама знаю!»

В зале воцарилась тишина, прерываемая лишь стуком дождя и воркованием голубей.

– Там, – прошептал Харди и кивнул в сторону выхода.

Айзнер вышел из здания. Он побежал к минивэну Тимбольдта, открыл заднюю дверь, вытащил из машины что-то большое и бросил на землю к своим ногам.

Видимо, Харди понял, что это, так как Сабина вдруг почувствовала, как он напрягся.

– Это Нора? – прошептала она.

Харди сжал кулаки.

– Эти сволочи похитили ее, чтобы использовать против меня, – выдавил он.

У женщины в ногах Айзнера были связаны руки и ноги, а во рту торчал кляп. Остальных деталей Сабина разглядеть не могла, но Нору наверняка избивали до тех пор, пока она не сообщила им, где должна была встретиться с Харди. И вот они здесь!

Айзнер схватил женщину за волосы и поднял на колени. В свете очередной молнии Сабина отчетливо увидела, как он приставил к ее голове длинный ствол пистолета с глушителем.

Сабина кусала нижнюю губу. «Проклятье!» Она инстинктивно настроилась на то, что в следующий момент увидит яркую вспышку выстрела, и мысленно даже представила себе глухой щелчок. К счастью, ни того, ни другого не последовало.

– Сабина Немез! – крикнул вместо этого Тимбольдт. – У вас есть пять минут, чтобы выдать нам Харди и самой выйти без оружия и с поднятыми руками!

Ситуация начинала полностью выходить из-под контроля.

20 лет назад – день, который их погубил

Снейдер смотрел на полностью выгоревший двухэтажный дом Томаса Хардковски, от которого в ночное небо все еще поднимался столб густого дыма.

Пожарные только что закончили тушить огонь, вода лилась с крыши по стене и подоконникам и вместе с противопожарной пеной собиралась в маленькие грязные озерца, которые вяло стекали в канал и частично – через приямок подвального окна – в дом.

Полиция эвакуировала жителей близлежащих домов и перекрыла улицы, так что в настоящий момент перед сгоревшим домом находились только огнеборцы, врачи, санитары и полицейские. Стояла невыносимая вонь. Щелкали рации, через громкоговоритель отдавались команды, иногда взывали сирены. По информации, жильцов в доме не было, поэтому спасатели туда еще не заходили.

Только что прибыл следователь, специализирующийся на пожарах. Снейдер подождал, когда тот с одним из пожарных направился к дому, и преградил им путь.

– Дом безопасен? – крикнул он и накрыл рукой голову, потому что над ним затрещали перекрытия.

– Безопасен для чего? – Пожарный вытер пот со лба, и на коже осталась черная полоса от рукавицы.

– Чтобы войти.

Тут и следователь уставился на Снейдера.

– Не думаю, что вы туда войдете, прежде чем я...

– Видите, в этом и заключается разница, – сказал Снейдер. – Я, например, считаю, что сейчас войду туда. – Он вытащил из пиджака свое служебное удостоверение.

– БКА? Это не может подождать до...

– Нет, не может, – возразил Снейдер. – Я должен войти туда сейчас, до того как вам или кому-то из коллег придет в голову уничтожить улики. Дом безопасен?

– Боже, – простонал следователь. – Может, это вы хотите их уничтожить.

– Вы можете войти после меня и все проверить, – предложил Снейдер и убрал удостоверение.

– Вам пока нельзя внутрь. Там могут быть очаги тления, которые...

– Я пойду с вами, – вмешался пожарный. – В задней части кузова пожарной машины вы найдете сапоги со стальными мысами. Возьмите куртку и шлем с налобным фонарем. Следуйте за мной и не отходите от меня ни на шаг. Вы поняли?

Снейдер кивнул и направился к пожарной машине.

Пока следователь ждал снаружи, Снейдер с пожарным вошли в дом. Внутри здания стоял удушливый запах. Все было покрыто копотью, обуглено и дымилось. С потолка капала вода, а мебель превратилась в пористые черные скелеты.

Пожарный пошел впереди Снейдера вверх по лестнице.

– Лестница из бетона и держит хорошо. Но не беритесь за перила. Они в любой момент могут обвалиться.

Снейдер последовал за ним. Водяной пар, поднимающийся перед ним, был густым, как туман, и сориентироваться без фонаря было бы сложно.

– Что могло стать причиной пожара?

– На такой ранней стадии сложно сказать! – крикнул мужчина, тяжело шагая вверх по ступеням. – Мы можем лишь применить метод исключения.

– И что вы можете исключить?

– Подвал, весь нижний этаж и прежде всего кухню. Как и чердак.

О'кей, мужчина говорил не о причине, а о месте возникновения пожара.

– То есть пожар мог начаться на верхнем этаже?

– Возможно, в одной из спален.

– Вы можете меня туда отвести?

– Мы как раз на пути туда.

Мужчина привел Снейдера в спальню. Паркетный пол хрустел под ногами. Здесь все было черное, в центре стояло то, что осталось от двуспальной кровати. Стекла в окнах лопнули от высокой температуры. Значит, пламя бушевало здесь особенно сильно. В воздухе все еще висели частицы копоти, и, хотя ветер задувал в комнату, дышать было практически невозможно.

Пожарный обеспокоенно взглянул на него.

– Все в порядке?

Снейдер кивнул.

– Что вы думаете? – прокряхтел он. – Естественная причина или поджог?

– Если пожар устроили, то, вероятно, здесь. – Мужчина указал рукояткой своего топора на кровать.

Снейдер тоже посмотрел на кровать, затем на окна. Положение расплавившихся ручек указывало на то, что окна были откинuty. «Если бы я устроил пожар, то тоже позаботился бы о том, чтобы в зону горения поступало достаточно кислорода и так долго, пока все на выгорит дотла».

Затем взгляд Снейдера переместился к стене, на обуглившуюся дверь, от которой остались лишь отдельные деревянные куски, свисающие с поперечной перекладины. Остальная часть двери завалилась в находящуюся за ней комнату – и похоже, это была гардеробная.

Пожарный тоже посмотрел в ту сторону.

– Мне разломать дверь?

Вероятно, хватило бы нескольких ударом топориком, и горелое дерево развалится.

– Пока не надо. – Снейдер подошел ближе и направил луч своего налобного фонаря на обуглившийся паркет перед дверью. На нем виднелись две маленькие четырехугольные отметины. Здесь что-то стояло. Рядом лежали обуглившиеся остатки чего-то, что Снейдер не мог определить. – Это части двери или стула?

– Похоже на деревянный стул.

– Но он не мог здесь стоять. – Снейдер присел на корточки. – Посмотрите на отметины на полу. Только две от двух ножек, – сказал он. – А где остальные следы?

– Возможно, стул опрокинулся.

– Когда стекла лопнули, кислород еще сильнее раздул огонь и дымовые газы привели к взрыву, верно?

Пожарный кивнул.

– Наверняка. Здесь все черное.

– Тогда стул могло откинуть ударной волной. – «Чего, однако, не случилось». Снейдер разглядывал отметины. – Он опрокинулся и

заблокировал ручку двери. – В пользу этой теории говорил тот факт, что дверь открывалась наружу. – Хорошо, откройте дверь!

Снейдер поднялся, отошел назад, и пожарный разрубил остатки двери несколькими прицельными ударами. Дерево с треском обвалилось.

Снейдер осмотрел раму, обломки и замок. Дверь была не заперта, ни внутри, ни снаружи ключ не торчал. За дверью находилось небольшое помещение – все в пепле и с обугленными полками до самого потолка, – которое напомнило Снейдеру гардеробную в доме Франка Айзнера, где он нашел труп задушенной Ирены Айзнер. Он испытал ужасное дежавю. Похожая ситуация, только в этой комнате они обнаружили три трупа.

– Боже мой! – вырвалось у пожарного.

Снейдер увидел скорчившиеся тела одного взрослого человека и двух детей.

Его мозг заработал на полную мощность. Эти трое хотели спастись от огня в этой комнате и задохнулись дымом? Это было бы настоящим самоубийством. Скорее, их заперли внутри, потому что стул вряд ли сам опрокинулся на дверь. Вопрос лишь в том: при возникновении пожара эти трое были еще живы или уже мертвы? И был ли на самом деле пожар преступлением, или его устроили, чтобы скрыть другое преступление?

Снейдер уставился на жутко искаженные тела трупов и их широко раскрытые рты, которые напоминали черные дыры.

– Это ненормально, – пробормотал он себе под нос.

– Отнюдь, – возразил пожарный. – В результате высоких температур кости усыхают. Выделение белка сокращает мускулатуру, мышцы шеи укорачиваются, рот открывается, а язык вываливается наружу...

– Я не об этом, – перебил его Снейдер и указал на руки трупов, которые находились за спиной, словно были связаны. – Вы когда-нибудь такое видели?

Мужчина помотал головой.

– Это действительно выглядит странно.

Снейдер вошел в гардеробную, присел на корточки рядом с трупами, закрыл глаза и вдохнул запах горелых волос, обугленной кожи и сочащегося жира.

«По какой бы причине ты это ни совершил, подозреваемый под номером ноль, – ты действовал целенаправленно. Ты хорошо здесь ориентируешься, знаешь привычки этих людей и сработал эффективно. Иначе тебе бы не удалось справиться с ними тремя и так удачно инсценировать пожар. Ты тоже так считаешь?»

– Да, я хорошо сработал, – ответил чужой голос в голове у Снейдера».

– Я могу вам помочь?

Снейдер открыл глаза и посмотрел на пожарного.

– Да, можете. – Он поднялся. – Мне нужны три факта. Во-первых, очевидная причина пожара и настоящая причина пожара, потому что, я уверен, здесь работал профессионал, который хочет вывести нас на ложный след. Во-вторых... – Он посмотрел по сторонам, и его взгляд упал на кровать. – Вместе со следователем возьмите пробы пепла и прочих субстанций и как можно быстрее поместите их в герметичные контейнеры, чтобы остатки зажигательной смеси или других газообразных, жидких или твердых взрывчатых веществ не исчезли.

– А в-третьих?

Снейдер прищурил слезящиеся от дыма глаза.

– Пока не впускайте никого в дом и, самое главное, закройте доступ к этой комнате.

Снейдер вышел наружу и снял шлем. «Наконец-то свежий воздух!» Он вытер испарину с затылка.

Несколько дней назад был взорван товарный склад Томаса Хардковски, и вскоре после этого уборщица Франка Айзнера обнаружила труп Ирены Айзнер в ее гардеробной. Розыски Кржистофа, предполагаемого убийцы, все еще велись, но он затаился. Этой ночью, первого июня, сотрудников Харди избили мужчины в масках, а его нарколаборатории и дом выгорели дотла. И ко всему прочему появились еще эти три трупа.

Снейдера не покидало ощущение, что все это связано между собой, и отдел РПН со своей «Группой-б» имеют прямое отношение к произошедшему. Но кто, черт возьми, эти сотрудники, работающие под прикрытием?

Снейдер был готов поспорить на свою годовую зарплату, что они скоро здесь появятся.

Только он додумал эту мысль до конца, как краем глаза увидел, что рядом с пожарной машиной остановился легковой автомобиль. Из него вышли Геральд Рорбек и Анна Хагена.

«Надо же, какое совпадение!»

Снейдер направился к полицейскому, который руководил оперативниками.

– И как, выяснили что-нибудь внутри? – спросил коллега.

– Похоже на действия конкурирующего наркокартеля, – солгал Снейдер. – Вполне соответствует другим событиям этой ночи. – Его интуиция подсказывала, что настоящие предположения лучше пока держать при себе. – На верхнем этаже лежат три трупа. Полагаю, женщина и двое детей, – сказал он, так как вряд ли труп взрослого человека принадлежал Харди. – Нам нужны криминалисты, техники и судебный медик. Пожарные должны организовать для них проход через дом.

Мужчина кивнул.

– А затем объявите в розыск Томаса Хардковски и его ближайших коллег, – продолжил Снейдер и перечислил имена Надин Поллак, Отто Гедекера и Антуана Томашевски. – Это...

– А ты что здесь делаешь? – раздался мужской голос.

Снейдер обернулся и увидел лица Рорбека и Хагены.

– Это все, а сейчас приступайте к работе, – сказал он полицейскому. Затем обратился к своим коллегам: – Я расследую убийство Ирены Айзнер.

– Здесь?

– Не думаешь, что это связано?

– И каким же образом?

– Видимо, вы уже тщательно подумали над этим, иначе не стали бы исключать возможной взаимосвязи, – заявил Снейдер. – И раз уж вы все равно здесь, скажите, что не так с моим ходом мыслей.

Рорбек с раздражением уставился на Снейдера.

Снейдер выдержал взгляд и неожиданно понял, что не ошибся в своем предположении. Рорбек и Хагена работали под руководством Хесса в отделе РПН!

Если его коллеги имели отношение к уничтоженным лабораториям и избитым парням, ему было плевать, потому что типы, которые производили тяжелые наркотики, продавали их и губили десятки жизней, не вызывали у него жалости. Но вид обгоревших детских трупов разбил ему сердце, – и, если интуиция его не подводила, здесь речь шла о преднамеренном убийстве.

– Тебе лучше заняться убийцами Ирены Айзнер, а не сгоревшим домом поганого наркодилера. Их не жалко.

– Их? – тихо повторил Снейдер. – Значит, ты уже знаешь, что в доме лежат два трупа?

– Два? Их... – Рорбек осекся.

– Да, верно, их не два, а три, – подтвердил Снейдер. – Что ты об этом знаешь?

Хагена взяла Рорбека за руку.

– Нам нужно идти! – поторопила она.

Снейдер посмотрел в конец улицы, где только что остановился еще один автомобиль. В свете уличного освещения он увидел, как из машины вышел мужчина, посмотрел в его сторону и сунул в рот сигарету.

Франк Айзнер!

Дело принимало внушающие опасения масштабы.

Снейдер понизил голос:

– Я точно не знаю, кто причастен к этим пожарам и убийствам и что и по какой причине произошло, но этот день вас погубит.

– Ничего не случится, – ответил Рорбек.

– Ты ошибаешься, – настаивал Снейдер. – Придет день, когда прошлое вас настигнет.

**Часть шестая. Мужчина в «Ладе-
Тайге». Суббота, 4 июня – ночь**

– Пять минут! – снова раздался голос Тимбольдта из коридора.

Сабина судорожно соображала, какие шаги предпринять, как три коротких выстрела подряд прервали ее размышления.

В отличие от нее Харди воспринял выстрелы и последовавший за ними звон разбитого стекла спокойно. Он лишь наклонил голову и посмотрел в дальнюю часть бассейна, откуда доносился шум.

– Кто это был? – прошептала Сабина.

Харди не ответил, его лоб был наморщен, а брови сошлись в одну прямую линию.

В следующий момент она увидела, как вдоль пустого бассейна к ним бежит Снейдер.

– Это вы стреляли? – прошептала Сабина.

– Я хотел привлечь внимание и выстрелил в небо через световой люк. Возможно, кто-нибудь слышал стрельбу и проинформирует полицию. Больше я ничего не успел предпринять. Сзади стоит человек с оружием с глушителем, он стрелял в меня, но не попал. Думаю, это Ломан.

Лишь теперь Сабина увидела, как Снейдер вытирает пыль с лица.

– У нас по-прежнему нет сотовой связи, – продолжал он. – Я пытался вызвать пожарную тревогу. Никаких шансов, батарейки сели. Электричество в здании тоже отключено. Ничего не работает.

– Если здесь появится полиция, Нора умрет, – донесся до них голос Тимбольдта. – Так что больше никаких попыток сообщить кому бы то ни было! Три минуты!

– Великолепно! – напустилась Сабина на Снейдера. – Нужно было подключить БКА намного раньше.

– Если будете всегда действовать по правилам, не добьетесь успеха.

– Вы это называете успехом? – Сабина посмотрела наружу.

– Теперь мы по крайней мере знаем, с кем имеем дело.

– Но мы все равно в затруднительном положении. – Она посмотрела за территорию парковки, которая все чаще освещалась вспышками молний. – Проезжающих машин больше не видно, – заявила она.

– Я тоже заметил, – пробурчал Харди. – Вероятно, они распорядились перекрыть улицы под каким-нибудь невероятным предлогом, чтобы исключить нежелательных свидетелей вблизи бассейна.

Сабина взглянула на Снейдера.

– И что нам теперь делать?

Тот смотрел через стекло на парковку.

– Будем ждать.

– Это наш план? – нерадостно спросил Харди. – Будем ждать? Гениально.

– Закрой рот, – шикнул Снейдер, – а то я сдам тебя парням снаружи.

– Не вам это решать, – возразила Сабина.

– Они все равно не оставят никого из нас в живых, – добавил Харди.

– Какая чушь! – пробормотала Сабина, хотя интуитивно знала, что Харди прав.

– Вы забываете, что они начали карьеру сотрудниками под прикрытием, – продолжил Харди. – Они не станут церемониться, как ваши молодые коллеги из академии.

– И все равно я арестовала вас раньше их.

– Только это сейчас не поможет, – возразил Харди. – Кроме того, Айзнер хочет вернуть деньги, заработанные мною на наркотиках. Никто не знает об их существовании, потому что они якобы сгорели во время пожара.

Снейдер посмотрел на спортивную сумку Харди, которая все еще стояла на краю бассейна.

– Они там?

Харди кивнул.

– То, что осталось. Я нашел их в сейфе Айзнера. Несгораемый шкаф с наивысшей степенью защиты и массивной стенкой, но в тюрьме научишься вскрывать и не такие двери. Похоже, никто из «Группы-б» не знал, что он тайно присвоил их себе, прежде чем поджечь мой дом.

– Было наверняка непросто обменять такую сумму в немецких марках на евро, – сказал Снейдер. – Но даже тогда он не смог потратить все деньги, не привлекая внимания своих коллег.

– От меня он сочувствия не дождется, – горько произнес Харди. – Думаешь, почему он основал собственную фирму десять лет назад?

– Сколько осталось от первоначальной суммы? – спросила Сабина.

– Почти два миллиона, и Айзнер хочет вернуть их себе на старость.

– Но у него же успешная фирма.

– Айзнер всегда был жадным до денег, – сказал Снейдер.

– К тому же это была его идея, – добавил Харди. – И я думаю, он рассматривает эти деньги как свою долю.

– Две минуты! – прозвучал голос Тимбольдта.

– Я их ему не верну. Это мои деньги, и они для Норы и моего будущего, – прокрипел Харди.

– Возможно, у Норы не будет будущего, – холодно заметила Сабина. – И у вас тоже. Вы арестованы как убийца.

Харди сделал глубокий вдох и выдох.

– Сколько раз мне еще повторять? Я никого не убивал! Сын Рорбека погиб в результате несчастного случая. Рорбек сам застрелил его из собственного пистолета. Отпечаток его руки это докажет.

«Если это возможно установить после его самоубийства на автобане».

– А Катарина Хагена?

– Когда я видел ее в последний раз, у нее была лишь сломана нога. Кто-то убил ее, потому что она помогла мне в моих поисках.

– К смерти Дитриха Хесса и его жены вы, вероятно, тоже непричастны, – едко заметила Сабина.

– Я к нему даже не приближался. Но я видел, как Айзнер столкнул Диану Хесс с моста.

При мысли о Диане и ее жуткой смерти у Сабины на глаза навернулись слезы.

– Черт возьми, зачем ему это делать?

– Не знаю, как он это провернул, но, должно быть, он нас прослушивал. Диана хотела помочь мне возобновить дело и раскрыть правду, поэтому Айзнер должен был заставить ее замолчать. Затем он убил Хесса, открыл его сейф и уничтожил документы.

Даже если Сабина не хотела признавать – все это имело смысл.

– Но вы убили жену Тимбольдта! – заявила она.

Снейдер взглянул на наручные часы.

– Еще полминуты.

– Я вообще не был у Тимбольдта, – возразил Харди. – Я был у Айзнера и нашел у него в сейфе свои деньги. На этом дело было для меня улажено.

– Но тогда кто...

Снейдер приподнял бровь.

– Сам Тимбольдт, – пробормотал он.

Тут Сабина осознала правду: Тимбольдт воспользовался хаосом происходящих событий и избавил жену от мучений последней стадии болезни Альцгеймера.

– Этот хладнокровный бесчувственный мерзавец дал своей жене снотворное и усадил в машину, чтобы все выглядело, как месть Харди.

– Вероятно, – сказал Харди, – потому что это был не я.

И в этот момент раздался голос Тимбольдта:

– Ваше время истекло!

Сабина напряженно смотрела на парковку. Айзнер замахнулся и ударил Нору рукояткой пистолета по затылку. Стоящая на коленях женщина упала на бок и осталась неподвижно лежать на земле.

«Слава богу он не нажал на спусковой крючок!» Сабина расслабила напряженные плечи. Они блефовали! Видимо, они были в безвыходном положении и хотели сохранить Нору как средство давления до самого конца.

Харди стиснул зубы. Его взгляд был прикован к Айзнеру.

– Началось, – сказал Снейдер. – Они идут.

Айзнер оставил Нору лежать под дождем со связанными руками и ногами и направился к входу в здание бассейна.

– Эти люди намного опаснее меня, – заметил Харди. – У меня в сумке лежит нож. Развяжите мне руки и дайте мой пистолет. В одиночку вы с ними не справитесь!

Снейдер подошел к сумке и принялся рыться в боковом отделении.

– Снейдер, что вы делаете? – зашипела Сабина.

– А на что это похоже?

– Харди арестован. Я не дам ему в руки оружие!

– У вас есть идея получше? – Снейдер подошел со складным ножом.

– Я сказала: нет!

– Если группа МЕК действительно когда-нибудь приедет, мы все будем уже мертвы.

Сабина направила пистолет на Снейдера. Он взглянул на ствол.

– Что это значит? Вы хотите меня застрелить?

– Я лишь хочу помешать вам снять с арестованного наручники.

– Вы не слышали, что я сказал? – прошипел он.

– Мое почтение вашей логике, но враг моего врага не обязательно мне друг, – предупредила она его.

– Если взвесить все варианты и риски, это лучший шанс на успех. – Снейдер кивнул на стеклянный фасад, выходящий на парковку.

Ломан тоже побежал под дождем к входу. Очевидно, все трое переговаривались по рации, потому что их действия были слишком хорошо скоординированы.

В следующий момент они услышали шаги по лестнице.

– Они идут сюда, и они распределятся по зданию, – торопил Снейдер.

– Ладно, – сердито прошептала Сабина и повернулась к Харди: – Но оружия вы не получите! И прежде отдайте мне ключи от вашего минивэна, чтобы я была уверена, что вы не смаетесь, если мы останемся в живых.

– В левом кармане брюк, – сказал Харди.

Сабина вытащила ключи, затем Снейдер разрезал кабельные стяжки на руках Харди.

– Ты чуткий, как мясник, – пробурчал Харди, массирую запястья.

– Нечто подобное я сегодня уже слышал, – сказал Снейдер.

– Нож! – потребовала Сабина, пока Снейдер не вздумал отдать его Харди.

Снейдер протянул ей нож, и Сабина убрала его в карман брюк. В следующую секунду вспышка молнии осветила бассейн, и с лестницы на плиты упала длинная тень мужчины.

– Какой у нас план? – прошептала она.

– Мы тоже должны разделиться. Может, одному из нас удастся выбраться наружу и привести кого-нибудь на помощь, – ответил Снейдер.

– А если нет?

– Убьем их, прежде чем они убьют нас.

Отличный план!

Харди кивнул.

Не сказав больше ни слова, они побежали в разные стороны.

Снейдер спрятался за бетонной колонной вышки для прыжков, так что при каждой вспышке молнии его тень сливалась с тенью колонны и превращалась в один большой черный столб.

Он видел, как Харди исчез в направлении раздевалок, а Сабина побежала через стеклянную дверь в кафетерий.

Снейдер выглянул из-за колонны и попытался разглядеть что-нибудь в темноте. Малокалиберный пистолет Кржистофа крепко лежал в руке, у него было еще семь патронов. Тут он заметил мужчину, который шел вдоль бассейна, чуть пригнувшись и сжимая обеими руками оружие. Когда мужчина подошел ближе, Снейдер увидел, кто это был.

Ломан!

Снейдер не ошибся. Ломан прикрутил к стволу своего пистолета глушитель. Таким образом, он мог делать практически беззвучные выстрелы, но глушитель снижает скорость пуль и несколько искажает их траекторию. Возможно, всего на доли секунды и на несколько миллиметров – но это было решающим преимуществом для Снейдера.

Он вышел из своего укрытия за вышкой для прыжков и с поднятым пистолетом пошел вдоль края бассейна навстречу Ломану.

– Харальд, все кончено. Брось оружие! – потребовал Снейдер, прицелившись.

Ломан резко развернулся и направил пистолет на Снейдера.

Снейдеру нужно было тут же стрелять, но он помедлил. Все еще надеясь, что эта ночь пройдет бескровно. К тому же он еще никогда не стрелял в коллегу, а это все-таки был Ломан, хотя тот и оказался коррумпированным подонком.

– Мартен, зачем тебе нужно было ввязываться в эту историю? – крикнул Ломан так громко, что Айзнер и Тимбольдт его наверняка услышали.

При этом тем самым он привлекал к себе внимание Сабины и Харди. Патовая ситуация!

В любом случае Ломан не был удивлен, что встретил его здесь. А если и удивился, то не подал и виду. «Никогда не показывай противнику свое слабое место!»

– Харди преступник, бывший заключенный, – продолжал Ломан. – А мы с тобой ведь на одной стороне. Многие в БКА считают, что мы оба сделаны из одного теста. Мартен, я...

– Могу себе представить, что тебя радует сравнение со мной, – ответил Снейдер. – Но рад ли я, что меня сравнивают с тобой?

Голос Ломана звучал примиряюще.

– Мартен, мы ведь друзья, коллеги.

Слишком примиряюще на вкус Снейдера.

Инстинктивно Снейдер встал наискосок – правое плечо впереди, другое отведено назад, – чтобы Ломану было сложнее в него попасть.

– Друзья? – презрительно повторил он. – Чем больше я узнаю людей, тем сильнее люблю своего пса.

– Если ты встанешь на мою сторону, то здоровым и невредимым увидишь своего пса.

– Я думал, мы друзья, – сказал Снейдер. – А ты мне угрожаешь?

Молния озарила помещение бассейна. Снейдер увидел, как Ломан нашел цель, прицелился и напряг тело.

Ломан выстрелил. Снейдер тоже.

Он не мог сказать, что послышалось раньше. Хлопок из оружия Ломана или выстрел из его собственного пистолета. Вероятно, они нажали на спусковой крючок одновременно. Но прежде, чем Снейдер успел выстрелить второй раз, он почувствовал сильный удар в плечо. С этого момента для него все происходило, как в замедленной съемке.

Видимо, пуля прошла навывлет, потому что он почувствовал обжигающую боль и на спине в районе лопатки. То, что его отбросило в сторону, он даже не заметил, – лишь когда было уже поздно и он покачнулся на краю бассейна, шагнул в пустоту и упал назад.

Ему казалось, что падение длится целую вечность, но сильный удар вернул его в реальное время. Снейдер лежал на спине и ловил ртом воздух. Череп и грудная клетка болели. Либо у него сместились грудные позвонки, либо при падении с трехметровой высоты он сломал пару ребер, одно из которых воткнулось ему в легкое. К тому же его вдруг затошнило. Это была или реакция на пулевое ранение, или сотрясение мозга.

«Что за хрень!»

Он неподвижно лежал, уставившись на стеклянную крышу, и закрыл глаза, когда загрохотал гром и небо на мгновение озарилось.

Грудь Снейдера обжигало при каждом движении, больше всего ему хотелось задержать дыхание, чтобы уменьшить боль, но это не получалось. «Без паники! С тобой такое не в первый раз. Продолжай спокойно дышать!»

Только сейчас он заметил, что пистолета в руке нет. Проклятье! Он пошарил пальцами по плиточному полу. Ничего! Медленно повернул голову и, продолжая искать, провел руками по плитам и пробивающимся из трещин сорнякам. Пистолет лежал в полуметре от него. А чуть дальше, метрах в трех, находилась стена с лестницей, по которой можно было выбраться наверх.

Он попробовал пошевелить ногами. Получилось! Хорошо! По крайней мере, позвоночник не сломан. Лежа на спине и подтягивая себя ногами, он подполз к пистолету.

С края бассейна – там, где до этого стоял Ломан, – доносились стоны. Видимо, он ранил Ломана, возможно, даже серьезно.

Дальше!

Последний сильный рывок – и он оказался у пистолета, схватился за рукоятку и направил ствол вверх к краю бассейна.

В этот момент там показались голова и рука Ломана. Ломан прицелился и выстрелил.

Снейдер услышал приглушенный хлопок, а затем звук разлетающихся вдребезги плит рядом с его головой.

Снейдер едва не рассмеялся в голос. Глушитель! Он никогда не доверял этим штукам. Какое счастье!

Снейдер прицелился на дульную вспышку и выстрелил. Он опустошил весь свой магазин и остановился, лишь когда пистолет защелкал вхолостую. Одна из пуль попала в цель, и голова Ломана резко откинулась назад.

Он невольно подумал о Рорбеке, Хагене и Хессе. Сейчас состоятся еще одни похороны. И возможно, его самого тоже положат рядом – потому что патронов у него больше не было.

«Белочка, надеюсь у тебя получится лучше. Покажи, что я не зря научил тебя тому, что ты сегодня умеешь».

Сабина знала, что из раздевалки есть только два пути: или вниз, к туалетам и сауне, что, вероятно, окажется смертельным тупиком, или дальше через здание, где было не так темно.

По этой причине она выбрала кафетерий. Оттуда дверь вела в кухню, где было как минимум два окна, через которые проникал сумеречный свет, и она могла хоть как-то ориентироваться.

После того как она осмотрела кухню и немного освоилась в помещении, в зале бассейна раздались первые выстрелы. Так как их противники использовали глушители, а у Харди не было оружия, стрелять мог только Снейдер.

Но Сабина не могла сейчас вернуться через кафетерий в зал бассейна, чтобы посмотреть, не нужна ли Снейдеру помощь. Потому что какой-то звук прямо перед ней заставил ее вздрогнуть. Она остановилась и затаила дыхание.

Вот опять! Шорох!

Тут Снейдер выстрелил снова. На этот раз последовала очередь из нескольких выстрелов.

Сердце Сабины забило быстрее. Затем наступила мертвая тишина... за исключением шуршания, которое послышалось снова. Мойки из нержавеющей стали, вытяжки, полки и алюминиевые настенные шкафы индустриальной кухни стояли перед ней в сумеречном свете, как серые скелеты.

Опять раздалось это странное шуршание.

Сабина вскинула оружие.

При следующей вспышке молнии она увидела то, что так ее испугало. В кухню залетели голуби и, видимо напуганные выстрелами, они забились в открытый настенный шкаф.

Сабина облегченно опустила пистолет. В тот же момент она услышала голос Тимбольдта, который гулким эхом отдавался от стен.

– Бросьте оружие или я буду стрелять! – Тимбольдт вошел в помещение через открытую дверь, за которой, видимо, находилась лестница, ведущая к входу для поставщиков.

Сабине понадобилась бы всего секунда, чтобы поднять оружие и выстрелить в сторону Тимбольдта, но, вероятно, даже этого времени

ей бы не хватило. А она не могла рисковать.

– Бросьте оружие! – повторил Тимбольдт.

Сабина уставилась в окно за силуэтом Тимбольдта, где по парковке бежал человек.

Проклятье!

Это был Харди. Мерзавец все-таки нашел лазейку и выбрался из здания. Он бежал к минивэну Тимбольдта, у которого под дождем лежала Нора. Тимбольдт всего этого, конечно, не видел, потому что целился из пистолета и не спускал глаз с Сабины.

Сабина бессильно опустила плечи. Рассчитывать на Харди она больше не могла. Помочь ей теперь мог только Снейдер.

Или ты поможешь себе сама!

Ком в горле становился все больше.

– В последний раз приказываю: бросьте оружие! – потребовал Тимбольдт, и его терпение, казалось, было на пределе.

Она убрала палец со спускового крючка. Рукоятка выскользнула из ее пальцев. Пистолет тяжело ударился о плиточный пол.

– Ногой подтолкните оружие ко мне!

Сабина подчинилась.

– Вам это не сойдет с рук!

– Что именно?

– Убийство подчиненной.

– Почему? – нагло спросил он. – Вы не выдержали стресса на работе, не смирились с переводом в академию, психанули и оказали помощь преступнику в его действиях против БКА, нарушив тем самым несколько федеральных законов. Я и Ломан лишь остановили вас, прежде чем вы натворили еще больше бед.

– Значит, вот какую историю вы расскажете? Я мщу вместе с Харди? И думаете, вам кто-нибудь поверит?

– А кто докажет обратное, если все мертвы?

– В вашей истории есть пробелы.

– Например?

– Вы похитили Нору Мюленхоф, удерживали ее в вашем минивэне, а Франк Айзнер угрожал ей оружием.

Тимбольдт поднял пистолет и прицелился Сабине в лоб.

– Нора – как и вы – подверглась влиянию Харди, который склонил ее к нелегальным махинациям. – По его голосу было слышно, что он

улыбается.

– Вам никто не поверит.

– Фрау Немез, вы не понимаете одного: это вам никто не поверит. Потому что мы БКА. У нас есть нужные связи. Мы – закон! Так всегда было.

Она начала ощупывать руками пояс.

– Стоп! Я хочу видеть ваши руки!

Сабина переместила руки вперед.

– Смерть вашей жены не была самоубийством, – сказала она. – Это тоже будет расследовано, и результат лежит на поверхности: вы убили свою жену!

– Как?.. – В его голосе вдруг прозвучала неуверенность.

На мгновение показалось, что Тимбольдт в замешательстве. Он либо не мог понять, как Сабине пришло в голову такое нелепое обвинение, либо запаниковал, потому что она узнала правду. В любом случае Сабина воспользовалась моментом и метнулась в сторону.

Тут же грохнуло оружие Тимбольдта. Дульная вспышка осветила помещение, но пуля с металлическим звуком попала в алюминиевый шкаф позади Сабины.

Прежде чем ударилась коленями о пол, Сабина выхватила пистолет Харди, который все еще торчал у нее за поясом, сняла с предохранителя и выставила вперед. Нажала на спусковой крючок. Раздался выстрел... один, второй, третий.

Она услышала, как Тимбольдт застонал. Затем тяжело повалился на бок. Оружие в его руке брякнуло о плиточный пол и с чпокающим звуком выстрелило при ударе. На этот раз пуля попала в цоколь холодильника.

Сабина тут же подскочила к Тимбольдту и ощупала его в темноте. Вырвала у него из пальцев пистолет, сунула магазин в карман брюк и вытащила патроны из ствола. Она почувствовала липкую кровь на пальцах. Видимо, она по крайней мере один раз попала ему в грудь.

Тимбольдт тяжело дышал. При каждом его шумном вдохе она слышала, как во рту у него лопаются кровяные пузыри.

– Вы не закон! – пробормотала она. – Тогда вам нужно было становиться депутатом, а не коррумпированным копом.

Сабина закинула пистолет Тимбольдта на высокий шкаф, сняла у него с пояса наручники и выпрямилась. Нужно как можно скорее

выбраться из здания и схватить Харди, прежде чем он скроется и навсегда исчезнет.

– Вызовите скорую... – прохрипел Тимбольдт.

– Я бы это сделала, – ответила она. – Но вы блокируете сотовую связь на территории здания.

По ней, так пусть Тимбольдт подышает. Он хладнокровно убил свою жену и не заслуживает ничего другого, как загнуться в этой дыре – точно так же, как его жена в гараже.

Она отошла от него, подняла «глок», который уронила до этого, и побежала назад в зал бассейна.

Спортивная сумка исчезла. Во всяком случае на прежнем месте ее не было. Харди взял ее с собой! Конечно, чтобы смыться.

По пути к выходу Сабина чуть не запнулась о неподвижное тело, которое лежало в метре от края бассейна.

В яркой вспышке молнии она узнала лицо Ломана. Но лишь по его одежде, гарнитуре и пистолету с глушителем в руке. Его безжизненные глаза уставились в никуда, а затылок представлял собой неопределенное красное месиво. Должно быть, Снейдер его прикончил.

Сабине к горлу подступила тошнота.

«Нужно идти дальше! Поймать Харди и Айзнера!»

Она помчалась к лестнице и сбежала по ступеням вниз к турникету в фойе. За ним находилась разбитая входная дверь, которая вела на улицу.

Вид на парковку закрывали несколько колонн, и Сабина не могла разглядеть, стоял ли там еще минивэн Харди. Она перепрыгнула через турникет и оказалась по другую сторону от входа.

В этот момент пуля разорвала плитку на полу рядом с ней. Она вошла глубоко в бетон, подняв облако пыли и осколков. Сабина услышала глухое чпоканье, от которого по спине пробежал холодок.

– Не двигаться, – низким гортанным голосом приказал Айзнер у нее за спиной. – Я специально промахнулся, по тому что хотел, чтобы вы повернулись. Не хочу стрелять вам в спину.

Сабина замерла на месте.

– Бросьте оружие и медленное развернитесь.

Сабина распрямилась и медленно повернулась. Перед ней стоял Айзнер и целился в нее. В следующий момент он без предупреждения

выстрелил ей в плечо. Пуля, как граната, ударила в тело Сабины, развернула ее и отбросила на пол.

При падении Сабина выронила «вальтер», и он покатился по плиточному полу. Айзнер тут же оказался рядом и выбил ей из руки «глок», прежде чем она успела выстрелить. Сабина лежала на спине и смотрела в лицо Айзнеру, который стоял над ней, целясь в нее из оружия с метрового расстояния.

– Спасибо, что вы со Снейдером сделали за меня всю работу и расправились со всеми посвященными, – сказал он.

– Пожалуйста, мудака! – прохрипела она.

Он улыбнулся.

– По-прежнему сильная женщина?

Теперь все кончено. Пока она проживала свои последние минуты, Харди уносил ноги.

– Где Снейдер? – выдавила она, сжав зубы от боли в правом плече.

– Лежит, тяжелораненный, на дне бассейна. – Айзнер улыбнулся. – Но не волнуйтесь, о нем я позабочусь после. – Он посмотрел через стеклянную дверь на улицу. Его взгляд устремился на горизонт. Вероятно, хотел убедиться, что у него еще достаточно времени до прибытия группы МЕК.

– Теперь, когда ваши бывшие коллеги мертвы, – начала Сабина, – никто не узнает, что двадцать лет назад вы забрали себе деньги наркокартеля.

– Милая попытка, – сказал Айзнер. – Но вы не втянете меня в разговор, чтобы выиграть время. Прощайте. – Он прицелился ей в голову, положил палец на спусковой крючок.

Сабина смотрела на ствол пистолета с глушителем. Даже будь у нее еще силы пнуть Айзнера в пах, тот все равно успел бы нажать на спусковой крючок.

«Похоже, все кончено!»

Она подумала о своей сестре и племянницах. Не стыдно быть застреленной на службе. Она уже хотела закрыть глаза, как краем глаза заметила какое-то движение в темноте.

Снейдер?

Это невозможно. Должно быть, Айзнер тоже что-то увидел, потому что на мгновение посмотрел в сторону. Но фигура была уже

рядом, замахнулась и со всей силы ударила металлическим предметом Айзнеру в челюсть.

Харди!

Видимо, он достал из сумки свой кастет. Сабина услышала треск костей и зубов. На лицо ей брызнула кровь. И Айзнер повалился на пол.

Харди тут же подскочил к нему и ударил еще раз. Однако не в лицо Айзнеру, а в горло – в то место, куда давным-давно вставлял трубочку, чтобы спасти ему жизнь.

Айзнер хрипел и отчаянно ловил ртом воздух. При следующей вспышке молнии Сабина увидела глубокие кровоточащие раны, которые оставил остро заточенный кастет на лице Айзнера.

– Спасибо, что вернулись, – выдавила она.

– Такой был уговор, – сказал Харди, словно это было нечто само собой разумеющееся.

– Но вы были уже снаружи...

– Чтобы проверить, как там Нора. – Он наклонился к Айзнеру и грубо вывернул у него из руки пистолет. – Она жива, у нее все в порядке. Этот подонок лишь разбил ей рукояткой затылок.

Рана в плече невыносимо пульсировала. Сабина попыталась приподняться.

– У меня в кармане наручники.

Харди нащупал их и вытащил. Вообще-то они предполагались для Харди, но теперь, вероятно, выполнят более важную задачу.

Харди повернул Айзнера на бок, грубо заломил ему руки за спину и защелкнул на запястьях наручники. Айзнер пытался освободиться и как бешеный вырывался. Но Харди приставил ему к голове глушитель пистолета, и Айзнер застыл в полудвижении.

– Не делайте глупостей! – предупредила его Сабина. – Айзнер арестован и является задержанным БКА, как и вы, – напомнила она Харди. – И я передам вас обоим местным органам.

– Да, можете не повторять это постоянно, – огрызнулся Харди. – Где остальные?

– Ломан мертв, а Тимбольдту осталось несколько минут, если он уже не захлебнулся собственной кровью. – Она сжала зубы и наконец поднялась.

– Куда вас задело?

– В плечо, я переживу. – Прижимая правую руку к телу и стараясь двигать ею как можно меньше, Сабина наклонилась к Айзнеру и проверила его карманы.

– У него нет другого оружия, – сказал Харди.

– Я ищу блокатор сотовой сети. – Она обнаружила прибор в кармане Айзнера и отключила сигнал. Затем набрала с телефона Снейдера, который все еще находился у нее, номер скорой помощи, назвала число раненых, адрес и свою фамилию.

В это время Харди продолжал целиться в своего бывшего коллегу.

– Кто водитель черной «Лады-Тайги»?

– О чем ты? – сдавленно прохрипел Айзнер, при этом его голос прозвучал так, словно вот рту не хватало нескольких зубов.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Он хотел сбить меня в гараже. В «Группе-6» есть седьмой член?

Сабина подняла глаза. «Седьмой?» Айзнер молчал.

– Как вы меня постоянно находили и преследовали?

– Харди, Харди... Ты такой наивный идиот.

– Отвечай! – прикрикнул на него Харди, целясь Айзнеру в грудь.

– Взгляни в свой бумажник.

– Что?

– В подкладке отделения для монет.

– Ты подсунул датчик в мой бумажник? – вырвалось у Харди. – Как ты добрался до моих личных вещей?

– В тюрьме, – ответила Сабина за Айзнера. – Полагаю, у него хорошие связи с Бютцовом.

Айзнер промолчал, и этого было достаточно.

Голос Харди зазвучал сурово:

– Значит, это ты подкупил майора Кислингера, чтобы тот спровоцировал меня, что стоило мне дополнительного срока. – Пистолет с длинным стволом завибрировал в его руке.

Между тем Сабина подняла свой «глок» с пола. Хотя на занятиях по стрельбе она всегда тренировалась стрелять с обеих рук, держать пистолет в левой руке казалось непривычно. Вообще-то ей следовало найти Снейдера, который наверняка нуждался в ее помощи, но она не могла оставить мужчин наедине.

– Харди, дайте мне пистолет, – потребовала она и протянула правую руку.

Харди медлил.

– Харди, не нужно крайностей! – предупредила она его.

В этот момент Сабина услышала хруст стекла под ногами. Она обернулась и в дверном проеме увидела силуэт женщины.

– Харди? – Женский голос прозвучал отчаянно и одновременно немного странно.

«Произношение, как у глухой», – подумала Сабина.

– Я здесь, – ответил Харди, но, вздохнув, замолчал. Очевидно, осознал, что она не могла его слышать.

– Харди? – крикнула она снова.

Вспыхнул карманный фонарик, который Нора, должно быть, нашла в минивэне Тимбольдта. Луч света ударил сначала в лицо Сабине, а затем переместился на Айзнера, который лежал на полу со связанными руками.

– Скажи этой шлюхе, чтобы светила в другое...

Айзнер не договорил, потому что Харди заставил его замолчать пинком под ребра.

Наконец луч света нашел Харди.

– Я же сказал тебе, чтобы ты ждала меня в машине! – крикнул он ей.

– Я просто хотела... – Нора умолкла и расплакалась.

– Все хорошо. Трое у блюдков готовы. – Он подошел к ней и обнял.

Она тоже обняла его. Видимо, Харди освободил ее от наручников, когда ходил к ней.

Луч карманного фонарика переместился на пол. Сабина взяла у Норы фонарик и направила себе в лицо, чтобы Нора могла видеть, что она говорит.

– Вы ранены?

– Нет.

– Кто вас похитил?

– Мужчина с желтыми зубами, – всхлипнула она. – Тим... Тимбольдт!

– А вот этот... – Нора освободилась из объятий Харди и указала на Айзнера. – Прежде чем схватить меня и вытащить из машины, он кричал на меня, и я прочитала по губам, что он говорил.

Когда Нора повернула голову в сторону, Сабина увидела, что волосы на затылке у нее в крови.

Голос Норы срывался.

– Тебя мне не жалко. Я лишу Харди всего, а тебя, глухая шлюха, сожгу как его жену и детей!

Харди повернулся к Айзнеру.

– Значит, это был ты, – произнес он.

Сабина посветила Харди в лицо.

– Не двигайся! – снова приказала она. – Мой пистолет направлен на вас. Дайте мне наконец ваше оружие! Последнее предупреждение!

– Стреляй же! – подстрекал его Айзнер.

Рука Харди больше не дрожала. Он крепко сжимал пистолет, продолжая целиться в Айзнера. Но тот не молчал, а говорил в порыве ярости.

– Да, Тимбольдт, Ломан, Хагена и я подожгли твой проклятый дом, если хочешь знать, – прошипел Айзнер. – Остальные были в курсе, что твоя семья находилась в доме, но не знали, что я связал их. Это я убил Лиззи. Хесса мы привлекли на свою сторону позже. Все-таки это был его отдел, и ему пришлось покрывать своих сотрудников.

Сабине стало ясно, что задумал Айзнер.

– Заткнитесь! – приказала она ему.

Но Айзнер проигнорировал ее.

– Я связал твою семью и запер в кладовке. Я! – закричал он. – Так что стреляй! Доведи до конца, потому что я точно не отправлюсь в тюрьму, как ты, ничтожество.

Сабина держала палец на спусковом крючке. Она была готова выстрелить в Харди, но интуиция подсказывала ей подождать еще несколько секунд и дать ему шанс.

– Не делай этого, – сзади послышался умоляющий голос Норы. Очевидно, она поняла, что происходит.

Харди не реагировал.

– Он хочет вас спровоцировать, – сказала Сабина.

– Я знаю. – Харди опустил руку.

Сабина с облегчением выдохнула.

– Тупой наивный козел! – орал Айзнер. – Ты даже не в состоянии отомстить убийце своих жены и детей! Они для тебя ничего не значили?

– Значили, – ответил Харди. – Но я ничего не значил для Лиззи. Иначе она бы не изменяла мне с тобой. А ты всего лишь использовал ее, как и всех остальных. – Он протянул Сабине пистолет. – В Бютцове ему понравится.

– Спасибо. – Сабина убрала оружие, и это движение вызвало адскую боль в плече. Она сделала два глубоких вдоха и затем по очереди осветила фонариком обоих мужчин. На мгновение взгляды Харди и Айзнера встретились. Исполненные ненависти и презрения друг к другу. Двое мужчин, которые были когда-то коллегами и из жадности и жажды мести уничтожили семьи друг друга.

Пока Харди находился в тюрьме, Айзнер все это время жил в доме, в котором были убиты его жена и нерожденный сын.

Двадцать лет!

Со всеми деньгами, которые он мог тратить лишь понемногу. Какая убогая жизнь! Но он сам в этом виноват.

– Харди, я должна вас снова арестовать, – сказала Сабина, и слова оставили неприятный привкус во рту. – Дайте мне кастет!

– Я так не думаю... – вдруг донесся голос из темного угла.

Сабина направила луч фонарика в сторону входа в бассейн.

За турникетом стоял Снейдер – или, по крайней мере, его жалкая копия.

– Простите? – Сабина положила фонарик на кассовую стойку, чтобы освободить хотя бы одну руку. Похоже, все начинало усложняться.

Свет отражался в стекле, и в помещении стало немного светлее. Снейдер, скрючившись, преодолел турникет. Одну руку он прижимал к ребрам, а из раны в плече текла кровь. Старый ржавый турникет жутко закрипел, и Снейдер, сморщившись от боли, сжал зубы.

– То, что я сейчас скажу вам, мы не должны обсуждать при Айзнере, – выдавил Снейдер. – Выведем его на улицу.

– Хорошо. – Сабина повернулась к Айзнеру. – Встаньте! – приказала она.

После того как Айзнер с трудом поднялся, они направились наружу.

Летняя гроза, длившаяся полчаса, уходила на юг. Дождь закончился, и с неба падали лишь отдельные капли. На горизонте иногда вздрагивала слабая молния. На парковке в огромных лужах валялись сломанные ветви. Было по-прежнему душно, и от асфальта поднимался пар.

Сабина приковала Айзнера наручниками к стеллажу в кузове минивэна Кржистофа – так, чтобы он не смог дотянуться руками ни до чего в машине. Айзнер бесился и оскорблял ее, но Сабина без комментариев заперла дверь. Затем подошла к минивэну Харди, где ее ждали Харди, Нора и Снейдер.

Нора достала из машины Тимбольдта свою переноску для кошки и поставила у ног. В ней сидела Твинки, очень неказистое создание. Она испуганно смотрела через решетку и жалобно мяукала. Очевидно, похитители Норы прихватили кошку, чтобы угрожать Норе, если она откажется сотрудничать.

Снейдер прислонился к минивэну, прерывисто дышал и недоверчиво косился на переноску.

– Я ненавижу кошек, – пробурчал он. – А это животное особенно уродливое.

Сабина проигнорировала комментарий и посмотрела на горизонт. Не было видно ни скорой помощи, ни машин БКА. Черные тучи над

ними расступились, показалась луна, и ее бледный свет отражался в лужах.

– Скажите мне теперь, с чем вы не согласны.

– Харди помог нам и спас нам жизнь. Без него...

– Возможно, – перебила она его, догадываясь, к чему клонит Снейдер.

– Отпустите Харди!

– Вы знаете, что я не могу этого сделать, – резко ответила она. – Он арестован.

– Он никого не убивал, и я ему верю.

Сабина сжала губы. Однажды она уже лжесвидетельствовала ради Снейдера и больше не хотела совершать подобного преступления.

– Нет! – решительно заявила она.

В это время Харди направился к водительской двери своего минивэна.

Сабина прицелились в него из пистолета.

– Стоять. Руки за голову, ноги на ширине плеч, лицом к машине!

Со стороны пустой улицы раздалась тихая сирена. Сабина взглянула туда и увидела голубые мигалки двух карет скорой помощи.

– Белочка, – настойчиво сказал Снейдер. – Иногда более нравственно не играть по правилам. Прислушайтесь к своей интуиции!

«Как ты, когда поддался эмоциям девять месяцев назад?»

Харди застыл на месте, потому что Сабина все еще целилась в него.

– Это решение тоже часть сделки, которую вы заключили с ван Нистельроем? – спросила она.

– Нет, и ван Нистельрой никогда об этом не узнает.

Она уставилась на Снейдера. Хотя он был тяжело ранен и с трудом держался на ногах, в лунном свете она увидела, что его лицо приняло здоровый цвет. Впервые за много дней. Сегодняшняя охота на убийц словно придала Снейдеру сил и энергии.

– Даже если Харди не преступил закон, он все равно является свидетелем по делу Рорбека, Хагены и Хесса, – сказала она. – К тому же в сумке почти два миллиона денег, заработанных на торговле наркотиками.

– Но он спас нам жизнь. Это не считается?

Сабина рассмеялась.

– Если бы не он, наши жизни и не подверглись бы опасности. К тому же без его вмешательства не погибла бы Диана Хесс, – напомнила она ему.

– Думаете, мне все равно? – возмутился Снейдер. – Но на совести шести сотрудников БКА смерть его жены и детей – а он отсидел за это двадцать лет. В Бютцове! Вы знаете, что это значит? Позвольте ему уйти хотя бы сейчас. Мы перед ним в долгу. – Он повернулся к Харди: – Мы оба квиты?

Харди кивнул:

– Да.

Снейдер протянул руку.

– Оружие!

Харди отдал ему кастет.

– Все равно я не могу отпустить вас! – крикнула Сабина. Ее руки дрожали, и она не знала, был ли это адреналиновый шок из-за ранения в плечо или нахлынувшие эмоции или сказывались сутки в плену без еды, воды и сна. Вероятно, все вместе.

– В результате всех актов мести и возмездия, которые начались двадцать лет назад, было пролито столько крови. Это должно наконец прекратиться, – продолжал уговаривать ее Снейдер. – Дайте Харди обрести покой – навсегда!

– Я не могу этого допустить, и вы это знаете, – возразила Сабина и покосилась на машины скорой помощи, которые мчались друг за другом к парковке.

– Да, я знаю, БКА вложило в вас много времени и денег, – сказал Снейдер. – И вы одна из лучших, кто всегда выполняет свои задания корректно и на сто процентов. Но не делите все на белое и черное. Между ними есть еще большая серая зона. Я бы его отпустил, но это ваше решение.

Сабина задумалась. Внутренний голос говорил ей, что Снейдер прав, но она не могла пересилить себя. «Только не еще одно противозаконное действие!»

– Какое бы решение вы ни приняли – я должен отдать вам еще кое-что, – сказал Харди. – Можно? – Медленно он полез в карман брюк и осторожно вытащил ключ, которым открыл свой минивэн.

Сабина пораженно уставилась на него.

– Но вы же отдали мне ключ.

Харди смущенно улыбнулся.

– Это был запасной ключ.

Сабина смотрела, как Харди открыл спортивную сумку на сиденье водителя и начал в ней рыться. «Он мог сбежать в любой момент, – подумала она. – Но все равно остался и вернулся в здание». Ее колени начали слабеть.

Харди протянул ей копии судебных документов с грифом «конфиденциально», в которых содержались все ложные свидетельские показания «Группы-б».

– С помощью этого вы доберетесь до прокурора, судьи и людей из службы ведомственного надзора, которые были причастны к делу.

Она взяла папку раненой рукой. И одновременно опустила другую руку с пистолетом. Тем временем машины скорой помощи добрались до парковки и уже мчались по лужам к ним.

Голубой свет мигалок бил Сабине в глаза. Она видела, как Нора забралась на пассажирское сиденье и поставила переноску с кошкой на колени, Харди тоже собирался сесть в минивэн.

– Куда вы поедете? – спросила Сабина.

– Нам нужно вернуться в Норину квартиру, чтобы забрать ее чемодан... а потом за границу.

– Об этом можете забыть, – сказала Сабина. – В квартире Норы уже работают криминалисты. Коллеги задержат вас и допросят.

Харди сел в машину.

– Тогда мы найдем другой путь. – Он собрался закрыть дверь, но Сабина остановила его:

– Подождите!

Она все еще держала в руке пистолет, но теперь убрала его в кобуру. Затем она сунула руку в задний карман, вытащила паспорт Норы и ветеринарный паспорт кошки и передала все Харди.

– Вам это понадобится, но ваш телефон я оставлю, потому что у БКА уже есть ваш номер.

– Спасибо.

– За что? – спросила она. – Этого разговора никогда не было.

Харди убрал паспорта в бардачок, достал упаковку пастилок, сунул одну себе в рот и протянул коробочку Сабине.

– Мятный леденец «Роки»?

– Нет, и проваливайте, наконец, отсюда! – Она захлопнула дверь и постучала по машине.

Харди завел двигатель и тронулся с места. Нора взглянула через боковое окно на Сабину и Снейдера. Одной рукой она гладила кошку в переноске. В глазах Норы блестели слезы.

Снейдер положил руку Сабине на плечо.

– Вы все правильно сделали, Белочка.

Сабина проводила взглядом минивэн «фольксваген».

– Надеюсь, я никогда об этом не пожалею.

Тут подъехали машины скорой помощи. Свет их фар осветил парковку и на долю секунды выхватил из темноты внедорожник, который прятался за деревьями.

«Раньше его там не было! Это же «Лада-Тайга»!

В следующий момент Сабина почувствовала, как у нее подогнулись колени и в глазах потемнело. Папка выскользнула у нее из руки, затем она потеряла сознание.

Сабина очнулась на кушетке в карете скорой помощи. Она смотрела на потолок, чувствовала запах дезинфицирующих средств и слышала бульканье жидкостей. В локтевом сгибе у нее торчала игла с канюлей, к которой была подсоединена трубка капельницы.

Краем глаза она видела свою разрезанную блузку. Санитар промыл Сабине рану на плече и сейчас накладывал тугую повязку.

Сабина подняла голову и посмотрела через открытую дверь на темную пустую парковку. Снейдер, вероятно, лежал в соседней карете скорой помощи, потому что Сабина видела, как мимо пробежал врач, и слышала, как там орудовали несколько санитаров.

– Не двигайтесь, – предупредил ее санитар. Сабина снова опустила голову на подушку.

– Как дела у моего коллеги?

– У голландца? – спросил молодой человек. – Доводит врача до белого каления.

Сабина улыбнулась. «Типичный Снейдер!»

– Он много умничает и всегда все знает лучше других.

– Нет, дело не в этом. Он хочет получить обратно свое личное оружие и покинуть машину скорой помощи, потому что там еще что-то...

Сабина насторожилась.

– Потому что там еще что-то?... – слабо повторила она.

– Да, по крайней мере, он так утверждает. Но я думаю, это из-за дипидолора, который врач ввел вам обоим. Вы чувствуете?

– Да. – Сабина заметила, как постепенно начинало действовать обезболивающее средство и ее чувства притуплялись. – Почему мы не едем? – прошептала она.

– Врач хочет еще взглянуть на вас, но в настоящий момент он в другой машине у вашего коллеги. Тот потерял много крови, и его состояние пытаются стабилизировать. – Санитар распрямился. – Все, готово!

– Мой коллега в сознании? – пробормотала Сабина.

– Недавно еще был.

– Спросите его, пожалуйста, что он имел в виду. Санитар колебался.

– Я должен оставаться с вами.

– Со мной все в порядке – а это важно.

– Хорошо, я попытаюсь. – Санитар перепроверил капельницу, затем накрыл Сабину одеялом и вышел из машины.

Сабина откинулась на подушку и снова уставилась вверх.

«Потому что там еще что-то...

Но что?

Да, верно, черная «Лада-Тайга». На парковке вдруг появилась эта машина, о которой все время говорил Харди.

Сабина вспомнила слова Снейдера. Смерть семьи Харди на совести шести сотрудников БКА. Но Харди упоминал возможного седьмого участника.

Проклятье! Их семеро!

Когда она попыталась приподняться, в машину вошел пожилой высокий лысый мужчина и закрыл за собой дверь.

– Снейдер? – пробормотала Сабина и опустила взгляд.

Мужчина повернулся к ней спиной и начал перебирать бумаги на узкой полке.

– Кто вы?

Мужчина проигнорировал вопрос, нашел на сиденье санитара судебные акты и сунул их себе под куртку.

– Помогите, – прохрипела Сабина.

Тут мужчина развернулся, зажал ей рот, а другой рукой повернул колесико капельницы так, что лекарство закапало быстрее, и Сабину еще больше стало клонить в сон.

– Помогите... – простонала она под его рукой и почувствовала, как силы покидают ее.

Ее глаза закатились вверх, а когда Сабина снова могла четко видеть, то заметила, как мужчина склонился над ней. Она чувствовала его несвежее дыхание и видела старческое худое обветренное лицо с мешками под глазами. Она в панике уставилась в глаза мужчины.

«Это лицо!»

В ее полубредовом состоянии лицо старика казалось Сабине очень знакомым. Неожиданно она вспомнила слова Айзнера: «Я из семьи полицейских; три поколения в уголовной полиции». Ее глаза

расширились, когда она вдруг увидела перед собой фотографию в гостинной Айзнера. Мужчина в кепке и синей полицейской форме!

– Вы отец Айзнера! – выдавила она из-под его ладони.

– Нас ты в тюрьму не упрячешь... – пробормотал он и усилил подачу обезболивающего. Затем убрал руку с ее рта.

Сабина жадно вдохнула воздух.

– Ваш сын вас использует...

– Ты ошибаешься, золотко. Пусть мой мальчик коррупционер, но кровь гуще воды. – Старик взял упаковку с инъекционной иглой и снял пленку. – У моей невестки не могло быть детей, и вдруг чудесным образом она беременеет. Но все равно в нашей семье не будет четвертого поколения полицейских. Мой внук пробыл в животе только четыре месяца и даже не успел родиться.

– И за это вы ненавидите Кржистофа, – сказала Сабина.

– Кржистофа? – с презрением повторил он, насадил иглу на большой шприц и втянул им воздух. – Он лишь исполнял указание.

И тут она поняла.

Все дело в Харди!

Тот свидетель, полицейский на пенсии, и мужчина в «Ладе-Тайге» – один и тот же человек.

– Это вы тот свидетель, который двадцать лет назад якобы видел, как Харди выходил из горящего дома, – прохрипела она. – Вы хотели отплатить Харди. На самом деле вы вовсе не умерли.

Она хотела приподняться, но старик вытянул жилистую руку и сильным движением прижал ее к кушетке.

– Шшшшш! – Он приложил ей палец к губам, едва не попав иглой в глаз.

– Да, я даже выступал главным свидетелем обвинения, мои данные были защищены.

– Как бывший полицейский, это вы сумели подстроить так, чтобы Харди остался в Бютцове дольше положенного срока!

– Ваши знания вам больше не помогут.

– Он отвернулся от нее, воткнул иглу в трубку капельницы и ввел воздух в жидкость. Воздушные пузырьки быстро устремились вниз к канюле, которая была зафиксирована пластырем на локтевом сгибе Сабины.

«Воздух попадет в твою вену – а когда пузырьки достигнут легких, тебя убьет воздушная эмболия».

Сабина хотела перевернуться и вырвать канюлю из вены, но старик Айзнер уперся ногой ей в руку и перенес на нее весь свой вес. Затем склонился над Сабиной и зажал ей обеими руками предплечья, почти полностью ее обездвигив. Сабина могла лишь дрыгать ногами, но на это у нее уже не было сил.

– Вам это не сойдет с рук, – прохрипела она, косясь на трубку, воздушные пузырьки в которой в любой момент могли достигнуть начала катетера.

– Судебные акты уже у меня, – хладнокровно заявил он.

– Ну и что, – прохрипела она. – Убив меня, вам еще придется заставить замолчать Снейдера.

– Снейдера? – Он презрительно улыбнулся. – Он отстранен от службы. Да и кто поверит наркоману, который уже предстал перед судом за убийство в состоянии аффекта?

– Помогите... – успела выкрикнуть Сабина.

Айзнер снова зажал ей рот ладонью. Теперь у нее оказалась свободной правая рука, но Сабина была такая вялая, что практически не могла пошевелиться. К тому же рана в плече пульсировала нестерпимой болью.

«Ты должна вырвать трубку!»

Но как? У нее не было оружия. Санитары забрали пистолет, а здесь ни ножниц, ни скальпеля, которым она могла бы воспользоваться.

«Это не так. У тебя есть оружие».

Воздушные пузырьки достигли начала катетера, и от паники у Сабины похолодела рука. Она со всей силы прикусила губу и ощутила вкус крови во рту. Боль привела ее в чувство.

Свободной рукой она полезла под одеялом в карман брюк и вытащила складной нож Харди, который забрала у Снейдера. Не успел старик понять, что происходит, как она выкинула лезвие и воткнула ему нож в бедро.

Старик с криком выпустил ее и повалился на пол, с грохотом опрокинув несколько контейнеров. Сабина поспешно отсоединила трубку от канюли. Воздух вышел из катетера, а из отверстия в локтевом сгибе тут же брызнула кровь.

Все еще крича, старик поднялся. Однако, уже не обращая внимания на нож в бедре, он хотел накинуться на Сабину. Она инстинктивно схватилась за шприц, который все еще торчал в трубке, и снизу воткнула ему иглу в горло.

Застыв, старик захрипел и удивленно закатил глаза.

Тут распахнулась дверь машины, и оба водителя и санитар заглянули внутрь. Они хладнокровно вытащили бушевавшего старика из машины и уложили на асфальт, а санитар занялся Сабиной и хотел снова подключить ее к капельнице.

– Спасибо, но обезболивающего мне уже достаточно... – невнятно пробормотала она: мешала опухшая губа.

В этот момент подъехали машины МЕК. Бронированные черные автомобили без мигалок выстроились на парковке в линию.

Прибывшие мужчины и женщины были в шлемах, бронежилетах и со щитами. Некоторые осматривали территорию, другие побежали к машинам, а оставшиеся заняли позицию вокруг здания бассейна, ожидая дальнейших приказов.

Санитар в ужасе поднял глаза.

– Что случилось?

– Уже ничего, – ответила Сабина. «Как раз вовремя», – язвительно подумала она.

Среди коллег находились Тина Мартинелли и Дирк ван Нистельрой. Оба были с оружием и в бронежилетах. Они быстро подбежали к машине скорой помощи, в которой лежала Сабина.

– Кто этот мужчина на земле? – крикнул Дирк ван Нистельрой, заглянув к ней в кузов.

– Отец Франка Айзнера. Его нужно...

– Задержать! – закричал ван Нистельрой и убрал пистолет в кобуру.

– Почему так долго? – спросила Сабина.

– Неужели я слышу критику? – упрекнул он ее.

– С чего вы взяли? Такого я бы себе не позволила. – Она на мгновение прикрыла глаза.

– Мы на какое-то время потеряли сотовый сигнал Томаса Хардковски и перекрыли территорию большей площади, – сказал в свое оправдание ван Нистельрой.

– Это датчик помех, блокирующий радиочастоты, – объяснила Сабина.

Тина стояла рядом с ван Нистельроем и озабоченно смотрела на нее. «Все в порядке?» – одними губами спросила она.

Сабина улыбнулась.

Ван Нистельрой взглянул на другую машину скорой помощи, в которой лежал Снейдер, затем снова на Сабину.

– А где Хардковски?

– В здании бассейна лежат трупы Ломана и Клауса Тимбольдта. Франк Айзнер арестован и находится вон в том красном минивэне.

Дирк ван Нистельрой выслушал эту информацию со стоическим спокойствием.

– А где Хардковски?

Сабина продохнула:

– Он от нас ушел.

Эпилог

Сабина стояла перед зданием суда и смотрела вверх по широкой лестнице, ведущей к входу. Был погожий августовский день, но ее немного знобило, потому что ветер дул вдоль тротуара и собирал первые опавшие листья в маленькие кучки.

Она только что получила эсэмэс:

«Как дела?»

Сабина быстро напечатала ответ:

«Спасибо, хорошо, скоро все закончится».

Сообщение было от Марка Крюгера, IT-специалиста из БКА.

«Ты обещала сходить со мной в кино», – напомнил он ей.

«Как насчет сегодня? Но только не на научную фантастику», – ответила она.

«О'кей, компромисс, пойдем на спецпоказ, посмотрим, что там», – предложил он.

«Хорошо, не могу больше писать», – быстро напечатала она и убрала телефон, потому что уже открылась дверь, и на мраморной лестнице появился Снейдер.

Как всегда, на нем были блестящие лакированные ботинки и черный дизайнерский костюм с галстуком. Лысина блестела, а черные бакенбарды до подбородка выбриты в ровную тонкую линию.

На Сабине тоже был элегантный костюм. Все-таки сегодня последнее слушание перед комиссией, которая занималась расследованием стрельбы в бассейне. А также третий день судебного заседания в заново поднятом деле Хардковски.

В отличие от Сабины Снейдер выздоровел не полностью: его рука все еще висела на повязке. «Как театрально!» Все-таки с тех событий в бассейне «Аквамарин» прошло уже два месяца.

Снейдер спустился по ступеням и встал рядом с ней.

– Как все прошло? – спросила она.

– Отлично. Франк Айзнер во всем признался. Таким образом, смерть семьи Хардковски и все актуальные убийства полностью раскрыты, – сообщил он ей. – Три коллеги из службы ведомственного надзора, прокурор, судья и майор из тюрьмы Бютцов, которые были причастны к делу, отстранены от службы, против них выдвинуты

обвинения. Судебный психолог, который проводил психологическую экспертизу и уже на пенсии, тоже с ними повязан. Все они находились в так называемом списке пожертвований Айзнера. Только отец помогал ему из преданности и ненависти к Харди. Таким образом, крысиное гнездо разорено, но после судебного процесса делу наверняка снова присвоят гриф конфиденциальности, чтобы избежать скандала в СМИ. Сомневаюсь, что хоть какая-то информация станет известна общественности.

– И каждый участник будет молчать в собственных интересах. – Сабина кивнула. Так и случится. Снейдер был прав, жизнь – это серая зона. И она уже смирилась с этим, хотя ей и не нравилось то, что она мельком увидела за кулисами.

Сабина подробно изучила документы следственного дела. Дитриху Хессу ввели в его загородном доме то же парализующее вещество, что и Сабине в доме Франка Айзнера, – но она выжила.

Коллеги из криминалистического отдела проанализировали следы пороха на одежде Рорбека. Как на одежде, так и на его коже были обнаружены остатки порохового заряда. Баллистики проанализировали пулевой канал и подтвердили, что пуля отскочила от металлического предмета, и таким образом Рорбек сам застрелил своего сына.

Однако кое-что выяснить уже не удастся: Тимбольдт ли усыпил снотворным свою жену и усадил ее в машину? Но Сабина была уверена, что именно так все и произошло. А вот Анна Хагена и Геральд Рорбек действительно покончили жизнь самоубийством без постороннего вмешательства.

Отца Франка Айзнера обвинили в даче ложных показаний двадцать лет назад и покушении на Сабину, а Франка Айзнера – в убийстве семьи Харди, Катарины Хагены, Дианы и Дитриха Хесс, а также в покушении на Кржистофа и Сабину. Таким образом, пожизненный срок в Бютцове был ему обеспечен.

– А что будет с Харди? – спросила Сабина.

Снейдер посмотрел вниз по улице.

– Он был бы важным свидетелем по делу, но его поиски прекращены. Они все равно его не нашли бы. Он работал в отделе БКА по борьбе с наркотиками, а в тюрьме научился еще паре хитростей. – Снейдер сунул руку в нагрудный карман пиджака и достал открытку, которую без комментариев передал Сабине.

– Из Уругвая? – удивилась она. – Договора с Германией о взаимной выдаче преступников нет, – заметила она, рассматривая морское побережье Монтевидео. Текст на обратной стороне состоял из одного лишь предложения:

«Купили асьенду и открыли школу для глухих, где Нора преподает язык жестов».

Сообщение было подписано закорючкой, которая походила на «Харди & Нора».

– Значит, я правильно поступила? – неуверенно спросила Сабина.

– Никогда не сомневайтесь в своих решениях, – сказал Снейдер.

В груди у нее растворился комок, который давил уже несколько недель и становился все больше. Впервые с той ночи в бассейне «Аквамарин» она могла свободно дышать. Даже если Харди не был невинной овечкой, возможно, в ту ночь она все же сделала что-то хорошее.

– Кстати, я узнал, что прокуратура сняла обвинение с трех водителей грузовиков, потому что Рорбек не случайно выехал на трассу против движения, а намеренно выключил фары и хотел покончить с собой в автоаварии.

– Правильное решение. – Сабина кивнула. – А вы что сейчас собираетесь делать?

Снейдер взглянул на наручные часы.

– Зайду в филиал «Гаитала» в центре города. Там молодая мать из Нюрнберга, которая, вероятно, закопала труп дочери в лесу, проводит презентацию своей книги. «Мою дочь похитили», – пренебрежительно сказал он. – Хочу это послушать.

– А, ваше последнее нераскрытое дело, – вспомнила Сабина. – А потом? Приобретете книги? – язвительно спросила она, потому что знала, что Снейдер любит воровать книги в этой книжной сети, которая обанкротила магазин его отца.

– Конечно, а вы как думали? Мне нужен подарок для Кржистофа. Сегодня ему в больнице удалят штифты и пластины из ног.

– Передавайте ему от меня привет. – Сабина познакомилась с жестким поляком со своеобразным чувством юмора в первый день судебного заседания.

– Передам. А потом навещу сына Дианы. Завтра мальчику исполняется шестнадцать, он живет у своей тетки. Он хотел бы больше

узнать о своем отце – а о нем можно рассказать кое-что хорошее.

– Кое-что хорошее? О Дитрихе Хессе? – удивилась Сабина.

Снейдер кивнул.

– Вы знаете мой девиз. De mortuis nil nisi bene – о мертвых или хорошо, или ничего.

Как непривычно странно! Она редко видела Снейдера таким миролюбивым. За последние дни должно было что-то произойти, о чем она не знала. Или Снейдер к старости превращается в сентиментального человека?

– Вообще-то я имела в виду, что вы вообще планируете, – уточнила она.

Снейдер посмотрел на нее, и на его лице появилась знаменитая ухмылка.

– Почему вы спрашиваете?

– Дирк ван Нистельрой уже несколько недель официально является новым президентом БКА. Вы знаете, что я с ним не очень лажу, – ответила Сабина. – Для меня сейчас подул холодный ветер.

– Я вам очень сочувствую, – с сарказмом ответил Снейдер.

«Да, именно такой едкий комментарий мне сейчас был нужен».

– После смерти Ломана, Тимбольдта, Рорбека, Хагены и Хесса в БКА не хватает сильных и значительных людей, – продолжила она. – Вы не хотите вернуться на службу?

Снейдер наклонил голову.

– С этим говнюком Дирком ван Нистельроем я лажу не лучше вас. Но все равно он восстановил меня на службе. – Он снял руку с повязки и полез в карман. Поврежденной рукой, которая отчего-то выглядела абсолютно здоровой, он вставил себе в зубы сигарету.

– Уже выздоровели? – заметила Сабина, ничуть не удивившись.

– Вы же знаете, как любезны члены комиссии с коллегами, которые получили ранения на службе. – Снейдер затянулся сигаретой и выпустил облако дыма со сладковатым запахом.

Да, она это знала. В нее ведь тоже стреляли.

– Я слышала, вы получили предложение от ван Нистельроя, – сказала Сабина, после того как Снейдер не ответил на ее предыдущий вопрос, – вернуться на службу в БКА в качестве профайлера и преподавателя.

Снейдер не отреагировал, просто смотрел на тлеющую сигарету.

Сабина не отставала:

– Вы примете это предложение?

Он щелчком бросил окурочок на землю и раздавил ботинком.

– Нет.

Без каких-либо комментариев развернулся и пошел прочь.

Кржистоф лежал в удобной одноместной палате с видом на центр Висбадена.

Снейдер открыл дверь и вошел в комнату.

– Медсестры сказали мне, что ты к ним постоянно пристаешь.

Кржистоф поднял глаза, отложил газету в сторону, приподнялся в кровати и поправил подушку, на которой лежали его ноги.

– Тебя это удивляет? Ты видел эту блондинку в обтягивающем платье?

– Я тебя умоляю, ей не больше восемнадцати.

– Двадцать один. А когда она красит губы – это же как будто снайпер чистит свою винтовку.

– Избавь меня от этого! – перебил его Снейдер, прежде чем Кржистоф успел углубиться в детали.

Кржистоф откинул седые волосы с лица.

– Что ты там принес?

Снейдер поставил на столик широкую коробку с DVD.

Кржистоф рассматривал порезы и вмятины в картоне, пожелтевшую наклейку ликвидированной видеотеки, которой уже много лет не существовало.

– Выглядит очень подержанно.

– Все новехонькое, из «Гаитала». У них там есть и DVD.

– Ты все еще воруешь, делая вид, что это твои старые вещи? – Качая головой, Кржистоф достал из коробки футляры с дисками. – «Доктор Куин, женщина-врач» – все сезоны в отреставрированном качестве! – удивленно воскликнул он.

– Чтобы тебе больше не приходилось смотреть пиратские копии на сотовом телефоне.

– Спасибо, – пробормотал Кржистоф и обеспокоенно взглянул на дверь. – Лучше убери поскорее в шкаф, пока медсестры не увидели, а то мой имидж полетит ко всем чертям.

Ухмыляясь, Снейдер поставил коробку на подоконник, где ее мог видеть каждый, а Кржистоф не дотянулся бы.

– Вот козел! – выругался тот.

– Ты и дальше собираешься работать поставщиком фармацевтических компаний? – сменил тему Снейдер.

– Наверное, а что?

– Просто так.

– А ты? – спросил Кржистоф. – Я слышал, БКА сделало тебе предложение. Ты вернешься?

Снейдер взглянул на газету. «Взрыв во время конференции ООН в Бонне» – гласил заголовок. «Похищение семьи дипломата» – стояло под фотографией.

Снейдер кивком указал на газету.

– Ты знаешь кого-нибудь, кроме меня, кто смог бы раскрыть это? Я нет.

– Значит, ты снова в игре?

– Посмотрим. – Снейдер подошел к окну, отодвинул занавеску и посмотрел на Висбаден. – Я сделал ван Нистельрою встречное предложение: хочу составить свою команду следователей.

– Ты и команда? – Кржистоф громко рассмеялся. – А другие в твоей команде уже в курсе?

– Нет, пока никто. Если ван Нистельрой согласится, они обо всем узнают. – Он краем глаза наблюдал за Кржистофом и как бы между прочим задал следующий вопрос: – Кстати, ты ладишь с Сабиной Немез?

Благодарность

За десятки потраченных часов и жаркие обсуждения по скайпу, телефону и во время многочисленных личных встреч я благодарю своих тестовых читателей, которые в очередной раз скрупулезно изучали со мной манускрипт: Хайдемари Грубер, Гюнтера Суду, Веронику Грагер, Габи Вильхальм, Романа Шляйфера, Роберта Фройхофера, Барбару Круссиг, Себастьяна Астера, Дагмар Керн, Лени Адам, Петера Хисса, Юргена Пихлера, Лотара Лёзера и моего редактора Веру Тиленхаус. Вы лучшие и знаете это.

Огромное спасибо команде издательства «Гольдманн» и моему литературному агенту Роману Хоке и его команде из литературного агентства AVA.

Я благодарю Карла Валлнера, который объездил на грузовике все автобаны Восточной Европы, Хуберта Карла из добровольной пожарной службы Грилленберга, Эриха Вайдингера, который работает со слабослышащими и глухими, Дагмар Керн за ее дополнительные занятия по огнестрельному оружию и Хайко Дитриха за идею наконец-то покончить с пополнением запасов табака Снейдера.

За ответы на психологические вопросы я благодарю психотерапевта магистра Уту Вебер-Грюнер из общества «Лихтблик», за медицинские консультации – Кая Мермана, Барбару Круссиг и доктора медицины Лотара Лёзера, анестезиолога и врача скорой помощи.

Также большое спасибо адвокату доктору Герде Малер-Хуттер и магистру Катарине Хаусман за консультации в области права и Альфреду Штубнеру из венской охранной фирмы ZEUS-Secur-Electronics за ответы на мои вопросы.

За подробнейшие объяснения и интересные идеи по содержанию романа я благодарю берлинского адвоката доктора Франка Хеллера, а за приглашение и экскурсию по тюрьме Хиртенберг в Нижней Австрии – майора Херберта Пустерхофера и окружного инспектора Вольфганга Лехнера.

Также посылаю свою благодарность в Германию, в Висбаден, главному комиссару уголовной полиции Габриэле Крафт из Главного управления полиции Западного Гессена, а также Флориану Груберу и

главному комиссару уголовной полиции Хансу Бушу из БКА в Висбадене.

Это было начало второй трилогии – и, разумеется, Сабина Немез и Мартен Снейдер... ой, простите... Мартен С. Снейдер еще не раз вернутся. Или как сформулировал бы Снейдер: «Вы можете сомневаться в чем угодно, только не во мне!»

notes

Примечания

1

«Лестница на небеса» (*англ.*), песня британской рок-группы Led Zeppelin.

2

Крупнейшая в Европе телекоммуникационная компания.

3

Пошел ты! (*ит.*)

4

Твою мать! (*ит.*)

5

Услуга за услугу (*лат.*).

6

Наковальня (*англ.*).

7

Мой господин Снейдер (*голл.*).

8

Господин (*голл.*).

9

Король дороги (*англ.*).

10

Сокращение от «Spurensicherung» (нем.), экспертно-криминалистическая служба.

11

Мобильная оперативная группа (*нем.*), формирование специального назначения.

Table of Contents

Андреас Грубер Смертельный хоровод

Пролог

Часть первая. Суицид. Среда, 1 июня

1

2

3. Четверг, 26 мая

4

5

6. Четверг, 26 мая

7

8

9

10. Пятница, 27 мая

11

12

43 года назад – день боли

Часть вторая. Группа-6. Четверг, 2 июня

13

14

15. Пятница, 27 мая

16

17

18. Суббота, 28 мая

19

20

21. Воскресенье, 29 мая

22

23

30 лет назад – день лжи

Часть третья. Акты Пятница, 3 июня

24

25

26. Понедельник, 30 мая

27

28

29. Понедельник, 30 мая

30

31

32. Понедельник, 30 мая

33

34

2 года назад – день ясности

Часть четвертая. Кржистов. Суббота, 4 июня – раннее утро

35

36

37. Вторник, 31 мая

38

39

40

41

42

43. Вторник, 31 мая

44

45

20 лет назад – день, в который все началось

Часть пятая. Харди. Суббота, 4 июня – вечер

46

47

48. Вторник, 31 мая

49

50

51. Вторник, 31 мая

52

53

54. Среда, 1 июня

55

56

20 лет назад – день, который их погубил

Часть шестая. Мужчина в «Ладе-Тайге». Суббота, 4 июня – ночь

57

58

59

60

61

62

63

Эпилог

Благодарность

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

